

Она была со мной вместе,

но ты не видел меня

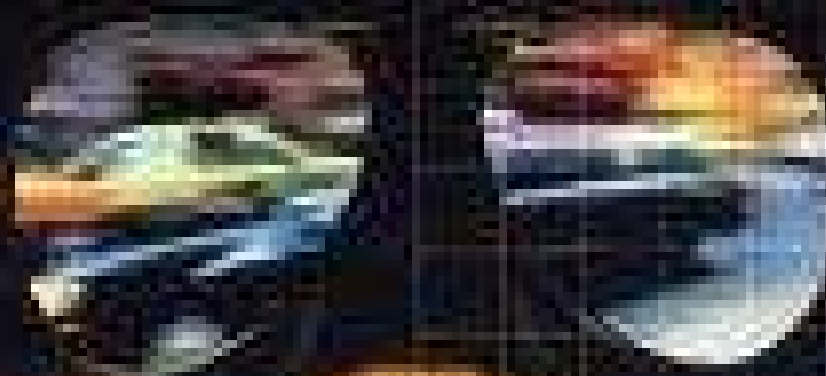
Суданский баронский домик

Монастырь-Бедошество

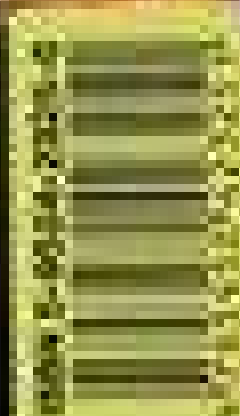
Глава II в журнале транзит

на мей на корабле-море

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

В П Е Р Е Д О В О

**МЕЧЕННЫЕ
ЗЛОМ**

Виталий Гладкий

Меченые злом

Глава 1

Он уже знал, что увидит...

Ему так часто приходилось смотреть в лицо смерти, что присущие обычному среднестатистическому человеку чувства сострадания и какой-то неосознанной вины перед погибшим прятались в твердую непроницаемую скорлупу профессиональной деловитости граничащей с цинизмом. Но сейчас он ощущал самую настоящую боль, которая сосредоточилась где-то под сердцем и вызывала пароксизмы ненависти к убийце.

– Проходи. Мы закончили... – Эксперт Сережа Горюнов виновато отвел глаза и принялся с сосредоточенным видом снимать тонкие резиновые перчатки.

Ему тоже был знаком человек, который лежал возле инвалидной коляски в луже потемневшей крови.

– Как?.. – спросил майор, не решаясь сделать первый шаг, чтобы пройти внутрь квартиры.

Эксперт понял недосказанное и хмуро ответил:

– Ножом... Одиннадцать колотых ран. Похоже, его пытали, Артем Саныч.

Пытали! Вздвогнув, словно наткнулся на ядовитый шип, майор до скрежета стиснул зубы и зашел в гостиную, где находились остальные члены дежурной оперативной группы: врач и старлей Сипягин – из молодых да ранних. Следователь – еще один непремный участник неприятного действия – как всегда, пас задних и теперь, похоже, добирался сюда на перекладных, по ходу придумывая убедительную версию своего опоздания.

– Но умер он, скорее всего, от удушья, – вступил в разговор врач, показав на пакет из тонкого прозрачного полиэтилена с прикрепленной к нему картонной биркой, обозначающей, что теперь упаковка от какого-то импортного барахла превратилась в вещдок – вещественное доказательство. – Колпак на голову – и все дела.

– Наркоманы поработали, – уверенно заявил Сипягин. – Забрались в квартиру, не зная, что хозяин сидит дома, и...

– И стали пытаться, чтобы выяснить, куда он спрятал бутылку кефира, – со злой иронией подхватил эксперт. – Чушь собачья! Здесь что-то другое.

Сипягин насмешливо фыркнул, но промолчал, заметив, какими глазами на него посмотрел майор. Опустив голову, старлей поторопился освободить дорогу. Артем наконец подошел к убитому вплотную.

Перед ним в неудобной позе лежал раздетый до пояса его старый друг Миша Завидонов.

Даже смерть не смогла стереть с его искаженного лица гримасу непримиримой ненависти.

Чего-чего, а мужества Мишке было не занимать. Пытки не сломили Завидонова; убийца (или убийцы) связал руки своей жертвы прочной бельевой веревкой, но и она поддалась – еще немного, и Михаил освободился бы. Наверное, ему очень хотелось забрать с собой на тот свет и своего мучителя.

Артем был уверен, что Завидонов разорвал бы убийцу на мелкие кусочки – сила в руках его друга была необычайная. Он запросто гнул пятаки и ломал подковы. Если бы у него были ноги, а не топорно сработанные протезы...

Завидонов стал калекой в первой чеченской войне, официально именуемой "наведением конституционного порядка". Артем невольно прикоснулся к своему левому боку, где находился рваный шрам длиной около двадцати сантиметров. Когда под колесами вездехода со стороны водителя взорвалась мина, он сидел рядом с Мишкой.

Но Завидонов располагался слева... Взрывом ему оторвало обе ноги, которые пришлось ампутировать до колен. Артем отделался контузией и художественной штопкой под руководством едва живого от усталости и бессонных ночей хирурга из военно-полевого госпиталя, который залатал столько дыр на его коже, что и не сосчитать.

"Кто и за что?" – думал Артем, глядя на окровавленный обрубок – все, что осталось от кряжистого богатыря, будто выкованного из цельного куска железа. Кто мог обмануть Мишку, усыпив его внимание, чтобы затем совсем обездвигить и в конечном итоге убить? Майор был абсолютно уверен, что его друг так просто убийце не дался бы. Кому помешал калека-пенсионер, подрабатывающий на городской площади вырезанием из черной бумаги человеческих профилей? Что хотел выпытать у Завидонова жестокий мерзавец, истыкавший ножом весь Мишкин торс?

Появились санитары с пластиковым мешком.

– Уносим? – деловито спросил один из них, старший, кивком указав на труп.

Его плоское неподвижное лицо было лишено всех эмоций, а серые невыразительные глаза смотрели безмятежно и сыто. Похоже, медбратья совсем недавно позавтракали: на Артема пахло луком и чем-то кислым.

Майор с отвращением отступил на шаг – и тут же устыдился своего нечаянного порыва: парни, так же как и он, всего лишь исполняли свои, отнюдь не легкие, обязанности и вовсе не обязаны были при виде покойника рвать на себе волосы от горя и исполнять роль плакальщиц.

Артем молча кивнул, и пока тело Завидонова укладывали в спецпакет, подошел к окну.

Внизу – квартира находилась на четвертом этаже – лился поток машин, а напротив, на противоположной стороне улицы, кичился шикарнейшей отделкой новый дом, построенный совсем недавно для тех, у кого "зелень" куры не клевали.

Майор невольно прикинул: хватит ли ему своих кровных до полочки? И сокрушенно вздохнул – как-нибудь дотянем... Не в деньгах счастье, попытался он утешить себя такой тривиальной мыслью, но момент вовсе не располагал к философскому восприятию мира, и Артем злобно процедил сквозь зубы грязное ругательство. Да пошло оно все!..

– Где жена и дети убитого? – спросил он Сипягина, который дешевой капиллярной авторучкой что-то царапал в потрепанном блокноте; выпендривался, пускал пыль в глаза, работничек хренов.

– Соседи говорят, что вчера после обеда уехали на дачу. Сегодня суббота...

Дача... Майор кисло покривился – была у собаки хата. Артему приходилось отдыхать на этой, с позволения сказать, даче – клочок земли в пять или шесть соток с крохотным дощатым домиком, продуваемым насквозь. Одним словом, "фазенда" в чисто российском варианте. Но этот участок исправно кормил по нынешним меркам немалую семью Завидонова – жену, двух детей и тещу.

– Давай сюда жильцов, – приказал майор Сипягину. – Остальные могут быть свободны.

Николай Викторович! – обратился он к врачу. – Мне нужно ваше заключение как можно скорее.

– Нет проблем. Вскрытие проведу, как только доберусь в свою конуру.

Врач ушел. За ним последовал и эксперт. Артем остался один. Он тупо смотрел на то место, где несколько минут назад лежал Миша Завидонов. Теперь там белел начертанный мелом контур чего-то, совсем не похожего на человеческое тело.

Проклятая война! И будь прокляты те, кто ее затеял! Сколько горя...

Сипягин впустил в квартиру первого из тех, кого нужно было опросить. Им оказался тщедушный мужичок с нестандартной фамилией – Вазяев. Несмотря на раннее время, от него уже несло сивухой.

– Ик! – икнул Вазяев и стыдливо прикрыл рот ладонью. – Извиняюсь...

– Присаживайтесь, – сухо сказал майор, указав на табурет.

Артем решил расположиться на кухне. В самой квартире видимо что-то искали, так как мелкие вещицы и одежда из шифоньера валялись на полу, все ящики комода были выдвинуты, а обивку мягкой мебели располосовали очень острым ножом или опасной бритвой. В кладовке, где хранилась всякая всячина, были разгромлены все полки.

Лишь кухню этот набег зацепил самую малость – производившие обыск разбили всего две чашки, бокал и тарелку. Кухня была достаточно просторна, уютна и поражала стерильной чистотой. На столе в плоской керамической вазочке стояли засушенные и затейливо скомпонованные цветы и ветки – Маняша, жена Завидонова, слыла мастером в искусстве икебаны и даже принимала участие в солидных выставках. -... Ничего не видел. Не-а, – мотал головой Вазяев.

– Но вы ведь сами говорили, что просидели в сквере допоздна. А ваш подъезд находится буквально в двух шагах от сквера, хорошо освещен и виден оттуда как на ладони.

– Это было... – Вазяев мечтательно вздохнул. – Сидели. Маркович угощал. У него сын – большой человек. На "мерсе" катается.

– Подумайте. Прошу вас, – едва не взмолился майор. – Завидонов был убит, если верить экспертам, поздним вечером.

– Ну... ходили люди... – не очень уверенно сказал Вазяев.

"Сейчас начнет фантазировать...", – с тоской подумал Артем. И попробуй потом откопать крупицу правды из-под груды лжи. Лжи чаще всего невольной, высказанной из лучших побуждений. И от этого очень опасной. Особенно если придуманные свидетелем факты без сучка и задоринки укладываются в обойму версии преступления, отрабатываемой сыщиками.

– Продолжайте, – сдержав эмоции, подбодрил своего визави майор.

– Немного... – Вазяев морщил лоб, изображая усиленный мыслительный процесс. – Вечером, после девяти, людей на улицах раз, два – и обчелся. В основном молодежь...

– Ну-ну! – Артем, поколебавшись, достал сигареты и зажигалку.

Он знал, что домочадцы Завидонова даже на нюх не переносили табачного дыма. Михаил не курил, хотя в полевых условиях, во время командировок в Чечню, все же изредка баловался трубкой.

– Дети... – Вазяев наморщил лоб. – Вспомнил! Да, точно. В подъезд зашли дети. Странно...

– Он недоуменно пожал плечами.

– Что тут странного?

– Это было где-то около десяти. А если точнее, без двадцати десять.

– Откуда такая точность?

– Кгм... – Вазяев замялся. – В общем, это... То есть...

– Смелее! – повысил голос Артем, которого совсем достал сивушный запах, витавший на кухне. – Говорите, у нас не так много времени. – Он решительно встал и распахнул окно.

– Понимаете, у нас осталась только закуска... Маркович, знаете ли, не рассчитал. А мой знакомый работает в магазине... здесь, неподалеку, за углом. Грузчиком работает, – уточнил Вазяев. – У него можно купить водку подешевле. Магазин закрывается в десять, я посмотрел на часы...

– И заметили детей, которые заходили в подъезд, – саркастически покривился Артем.

– Вы мне не верите? – обиделся Вазяев.

– Верю, верю, – поспешил успокоить его майор. – Дети так дети. Зашли в подъезд – и ладно.

– Это были чужие дети. И без взрослых.

– Чужие?

– Ну. Это меня удивило.

– Да, ситуация и впрямь нестандартная. – Артем уже смеялся вполне откровенно – увы, Вазяев, как и следовало ожидать, оказался пустышкой. – Дети у нас действительно большая редкость. Особенно в ночное время. – Ему припомнилась гнусная ночлежка в районе вокзала, доверху набитая грязными бездомными пацанами-бродягами. – Ладно, на этом закончим. Вы свободны. До свидания. Следующий!

Выглядывающий из-за двери Сипягин проводил Вазяева и вскоре перед майором сидела еще одна соседка Завидонова по площадке, старуха, которую звали Таисия Павловна.

"Язва, ей-ей. Определенно – язва", – сразу же обозначил ее социальный статус Артем. –... Ходили к нему многие. – В ее голосе звучало явное осуждение. – Здоровые такие лбы.

Сядут на кухне и гутарят, гутарят... До поздней ночи. Водку пили...

Майор досадливо поморщился. Он и сам знал, что к Завидонову время от времени приходили бывшие коллеги. Мишку любили и не забывали. И помогали ему и его семье, чем могли.

– А вчера к Завидоновым кто-нибудь приходил? – спросил он напрямик, тем самым прервав излияния Таисии Павловны на полуслове.

Она посмотрела на него осуждающим взглядом, пожевала беззвучно сухими блеклыми губами и нехотя ответила:

– Понятное дело... У них всегда проходной двор.

Старуха умолкла, опустила глаза и стала с недовольным видом тереть ладонью по идеально чистому кухонному столу – будто заметила там пятнышко.

– И все-таки: кто вчера вечером навещал Завидонова? – сухо и жестко спросил майор. – Меня интересует период с восьми до полуночи.

– Я на часы не смотрю. – Старуха замкнулась, всем своим видом давая понять Артему, чтобы он не рассчитывал на откровенность.

– Таисия Павловна, я вас очень прошу – вспомните. Убийца не должен остаться безнаказанным. Я его достану из-под земли!

Наверное, последние слова майора затронули в душе старухи какие-то струнки и она, сокрушенно вздохнув, заговорила вновь:

– Я рано ложусь спать...

– Пожалуйста!..

– А никого не было. Точно говорю. Разве что... – Таисия Павловна на мгновение задумалась, но потом отрицательно покачала седой головой. – Нет, они тут ни при чем.

– О ком вы?

– Попрошайки...

– По квартирам ходили попрошайки? – догадался Артем.

– Дети... – Старуха горестно вздохнула. – Бедняжки...

– В котором часу это было? – спросил майор, вспомнив показания Вазяева.

– В аккурат после кино. Фильм был хороший, этот... "Ворошиловский стрелок".

– А поточнее можно?

– Не помню. Посмотрите программу.

– Минуту... Сипягин! Найди телепрограмму. Посмотри на телевизоре. Там должна лежать газета.

Дети... Попрошайки. Ну и что? Мало ли их слоняется по домам. И чаще всего вечерами, когда народ возвращается с работы. Ничего необычного, из ряда вон выходящего.

Ничего? М-да...

– Вот... – Старлей принес изрядно потертую газетенку.

– Ну-ка... – Артем нашел нужную страницу. – Телесериал... Вести... Ага, есть.

"Ворошиловский стрелок", начало двадцать пятьдесят. Понятно.

Ни фигу не понятно, подумал он про себя. Да, Вазяев оказался прав. Время совпадает, а дети и впрямь были чужими. И бродили вечером по улицам без сопровождения взрослых.

Все сходится. Сходится? Черт возьми! Как бы не так.

– Они и вас потревожили? – Артем спросил лишь бы что-то сказать.

Как и Вазяев, старуха оказалась пустым номером; нужно было приглашать следующих.

– Нет. – Слезящиеся глаза Таисии Павловны вдруг затвердели, покрылись тонким льдом. – Ко мне попрошайки не ходят.

– Почему так? – не мог не заинтересоваться майор такой разительной метаморфозой.

Старуха независимо пожала плечами и промолчала.

– А все же? – продолжал допытываться Артем – Я не подаю, – отрубил Таисия Павловна. – Все они проходимцы.

Вот те раз! Выверты человеческой психики. Жалость и жестокость в одной упряжке.

– Ну почему все? Многие из них стали бездомными попрошайками вовсе не по своей воле.

– А вы газеты читаете?

Вопрос на засыпку, с неприязнью подумал майор. Не хватало еще дискуссии устроить на какую-нибудь злободневную тему.

– Иногда, – уклончиво ответил Артем.

Он не очень жаловал прессу. За последние годы газет расплодилось столько, что впору было запутаться. Но почти все они казались ему близнецами: одни и те же избитые темы, оголтелое беспардонное вранье, высосанные из пальца сенсации, густо приправленные сексом, и неперемные кроссворды, большей частью неумные и непрофессионально сработанные – для бездельников.

– Попрошайками управляет мафия. Цыгане и прочие.

– Не везде и не всегда. И вовсе не мафия, а кучка подонков. Но чаще всего дети и впрямь голодны... – Заметив, что Таисия Павловна недовольно поджала губы, он не стал влезать в высокие материи и уточнил: – Значит, к вам эти попрошайки не наведались?

– Нет.

– Вы их только слышали или видели?

Старуха заколебалась, но, заметив насмешливый взгляд майора, сухо буркнула:

– Видела.

А то как же, подумал Артем. Чай, от дверного глазка не отходишь целые сутки... старая гримза. Подъездный летописец. Впрочем, такие кадры для угрозыска – золотое дно.

– Вам они знакомые?

Ему было известно, что организованные попрошайки разбили город на районы, как дети лейтенанта Шмидта из "Золотого тельца" Ильфа и Петрова. Более сильные группировки захватили прибыльные вокзалы, рынки и церкви, а разной мелюзге достались спальные

районы, где пожить было очень трудно – напуганные мафиозными разборками обыватели боялись открывать двери даже официальным представителям власти, особенно в вечернее время.

– Еще чего! – фыркнула Таисия Павловна. – Мне таких знакомых только и не хватало.

– Я имею ввиду, что, возможно, вам уже приходилось их встречать.

– Никогда.

– Какого они возраста?

– Не старше двенадцати лет.

– Сколько их было?

– Трое. Два мальчика. И девочка. Знаете... – Старуха наморщила лоб и с силой потерла виски – наверное, чтобы согреть стылые мысли. – Они были какими-то не такими...

– То есть?

– Ну, чистыми... Обычно попрошайки носят всякое рванье, а эти были одеты вполне, я бы сказала, прилично.

– Завидонов открывал им дверь?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Я ушла на кухню пить чай.

Понятно. Ушла на кухню, закрыв дверь в прихожую поплотней, чтобы звонок не слышать.

Раздражает, понимаете ли. На нервы действует. Ах, как жаль бедных бездомных детей...

Ути-пути...

Таисия Павловна ушла, гордо и независимо держа сухую аккуратную голову. Ни дать, ни взять, аристократка в седьмом колене. Интересно, кем она работала до пенсии? Неужто несла "светлое и возвышенное" в массы? Бывший политработник или агитатор, решил Артем, и дал отмашку Сипягину – продолжаем, следующий.

А в голове безжалостно и больно вращался буравчик, вгрызаясь в мозги: что он скажет Маняше, жене Мишки, которую вскоре должны были привезти домой своим транспортом парни из ОМОНа? Какими словами ее можно утешить?

Артем чувствовал себя так скверно, как никогда прежде.

Глава 2

Независимо сплевывая и засунув в руки в карманы брюк, Леха Саюшкин шагал по аллее парка с видом человека, которому некуда спешить. Вечер выдался теплым и тихим. Ветер поменял направление и теперь неприятные запахи расположенного в черте города химзавода относилось за околицу – туда, где раскинулись яблоневые сады бывшего совхоза, а ныне какого-то частно-кооперативного уродца, рожденного на заре демократизации.

Потому воздух в парке был прозрачен и чист.

Саюшкин был вор и имел весьма специфическую воровскую "специальность". Он "работал" по животным, а точнее – крал собак. Несмотря на малую доходность такого "бизнеса", Леха временами жил кучеряво.

Немногие обыватели знали, что никчемная лохматая шавочка, уродливое, искусственно выведенное, создание, почти не похожее на собаку, может стоить даже не сотни, а тысячи долларов. Далеко не бедные владельцы таких генетических чудовищ готовы были выложить за своих пропавших любимцев тому, кто их вернет, большие деньги, иногда ненамного меньше рыночной стоимости экзотических и очень редких четвероногих.

Правда, с такими чокнутыми вор не связывался: в случае прокола, они могли запросто отправить его вперед ногами. А уж возможностей у этих нуворишей размазать Леху по полу вполне хватало. Притом чужими руками и за гораздо меньшую цену, нежели стоил их воистину золотой песик.

И Саюшкин возвращал. Хотя чаще всего работал по заявкам. Это когда некое неизвестное, но богатое, лицо заказывало чудо-песика по сходной цене. Вот и этим теплым вечером Леха вышел на охоту. Его целью был крохотный, но злой гаденыш какой-то уникальной породы, название которой даже выговорить было трудно.

В злобности своего "объекта" Саюшкин уже успел убедиться – два дня назад микроскопическая псина, походя, тянула его за ногу, будто чувствуя в нем будущего обидчика. Укус болел до сих пор, и Леха, наблюдая за резвящимся на парковом газоне кобельком, с мстительной радостью представлял, что он с ним сделает, когда пес попадет в его мешок.

Впрочем, это был всего лишь минутный порыв. Саюшкин просто не мог нанести вред четвероногому другу человека. Он любил собак, и они почти всегда отвечали ему взаимностью. Леха умел найти общий язык, образно выражаясь, практически с любым псом, даже самым злобным, который и хозяев особо не праздновал. Была у Саюшкина какая-то внутренняя сила, заставляющая собак подчиняться ему почти моментально. Он был уверен, что укусивший его песик уже сожалеет о содеянном. Наверное, в тот момент на маленького уродца что-то нашло. Леха знал, что собаки подвержены сменам настроения точно как люди. Разве можно их за это винить?

Сегодня пса прогуливала сама хозяйка. Такой поворот дела вполне устраивал Саюшкина.

Он следил за "объектом" уже больше недели, и все это время элитного уродца сопровождала служанка, женщина лет сорока.

Леха просто пожалел ее. Он представлял, какой поднимется шум и гвалт, когда хозяин песика узнает о его пропаже. И тогда бедной женщине точно несдобровать. Хозяин может заставить ее заплатить за пса. А он стоит бешеных денег. Не меньше, чем однокомнатная квартира. Как бы не пришлось служанке из-за этого уродца пойти по миру.

Знакомые воры считали Саюшкина чересчур мягкосердечным. Он этого и не отрицал.

Наверное, ему мешали образование и начитанность. В свое время Леха учился в институте, из которого был отчислен за непосещение занятий, а книги до сих пор читал запоем.

Наконец наступил долгожданный момент. Дама, прогуливающая пса, отвлеклась на беседу с такой же расфуфыренной, как и она, кралей, хозяйкой болонки, и четвероногий уродец, предоставленный самому себе, тут же начал исследовать заросли сирени.

Саюшкин мгновенно очутился неподалеку, достал из кармана свое "ноу хау", – смесь различных мясных продуктов, сдобренных специальными ароматическими веществами, – и,

быстро раскинув на траве тонкую, но прочную сетку, обрамленную стальной проволокой с пружинками, положил в центре ловушки приманку.

Песик среагировал, как и должно – сразу же бросился на аппетитный запах. Леха уже знал, что его "изобретение" действует наверняка даже на самых неподкупных и обученных не брать еду из чужих рук собак. Он лишь довольно ухмыльнулся, увидев с какой жадностью элитный уродец пожирает мясную смесь, и резко дернул за шнур, который приводил в движение пружинные дуги.

Ловушка захлопнулась, и пес, не успев даже сообразить, что очутился в неволе, оказался в руках Саюшкина. Сноровисто обмотав ему морду скотчем – чтобы не залаял – Леха положил свою добычу в сумку, перекинул ее через плечо, и, держась вне поля зрения хозяйки элитного пса, быстро пошел прочь.

Он направлялся не к центральному входу в парк, где его могли заметить празднующие обыватели и владельцы собак, а в противоположную сторону. Там находился неухоженный участок, больше похожий на лес, по которому проложили асфальтированные аллеи. В этой стороне были и всегда открытые ворота; вернее, не открытые, а сорванные с петель.

По замыслу строителей парка этот въезд предназначался для хозяйственных нужд. Тут же в свое время построили и склады, от которых остались одни стены. Теперь в эту часть парка забредали лишь самые отчаянные смельчаки или подростки, устраивающие импровизированные пикники с вином и наркотиками.

Человек в камуфляже попался ему на глаза совершенно случайно. Остановившись, чтобы справить малую нужду, Леха невнимательным взглядом окинул окрестности – и едва не обмочил штаны: буквально в десяти шагах от него, за толстым древесным стволом, притаился снайпер, прикипший к окуляру оптического прицела!

Саюшкин как стоял, так и рухнул на землю, прямо в свою же лужу. Уж кем-кем, а дураком он точно не был и сразу понял, что попал в смертельно опасный переплет. Парк всегда пользовался дурной славой, а в особенности стал "знаменит" во времена сплошной "демократизации" страны. Здесь часто проходили разборки местной братвы, которые не обходились и без стрельбы.

Похоже, и сейчас намечалось нечто подобное. Леха даже в мыслях не держал, что попал на учения ОМОНа или другой государственной спецслужбы. Впрочем, и в таком случае его присутствие в центре событий могло в лучшем случае закончиться поломанными ребрами, а в худшем... Об этом Саюшкин даже боялся подумать. Уж он-то знал не понаслышке, чем заканчиваются "интимные" встречи со стражами правопорядка...

Леха начал медленно отползать назад. И тут же притормозил, в отчаянии прикусив до крови нижнюю губу – еще одна невыразительная фигура в маскировочных одеждах мелькнула среди зарослей, отрезая ему дорогу к центральной части парка.

Мне крышка! – подумал он с душевным трепетом. Может, встать на ровные ноги и дать деру, надеясь на авось? Саюшкин – такая уж была у него "профессия" – мог дать фору любому спринтеру. Но сегодня был не тот случай – пуля гораздо быстрее самого шустрого бегуна.

Что делать, что делать!? И совсем отчаявшийся Леха решил продолжить свой путь к сломанным воротам. Правда, теперь он забирал влево, где в бетонном заборе, огораживающем парк, был пролом. Но передвигался Саюшкин ползком, двигаясь со скоростью старой черепахи. Можно было, конечно, затаиться в кустах и подождать развития событий, однако ужас, который он испытал при виде снайпера, заставил его убраться подальше от столь опасного соседства.

Перепуганный до умопомрачения Саюшкин, напрочь растерявший сообразительность и присущую ему воровскую хитрость, вывалился из кустов на открытое место прямо под колеса легковушки. Машина была спрятана на боковой аллее, которая выходила на открытое место, где раньше находилась большая круглая клумба. Теперь о ее существовании напоминал лишь газон с чахлой травой. Леха, окаменев от неожиданности и страха, так и застыл в неудобной позе возле машины, оказавшейся подержанным "фольксвагеном".

А закаменеть и впрямь было от чего. В центре открытого пространства стояли парни вполне определенного типа – здоровенные, коротко стриженные "быки" в просторной, не стесняющей движения одежде. Они образовали две шеренги, между которыми о чем-то беседовали двое мужчин.

Видимо, ситуация этих переговоров была очень напряженной, потому что никто и не взглянул в сторону Саюшкина, хотя от "фольксвагена" до клумбы, возле которой стояли парни, насчитывалось не более двадцати метров. Правда, Леха, несмотря на испуг, пробирался сквозь заросли очень тихо, как следопыт.

Саюшкин лежал возле машины, боясь шевельнуться. Ему казалось, что все на него смотрят, а потому мысленно попрощался с белым светом. Непроизвольные слезы вдруг брызнули из глаз вора, и мнительный Леха, уткнувшись лицом в щербатый асфальт, беззвучно заплакал, представив, как пули рвут его тело и как хлещет кровь из ран.

Хорошо зная нравы городской братвы, он вовсе не надеялся выбраться из этой передраги живым.

Тем временем переговоры закончились. От каждой из сторон отделилось по человеку; первый пошел к "девятке", стоявшей в начале главной аллеи, охватывающей клумбу как два рукава реки островок, а второй направился к машине, под которой затаился Саюшкин.

Лехе, совсем обезумевшему от животного ужаса, показалось, что он уже умер.

Но парень открыл дверку "фольксвагена" с другой стороны, взял с сидения небольшой чемодан и вернулся в круг, где его уже ждал первый с "дипломатом" в руках. Подняв голову, Саюшкин увидел как они, предварительно ознакомившись с содержимым, обменялись своими кейсами, и сразу же обе группы стали расходиться.

И тут раздались странные и частые щелчки – словно где-то неподалеку начали тихо лопаться воздушные шарики. Несколько человек упало, затем кто-то дико вскрикнул – видимо, раненный, от боли – и вслед за этим обе компании начали беспорядочную стрельбу с пистолетов.

Обомлевший Саюшкин увидел, что к "фольксвагену" заячьим скоком бежит парень с чемоданчиком в руках. На какое-то мгновение их взгляды встретились и Лехе показалось, что бык испугался больше, чем он. Парень открыл рот, намереваясь что-то сказать или крикнуть. Но тут пуля снесла ему полчерепа, и он упал прямо на Саюшкина, придавив вора своим массивным телом.

Стрельба затихла так же внезапно, как и началась. Завершающим аккордом этой кровавой вакханалии стал взрыв гранаты; по "фольксвагену" ударил град осколков – и наступила мертвая тишина.

Едва не задохнувшийся Леха наконец сбросил с себя неимоверно тяжелое тело мертвого парня и осмотрелся, не вставая с земли. Вокруг клумбы лежали убитые, а "девятку" заволкло черным дымом, сквозь который пробивались оранжевые языки пламени.

Сейчас рванет, подумал Саюшкин – огонь подбирался к бензобаку. И только теперь он

почувствовал, как ожили его окостеневшие ноги, и кровь с бешеной скоростью хлынула по жилам, словно где-то внутри прорвалась плотина.

Бежать!!! Немедленно бежать! Куда угодно, лишь бы подальше от этого страшного места.

Уже подхватываясь на ноги, Леха краем глаза заметил чемоданчик, который мертвец так и не выпустил из рук. Воровской инстинкт сработал помимо воли. Разжав пальцы убитого, Саюшкин поднял кейс, оказавшийся очень тяжелым, и рванул, пригибаясь, к заветному пролому в заборе...

Опомнился он только на берегу пруда, примыкающему к парковой зоне. Забившись в кусты, Леха отдышался, опасливо прислушиваясь и всматриваясь в сгущающиеся сумерки. Но вокруг царила умиротворенная тишина, нарушаемая лишь порывами ветра, срывающего с деревьев уже начавшую желтеть листву.

Саюшкин понимал, что нужно убираться как можно скорее и подальше от места разборки, – вот-вот в парк должна была пожаловать милиция, которая немедля начнет прочесывать окрестности, – но бес любопытства так и шпынял под ребра, когда взгляд вора останавливался на своей ноше.

Интересно, что там внутри? Вдруг чемоданчик набит под завязку "зеленью"? Вес у него был весьма солидный. Неужто сбылась его детская мечта?! От этой мысли Лехе сразу стало до дрожи зябко, несмотря на пот, заливающий глаза.

Саюшкин вырос в семье, где лишняя копейка и не ночевала. Уже в двенадцать лет, когда Леха окончательно понял, что люди делятся не по национальностям и цвету кожи, а на бедных и богатых, и проникся пролетарской ненавистью к последним, ему начал сниться один и тот же сон – с небольшими вариациями.

Будто он идет по своей окраине и находит саквояж, набитый деньгами. Сначала это были советские рубли, а затем, после перестройки, и баксы. Иногда саквояж трансформировался в чемодан или просто пакет, но всегда купюры начинали расползаться, как муравьи, едва он открывал найденный баул. Саюшкин гонялся за ними по-собачьи, на четвереньках, хватал и запихивал за пазуху, однако деньги тут же превращались в труху, и сонный Леха просыпался в слезах и с томлением в груди.

Неужели сбылось!? Саюшкин помотал головой, словно пытаясь прогнать наваждение. Вот он сейчас проснется и... Леха зажмурился, а затем снова посмотрел на свою добычу. Нет, все верно, чемоданчик на месте. Закрытый. И если судить по весу, набитый под завязку.

Чем!? Деньги тоже очень тяжелые, если их много...

А может не нужно его открывать вообще и выбросить к чертям собачьим? Саюшкин в полной мере отдавал себе отчет в том, чем может закончиться этот нечаянный воровской порыв. С братвой шутки плохи. Зароют в землю по макушку – и все дела. Во всем этом происшествии его успокаивал лишь один, очень важный момент, – Леху никто не видел. А раз так, то поди докажи, что он замешан в похищении чемоданчика.

Не выдержав внутренней борьбы с самим собой, Саюшкин махнул рукой на все свои страхи и сомнения, и с трепетом открыл замки.

Увиденное сразило его наповал. Внутри чемоданчика, плотно прижавшись друг к другу, лежали пухлые прозрачные пакеты, наполненные белым порошком. Много пакетов. Еще не попробовав на зуб, что это такое, Саюшкин уже знал, как оно называется.

Разорвав один из пакетов, он слизнул языком несколько мелких крупинок – и почувствовал

приступ совершенно дикой, неуправляемой эйфории. Героин!!! Да, да, да!!!

Героин чистейший, высшего качества. И безумно дорогой. Уж Леха точно знал, что за продукт ему попался.

В конце девяностых, когда его воровской промысел начал приносить большие прибыли, Саюшкин какое-то время баловался наркотиками, предпочитая всем остальным героин.

Наверное, из-за фанфаронства – кто-то из приятелей сказал, что американские знаменитости, все эти мультимиллионеры и кинозвезды, потребляют именно этот наркотик.

Позже он узнал, что его обманули – в Америке на "почетном" месте стоял кокаин.

Возможно, и в тот раз ему навешали лапшу на уши. Но вору-наркоману уже было все равно.

К счастью, Леха сумел вовремя остановиться. Он до сих пор не знает, что на него так подействовало. Может, причиной его решения стала смерть приятеля от чересчур большой дозы какой-то самопальной гадости, а возможно научно-популярная кинолента о наркоманах, похожая на фильм ужасов.

С большими трудами, собрав всю свою волю в кулак и подлечившись в клинике, он вернулся от заграничного кайфа к своему, чисто русскому – хорошей водке. Иначе его просто не поняли бы "коллеги", знакомые вору, относившиеся к наркотикам с большим неодобрением. И вовсе не по моральным соображениям.

Наркоманы устраивали настоящий беспредел. Чтобы добыть денег на очередную дозу, тянули, что под руку попадалось, опускаясь до низменного грабежа с "мокрухой" или "гоп-стопа", тем самым затрудняя "работу" настоящим профессионалам, которые обычно имели по несколько ходок в зону и состояли на учете в милиции.

Саюшкин сосчитал пакеты, взвесил один в руках, умножил на оптовую рыночную цену – и едва не потерял сознание от своих арифметических упражнений. Мамочки! В чемоданчике товару не меньше чем на триста тысяч! А то и на все пятьсот! "Зеленью"!!!

Вот это удача... Тьху, тьху!

Суеверно плюнув через плечо, Леха неумело (на всякий случай) перекрестился. От чемоданчика нужно было на время избавиться, где-нибудь спрятать. Чтобы потом, в темное время суток, вернуться и забрать. Сейчас, после кровавой разборки, когда кругом полно ментов и вообще чужих любопытных глаз, идти по городу с такой уликой мог только полный идиот. А собачий вор себя таким не считал.

Саюшкин не стал долго раздумывать, а нашел подходящую ямку, зарыл свою драгоценную добычу голыми руками, присыпал мусором и оставил несколько меток – чтобы потом чемоданчик легче было найти.

Работая, он мельком подумал, что куда-то девалась его сумка с принадлежностями для ловли собак; но тут же эта мысль и улетучилась, не оставив ни малейшего следа. Про пойманного пса он вообще забыл. В этот момент Леха не мог думать ни о своей "профессии", ни о заказе. В его голове царил сумбур, а глаза светились как у кота – зеленым сумасшедшим светом.

А теперь нужно делать ноги. Ходу, Леха, ходу! Воровская удача не любит медлительных и тугодумов.

Ночь, любимая сестра вора, опустила занавес.

Начальник уголовного розыска полковник Леонидов был брюзгой и циником. Артем его понимал – трудно остаться оптимистом в розовых очках, копаясь каждый день в грязном белье отнюдь не лучшей части человечества. Ко всему прочему, полковника мучила язва, результат многолетней сухомятки, и жена-стерва, которая прогрызла в седеющей голове Пеки (так кликали Леонидова его подчиненные) дыру размером с кулак. Она никак не могла смириться с тем, что ее милейший Петр Каллистратович не брал взятки, а потому их семья жила как большинство рядовых граждан России – скудно, скучно и без особых надежд на будущее.

– У тебя есть анальгин? – вместо ответа на приветствие спросил полковник. – Башка раскалывается...

Пека болезненно морщился и тер виски. Он был невысокого роста, голубоглаз, быстрый в движениях и с удивительно густой для его возраста чуприной, которую сильно тронула седина.

– Через дорогу аптечный киоск. Недавно открыли. – Дурное настроение Артем только усилилось при виде бледного осунувшегося лица шефа. – Сейчас пошлю Сипягина.

Леонидов угрюмо кивнул, и майор позвонил старлею, который в этот момент трудился над бумагами. Изложив свою просьбу, Артем жадно выпил стакан воды из графина, стоявшего на длинном, "заседательском", столе. Вода была теплой, с болотным запахом, и майор с подозрением уставился на жидкость в графине – не плавают ли там какая-нибудь живность.

– Ну?.. – вопросительно посмотрел на него полковник.

– Дело дрянь, – сухо ответил Артем. – Мотив отсутствует. Следы тоже.

– Ни единого отпечатка?

– Увы...

– Значит, работали в перчатках. А потому версию о наркоманах можно похоронить сразу.

Здесь пахнет профессионалами.

– Наркоманы тоже детективы читают, и фильмы об угрозыске смотрят.

– И то верно... Но мотив, мотив! Черт возьми! – выругался Леонидов. – Завидонова жалко, – добавил он, сокрушенно качая головой. – Он долго мучился?

– Патологоанатом говорит, что Мишу пытали не менее десяти минут. Кстати, его не убили. У него из-за удушья не выдержало сердце.

– Сволочи! Но что, что им было от него нужно?!

– Пока у меня даже нет удобоваримой версии.

– А он не мог... – Леонидов смущенно отвел глаза в сторону. – Он не мог связаться с мафиозными структурами?

Полковник хорошо знал о дружбе Завидонова с Артемом, потому ему было неприятно

высказывать такое предположение.

– Нет! – резко ответил майор. – Я бы знал.

– В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным на все сто процентов.

– Согласен. Но я ведь не мальчик и отвечаю за свои слова. Связь с преступным миром предполагает определенное улучшение жизненного уровня. А семья Завидонова едва сводила концы с концами. Уж я-то знаю... Да и зачем бандитам нужен калека?

– Не скажи... – Леонидов снова потер виски – уже с раздражением. – Он ведь работал на центральной городской площади?

– Да. Там торгуют картинами и рисуют прямо на месте под заказ – как профессиональные художники, так и кустари. Миша делал профильные портреты из черной бумаги. На этом, сами понимаете, много не заработаешь, но на хлеб и молоко хватало. А самое главное заключалось в том, что он чувствовал себя кормильцем семьи, нужным человеком. Я уже не говорю про то, что Миша очень нуждался в общении. У него было много приятелей среди художников.

– Все это понятно. Однако есть одно "но". Площадь людная и является очень удобным местом для распространения наркотиков. Минуту! – остановил Леонидов майора, который хотел ему возразить. – Это всего лишь одна из версий. Пусть маловероятная, но – версия.

Безногий инвалид вызывает меньше подозрений. Тем более – ветеран МВД, известная в городе личность. По крайней мере, среди сотрудников милиции. Он мог быть или посредником при продаже мелких партий наркотиков или просто торговцем.

– Никогда! – горячо возразил Артем. – Миша честный человек. Он ненавидел все, что связано с наркотиками. У него ведь есть дети. И, кстати, я не думаю, что наркоторговцы доверились бы сотруднику уголовного розыска, пусть и бывшему.

– Антагонизм... – мрачно покривился полковник. – Чушь! И тебе это известно не хуже, чем мне. Примеров продажности среди нашего брата вдоволь. Ну, ладно, ладно, замнем для ясности. Но тогда придумай пещку, от которой будешь плясать...

В это время в дверь кабинета постучали, и на пороге появился Сипягин с облаткой анальгина. Кивком головы отпустив старлея, Леонидов разжевал, морщась, таблетку и запил минералкой, которую достал из холодильника.

Артем снова с большими сомнениями покосился на графин с подозрительной водой, но делать уже было нечего, и он обречено решил, что лучше месячишко побегать в теплый туалет с поносом, нежели, высунув язык, мотаться денно и ночью по городу, раскручивая "мокрые" дела. А их было больше чем нужно.

"Неужели убийство Мишки – очередной "глухарь"? – подумал майор со злобой и раздражением. – Ни хрена подобного! Наизнанку вывернусь, но достану ублюдков из-под земли. А если нет... Уйду к чертовой бабушке из органов! Клянусь – уйду".

– Я так понимаю, дело в производство берешь ты, – продолжил полковник. – Подключай и Сипягина. Пусть учится.

– Петр Каллистратович! – взмолился Артем. – Ради Бога, только не Сипягина! Мне нужен не ученик, а классный опер. Ведь у меня есть и другие дела. Я так понимаю, что передать их некому.

– Некому, – подтвердил Леонидов. – И они не менее важны.

– Еще бы...

Последний месяц Артем занимался наделавшим много шума убийством депутата городской думы Колюбакина, крутого и очень богатого бизнесмена, который "держал" всю пивную промышленность области.

– Так говоришь, тебе нужен классный опер? – подумав, спросил полковник. – Считай, что ты меня уговорил. Будет тебе ас. Но Сипягина все равно задействуй. Хватит ему отчеты строчить и за водкой бегать.

– Кто? – оживился Артем. – Надеюсь, это капитан Никитин? Или...

– Эка ты хватил, братец! – перебил его шеф. – Или. Никитина у нас забирают в область.

Как ни грустно, но факт.

– Да, это новость не из лучших... – Майор расстроился; он работал с Никитиным восемь лет и знал, что на капитана можно было положиться. – И все-таки – кто?

– Узнаешь... – Леонидов посмотрел на часы. – Через двадцать минут. – Впервые за все время разговора на его лице появилась скупая улыбка.

Артему показалось, что шеф хитрит. С чего бы?

– Петр Каллистратович!

– Не будь таким нетерпеливым. Скажу лишь одно – опер из новеньких. Прислан вместо Никитина.

– Да-а, удружили вы мне...

– Не горюй раньше времени. У твоего будущего помощника послужной список – закачаешься. Право слово...

И в это время зазвонил личный телефон полковника. Он взял трубку, и по тому, как вытянулось его лицо, Артем заключил, что разговор шефу предстоит нелегкий.

– Да... Да... Конечно, дорогая... – Голос Петра Каллистратовича стал тонким и заискивающим.

Похоже, звонила жена шефа. Майор поднялся, но выйти без разрешения не решался – стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу и нервно теребя пока еще тонкую папку с документами по делу своего друга.

– Иди, иди! – замахал на него рукой полковник, на миг вернувшись к реальности. – Потом...

Лоб Петра Каллистратовича блестел от мелких капелек пота.

"Чертовы бабы! – гневно думал Артем, шагая к своему кабинету. – Если уж достают мужика, так до самых печенок. Слава Богу, моя отрывается всего лишь раз в месяц..." Как старшему оперу, ему давно полагался отдельный кабинет. Да и звание предполагало кое-какие льготы в этом отношении. Однако свой закуток майор получил совсем недавно, где-то около полугода назад. На все просьбы посодействовать в этом вопросе шеф отвечал ссылками на западные кинофильмы: "Видел, как работают американские полицейские?"

То-то. Все находятся в одном помещении. Кроме начальника. А вам хочется каждому по офису. С секретаршей. И мягким диваном..." И все-таки комнату Артему выделили. Помог случай: сократили должность одного из замов начальника управления, и в результате

обычных в такие моменты перетасовок ему достался кабинет размером три на четыре метра. Он находился в старом крыле здания и был таким неухоженным – просто развалюха – что на него никто не претендовал.

Майор махнул рукой на принципы и подключил к ремонту одного из своих "клиентов", которому светило около трех лет, попади дело в суд. И теперь к Артему ходили коллеги на экскурсию, чтобы полюбоваться дорогими обоями, шикарным письменным столом, узким, но очень симпатичным диванчиком, а также новой столяркой, и втихомолку позавидовать. Благодарность подследственного простиралась столь далеко, что по выходу из ИВС он нашел спонсоров, подаривших городскому угрозыску пять компьютеров, один из которых стоял в кабинете майора.

Разложив бумаги на столе, Артем задумался. Где тот кончик ниточки, ухватившись за который можно будет размотать все дело? Никто ничего не видел, никто ничего не знает.

Все как обычно. Почему-то на момент свершения преступления свидетели глохнут и слепнут. А потом несут совершеннейшую ахинею. Или отнекиваются. Майор точно знал, что его друг, бывший опер, настоящий профессионал, всегда был начеку. И дверь абы кому не открывал. А она, между прочим, железная, с мудреными замками. Таковую разве что тараном можно прошибить. А эксперт твердит, что ее открывали только ключом.

Значит, Мишка был знаком с убийцей.

Знаком ли? Конечно, не факт. Тогда кому он мог открыть дверь без опасений? Сотруднику милиции – раз, работникам коммунальных служб – два... Стоп! Не годится. Поздним вечером коммунальщики по квартирам не ходят. И все равно нужно проверить. Пометим...

Дальше: соседям – три. Соседи... Артем перетасовал свидетельские показания соседей и отрицательно покачал головой – нет, маловероятно. Что, однако, не дает никакого повода не отрабатывать и эту линию.

Единственная зацепка (за неимением лучших) – дети-попрошайки. Вот малышам сердобольный Мишка точно открыл бы дверь. Мог убийца использовать детей для проникновения в квартиру? Запросто. Но такая версия предполагает сговор пацанов с бандитом. Или бандитами. Хотя... Детей могли запугать. Бездомными попирает, кто хочет и как хочет.

Впрочем... Артем горько ухмыльнулся. Он хорошо знал, что собой представляют такие дети. Школа даже не жизни, а выживания, научила их многому. В том числе, к сожалению, и не совсем хорошему. Ради денег бездомные дети могли пойти на любое преступление. Без малейших угрызений совести. И добыть от них признание в таком случае труднее, чем у опытного рецидивиста.

Ладно, допустим и впрямь дети работали по наводке. Тогда можно предположить, что Мишку вели. За ним следили. Дождались, пока он будет дома один, и... Вполне вероятно.

Но тогда возникает закономерный вопрос, с какой стати безобидному калеке прицепили "хвост"? Что он мог знать? Что искали в его квартире? Нашли? Не похоже. Иначе Мишку не подвергли бы допросу с пристрастием.

А может все гораздо проще? Например, самая заурядная месть. Миша за свою бытность в угрозыске немало всякой швали отправил на тюремные нары. Что ж, нужно покопаться и в старых делах.

Есть еще вариант – чеченский след. Хотя... Это раньше чечены были борзыми, сейчас им не до сведения каких бы то ни было счетов с сотрудниками правоохранительных органов.

Идет война, и сейчас месть чеченцев сводится в основном к террористическим актам. Но проверить эту версию тоже не мешало бы.

Черт возьми! Фактов – ноль, одни домыслы. Проверка версий может растянуться на месяцы, а тем временем убийца заметет все следы...

Задумавшись, Артем не услышал стук в дверь, а когда вернулся к действительности, то увидел, что в кабинет вошла девушка в джинсах и кожаной куртке с многочисленными "молниями".

– Вы ко мне? – спросил он несколько взвинчено.

– Если вы майор Чистяков, то да, – коротко улыбнувшись, ответила девушка.

– По какому вопросу?

Независимое поведение девушки, которая в своем наряде выглядела в казенных стенах чересчур легкомысленно, почему-то вызвало у Артема легкое раздражение.

– А если по личному, то вы меня выгоните, даже не выслушав?

Нет, эта наглая особа явно напрашивалась на неприятности. Да она просто издевается над ним!

– Ни в коем случае, – уняв свое ретивое, сдержанно ответил майор; не хватало еще сорваться и наделать глупостей; тем более что перед ним стояло существо того пола, к которому Артем всегда и везде относился с настороженностью, как бы не сказать – предубежденностью. – Но я прошу вас перейти к делу. У меня времени в обрез.

– Меня прислал к вам полковник Леонидов. – Девушка вдруг посерьезнела.

Только теперь Артем понял, что девушке было отнюдь не двадцать с небольшим хвостиком. Хотя выглядела она молодо, но сразу затвердевшие черты лица и жесткие складки у губ подсказали майору, что ей никак не меньше тридцати. Ему даже показалось, что он знаком с нею.

– Я вас слушаю, – сухо сказал Артем.

– Сесть не пригласите? – В голосе странной посетительницы звучала неприкрытая ирония.

– Извините. Пожалуйста... – Майор с подчеркнутой вежливостью указал на стул.

Девушка уселась с какой-то хищной грацией. Похоже, она была спортсменкой или занималась ныне модным шейпингом.

– Я ваш новый сотрудник, – просто и как-то буднично сказала девушка.

– Не понял... – Артему показалось, что он ослышался.

– Сотрудник. Пardon – сотрудница. – В черных глазах девушки плясали озорные чертики.

– Так это... это вас дали мне в помощь!?

– Точно. Но если вы думаете, что...

– Стоп! – вскричал совсем потерявший голову Артем. – Больше ни слова. Простите, я сейчас...

С этими словами он выскочил из кабинета, словно пробка из бутылки с теплым шампанским. Так быстро по коридорам управления майор никогда не бегал.

Встречающиеся по пути сотрудники смотрели на него как на сумасшедшего.

Леонидов, морщась, пил кофе. Он до смерти не любил этот напиток, но его половина гдето вычитала, что кофеин очень даже способствует семейной жизни, и теперь бедный Петр Каллистратович обязан был выпивать на работе не менее трех чашек. Полковник даже в мыслях не держал, чтобы не выполнить наказ своей благоверной. Когда наступал час приема "чудотворного" напитка, в кабинет к шефу лучше было не заходить; он буквально зверел, несмотря на свой, в общем-то, покладистый, мягкий характер.

– П-Петр... К-каллистратович!!! – заикаясь от переполнявших его чувств, вскричал с мольбой и негодованием Артем. – Это издевательство!

– Ты о чем? – Полковник отреагировал на внезапное появление своего подчиненного с весьма подозрительным спокойствием.

– Мне... в помощники... бабу!?

– Во-первых, не бабу, а капитана милиции, во-вторых, она имеет большой опыт оперативной работы... – Полковник отхлебнул глоток и на его лице появилось страдальческое выражение.

– А в-третьих? – спросил, наливаясь мстительной желчью, Артем.

– А в третьих... – Петр Каллистратович вдруг побагровел. – Майор! Ты! Мне! Мешаешь! – Его голос внезапно заржавел.

– Товарищ полковник! – не сдавался Артем. – Я согласен на Сипягина. Буду работать с ним. Вы были правы – Сипягина нужно побольше нагружать оперативной работой.

– Ты мне тут уши не чеши...

Допив кофе, полковник прополоскал рот минералкой. И сразу подобрел.

– Артем Александрович, дорогой, иди трудись. Новая сотрудница действительно очень опытный сыщик. Скажу больше – только смотри, нигде не сболтни! – она почти два года работала под прикрытием. Можно сказать, ходила по лезвию ножа. Операцию провела блестяще, за что и получила орден. Вот так, майор. А сейчас ей нужно войти в наш ритм.

И кому, как не тебе, нашему лучшему оперативнику, – польстил полковник, – ввести ее в курс дела.

– Но...

– Иди, иди... – махнул рукой Леонидов. – Мне через час на ковер к генералу. Нужно подготовиться. Морально в том числе.

Артем сдался. Приказ есть приказ, ничего не поделаешь. Он мысленно посочувствовал шефу, которому предстоял очень нелегкий разговор, и медленно поплелся обратно.

Девушка смотрела на него вопросительно и с беспокойством. Похоже, она чисто интуитивно поняла внутренние терзания майора и теперь не знала, как к нему подступиться. Артем осторожно, будто сидение стула было утыкано иголками, сел и спросил бесцветным голосом, стараясь загнать свои эмоции поглубже:

– Извините, как вас?..

– Капитан Гольцова! – бойко отрапортовала девушка, не дав ему закончить фразу; и добавила гораздо тише, будто смутившись: – Марина...

– А по бабушке?

– Викторвна.

– Артем Александрович. Будем знакомы. Как вы относитесь к кофе? – Артем натянуто улыбнулся.

– Положительно.

– Тогда, Марина Викторвна, мы сейчас сообразим по чашечке... – Он включил кофеварку.

– И немного побеседуем.

Девушка с серьезным видом кивнула. И только теперь Артем понял, из-за чего ему показалось будто он знаком с девушкой. Работа в милиции всегда накладывает неизгладимый отпечаток; даже на такие милостивые девичьи лица, как у капитана Гольцовой. Рыбак рыбака видит издали...

Глава 4

Леха Саюшкин шел в "малину". Это если называть место тусовки вора разных "мастей" по старинке. На самом деле современная "малина" представляла собой достаточно просторный бар, правда, не в центре города, но неподалеку, с шикарной стойкой, барменом-пройдохой, отнюдь не дешевыми путанами и не менее дорогим пойлом весьма подозрительного, несмотря на фирменные наклейки, происхождения и качества.

От прежних старорежимных правил содержатель притона оставил главные: в баре гужевались только свои, неоднократно проверенные, а полуподвальное помещение "малины" имело два тайных запасных выхода на разные улицы; так сказать, во избежание.

В бар не допускалась даже местная братва, бандиты и отморожки, так как воры считали себя кастой избранных. Иногда в полуподвал заходил участковый, но только за "гостинцем" – содержатель притона не хотел портить отношения с властью, хотя мог не платить никому, имея такую "крышу" как воровской кагал.

Бар назывался "Волна", несмотря на то, что до ближайшей реки было не менее пяти километров. Может, его окрестили в честь расположенного неподалеку пруда – глубокой грязной лужи, образовавшейся на месте котлована, вырытого в незапамятные времена под закладку фундамента для так и не построенного дома. А возможно первый владелец бара был большим романтиком и мечтал о Рио-де-Жанейро, пальмах, золотых песчаных пляжах и мулатах в белых штанах.

Как бы там ни было, но содержатель "малины", обрусевший украинец Москаленко, не стал менять название. И теперь взгляду прохожих представляли выщербленные ступеньки, ведущие вниз, невзрачная железная дверь с большим нестандартным глазком и выцветшая вывеска, нарисованная блудливой рукой художника-недоучки. На ней были изображены разбушевавшееся море, яхта под белым парусом и загорелая девушка с бедрами, напоминающими кузов гитары.

Внешний вид бара, расположенного в полуподвальном помещении старого четырехэтажного

дома послевоенной постройки, совсем не соответствовал внутреннему содержанию. Интерьер и антураж были выдержаны в лучших традициях нового времени: много мрамора, бронзы, фальшивой позолоты, искусственных цветов и портьер с рюшами. Все это резко контрастировало с темными клетчатыми скатертями, которые не мог отстирать даже широко разрекламированный порошок "Тайд". Блатная братва тушила о скатерти окурки, наводила длинными концами скатертей глянец на обувь и марала их оружейной смазкой. Потому владелец "малины" счел разумным не выбрасывать деньги на ветер и скатерти менял лишь тогда, когда они совсем приходили в негодность.

Леха подошел к двери бара и нажал на кнопку звонка. Внутри раздалась соловьиная трель, послышались тяжелые шаги и кто-то приник к глазку.

– Кто таков? Шо нада? – Голос был басовитый, но какой-то ущербный, без внутренней уверенности, присущей большим сильным людям.

– Открывай быстрее... хохол гребаный! – оцетинился Саюшкин. – Кто, кто... Хрен в манто.

Будто сам не видишь... – Он посмотрел на низко нависшее небо, которое уже начало ронять первые капли дождя, и поднял воротник куртки, чтобы защититься от ветра.

Громыкнул засов и на пороге появился странный тип, чтобы не сказать больше. Огромная шишковатая голова, похожая на тыкву с усами, сидела на непропорционально тонкой и длинной шее, а квадратное туловище – косая сажень в плечах – покоилось на кривых рахитичных ножках. Парень (а ему было не больше тридцати лет) казался сшитым из запасных частей слепым портным, который находил их на ощупь. Он смотрел на Леху невинными детскими глазками без ресниц и как-то странно улыбался – будто морщил нос от неприятного запаха.

– Заходи, говнюк, – "мило" пригласил Саюшкина странный швейцар. – Як твои собачьи дела?

– Мои дела на уровне, – ухмыльнулся Леха. – А насчет собачьих... Ошейник с шипами для тебя хозяин так и не купил?

– Хе-хе... – несколько натянуто рассмеялся, опять наморщив нос, швейцар. – Все шутикуешь?

– Иронизирую.

– Ну-ну... – Швейцар смотрел на вора с улыбкой, но в его маленьких холодных глазках пряталось нечто очень опасное – как затаившаяся в расщелине скалы змея.

В ответ Саюшкин тоже весело рассмеялся и изобразил умильную рожицу. Несмотря на свои постоянные пикировки со швейцаром, ему вовсе не хотелось портить с ним отношения. Леха знал, что Шулика (так звали главного стража "малины"; это была не кличка, а фамилия) нередко выполнял для хозяина притона поручения весьма деликатного свойства, имеющие прямое отношения к очень серьезным статьям Уголовного кодекса.

Швейцар имел поистине бычью силу и был очень хитер. Потому простодушие, которое излучал Шулика, вора не обманывало.

– Держи... – Саюшкин положил на широкую ладонь швейцара красивую зажигалку; он выиграл ее в карты у знакомого карманника. – Американская. Настоящая, не туфтовая.

Дарю.

– Клевая... – Шулика смотрел на изящную вещицу с восхищением; он был весьма неравнодушен к мелким подношениям завсегдаев бара. – Спасибо, Леха.

– Ладно, о чем базар... Пойду...

Саюшкин не без труда протиснулся мимо квадратной туши швейцара и прошел в бар.

Несмотря на раннее время – часы показывали половину четвертого – "малина" отнюдь не пустовала. Уже вовсю гужевала компания карманников, отработавшая утреннюю "смену" на городском транспорте. Видимо, сегодня им обломилась крупная сумма, потому как водка и коньяк за их столом лились рекой и, похоже, никто даже не собирался выходить на маршрут в вечерний час пик.

Рядом с карманниками степенно потягивали пиво воры других "мастей", в том числе и домушники. Им еще предстояла ночная работа. Судя по оживленным переговорам, которые велись в углу бара, кто-то из них уже ограбил квартиру среди бела дня и теперь торговался с барыгой и подпольным "банкиром", ненасытным Саврасычем. Слушая горячие увещевания собеседников, он хмурил густые мохнатые брови, и время от времени отрицательно качал головой. Своими повадками и даже фигурой – толстой, бочкообразной, с короткими руками колесом – Саврасыч напоминал большого паукаптицеда, затаившегося в центре страшной паутины.

Вспомнив, что он давно ходит у Саврасыча в должниках, Леха постарался незаметно для барыги прошмыгнуть к одному из дальних столиков, где сидели его приятели.

– А! Наше вам... – поприветствовал его один из них, очень худой и сутулый мужичок лет сорока по кличке Тузик. – Наконец-то. Где пропадаешь?

– Отдыхал, – уклончиво ответил Саюшкин.

Несмотря на то, что они были приятелями, Леха недолюбливал Тузика, который время от времени перебегал ему дорогу – тоже воровал собак. Правда, у него были несколько иные виды на четвероногих друзей человека, нежели у Саюшкина.

Тузик поставлял молодых псов в модный корейский ресторан, где на собачье мясо был достаточно стабильный спрос. К сожалению бродячих псов, коих за последние годы в городе расплодилось тьма-тьмущая, повара-корейцы браковали, считая нечистыми, и принимали лишь элитный молодежь вполне определенных пород.

– Отдыхать нужно в Сочи, – заявил второй Лехин кореш, у которого не было наколок разве что на лбу. – Там море Черное, песок и пляж... – спел он строку из блатной песни.

– Для хорошего отдыха бабки нужны, – хмуро проронил третий, черный цыганковатый вор по кличке Жук. – Народ обнищал, в карманах только мелочь и проездные билеты.

– А ты бомби крутых. У них "зелени" как грязи. – Вор в наколках (его звали Колян) ехидно ухмыльнулся.

– Мне жизнь еще не надоела... – Жук выпил полстакана водки и крикнул. – Что за дерьмо нам дали! Керосин, право слово.

– Пей одеколон, там спирта больше. И запах приятный... хи-хи-хи... – залился дребезжащим смешком Тузик.

И судорожно закашлялся. Приятели с сочувствием переглянулись. Последняя "ходка" на зону закончилась для Тузика туберкулезом, и сколько он еще протянет, никто не мог даже предположить. Обычно к осени начиналось обострение болезни, что очень мешало "работе". Когда наступали холода, Тузик старался поменьше бывать на воздухе, а в сырую погоду вообще не выходил из дому, проедавая все свои воровские накопления. В такие периоды вор очень страдал, но не из-за своего болезненного состояния, а по совершенно иной причине –

он боялся, что потеряет квалификацию.

– Слышал, что вчера вечером случилось в центральном парке? – спроси Леху меланхолично жующий Жук.

– Нет! – торопливо ответил Саюшкин и, стараясь не глядеть на приятелей, уткнулся в меню.

– Да-а, – протянул Колян. – Знатная разборка. Говорят, что четыре трупа и двое в реанимации.

– К-кто? – Леха постарался спросить как можно безразличней, но его мгновенно начала бить мелкая дрожь, и он, чтобы скрыть свое состояние, быстро закурил.

Колян понял, что имеет в виду Саюшкин, и ответил;

– Одни базлают, что чечены наехали на дягилевскую братву, а другие кивают на азербайджанцев, – ответил он неприязненно. – Будто они что-то с цыганами не поделили.

Темная история. Но все равно эти чурки уже всех достали. Пора с ними кончать.

Поселок Дягилево находился в черте города. Мафиозная группировка дягилевцев контролировала торговлю спиртным и табачными изделиями и была одной из самых сильных и хорошо организованных.

– Запишись в контрактники и поезжай в Чечню, – ухмыльнулся Жук. – Говорят, на войне хорошо платят. Орден получишь.

– И цинковый гроб... бесплатно. – Тузик усиленно массировал впалую грудь. – Хотя... может, так было бы лучше. Для кое-кого... – Он болезненно поморщился.

– Ну, заладил... – Жук нахмурился. – Сел на любимого конька. Пусть наши враги об этом думают. Живи пока можешь. Выпей... – Он наполнил стакан Тузика. – А ты чего притих? – спросил он Леху, который никак не мог унять волнение. – Заказывай. Или сегодня карман пуст? Тогда я угощаю.

– Что? А... Нет, нет, денег у меня хватает... – Саюшкин подозвал официанта, здорового парня, который заодно выполнял и роль вышибалы; впрочем, как и остальные его коллеги.

Спустя двадцать минут он уже ел отбивную и запивал пивом. Взять чего-нибудь покрепче Леха не пожелал – ему еще предстояли кое-какие дела, требующие ясной головы.

Приятели не стали удивляться или протестовать, что он не желает составить им компанию. В "малине" свято соблюдался принцип: делу – время, а потехе – час. Без лишних вопросов все решили, что сегодня вечером Саюшкину предстоит работа, а значит нечего зря на эту тема языки чесать.

Леха жевал и время от времени украдкой прикасался к внутреннему карману своей легкой куртки. Там лежали два пакетика с героином. (Он откопал заветный чемоданчик в три часа ночи, когда, наконец, всякая суета вокруг парка прекратилась).

Остальной товар Саюшкин спрятал в собственной квартире, на антресолях. Там у него был хорошо оборудованный тайник – вмурованный в стену металлический ящик с хитрым, тщательно замаскированным замком – где он держал ценности и деньги. Если, конечно, они появлялись, что случалось не так часто, как хотелось бы.

Саюшкин рассчитывал найти покупателя на свою драгоценную добычу. Он отдавал себе отчет в том, что это будет весьма непросто. И даже не из-за малого спроса или

противодействия конкурентов. Отнюдь. Мелкими партиями с большими предосторожностями можно было торговать хоть до новых веников. Леха знал как минимум десяток наркоманов со стажем, готовых душу отдать за его товар.

Но он не хотел связываться с мелюзгой.хлопотно, долго и не очень прибыльно – наркоманы к состоятельным людям не относились. К тому же Саюшкин просто боялся засветиться на рынке наркотического зелья. Это было ему несвойственно и просто опасно.

В преступном мире Леха обретался не один год и хорошо знал, чем заканчивают самодеятельные торговцы наркотиками, не имеющие надежной "крыши". А ему вовсе не улыбалось в один прекрасный вечер очутиться в грязной сточной канаве с перерезанным горлом.

Саюшкин знал, что наркоторговлей в городе занимались в основном цыгане и чеченцы.

Одно время им перебежали дорогу эмигранты из Афганистана, но после серии кровавых разборок они потихоньку свернули дело и отправились восвояси. Но теперь, похоже, в этом весьма прибыльном бизнесе начала пробовать силы и дягилевская группировка.

К кому обратиться!? Леха перебрал в памяти всех своих знакомых и приятелей и вынужден был констатировать, что это дохлый номер. Устроить совместный сабантуй с мордобитием – никаких проблем, были бы бабки. Обворовать квартиру – запросто, пусть даже она будет оснащена самой современной сигнализацией. Наконец, ссудить деньгами под вполне сносные проценты – тоже вполне способны, пусть и не без нервотрепки. Но посодействовать в продаже крупной партии героина – увы. А тем более – купить.

Вот заложить ментам могут. Сдадут со всеми потрохами и не почешутся. Или шепнут пару слов на ухо тем, кому этот героин принадлежит. (От этой мысли Саюшкину едва не стало дурно; он почувствовал, как покрывается липким потом). Может случиться и вовсе забойный вариант: завалят любимые кореша друга Леху, словно мамонта, чтобы самим снять пенки с той каши, которую он сварил – и привет. Шлите письма из заоблачных высей. Бр-р-р!

Саюшкин нервно вздрогнул, совершенно спонтанно схватил чей-то стакан с водкой и выпил его до дна даже не почувствовав вкуса.

– Вот это по-нашему, – одобрительно сказал Жук. – А то сидишь, как сыч, будто у тебя несварение желудка.

– Да иди ты!.. – выверился Леха.

– Не приставай к человеку, – осклабился Колян. – Наверное, у него собачка сбежала.

Заказчик волнуется... хе-хе...

Собачка! Саюшкин только теперь вспомнил, где он потерял сумку, и кто в ней находится.

Мамочки! Это конец... Если менты найдут кобелька... Наверное, Леха сильно изменился в лице, потому что Тузик участливо спросил:

– Ты что, заболел?

– Душно... – ответил Саюшкин, стараясь взять себя в руки.

– Эт точно, – согласился уже захмелевший Колян. – Вентиляция здесь ни к черту. Но сваливать еще рано. Так что потерпим. Бабки есть, сколько хочешь, недавно лафа привалила – какие проблемы? Эй, половой! – позвал он официанта.

– Хочешь получить по тычке? – Жук опасливо посмотрел на приближающегося здоровяка в золотистой жилетке. – Не хаами.

Колян под осуждающими взглядами компании стушевался и вежливо заказал две бутылки водки и закуски.

– Не много? – спросил Тузик.

– В самый раз, – ответил ему Колян. – Сегодня в городе сплошной бардак. Менты перешли на круглосуточное дежурство. Шмонают всех подряд. Так что сидим тихо и не высовываемся. Не нужно дергать тигра за хвост без нужды.

Колян, несмотря на уголовную внешность и наколки, мнил себя образованным и часто пользовался "умными" фразами, которые вычитал в тюремной библиотеке. Таким "самообразованием" он занимался в общей сложности одиннадцать лет (чуть больше, чем Тузик), и Леха опасался заводить с ним разговоры на отвлеченные темы. В таких случаях Колян начинал вещать, словно записной депутат Государственной думы, и остановить его можно было только застрелив.

Потому Леха промолчал и не поддержал разговоры приятелей, а водку выпил машинально, думая о своем. Что делать, что делать!? Он очень сомневался, что сумка преспокойно лежит где-то в кустах и дожидается своего хозяина. Саюшкин знал, что место происшествия должны были осмотреть весьма тщательно, но сделают ли в уголковке соответствующие выводы?

Менты ведь свой хлеб не зря едят, что бы там о них не говорили. Да, он ни разу не попадал в их поле зрения, однако, кто может дать гарантию на этот раз? Если сумку нашли и об этом станет известно владельцам героина... Воровской мир достаточно тесен, а "специалистов" его профиля можно на пальцах пересчитать. Наведут справки, и тогда...

Лехе показалось, что у него волосы стали дыбом. Господи, спаси и сохрани!

Нужно как можно скорее продать героин оптом и бежать из города! С большими деньгами ему сам черт не брат. Например, в столице тоже можно устроиться вполне прилично.

Чего-чего, а собак в Москве хватает. И состоятельных владельцев четвероногих друзей человека тоже достаточно. Ну, это так, на всякий случай. Если не заладится собственный торговый бизнес, который он теперь обязательно заведет. Притом, вполне легальный.

Годы берут свое, да и надоело вести двойную жизнь. Он и так уже совсем заврался, чтобы не дать соседям ни малейшего повода усомниться в его порядочности...

Задумавшись, Саюшкин не заметил как от компании, в которой сидел барыга Саврасыч, отделился человек и подошел к их столу. Когда он положил ладонь на плечо Лехи, вор вздрогнул и с испугу отпрянул.

– Ты, это... чего!? – спросил он срывающимся голосом.

– Здорово. Не узнал? – Квадратная, грубо вытесанная мордуленция подошедшего расплылась в намазанный маслом блин.

– Узнал... – Саюшкин огромным усилием воли взял себя в руки. – Тебя спутать с кем-либо очень трудно.

– Хех-хех... – засмеялся квадратнолицый и сложил на тугом животе свои руки-лопаты с короткими пальцами-сосисками.

Это был человек Саврасыча, его наперсник и телохранитель, которого звали Аркашей.

Внешне он походил на швейцара Шулику – был такой же кряжистый и сильный, словно бык – но хитростью превосходил даже своего хозяина-пройдоху. Что их связывало, притом долгое время, не знал никто.

Воры поговаривали, будто Саврасыч и Аркаша – гомосексуалисты, однако это был, скорее всего, треп. И богатый барыга, и его телохранитель когда-то имели семьи и детей. Да и сейчас они были не прочь снять какую-нибудь шалаву – на двоих.

– Что тебе нужно? – спросил неприветливо Леха.

– Мне – ничего. Петр Кузьмич просит тебя пожаловать за наш стол. – Несмотря на внешне неотесанный вид, Аркаша разговаривал грамотно, свободно владея словом.

– Зачем? – невольно вырвалось у Саюшкина, хотя он и сам знал причину "приглашения".

– Есть разговор... – уклончиво ответил Аркаша, быстрым взглядом окинув компанию Лехи.

Саюшкин молча кивнул и последовал за идущим вразвалку массивным Аркашей к столу Саврасыча. Лехина компания восприняла приглашение совершенно спокойно. Мало ли какие дела могут быть у их приятеля с барыгой. Ситуация показалась им вполне понятной и знакомой.

– Здравствуй Леха! Здравствуй соколик! – Саврасыч улыбался так приветливо и тепло, что можно было подумать, будто он встретил, по меньшей мере, старого друга, которого не видел лет пять. – Присаживайся, не стесняйся. Тут тебя не обидят.

Однако подчеркнутая приветливость Саврасыча вора не убаюкала, а только насторожила.

Он достаточно хорошо знал барыгу, чтобы поверить в его дружелюбие. За свое добро Саврасыч мог перегрызть горло любому. Он был жадным до неприличия. Ворочая миллионами, Саврасыч жил в своем крохотном домике как нищий: старая мебель, обои с ржавыми подтеками, давно не крашеный деревянный пол с подгнившими досками и подслеповатые окна с потрескавшимися стеклами. У него даже цепной пес был вечно голодным. Но сам он был не дурак поесть.

– Как поживаешь, Леха? – между тем рассыпался Саврасыч.

– Так себе... – уклончиво ответил Саюшкин.

За столом Саврасыча, кроме Аркаши, сидел еще и Юзек, второй подручный барыги. В отличие от своего тяжеловесного напарника, он был шустрый как хорек. И опасный словно змея. Юзек, у которого была кличка Поляк, пускал в ход нож, не задумываясь.

– Выпьешь? За мое здоровье... – Саврасыч мигнул Аркаше, и тот быстро наполнил рюмку.

Отказаться не было никакой возможности – Саврасыч славился злопамятностью.

Мысленно послав его к бениной маме, Леха выдавил из себя не очень внятные слова, приличествующие моменту, и одним махом опрокинул рюмку себе в рот.

– Закуси, закуси, соколик. Вот маринованные огурчики, селедочка... – Саврасыч гостеприимно предлагал закуски.

Есть совершенно не хотелось, но Саюшкин сделал усилие и проглотил кусочек сельди даже как следует не разжевав. Что задумал Саврасыч? А задумал точно. Похоже, решил Леха, он будет требовать возврат долга. И дернул его черт попросить займы именно у Саврасыча!

– Петр Кузьмич! – Леха решил опередить события. – Деньги я отдам. Мамой клянусь! Долг верну... через полмесяца. За мной не заржавеет.

– Верю, дружок, верю. Ты хороший парень. А вот маму не трогай. Это святое. Тем более что твоя мама уже давно там. – Барыга показал пальцем на потолок. – Царство ей небесное... Что касается долга, то все сроки давно прошли. Согласись, "штука" баксами – это немало. Плюс проценты... сколько там набежалось? – Он достал записную книжку. – Где ты тут у меня... Ага, нашел. Еще триста долларов.

– Через полмесяца, – бубнил свое Саюшкин.

– Как скажешь, – милостиво согласился Саврасыч. – Я не возражаю. Полмесяца – это пятнадцать дней. Дай-ка мне калькулятор, – обратился он к Аркаше. – Подсчитаем... И так, через две недели ты будешь должен... будешь должен... Округляем... Ладно, полста скостим по старой дружбе... Итого две тысячи баксов. Всего-то.

– Что-о!? – возопил Леха. – Петр Кузьмич, у вас калькулятор шалит!

– Это не калькулятор, это ты шалишь, соколик, – снисходительно ухмыльнулся барыга. – Я изменил процентную ставку.

– Вы... вы поставили меня?..

– Вот именно, соколик. Я поставил тебя на "счетчик". – Серые глаза Саврасыча заledenели и даже, как показалось Саюшкину, покрылись инеем.

– Петр Кузьмич! – Леха умоляюще сложил руки на груди. – Пощадите! Где мне найти такую сумму за полмесяца!?

– А это уже твои проблемы, мил человек. Твои. Я не заставлял тебя брать в долг. К тому же, насколько мне известно, денюжки у тебя водились. И ты был вполне в состоянии рассчитаться со мной.

– Ну, понимаете...

– Понимаю, понимаю, – перебил Саврасыч вора. – Как не понять. У тебя были более важные расходы, нежели долговые обязательства. Цветочки даме сердца, разные там цирлих-манирлих, столик в кабаке... Понимаю. Но – нехорошо. Я к тебе с дорогой душой, а ты меня не уважаешь.

– Да что вы, Петр Кузьмич! Как я могу!..

– Выходит, можешь. Ладно, побеседовали, перекусили, чем Бог послал, – и баста. Приходи через полмесяца. С деньгами. Понял? С деньгами, соколик. А если нет... – Саврасыч сделал многозначительную паузу; затем продолжил – с нажимом: – Если не отдашь долг с процентами в срок, то тогда будешь разговаривать с ним. – Барыга кивком головы указал на хищно сощурившегося Юзека. – Бывай здоров.

Леха молча встал. Он понимал, что никакие увещевания не помогут. Если он не добудет нужную сумму, через две недели ему конец. В лучшем случае (в лучшем!? бр-р!..) его сделают слугой, практически рабом, обязанным исполнять любые прихоти хозяина, а в худшем... В худшем зарежут как свинью.

– Ты куда? – обеспокоено спросил Тузик, когда Саюшкин подозвал официанта, чтобы расплатиться. – Что-то случилось?

Леха промолчал. Но Тузик не отставал:

– Саврасыч достал? Вот сука... – Он с участием глядел на бледного приятеля. – Пора этого жлоба в расход пустить... вместе с двумя его уродами. Они многим сала за шкуру залили.

Деловые давно на них зубы точат. Оборзел наш Савраска вконец.

– Пока... – Слабо махнув рукой, хмурый Саюшкин направился к выходу.

Он знал, что сочувственные слова Тузика всего лишь базар-вокзал, благие пожелания.

Пусть и из лучших побуждений. Достать Саврасыча слабо не только обиженным на него вора, но и людям покруче. Барыга был нужен очень многим. За ним стояли большие деньги. А значит... Значит нужно срочно толкать героин. Срочно! Затем рассчитаться с этим кровососом и смываться куда подальше.

Леха выскочил на улицу, не попрощавшись с Шуликой. Мало того, он даже не заметил швейцара. Судьба сделала очередной зигзаг, который мог запросто превратиться в петлю на шее Саюшкина. И нужно было здорово поторопиться, чтобы она не затянулась.

Глава 5

Уличные художники обычно занимали свои места в хорошую погоду. День выдался светлым и теплым, потому Артем, побывав на оперативке, решил пойти на центральную площадь, являющуюся исторической достопримечательностью города.

Вымощенная брусчаткой площадь до недавних пор носила партийную кличку вождя октябрьской революции, а два года назад была переименована в соответствии с духом времени, то есть вернула утраченное в семнадцатом году имя, и стала называться Троицкой. Вокруг нее располагались два музея и разнообразные архитектурные достопримечательности – особняк какого-то графа, купеческие хоромы с лепниной на фасаде и собор. В советские времена на площади обычно снимали фильмы о дореволюционных событиях, а теперь сюда привозили туристов, нередко и зарубежных, чтобы показать им практически нетронутый кусочек царской России.

Удивительно, но железный пролетарский кулак разрушил лишь одну из городских церквей, да и та, в общем, была захудалой, если судить по старым фотографиям из исторического музея. А большой православный собор, главенствующий над площадью, остался нетронутым. Наверное, первые городские большевики в детстве были весьма прилежными учениками местной церковно-приходской школы и прилежно изучали Библию.

Сегодня художников было немного, около десятка. Майор несколько поскутнел – он рассчитывал на более широкий круг общения – но затем приободрился: может так оно и лучше. Артем знал, что уличный "вернисаж", который в народе прозвали Развал, набирал полные обороты лишь в выходные и праздничные дни, когда к туристам присоединялись и местные жители. Тогда к труженикам кисти даже подойти было трудно, так много находилось желающих приобщиться к высокому искусству. Большею частью художники продавали произведения, выполненные ими ранее, но некоторые, из малоизвестных, в основном портретисты, работали прямо на площади, создавая свои "шедевры" с поразительной быстротой.

Однажды Артем, будучи свежееиспеченным капитаном, на радостях решил запечатлеть свой облик для потомков. Притом, не в карандаше, а масле. Когда он получил свой заказ, то долго не мог опомниться от изумления – человек на портрете оказался похожим на кого угодно, но

только не на него. Написанный масляными красками мужественный красавец был вылитый американский актер Сильвестр Сталлоне.

И все равно портрет ему очень понравился. Артем повесил эту мазню на видном месте, и с прошествием времени, показывая ее гостям, объяснял, скромно потупив очи, что это он в глубокой молодости. Народ восхищался писанным красавцем и атлетом, тем самым проливая бальзам на зачерствевшую душу старшего опера городского уголовного розыска.

Майор не без интереса прошелся вдоль выставленных полотен. Он мало разбирался в живописи. Но ему нравились яркие цветные пятна, положенные на холст умелой рукой – будь-то пейзаж, натюрморт или что-нибудь абстрактное. Когда он смотрел на такие картины, внутри появлялась какая-то странная теплота, а беспорядочные мысли вдруг становились легкими, прозрачными и уносились в такие выси, что сердце обмирало.

– Желаете что-нибудь приобрести?

Вопрос застал Артема врасплох; он как раз стоял на том месте, где обычно располагался Миша со специальным походным столиком, на котором лежали ножницы, черная плотная бумага, тубик клея и красивые резные рамочки, изготовленные Завидоновым собственноручно.

Теперь тут устроился лохматый мужик с похмельными глазами и густой пегой бородой.

Его товар большей частью состоял из достаточно неплохо выполненных копий картин известных русских и итальянских живописцев. Но одно полотно явно стояло особняком. В нем чувствовалась рука настоящего мастера. Это смог понять даже майор, потому и задержался возле стеллажа с картиной.

– А почему нет? – скорее спросил самого себя, нежели ответил на вопрос лохматого художника Артем. – Сколько? – Он ткнул пальцем в понравившееся ему полотно.

Сегодня он чувствовал себя богачом – получил зарплату и какие-то премиальные. Видимо, Пека расстарался, выбил для своих ребят малую толику сверх бюджета.

Лохматый художник поскутнел и неприветливо ответил:

– Эта не продается.

– Как не продается? – удивился и почему-то расстроился майор. – Насколько я понимаю, здесь все выставлено на продажу.

– Покупайте любую другую, только не эту, – упрямо твердил свое художник.

– Ладно, нет так нет, – вынужден был дать задний ход Артем. – А другие картины меня не впечатляют. Уж извините.

– Извиняю... – независимо буркнул художник. – Что касается других... – Он чуток заколебался, но все же продолжил: – Должен сказать, у вас есть вкус.

– Вы мне льстите, – постарался как можно приветливее улыбнуться майор. – Но если уж пошел такой разговор, то позвольте все-таки поинтересоваться: это полотно – ваша работа?

– Конечно моя, – с достоинством ответил художник. – Я понимаю, почему вы спрашиваете.

Все остальные – копии. Любую из них я делаю за пару часов. Без особых проблем.

Кушать, знаете ли, хочется. Притом три раза в день, как минимум. А над той картиной, что

вам приглянулась, я работал почти месяц. Это не считая времени, потраченного на этюды. Настоящие ценители не с пустым карманом на наш Развал заглядывают редко.

Спрашивается в задаче: сколько мне придется голодать, пока я продам действительно стоящую вещь? То-то... А дешевые копии по карману многим. Тем более что большинство покупателей разбирается в живописи как свинья в апельсинах. Им не важно, авторская работа или нет. И кто этот автор. Главное, чтобы доминирующий цвет картины гармонировал с обоями. Вот такие у нас "знатоки".

– Но тогда напрашивается вопрос: зачем вы эту картину выставляете вместе с остальными, если не собираетесь ее продавать?

– Вам не понять, – отрезал художник.

– Ну почему же? Или вы считаете меня тупицей?

– Что вы, нет! – Художник смутился. – Просто... – Он замялся. – Понимаете, эта картина – моя Голгофа.

Пришла очередь смутиться и Артему. Смысл последней фразы он постигнуть не мог, хотя и заставил мозги работать на полную силу.

– Кгм!.. – прокашлялся майор ради необходимой паузы; он уже хотел сказанное художником замять и даже кивнул с глубокомысленным видом, но любопытство все-таки взяло верх и вопрос сорвался с языка помимо его воли: – Простите, но почему Голгофа?

Судя по этому полотну, Бог вас талантом не обделил.

– Вот, вот! – с горечью подхватил художник. – Именно – не обделил талантом. И не более того. А во всем остальном – полный облом. Еле концы с концами свожу. И вместо того, чтобы работать над авторскими, серьезными произведениями, занимаюсь черт знает чем.

Потому я приношу сюда эту картину как свой крест и, ежедневно глядя на нее в окружении написанных одной левой копий, говорю себе: "Салтыков, какая ты гнусная, ленивая и жадная скотина! На что ты тратишь драгоценное время!? Деньги – это грязь. А настоящее искусство – вечность. Плюнь на все и займись серьезным делом. И благодарные потомки воздадут тебе по заслугам". Так я терзаюсь до вечера, а затем... затем иду в свою мастерскую и мараю красками очередной холст, чтобы усладить взор какой-нибудь Дуньки из новых русских скопированным "шедевром". Или пью до чертиков в компании собратьев по ремеслу.

– Каждому свое... – туманно сказал Артем, которому было недосуг углубляться в дебри софистики.

– Вот и вы меня осуждаете. Не спорьте, не спорьте, я вижу! И правильно, черт возьми, правильно! Жизнь дает нам возможность выбора, чтобы мы сами определились по какой дороге идти. Но мы почему-то выбираем не самый благородный и полезный для общества (пусть и тернистый) путь, а прямую и с виду легкую тропинку, на обочине которой, как нам кажется, растет земляника. Мираж! Все это мираж. Легких путей не бывает. У меня в особо удачные дни карманы набиты деньгами. Ну и что? А ничего. Пропил, прожрал – и все сначала. Нет бы сесть за мольберт и годик попахать в поте лица, пусть и впроголодь... а там выставка, другая, третья... международное признание... Эх! С-сукин ты сын, Салтыков!

Он с отвращением сплюнул и начал раскуривать трубку.

– По-моему, на этом месте сидел другой человек... – будто в раздумье сказал майор.

Решив, что первый контакт с нужным человеком прошел вполне на уровне, Артем начал

планомерную осаду говорливого художника по фамилии Салтыков. Вдруг, расчувствовавшись, расскажет что-нибудь дельное?

– Сидел, – поддержал разговор художник. – Представился... намедни. Только какой он художник? Так, ремесло... Но глаз имел зоркий. И вообще – хороший был парень. Вчера мы поминали его.

– А что с ним стряслось?

– Какая-то сволочь... – дальше следовало и вовсе непечатное, но от всей души. – Зарезали Мишу. Добрее человека, чем он, сыскать было трудно. Кому мог стать поперек дороги безногий калека!?

– Вот именно – кому? – сочувственно и с возмущением поддержал его майор – не без задней мысли.

– Косороговские... – с ненавистью сказал Салтыков. – Козлы вонючие. Это их рук дело. Зуб даю – они убили Мишу.

– С какой стати? – Артем и впрямь был удивлен и озадачен.

Косороговская братва была самая неуправляемая и непредсказуемая. Она нахально "паслась" на территории других группировок, из-за чего мало какой месяц обходился без разборок. Их все считали придурками, и выяснение отношений обычно заканчивалось всего лишь драками, без применения оружия. Филя Косорогов, организовавший свою банду пять лет назад, считал себя буддистом и уповал не на стволы, а на боевые искусства Востока.

– Есть причины, – с таинственным видом ответил художник и умолк, попыхивая трубкой.

– Может, он каким-то боком сотрудничал с ними? Что-то не поделили... Так бывает, – высказал предположение майор – лишь бы что-то сказать.

– Сотрудничал!? Да вы что! Миша с ними дрался... чуть не перестрелял уродов, – горячился Салтыков. – Как дал в зубы... этому...

И тут же, наконец заметив пристальный, изучающий взгляд Артема, прикусил язык – понял, что сболтнул лишнее.

– Кому? – спросил майор и, встретив наигранно непонимающий взгляд художника, уточнил: – Кому дал в зубы?

– Какая разница... – отстранено буркнул Салтыков. – Извините, я сворачиваюсь. Сегодня тут делать нечего – граждане предпочли барахолку. Осенняя распродажа по сниженным ценам...

– А может, все-таки, закончим разговор?

– Пардон... – Художник воинственно выпятил грудь. – А кто вы такой, черт возьми, чтобы заставить меня языком попусту трепать!?

– Почему попусту? Вы ведь тоже хотите, чтобы убийцы Михаила не остались безнаказанными?

– Допустим. Ну и что? – Салтыков скептически фыркнул. – Я всего лишь маленькая букашка, которую может, походя, раздавить любой бык. С ними милиция не может справиться, все ищет их, а они вон где, – художник указал на проезжающие чуть поодаль машины, – на "мерсах" и "джипах" катаются, зубы скалят. А вы, как я понял, из угрозыска? – Он насмешливо

ухмыльнулся.

– Да, – коротко ответил Артем и показал удостоверение. – Как вы догадались?

– Чего проще, – снисходительно ответил художник. – Я это предположил сразу, как только вы подошли. Меня смутил лишь ваш интерес к моей работе. Извините, но в милицейской среде к искусству относятся весьма прохладно и настоящих знатоков днем с огнем не сыщешь. А вы поначалу сбили меня с толку.

– Значит, ваша догадка была на уровне предположения?

– Не совсем. Вас выдает взгляд. Уж больно он пристальный, до печенок достает.

– М-м... – Майор смущенно отвел глаза в сторону. – Как ваше имя-отчество? – спросил он, чуть погодив.

– Все зовут меня Клим. Без отчества.

– Я хочу сказать вам, Клим, что Миша Завидонов был моим другом. Очень близким другом. И я просто обязан найти мерзавца, который его убил. Надеюсь, в этом вопросе все понятно?

– Как не понять... – Салтыков нахмурился. – Гады...

– Из-за чего и когда начался конфликт Михаила с косороговскими?

– Весной все это случилось, в мае. Филькины голодранцы решили художников пощипать.

Чтобы мы им дань платили. Каково! Да нас даже дягилевцы не трогают. А тут... эти... – Клим длинно и смачно выругался. – Извините, – спохватился он. – Накипело... Вот Миша с ними и схлестнулся. До рукопашной дело дошло. Это поначалу. Косороговских было трое, все здоровые лбы, но Миша их просто расшвырял. Инвалид! Мы глазам своим не поверили. У него руки, как рычаги, если схватит – пиши пропало. Они полезли нахрапом, решили его проучить, чтобы не выступал. Ну и получили. А на другой день эти отмороженные пришли впятером, с палками и нунчаками. Тогда Михаил достал обрез двустволки и сказал, что перестреляет их как бешеных собак. И знаете, этих козлов словно корова языком слизала. Больше на Развале они не появлялись.

– На косороговских это не похоже, – сказал майор. – Знаю из своего опыта. Они всегда действуют спонтанно. Филькина братва месть никогда не откладывает в долгий ящик. И ножом они обычно не пользуются.

– Ну, не знаю...

– Как я понял, вы располагались рядом с Михаилом. Верно?

– Да. Теперь вот... расширился... – Салтыков с иронией показал на свои стеллажи с картинами. – Тут место хлебное. Кому горе, а кому маленькие радости. Дерьмовый мир...

– А последнюю неделю-другую вы ничего необычного не замечали в поведении Завидонова?

– Замечал... – Клим задумчиво потер лоб.

– Что именно? – поторопил его вопросом майор.

– Он стал неразговорчивым.

– Завидонов всегда был молчуном, – досадливо поморщился Артем, ожидавший от откровений художника совсем иного.

– Не скажите, – возразил Клим. – Может, где-то Миша и впрямь держал язык на привязи, но с нашими хлопцами он любил побалагурить. Уж я-то знаю.

– Спорить не буду, – согласился майор. – Значит, Михаил стал замкнутым. И это все?

– Нет, не все. Он начал портачить. И это меня очень удивило. У него был глаз алмаз.

Профили клиентов получались абсолютно точными. Да, он был ремесленником, без образования и большой практики, но самобытного таланта ему вполне хватало, чтобы при страстном желании заниматься рисунком и живописью под руководством опытного наставника через некоторое время заткнуть за пояс некоторых наших, с позволения сказать, коллег. – Салтыков бросил презрительный взгляд на художников, которые, сбившись в кучу, о чем-то судачили поодаль. – К сожалению, он никак не мог решиться на учебу и серьезную работу. Миша относился к художникам с пиететом и даже в мыслях боялся поставить себя вровень с нами. Глупо...

– И все равно эти "странности", как вы квалифицировали поведение Михаила в последние дни, ни о чем не говорят. Мало ли что у него было на уме.

– По-моему, Миша за кем-то следил, – немного поколебавшись, сказал Клим. – Но это только предположение! Шитое белыми нитками.

– Почему вы так решили? – Артема неожиданно охватило возбуждение.

– Уж очень он пристально разглядывал прохожих, будто выискивал кого-то. А иногда сворачивался в большой спешке и уезжал на своей коляске с такой скоростью, словно за ним гнались.

– Что еще?

– Записи в блокноте делал. Тайком, чтобы никто не видел.

– Записи? – Майор хищно прищурился. – Расскажите, как выглядит этот блокнот.

– Самый обычный, ширпотребовский. В коричневом переплете. Маленький. Уже изрядно потертый. На развороте напечатан календарь.

Артем вспомнил личные вещи Мишки, изъятые на время следствия. Коричневого блокнота среди них не было.

– Спасибо, Клим. – Майор испытующе посмотрел на хмурого художника. – А может сторгуемся?

– Вы о чем?

– Уж очень мне картина ваша понравилась, – признался Артем. – Чем-то она тронула меня за живое... Непонятно чем, но – факт.

– Уж извините – нет, – отрезал Салтыков.

– Жаль. – Майор был совершенно искренен в своих сожалениях. – Ладно, мне пора. Вот моя визитка, если еще что-то вспомните – пожалуйста, позвоните. До свидания!

– Угу...

Художник смотрел на майора исподлобья – неприязненно и отчужденно. Артем только вздохнул про себя. Майор хорошо понимал Салтыкова. Они принадлежали к разным мирам, которые если и соприкасались, то словно кометы – та, что потяжелее, разбивала другую,

более хрупкую, вдребезги. Власть и творческая личность всегда несовместимы.

Закон единства и борьбы противоположностей, вспомнилось Артему из курса философии.

Может, старина Маркс не настолько примитивен, как принято считать в последние годы?

Уже на перекрестке майора будто что-то укололо в спину. Он обернулся и увидел как Салтыков небрежно швырнул его визитку в урну. Сукин сын, подумал он вяло. Ладно, пусть его. Художника можно понять. В нынешние времена нельзя доверять никому.

Удостоверение сотрудника угрозыска не дает никакой гарантии, что его обладатель не работает на мафиозные структуры.

Блокнот... В коричневом переплете... Нужно разыскать его во чтобы-то ни стало!

Глава 6

Дома Саюшкина ждали неприятности. В образе его сожительницы Верки. Когда-то она была весьма недурна, что отразилось на ее характере. Верке уже стукнуло тридцать пять, но она до сих пор мыслила себя шестнадцатилетней и выпендривалась словно кинозвезда.

Верка даже вещи подбирала согласно своему мнимому возрасту. Сегодня Верка была одета в блузку, которая мало что скрывала, и обернутый вокруг худых бедер крохотный лоскут материи называющийся юбкой.

– Негодяй! – Верка швырнула в него диванной подушкой-думкой. – Все твои обещания – пустой звук!

– Ты чего бузишь? – искренне удивился Леха.

Он и впрямь не чувствовал за собой никаких провинностей.

– А то ты не знаешь! – Верка с вызовом подбоченилась. – Обещалкин чертов!

Леха быстро отступил на безопасное расстояние, потому что Верка опять начала искать, чем бы в него запустить. Вор хорошо знал, что когда она в гневе, то в его голову может полететь не только мягкая подушка, но и утюг.

– Остынь, подруга! – придав голосу властность, сказал Саюшкин. – Говори толком, что случилось?

– Ничего! – отрезала Верка. – Кроме того, что сегодня вечером мы должны были пойти на ансамбль "Золотое кольцо". Ты опоздал. – Она достала из сумочки две смятые бумажки, бросила на пол и с садистским выражением на густо накрашенном лице начала на них топтаться и шоркать ногами. – Такие дорогие билеты – и пошли коту под хвост! В этом ты, ты виноват! Мерзавец!!! – Она совсем взъерепенилась. – Я... я уйду от тебя! Сволочь, гад, всю жизнь мне испортил! Натерпелась!

– Заткнись, зараза! – вспыхнул и Леха. – Мне сейчас не до ансамблей. Не нравится жить под моей крышей – катись на все четыре стороны.

– Что-о!? Это... ты... мне говориш-шы!? – Верка зашипела, словно рассерженная кошка.

– А кому же? Кроме тебя, здесь никого нету, – грубо ответил разозлившийся Саюшкин. – Ко

всему прочему, таких дур, как ты, нужно еще поискать. Что глаза вытаращила? Вали отсюда! А полезешь на рожон – зубы выбью.

Верку заклинило. Она никогда не видела Леху таким обозленным и жестким. Не обращая на нее ни малейшего внимания, Саюшкин лихорадочно искал джинсы и куртку потеплее.

Ему предстоял ночной выход, а вечера уже стали прохладными.

– Леш, а Леш! – через некоторое время робко окликнула Верка своего "ненаглядного", когда окончательно поняла, что на этот раз ей не светит одержать победу в семейной баталии. – Ты... куда?

– Туда! – злобно буркнул Леха. – Не твое собачье дело. Ты еще здесь?

Но Верка и не думала уходить. Она никак не могла понять, чем объясняется такая разительная перемена, случившаяся с ее обычно добродушным и покладистым дружкой.

Сдавшись на милость победителя, сожительница Саюшкина с неожиданной робостью, едва не на цыпочках, пошла на кухню, но тут же изменила свое решение и заперлась в ванной, где дала волю слезам. Верку душила обида. И вовсе не потому, что Леха обозвал ее разными нехорошими словами. А из-за того, что она проиграла схватку по всем статьям.

Уходя, Саюшкин с такой силой грохнул дверью, что посыпалась штукатурка. Выглянув в прихожую, Верка скрутила ему вслед кукиш и выругалась так длинно и виртуозно, что ей позавидовал бы даже старый морской волк. Но Леха ее прощального "привета" уже не слышал.

Он шел к Кроту. Это был очень странный и скрытный тип, о котором даже ушлые деловые мало что знали. Когда-то, в конце брежневских времен, Крот погорел на крупной афере с нержавеющей сталью, которую, минуя все кордоны, левым путем гнали вагонами в республики Средней Азии за наличный расчет. Ему светила стопроцентная "вышка" без смягчающих обстоятельств. Как Кроту удалось выкрутиться, не имели понятия даже высокопоставленные сотрудники местных правоохранительных органов.

Крот кантовался на зоне в аккурат до перестройки и вышел на свободу, когда появились первые кооперативы, едва не с ореолом мученика, пострадавшего от коммунистического режима из-за недюжинной деловой хватки. Свою кличку он получил в местах не столь отдаленных, где его снабженческие таланты были оценены по достоинству. Он мог достать что угодно и буквально из-под земли.

К удивлению людей, знавших Крота (а если по паспорту, то Бубенцова Илью Львовича), он не бросился в хорошо знакомый ему мир наживы и чистогана, а засел в домике своей матери и затаился как революционер-подпольщик. Позже, когда развалился Союз, Крот купил себе квартиру в центре, где его застать было достаточно трудно, так как Илья Львович колесил по всему СНГ и даже по странам дальнего зарубежья непонятно с какими целями. Никто не знал, чем он занимался, но деньги у него водились – очень большие деньги.

Когда начали создаваться бригады братвы и рэкет взял под контроль практически все фирмы, предприятия и рынки, Бубенцов тоже попал в поле зрения "народных контролеров". И не потому, что включился в легальный бизнес, а из-за своих прежних "заслуг". О нем (вернее, о суммах, которыми ворочал Илья Львович) вспомнил бывший его сослуживец, к тому времени превратившийся в местного авторитета. Наверное, он небезосновательно полагал, что Крот, несмотря на все конфискации, кое-что припрятал и на черный день. Не долго думая, авторитет послал своих мордovorотов к Бубенцову, чтобы они как следует потрясли подпольного (как он считал) миллионера и заставили платить дань.

Следствием такого необдуманного поступка явились трупы четырех "бойцов", ближайших соратников авторитета. Их нашли далеко за городом, на песчаном берегу реки, куда рэкетиров вынесло течение. Авторитет сразу сообразил, кто виноват в их смерти. Но когда на следующий день он ехал на своей крутой тачке в сопровождении вооруженной до зубов охраны, чтобы примерно наказать осмелившегося дать ему отпор, его встретили два гранатометчика. Они явно были профессионалами, потому что им хватило всего двух выстрелов, чтобы превратить "мерс" авторитета и легковушку с братвой в груды обгоревшего металлолома.

С той поры Крота не осмеливались трогать ни местные мафиози, ни правоохранительные органы; и для тех, и для других он был загадкой; смертельно опасной загадкой.

Создавалось такое впечатление, что все остальные жили на светлой, а Крот на темной стороне луны.

И никто даже в мыслях не мог предположить, что собачий вор Леха Саюшкин, мелкая сошка в уголовном мире, имеет какие-то отношения к гибели авторитета и его подручных.

Он знал Крота с прежних времен, так как работал на том же предприятии. Притом, в его прямом подчинении.

Конечно, тогда Леха сном-духом не ведал о махинациях шефа, но и спустя годы сохранил к нему теплые чувства – Илья Львович своих подчиненных не обижал, был с ними обходителен и ласков и часто баловал премиальными. Когда Саюшкин услышал по пьянке от своего приятеля, входившего в группировку авторитета, что Бубенцова собираются взять на цугундер, он даже не думал сомневаться – в тот же вечер пошел к Илье Львовичу и все ему рассказал.

После кровавой бани, устроенной авторитету, перепуганный Леха лег на дно. Он едва с голодухи не помер, скрываясь в потаенных местах от любезного Ильи Львовича.

Саюшкин был уверен, что такого свидетеля, как он, вряд ли оставят в живых. Однако вора все-таки разыскали и доставили к Бубенцову. Мысленно попрощавшись с жизнью, обреченный Леха даже не подумал просить о снисхождении. К тому времени он уже хорошо знал нравы и обычаи местных мафиозо.

Однако все произошло не так, как ему представлялось. Илья Львович поблагодарил его за информацию, дал ему крупную сумму в долларах и отпустил на все четыре стороны. Он лишь попросил Саюшкина, чтобы тот просто забыл о случившемся. Очень настоятельно попросил. И еще Бубенцов пообещал, в случае нужды, помочь Лехе в решении любых личных проблем.

С того времени Саюшкин Крота не видел. Он был не настолько глуп, чтобы когда-нибудь напомнить о своем существовании и воспользоваться обещанием бывшего шефа. Леха понимал, что маленькому карасю лучше не плавать там, где обретаются зубастые щуки.

Но сейчас у него просто не осталось иного выбора. Из того переплета, в который он попал, его может выручить только Крот. Если, конечно, пожелает...

Подъезд престижного здания, где жил Бубенцов, был закрыт. Леха с замершим сердцем нажал на кнопку домофона и когда раздался знакомый голос Крота, вор с ужасом почувствовал, что его язык вдруг стал большим и сильно шершавым и утратил способность двигаться. Гримасничая и заикаясь от напряжения, Саюшкин все-таки выдавил из себя несколько слов:

– И-илья Льво-вич! Э-э... Это я, С-саюшкин. Н-нужно поговорить...

– Леша? – В голосе Бубенцова явственно прозвучало удивление. – Заходи...

Свою четырехкомнатную квартиру Илья Львович обставил по высшему разряду. Это смог определить даже Леха, разбирающийся в интерьере как свинья в апельсинах. Он отметил про себя лишь то, что мебель очень дорогая, а висевшие на стенах картины старинных мастеров явно были подлинниками.

– Садись, дорогой, не стесняйся. – Бубенцов указал на кожаное кресло и подкатил к нему бар на колесиках. – Что будешь пить? Виски, джин, коньяк?..

Крот был видный мужчина – высокий, плотно сбитый, с густой и ухоженной шевелюрой и умными пронзительными глазами, похожими на отборный чернослив. Его холеное лицо с правильными чертами портил лишь длинный шрам на левой скуле.

Даже зона не могла истребить барские замашки Ильи Львовича. Сегодня на Бубенцове был шикарный стеганый халат (как в кино про заграничных аристократов), темномалиновые брюки из модной ткани и отороченные мехом коричневой норки комнатные туфли.

– Мне все равно, – ответил Леха, мысли которого никак не могли приобрести необходимую стройность.

– Значит, попробуем коньяк. Это армянский, недавно привезли. Подарок. Прима. Лучший из лучших. Сейчас сам убедишься. Куда там французскому... – Илья Львович гостеприимно разлил коньяк по серебряным рюмкам с позолотой внутри, принес порезанный на дольки лимон и орешки. – За встречу!

Саюшкин выпил рюмку не спеша, мелкими глотками, как и положено, – чтобы не ударить в грязь лицом перед таким большим гурманом, как его бывший шеф, – но вкуса раритетного напитка так и не ощутил. Мало того, ему показалось, что коньяк какой-то некрепкий, водянистый.

– Еще по рюмашке? – спросил Бубенцов.

Леха кивнул. И с тоской подумал, что уж больно тара маловата. Сейчас бы хватить полный стакан, и лучше водки... да под малосольный огурчик... Эх!

Вторая рюмка неожиданно ударила в голову, вызвав легкий приступ эйфории. Леха зажевал лимонной долькой и поднял глаза на Илью Львовича. Тот наблюдал за ним с какой-то странной улыбкой.

– Как поживаешь? – спросил Бубенцов.

– Да так... средне.

– По нынешним временам это уже неплохо, – снова улыбнулся Илья Львович.

– Наверное, – согласился Саюшкин. – По крайней мере, не сижу на паперти с протянутой рукой.

– Бизнесом не занимаешься?

– Мозгов не хватает, – честно признался Леха. – И связей.

– Тебе нужно баллотироваться в депутаты. Тогда и связи появятся.

– Илья Львович, вы смеетесь? Как говорится, с нашей суконной рожей да в калачный ряд.

Там ждут меня, не дождутся.

– Что ты, мил человек! Это вовсе не смешно. Ни в коем случае. – Бубенцов действительно стал серьезным. – Тебе в Думе самое место. Уж поверь мне, старику. Ты нигде и ничем не замаран (по крайней мере, официально), внешность на уровне, биографию тебе можно состряпать – закачаешься. А насчет мозгов... Котелок у тебя варит вполне прилично, уж мне это известно.

– Чтобы стать кандидатом в депутаты, нужны большие деньги.

– Деньги как раз не проблема. Главное, чтобы человек был подходящий... – Илья Львович смотрел на Леху испытующе, будто целился – прищурился один глаз. – Ну, ладно, оставим этот разговор... до лучших времен. Если они, конечно, когда-нибудь наступят. Так что там у тебя за проблема?

– Не знаю, как и сказать...

– Мне можешь выкладывать все – словно на духу. Без всякой опаски.

– Потому я и пришел именно к вам... – Саюшкин собрался с духом выпалил: – Хочу толкнуть партию наркоты.

– Даже так? – удивился Бубенцов. – И сколько у тебя?

– Килограмм... – немного поколебавшись, все-таки соврал Леха.

Ему было хорошо известно, что лишние знания очень обременяют человека. Даже такого надежного, как его бывший шеф.

– Надеюсь, не маковой соломки? – Взгляд Крота стал острым как бритва.

– Героин...

– М-да... – Илья Львович на этот раз выпил коньяк одним махом; Леха тут же последовал его примеру – чтобы утихомирить расшалившиеся нервы. – Килограмм героина... это интересно... Но почему ты думаешь, что я могу тебе помочь в этом вопросе?

– Честно?

– А как иначе? По-моему, до сих пор мы друг друга не подводили под монастырь.

– Илья Львович, я всегда знал, что вы большой человек, – мимоходом польстил вор Кроту.

– Конечно, такими вещами, как торговля наркотиками, вы, я думаю, не занимаетесь. Но, надеюсь, сможете подсказать к кому мне обратиться. Я хочу сдать героин оптом.

Главное, подумал Саюшкин, чтобы он свел меня с нужными людьми. С такой рекомендацией можно толкнуть хоть сто килограмм. И никто даже не вякнет: что да почему, откуда и зачем.

– Я давно отошел от дел, – задумчиво сказал Бубенцов. – И, если положила руку на сердце, с другими на эту тему разговоров бы не вел. Но тебе я обязан жизнью. Да, да, не спорь! Так оно и есть. И я хорошо помню свое обещание. Но! – Он поднял вверх указательный палец.

– Ты далеко не мальчик, и знаешь, какими неприятностями может обернуться такой бизнес.

– Значит, вы отказываетесь... – упавшим голосом сказал Саюшкин.

– Этого я не говорил. Но позволь спросить: откуда у тебя такое количество героина? Он очень дорог. Ты выступаешь при продаже как посредник?

– Нет! – поторопился ответить Леха. – Товар мой.

– Если так, то это другой разговор. Пойми меня правильно: я не хочу таскать каштаны из огня голыми руками для каких-то козлов. В этом бизнесе много подводных камней и никогда не знаешь, где сядешь на мель. Ладно, подумаем...

– Спасибо, Илья Львович!

– Погоди благодарить. Для начала мне нужно разведать обстановку, поспрашивать коекого...

– Но я могу надеяться?

– Скажу через неделю. Спешка – это свойство дьявола. Тем более с таким товаром.

– А раньше... никак нельзя? – все-таки осмелился робко спросить Саюшкин.

После посещения бара и разговора с Саврасычем ему начало казаться, что у него на спине загорелась рубашка. Легко сказать – не спеши. А если истинные хозяева героина выйдут на его след? От такой мысли вор почувствовал легкое головокружение.

– Нет! – резко ответил Бубенцов; теперь он смотрел на Леху с подозрением.

– Извините, это я ляпнул сдуру, – смутился Саюшкин. – В бизнесе я телок. Хочется все сделать как можно быстрее. Надеюсь, вы меня понимаете...

– Как не понять... – оттаял Крот. – Ко всему прочему, товар у тебя весьма специфический.

Ничего, научишься. Терпение – это главная добродетель настоящего бизнесмена.

Леха благоразумно промолчал. Он и сам умел терпеть. Но это был не тот случай.

– Образец героина, надеюсь, ты не забыл принести? – деловым тоном спросил Илья Львович.

– Прежде чем что-то предлагать потенциальному покупателю (вдруг, все-таки, мне удастся найти такого), нужно чтобы он лично удостоверился в надлежащем качестве товара. Это закон деловых отношений.

– А как же! – с воодушевлением воскликнул Леха. – Двух грамм хватит?

– Вполне...

Саюшкин ушел от Бубенцова поздним вечером. Закончив деловую часть разговора, они предались воспоминаниям. Не забывая при этом время от времени прикладываться к бутылке. Леха сидел как на иголках. Но делал вид, что ему очень приятно. А куда денешься? Назвался груздем, полезай в кузовок.

На улице стояла темень хоть глаз выколи – самодеятельные "сборщики" металлолома месяц назад снимали провода осветительной линии. Где-то неподалеку слышалась площадная брань и пьяные голоса, исполняющие заливчатую песню. Воровское, смутное время... Саюшкин втянул голову в плечи и скорбно вздохнул. Эх, жизнь...

Глава 7

Капитан Гольцова выглядела уставшей. Она была одета неброско, даже бедно. Эти шмотки служили маскировочной одеждой. Двое суток, практически без сна и отдыха, ей пришлось

работать над заданием, которое дал ей майор. Правда, он не ожидал от нее такого служебного рвения. Хотя бы потому, что задание, которое Артем подбросил своей помощнице, он высосал из пальца – лишь бы не путалась под ногами со своими женскими штучками.

Гольцова занималась беспризорными детьми. Похоже, очередная встреча с современными реалиями не прошла для нее бесследно. Живой блеск в ее глазах будто присыпали пеплом, у крыльев носа пролегли глубокие складки, которые прежде были почти незаметными, а на высоком чистом лбу явственно проступили морщинки.

"А ведь она не так уж и молода, как кажется с первого взгляда, – почему-то с удивлением подумал майор. – И до сих пор не замужем. Наверное, за мента выходить не хочет, а другие мужики, узнав о ее профессии, тут же рвут когти... Фу! Какие глупости лезут в голову! Займись лучше делом, мыслитель, через час на ковер к шефу".

– Как успехи? – спросил он без особого энтузиазма, раскладывая бумаги по папкам.

– Не знаю, что и сказать... – Гольцова достала блокнот.

– Если фактаж нулевой, то продолжайте разработку, – с внезапным раздражением сказал Артем; и тут же устыдился своей невоспитанности. – Поговорим в конце рабочего дня... скажем, ближе к шести вечера. Сейчас мне недосуг.

– Уделите мне пять, от силы десять минут. Пожалуйста...

– Хорошо. Только давайте покороче. Что там у вас?

– Я работала с детьми из двух железнодорожных вокзалов и контингентом спецприемника.

К сожалению, двух суток на полную раскрутку маловато.

– Ничего, это не беда. Специфика нашей работы всегда предполагает дефицит времени.

Еще день-два относительной свободы наскребу для вас. А потом придется вам подключаться и к другим делам.

– Если честно, я просто запуталась.

– Почему?

– Получается чересчур много ответвлений от версии. Здесь и распространение наркотиков, и проституция, и воровство, и...

– Не нужно читать мне лекцию о малолетних преступниках, – перебил ее Артем. – Мы это уже проходили.

– Извините... – Гольцова смутилась. – Отбросив все, что я перечислила, можно оставить лишь один весьма интересный факт: начиная с позапрошлого года, начали куда-то исчезать подростки возрастом от десяти до двенадцати лет. Как мальчики, так и девочки.

– Вы со сводкой о без вести пропавших ознакомились?

– Конечно.

– По-моему, там все сказано. Исчезают не только дети, но и взрослые, притом большинство – бесследно. Исчезают – и все тут. Во всех странах мира, на всех континентах. Так что по этой части мы не первые, но и не отстаем. Домыслы можно строить какие угодно. Вплоть до инопланетных торговцев живым товаром. Прилетели на тарелке, сцапали землянина – и в

дальнюю галактику его, на плантацию космической капусты в качестве раба.

– Нет, в нашем случае все по-иному. – Гольцова, наконец, полностью взяла себя в руки и стала строгой и деловитой. – По свидетельствам их сверстников, тоже беспризорников, которые числились в приятелях пропавших, примерно через полтора года они возвращаются. Но какие-то другие.

– Что значит "другие"? Дети, знаете ли, имеет склонность быстро взрослеть, расти. Год для ребенка, что для взрослого десять. Малыши меняются внешне и внутренне с умопомрачительной быстротой.

– Во-первых, "возвращенцы" (назовем их так) чище одеты, нежели другие беспризорники, хотя своих прежних привычек не оставили. Я имею в виду, что они все так же находятся в общей массе подобных себе, попрошайничают, подрабатывают на мытье стекол автомашин и продажей газет вразнос. Но вот ночуют они неизвестно где.

– Там же, где и все остальные, – скептически ухмыльнулся майор. – В списанных вагонах, на чердаках, в подвалах и так далее.

– Ничего подобного! – горячо возразила Гольцова. – Я опросила не менее сорока человек, и они в один голос твердят, что эти подростки проводят ночи в каких-то других местах. Там их даже кормят. Где именно находятся их ночлежки, не знает никто. Попытки прояснить этот вопрос наталкиваются на жесткий отпор. Между прочим, возвращенцы, как рассказывают, со старыми приятелями практически не общаются, держаться вместе, и дерутся вполне профессионально. А это весьма необычно. Создается впечатление, что их кто-то обучает.

– Марина Викторовна, только без фантазий! Уличные пацаны и впрямь могут драться.

Притом, беспощадно. А учит их сама жизнь. И американские боевики, в которых крови и насилия гораздо больше, чем здравого смысла. Я уже не говорю о человеколюбии.

– Возможно... Не знаю... – Гольцова упрямо поджала полные, резко очерченные губы. – Воспитатели спецприемника тоже в один голос твердят, что с этими детьми что-то происходит.

– Что именно?

– Несколько раз после милицейских рейдов возвращенцы попадали в спецприемник. Ну, вы знаете, это когда нашему большому начальству нужно показуху устроить...

Майор насторожился. В милицейской среде разговор о начальстве обычно был запретной темой. А тем более ругань в адрес высоких чинов. (Ну, разве что по пьянке, когда море по колени, и только в кругу родственников). Однажды, в молодости, он имел неосторожность пооткровенничать с коллегой, почти другом, по поводу не укладывающихся ни в какие рамки выходок шефа. И после этого числился в изгоях до тех пор, пока не перевелся в другой РОВД.

– Ближе к теме, пожалуйста, – сухо сказал Артем; кто знает, что у этой дамы на уме и за какие заслуги ей достались капитанские погоны.

– Так вот, – продолжила Гольцова, – все воспитатели обратили внимание на резко изменившееся поведение этих детей. Они стали... как бы это сказать... нет, не взрослее, а замкнутей. Холодность в отношениях, не свойственная подросткам выдержанность и невозмутимость. Одна воспитательница призналась, что мысленно называет возвращенцев зомби. От них, сказала она, исходит какая-то опасность.

– Контингент, с которым сталкиваются в спецприемнике, действительно не медом намазан.

Эти, с позволения сказать, цветы нашей жизни, способны на что угодно. Так что воспитательница данного спецучреждения, которая трудится в этой системе, похоже, недавно, никаких Америк не открыла. Работать с такими детьми и впрямь нелегко.

– Согласна. Но если другие подростки в основной своей массе не рвутся вновь на улицу, то возвращенцы убегают при первой возможности.

– Ладно, пусть их... – Майор начал раздражаться; по его мнению, доклад Гольцовой превратился в пустую болтовню. – Детская психология – не паханое поле. У вас все?

– Да.

– Прямо скажем, не густо. Одни домыслы. – Артем почувствовал, что чересчур резок с Гольцовой, но уже не мог остановиться. – А воз и ныне там. Я просил найти тех попрошаек, которые приходили к Завидонову в день его гибели. Всего лишь. Вдруг их и впрямь использовали для проникновения в его квартиру. Подобные варианты случались и прежде. Никто ведь не отрицает, что преступники используют малолеток в своих целях. В частности квартирные воров – "форточники". Все, вы свободны.

Гольцова стремительно встала. Артему показалось, что она вот-вот расплечется. Но девушка сдержала себя и спросила, глядя куда-то в сторону:

– Мне... продолжать?..

– Я даю вам еще три дня. Хочу напомнить – нам нужны конкретные факты, а не рассуждения на абстрактные темы. – Майору стало неловко за излишнюю строгость, и он смягчил тон. – Все-таки попытайтесь отыскать тех пацанов, что приходили к Завидонову.

Подключите райотделы. У них информации по городским попрошкам воз и маленькая тележка. А я в свою очередь попрошу шефа посодействовать в этом вопросе. Что касается возвращенцев... – Он на мгновение задумался. – Возможно, в этом и есть какое-то рациональное зерно. Ладно, попробуйте дожать ситуацию до конца. Это значит, что для начала вы должны лично побеседовать с кем-нибудь из таких подростков. А после, если ваши – должен заметить, пока неясные – подозрения будут иметь более твердую почву, попробуем подключить службу наружного наблюдения. Чем черт не шутит...

Гольцова без особого воодушевления кивнула и вышла с высоко поднятой головой.

Обиделась, подумал капитан. Крепко обиделась. Теперь в ее восприятии я превратился из душки майора в тупоголового болвана, зашоренного на дурацкой версии. Поди, разыщи среди сотен обездоленных детей нужных. Легче найти бежавшего из колонии рецидивиста, нежели беспризорных пацанов, мигрирующих по городу постоянно и хаотически.

А в общем, решил Артем, дамочка очень работоспособна. И настойчива. Что весьма ценно в их профессии. Ладно, поживем – увидим, заключил он. Притирка в любом коллективе дело непростое. Особенно в таком специфическом как уголовный розыск. Чтобы без малейших колебаний и сомнений доверить коллеге защищать свою спину, нужно с ним не в одной передрыге побывать. Иногда в ответственные моменты ломаются такие зубры, что диву даешься. Эх, повернуть бы время вспять! И вместо этой фифочки потолковать о делах служебных с Мишкой. На Завидонова можно было положиться как на каменную гору.

После доклада полковнику схожу к Маняше, решил майор. Давно пора. Как она там? На похоронах жену Завидонова едва не носили на руках; она почти никого не узнавала и выглядела полубезумной. Врачам "скорой" пришлось сделать ей несколько уколов, чтобы Маняша пришла до памяти. Артему хотелось навестить вдову, но он все не решался. Что сказать, какими словами ее утешить? Как посмотреть ей в глаза?

Но встретиться с Завидоновыми майору нужно было под любым предлогом. Когда случилось несчастье, он сделал две непростительные для профессионала ошибки: не опросил по горячим следам домочадцев Михаила и не дал указание обыскать квартиру своего друга самым тщательным образом.

Если по первому пункту шансы майора на доверительный разговор были мизерными, так как горе буквально свалило с ног и Маняшу и ее мать, то обыск он просто обязан был провести. Но Артем ограничился лишь выемкой личного архива Завидонова и изъял наградной пистолет – как и предписывает закон.

С пистолетом получилась странная история. Артем знал, что Мишка хранил оружие в сейфе с довольно простым замком, который стоял на застекленной лоджии, где Завидонов оборудовал мастерскую. Убийцы вскрыли сейф, но его содержимое – ружье двенадцатого калибра со стволами, укороченными кустарным способом, патроны к нему, правительственные награды и личные документы – осталось нетронутым.

Не было лишь пистолета. Который нашелся совершенно случайно – в тайнике, вмонтированном в сидение инвалидной коляски. Впрочем, тайник больше смахивал на кобуру: Мишка сделал его так, чтобы оружие можно было достать мгновенно.

Зачем!? Зачем он таскал с собой ствол, зачем приспособил импровизированную кобуру с таким расчетом, чтобы открыть огонь как можно быстрее? Кого-то боялся? Если да, то почему о своих опасениях Мишка ничего не рассказал ему? Не доверял? Чушь! Такого просто не могло быть. Не хотел выглядеть смешным и беспомощным? Возможно, но маловероятно. Уж кто-кто, а майор знал лучше, чем кто-либо, настолько Завидонов храбр и стоек.

Оставалось единственное – Миша вел собственное расследование какого-то очень опасного дела. Это было на него похоже. Он всегда отличался самостоятельностью в принятии ответственных решений. Почему не ввел Артема в курс дела? А все очень просто – хотел преподнести другу оперу раскрытое дело на тарелочке с голубой каемочкой. Мол, есть еще порох в пороховницах...

Более-менее приличный повод расспросить Маняшу и еще раз – более тщательно – осмотреть жилище покойного друга нашелся только сегодня. Сотрудники отдела уголовного розыска – те, с которыми Миша работал до Чечни – собрали немного денег, чтобы хоть как-то поддержать оставшуюся без кормильца семью. А вручить деньги поручили майору – как человеку, близкому семье Завидоновых.

Дверь открыла мать Маняши, Софья Алексеевна, грузная женщина с глубоко запавшими глазами. Она грустно кивнула в ответ на приветствие Артема и, с видимым усилием переставляя ноги, пошла в гостиную.

Там находилась жена Завидонова. Она сидела в кресле и с отрешенным видом перебирала разноцветные лоскуты. Маняша чинила платице дочери – рядом, на журнальном столике, находилась швейная машинка и плетеная из лозы коробка с нитками, пуговицами и иголками. Похоже, таким образом она пыталась отвлечься от тягостных мыслей.

– Здравствуй, Маня... – У Артема подступил ком к горлу, и невольно навернулись слезы.

– Артем... – Она поднялась и поцеловала его в щеку.

Майор по-братски обнял ее и почувствовал, что она беззвучно заплакала у него на плече.

– Держись, держись... – Больше слов у него не нашлось.

– Держусь. Куда денешься... – Маняша украдкой смахнула слезы, будто застеснялась, и

спросила: – Ты голоден?

– Как зверь, – признался Артем. – Я тут кое-что принес... – Он отдал ей пакет с продуктами.

– А это, – майор положил на журнальный столик сверток, – ребята из отдела собрали денег. На первое время.

– Спасибо, – тихо поблагодарила Маняша. – Дай им Бог здоровья. Пойдем...

Они прошли на кухню, где уже хозяйничала Софья Алексеевна. Она накрывала на стол.

– Помянем Мишу, – сказала Софья Алексеевна, с тревогой глядя на дочь.

Наверное, она боялась нервного срыва – у Маняши было неважно со здоровьем.

Сели, выпили по рюмке водки, Артем съел две котлеты с гарниром и салат из капусты.

Разговор был ни о чем – так, общие фразы. Допивая чай, Артем пытался построить в уме первую фразу, с которой обратится к Маняше, чтобы начать расспрашивать о Мишке.

Однако ни одна толковая мысль так и не пришла в голову майора, и он совсем было отчаялся, но тут ему помогла Софья Алексеевна. Она спросила:

– Еще... не нашли?..

О чем спрашивала Софья Алексеевна ни Артему, ни Маняше можно было не объяснять.

Майор ухватился за вопрос как утопающий за соломинку.

– Пока нет. Ищем. Маня, нужно по этому делу кое-что прояснить. Поговорим?

– Пойдем в комнату, – согласно кивнула Маняша.

– Я сейчас... – Артем достал сигареты. – Покурю на кухне.

Спустя несколько минут они уже разговаривали. – ...Нет, ничего не замечала. – Маняша говорила медленно, глядя на Артема печальными глазами.

Была она худощава, черноока, легка на подъем. И очень недурна собой. Сослуживцы Мишке завидовали – это же надо, такую красавицу отхватил.

– Все как обычно, – продолжала она задумчиво. – Уезжал на работу... – Тут она запнулась. – Уезжал на площадь где-то около десяти утра. Возвращался в шесть-семь вечера. Это летом. Зимой в четыре уже был дома. В холодное время года по будням обычно не работал. Ну, ты сам знаешь, что в ненастье туристов практически не бывает. А если и приезжает группа, то на площади не задерживается. Туристов сразу ведут по музеям.

– Меня больше всего интересует последняя неделя. Может, последние полмесяца.

– Нет, все было как обычно, – опять повторила Маняша. – Ты ведь его знаешь... Лишнего слова не скажет. Все в своей мастерской сидит...

Артем невольно поежился – Маняше говорила о муже не в прошедшем, а настоящем времени, будто он живой. Впрочем, так оно и было. Для нее Миша надолго останется живым. А возможно и навсегда.

Они любили друг друга такой нежной и трепетной любовью, которая редко встречается. А если да, то лишь в сентиментальных романах. Никакие житейские трудности не могли ее

поколебать, а тем более – разрушить. Артем удивлялся. И – завидовал. Белой завистью.

Потому что сам был неспособен на столь удивительное чувство. (По крайней мере, он так думал.) – А незнакомые люди к вам не приходили?

– Когда мы с мамой были дома – нет. Не исключено, что такое случилось, когда мы с детьми уезжали на дачу, а Миша оставался дома. Не знаю...

– Подумай, прошу тебя. Возможно, что-нибудь вспомнишь. Это очень важно. Миша ведь делился с тобой самым сокровенным.

– Но только не тем, что касалось вашей работы. Впрочем, я и не настаивала.

Майор обречено вздохнул. Опять ноль. Нет ни малейшей зацепки. Но так не может быть!

Весь его предыдущий опыт восставал против такого хода событий. Значит, он просто чего-то не замечает, что-то упустил, возможно, очень важное. Но что именно? Эксперт нашел несколько чужих отпечатков пальцев, когда исследовал квартиру, но определить, чьи они, не удалось. По крайней мере, в компьютерной базе данных управления такие не значились.

– Тогда позволь мне осмотреть Мишину мастерскую. Вдруг что-нибудь сыщется. А ты, будь добра, составь с помощью Софьи Алексеевны список тех, кто приходил к вам в обозримом прошлом. Скажем, начиная с апреля. Не торопитесь, мне нужны все, кто переступал порог вашей квартиры – от знакомого сантехника до соседки по площадке или близкого родственника. Совсем будет хорошо, если укажешь день и час посещения.

– А зачем это нужно?

– Для системного анализа, – очень туманно ответил Артем.

Ему вовсе не хотелось напоминать Маняше прописную, затертую истину, что утопающий хватается за соломинку.

В мастерской царил идеальный порядок. Маняша оставила все так, как было до смерти мужа. Убийца обыскивал мастерскую не очень старательно, лишь вскрыл сейф с оружием и пошарил по шкафам.

Что ему, все-таки, было нужно? Искал деньги? Но только полный идиот мог предположить, что в квартире калеки-пенсионера, обремененного семьей, хранится нечто ценное, тем более крупная сумма. А если не деньги, то что? Важные бумаги, документы?

Или материалы какого-то расследования, вдруг Мишка все же решился на свой страх и риск потряхнуть стариной?

Ладно, пусть так. Подобный вариант возможен. Мишке было по душе занятие, приобщающее его к сонму художников, – скорее ремесленников – пусть и дилетантов. Он просто зарабатывал себе на хлеб и у него получалось. Артем знал, что другу даже нравился такой труд. Но все равно в душе Мишка оставался сыщиком, профессионалом. И это тоже было Артему известно. Тогда напрашивался еще один вопрос: убийца нашел то, что искал, или нет?

Судя по беспорядку в квартире, скорее всего, да. При тщательном обыске обычно устраивается настоящий разгром, а в данном случае ничего подобного не наблюдалось.

И все же, все же... Вдруг Мишка оставил где-нибудь копии собранных им материалов? На него это вполне похоже. Он был очень предусмотрительным человеком.

Шаффы, верстак, миниатюрная дисковая электропила, с помощью которой он заготавливал планки для рамок, настольный токарный станок по дереву, мольберт, какие-то эскизы, ватман в рулоне, кисти, краски, большие папки с рисунками карандашом и углем, связка хорошо высушенных липовых брусков, деревянный пенал с резцами, стул вертушка, настольная лампа с большим рефлектором... Мишка любил этот свой маленький мирок, ограждающий его от суетной и жестокой действительности.

Артем не без удивления просмотрел рисунки – ведь это, судя по подписям, работы его друга! Странно, но Миша никогда не говорил ему, что пробует силы в настоящей графике.

У него здорово получалось, не мог не отметить майор. Похоже, художник Салтыков был прав – у Мишки и впрямь прорезался большой талант. И какой-то гад лишил его жизни...

Ублюдок, сын змеи подколодной, чтоб его свиньи сожрали!

Под верстаком, где стояли какие-то ящики и банки с краской, он наткнулся на небольшую картонную коробку с бумажными обрезками. Так ему показалось сначала. Но когда Артем покопался в коробке, то оказалось, что это своего рода архив человеческих профилей, вырезанных из черной бумаги. Они были сложены в полном беспорядке, как обычно бывает с ненужными бумажками или отходами. Тут находились профили – как взрослых, так и детей; скорее, подростков. В основном мужские.

Зачем Мишка хранил этот мусор? Озадаченный майор высыпал содержимое коробки на верстак. И только теперь заметил небольшой самодельный конверт все из той же черной бумаги. Он лежал на самом дне. Открыв его, Артем обнаружил там пять профилей: два мужских и три детских. Никаких записей, объясняющих по какой причине его друг выделил их из общей массы, в конверте не было.

– Что-нибудь нашел? – встретила майора вопросом Маняша.

– Увы... – огорченно развел руками Артем.

Он решил не говорить Маняше о коробке с профилями, которые майор рассовал по карманам. Так будет лучше, решил он. Не исключено, что в этом есть элемент опасности.

А подвергать новым испытаниям – возможно, смертельным испытаниям – и так несчастную семью Артему не хотелось.

К тому же он очень сомневался, что жене Мишки известны люди, послужившие моделями. Сначала нужно сличить профили с картотекой. В частности, мужские. И только в том случае, когда результат получится нулевым, придется все это показать и домочадцам Мишки. Чего очень не хотелось бы.

– Вот... – Маняша отдала Артему листок с фамилиями. – Как ты просил.

– Не густо, – сказал майор. – Всего... сколько?.. четырнадцать фамилий. И это все?

– Тех, кто приходил к Мише, – это были в основном художники с Троицкой – я знала не всех, – смущенно ответила Маняша. – А что касается друзей... После того, как с ним случилось несчастье, многие стали избегать нас. Уж не знаю почему.

Артем промолчал. А что скажешь? Пока человек здоров, силен, работоспособен, друзей у него как песка в пустыне. Но стоит ему пошатнуться, а еще хуже – встать на колени, как немедленно происходит реакция отторжения. И в конечном итоге остается одиночество, печальный удел старости и физической немощи. Как в военном походе – никто не испытывает особого желания возвращаться, чтобы тащить на своих плечах, кроме ранца и личного оружия, раненого или потерявшего силы пехотинца.

– Добро. У меня еще один вопрос: у Миши был блокнот в коричневом переплете?

– По-моему, да.

– Где он?

– Не знаю. Когда я убирала после... ну, тогда... – Глаза Маняши наполнились слезами, но она пересилила себя и продолжила: – Я не видела эту записную книжку.

– Позвольте откланяться. Но у меня есть просьба. Маня, поищи на досуге этот блокнот.

Возможно, он куда-то завалился. Тщательно поищи. Думаю, блокнот может здорово мне помочь в расследовании.

– Обязательно. А ты заходи к нам... когда будет время. Так тоскливо... жить не хочется...

– Перестань, у тебя дети. Не забывай об этом. Миша всегда будет с вами. А я со своей стороны все равно достану того гада, который его убил. Рано или поздно.

Задумчивый Артем вышел из подъезда, даже не застегнув куртку. Дул холодный ветер, но он этого не замечал. Невеселые мысли притупили его бдительность, и майор не заметил, что за ним внимательно наблюдают из машины, припаркованной на другой стороне улицы. Когда Артем сел в троллейбус, автомобиль медленно поехал следом.

Глава 8

Неделя тянулась словно год. Саюшкин в ожидании звонка от Бубенцова сидел над телефоном как кот возле мышиной норы. Он старался не задерживаться подолгу в туалете, а дверь ванной, когда принимал душ, оставлял открытой. Все эти дни Леха не выходил из дому, и весь издергался. Даже малейший шорох приводил его в трепет, а когда Верка что-нибудь роняла, он вскакивал словно ошпаренный.

Сожительница притихла и с тревожным недоумением, исподтишка, наблюдала за своим "возлюбленным". Теперь она боялась даже рот лишней раз открыть. Саюшкин так разительно переменялся, что Верка просто диву давалась. Раньше он был мягким, уступчивым, веселым, а теперь стал угрюмым, неразговорчивым и жестким до жестокости.

Верка, баба битая, совершенно не сомневалась, что Леха, если случится между ними конфликт, как часто бывало прежде, не только ее поколотит, но и вообще может отправить на небеса. На такие тяжелые, пустые глаза, какими стали хитрые, смешливые зенки Саюшкина, она насмотрелась в свое время вдоволь.

Жизнь здорово потрепала Верку. Но винить в этом нужно было только себя, как в конце концов поняла достаточно неглупая сожительница вора. С грехом пополам окончив восемь классов, она выскочила замуж в шестнадцать лет. Ее первым мужем был крупный рецидивист. Он сначала изнасиловал Верку, едва ей стукнуло тринадцать, а затем, спустя три года, с большими трудностями оформил отношения официально.

Но даже в этом насилии была большая доля ее вины. Кто толкал Верку шляться по подвалам в сомнительной компании, пить вино и курить? Там ее, пьяную до беспамятства, и лишил девственности будущий "супруг" – на заплыванном бетонном полу, в куче грязной ветоши.

К семнадцати годам она уже осталась вдовой – кто-то из деловых посадил ее мужа на "перо".

До двадцати четырех Верка пускалась во все тяжкие. У нее было столько мужиков, что она сбилась со счета.

Нет, Верка не пошла на панель, отнюдь. Супруг, удачливый вор, который мало праздновал воровской кодекс, украденное не спускал, как это принято в блатной среде, а бережно копил. И после его смерти Верка долго ни в чем не нуждалась, проедая и пропивая заначку мужа. Тем более что и ее многочисленные хахали не обижали свою ветреную подружку, которая, при всем том, была достаточно смазливой и ухоженной.

Потом черт ее дернул изведать супружеского "счастья" еще раз. Мужем Верки стал солидный мэн, владелец какой-то полуподпольной фирмочки. К несчастью, она узнала, что ее супруг – извращенец, чересчур поздно. Верка, к тому времени повидавшая много, – чтобы не сказать чересчур много – долго терпела его отнюдь не безобидные "чудачества", утешаясь дорогими подарками и поездками за границу. Но и ее терпению пришел конец, когда однажды супруг затащил в постель двух грязных хмырей и заставил Верку принять участие в групповой оргии.

Затем были еще два брака, не оставившие в душе Верки ничего, кроме брезгливости и ненависти к мужчинам. С годами, несколько подрастеряв былую красоту и ухоженность, она стала гулять напрапалую. И опомнилась только тогда, когда ей перевалило за тридцать с хвостиком.

К Саюшкину Верка прибилась от отчаяния. Он показался ей приличным человеком, пусть и не богатым, но вполне терпимым, без всяких ненормальных отклонений. Даже то, что Леха на поверку оказался вором, не испугало ее; лишь бы человек был хороший.

Поначалу они жили душа в душу. Саюшкин был покладистым, веселым малым, а когда имел деньги, то и щедрым. Но в конце концов скверный Веркин характер снова возобладал над здравым смыслом. Душевный контакт был утрачен, и совместная жизнь стала напоминать вяло текущие боевые действия, перемежающиеся лихими кавалерийскими наскоками.

Но теперь она просто испугалась. Даже такая совместная жизнь – со ссорами и упреками, иногда без денег, впроголодь – все же была лучше, нежели тоскливое одиночество, многочисленные чужие постели и беспробудная пьянка. Это Верка, наконец, уразумела.

Что будет, что будет!? – спрашивала себя сожительница Саюшкина, сидя на кухне и прислушиваясь к шагам Лехи, который места себе не находил. Она стала тихой и покорной, как овца, но даже такую перемену в ее поведении Саюшкин не замечал. Верку это обстоятельство и вовсе ввергло в ужас. Она даже не пыталась расспрашивать Саюшкина о причинах его странного поведения. Верка с ее женской интуицией почти наверняка знала, что пришла беда...

Крот позвонил ранним утром в пятницу. Леха, промаявшийся большую часть ночи без сна, а потому замороченный до крайности, долго не мог спросонку сообразить кто на другом конце провода, и какого хрена ему нужно. Тем более что Бубенцов говорил иносказательно и несколько измененным голосом.

– А, это вы, Илья...

– Захлопни пасть! – рявкнул Бубенцов, не дав закончить обрадованному Лехе первую более-менее связную фразу. – Очнись и слушай внимательно.

Только теперь Саюшкин вспомнил, что Крот наказывал во время телефонных разговоров ни в коем случае не называть ни его, ни свое имя. Ругая себя последними словами, Леха слушал, что говорил Илья Львович. -...И приезжай туда, где мы в прежние времена обычно отмечали первомайские праздники – когда заканчивался парад. Вспомнил?

– В общем... да... – Саюшкин быстро восстанавливал в памяти свои молодые годы. – Когда?

– Жду через два часа. Не опаздывай!

– Уже бегу...

Леха так торопился, что даже забыл позавтракать. К месту, о котором говорил Крот, нужно было добираться не менее сорока минут. И то если городской транспорт не забастует – на линию обычно не выходила половина троллейбусов и автобусов.

Он приехал раньше условленного времени – на часах было без десяти семь. Почему Бубенцов назначил встречу в такую рань? И в столь глухом, закрытом от посторонних глаз месте? Саюшкин стоял на берегу заросшего камышом пруда и недоумевал. Раньше здесь был небольшой парк с аттракционами и ларьками. Очень удобное место для пикников.

Обычно после парадов сотрудники собирались, чтобы на скорую руку отметить торжество, возле этого пруда, тогда еще ухоженного, с причалом, лодочной станцией и водными велосипедами, благо парк находился в десяти минутах ходьбы от того места, где стояли машины предприятий и разнообразных контор и учреждений. На них грузили транспаранты, портреты членов политбюро и флаги, которые несли демонстранты, чтобы выразить свою "безграничную любовь и преданность", как писали в газетах, к коммунистической партии и лично к главному партийному боссу.

Особенную притягательность для простого народа парк заимел во времена "сухого" закона. И подзаборная пьянь, и приличные люди спешили укрыться здесь от недремлющего ока ревнителей закона, чтобы выпить рюмку-другую того самого запретного напитка, на который объявили гонение.

Но уже во времена развала Союза и демократических перемен парк начал медленно разрушаться, хиреть, а когда объявили тотальный сбор металлолома, от любимого места народных гуляний остались одни рожки да ножки. Украли все, вплоть до водопроводных труб из общественного туалета и проводов освещения. Теперь парк обходили стороной.

Сюда наведывались разве что совсем уж глупые или отверженные, которым терять нечего.

Едва не приплясывая от нетерпения, Леха высматривал Бубенцова. Ну, где же он!? Часы показывали уже пять минут восьмого. От волнения Саюшкин даже начал грызть ногти.

Где этот чертов Крот?

Бубенцов появился в сопровождении двух амбалов. Только взглянув на них, Леха мог побиться об заклад, что они вооружены. Саюшкин встревожился: зачем такие меры безопасности? И такая таинственность...

– Ты меня подставил! – резко сказал Илья Львович, когда они остались наедине.

Телохранители Крота быстро рассредоточились с таким расчетом, чтобы держать под наблюдением как можно большую площадь.

– Простите, не понял...

– Откуда у тебя героин? Только не лги!

Леха обомлел. Неужто Бубенцову все известно!? Нет, не может быть! Сказать ему правду?

О чем речь, дурак! Порядочность и откровенность в той среде, где вращались Крот и Саюшкин, никогда не были в чести. Нашел лоха...

– Выиграл... – буркнул Леха. – В карты выиграл. Долг мне отдали.

– Кто?

– Какой-то залетный. Играли на хазе. Он был сильно пьян. Продулся вдрабадан. Понятное дело, я чуток подсуетился... карту туда, карту сюда... На то игра. Пусть не ловит мух, а смотрит внимательно.

– Как его зовут, кличка?

– Он не представился. – Саюшкин врал напрапалую.

– Нарисуй мне его портрет.

– Высокий, русый, волосы пострижены коротко. Глаза... темные. Нос большой, картошкой.

– Наколки?..

– На левой руке змея... и еще что-то. Я не рассмотрел.

– Кто еще был в компании?

– Илья Львович, зачем вам это знать!? Товар есть товар. Который пахнет только деньгами.

– Не скажи. Я попросил проверить химический состав героина, и выяснилась одна прелюбопытнейшая подробность... – Крот смотрел на Леху загадочно и хищно.

– Неужто товар плохой!? – встревожился Саюшкин для отвода глаз.

– Отнюдь. Скорее, наоборот – качество героина отменное. И весьма редкое для наших мест, как просветили меня на этот счет специалисты.

– Так это здорово!

– Не совсем, – охладил Лехин пыл помрачневший Крот. – Все дело в том, что такой химический состав имеет героин одной далекой страны. И как раз совсем недавно в наш город завезли партию этой наркоты. Но по назначению она не попала. Ты слыхал о разборке в парке?

Бубенцов смотрел на Саюшкина так остро и беспощадно, что у вора все внутри оборвалось. Он просто заледенел под этим воистину змеиным взглядом. Мамочки!

Попался... А может упасть перед Кротом на колени, объяснить все как было, попросить защиты? Гляди, все обойдется.

Нет, не обойдется! Леха был отнюдь не глупым малым. Даже если он и вернет хозяевам их героин, его будут допрашивать. А потом, когда вытянут все подробности схватки, увиденной им в парке, утопят в реке как паршивого кота. Разве позволят себе бандиты такую большую "роскошь" – иметь под боком очень опасного свидетеля, которому известно (пусть и не очень много) о тех, кто занимается наркобизнесом?

Саюшкин решил держаться до конца.

– Краем уха, – ответил он с виду спокойно; и даже взгляд Бубенцова выдержал с непонятно откуда взявшимся стоицизмом.

– Не знаю, верить мне тебе или нет... – Крот явно в чем-то сомневался. – Но будь что будет.

Если ты мне солгал, то я тебе не завидую.

– Илья Львович! – воскликнул Леха. – Ну что вы, в самом деле!? Какие-то подозрения, намеки... Да выиграл я, выиграл этот... – Он опомнился и продолжил уже гораздо тише: – Этот героин. Клянусь. Век свободы не видать!

И тут же себя оправдал за беспардонную ложь: разве находка чемоданчика это не выигрыш? Пусть не в карты, но у обстоятельств – точно. Ему просто улыбнулась госпожа Удача. А в каком виде он получил от нее подарок – зачем кому-то это знать?

– Насчет свободы не знаю. Но вдруг окажется, что ты в этом деле завяз по уши, пощады не жди.

– Илья Львович!..

– Нет, этот вопрос лично меня не касается. Можешь быть спокоен на сей счет. Есть другие люди. А они к тебе добрых чувств не питают.

– Я просто не понимаю о чем идет речь! Какое отношение имеет мой выигрыш к разборке в парке?

– Думаю, что прямое. Ладно, пусть будет так. Я скажу тебе. Но ты тут же забудешь, о чем я говорил. И вообще – я тебя после этой встречи не знаю, никогда не встречался и не видел того пакетика с наркотой, который ты мне оставил. Усек?

– Но почему?..

– А потому, что за твоим героином числится гора трупов. Всего лишь.

– Как это понимать?

– Судя по химическому составу, как я уже говорил, к тебе попал героин из той партии, что исчезла во время оптовой продажи. Которая как раз и происходила в парке. Я не буду называть кто покупатель, а кто продавец. Это не суть важно. Главное другое: на договаривающиеся стороны было совершено вооруженное нападение. Деньги, предназначенные для оплаты сделки, спасли, а вот партия героина исчезла.

– С ума сойти... – Саюшкин изобразил удивление и страх.

А сам подумал: "Черт возьми! Вот так всегда... Поманит, поманит удача – и мимо. Ну почему вместо чемодана с порошком мне не попались эти денежки!? Насколько меньше было бы хлопот и волнений".

– Да уж... Сейчас идет поиск тех, кто напал. А также, соответственно, ищут и саму пропажу.

– Господи, как я влип. Мне хана. – Теперь Саюшкин и впрямь был в отчаянии.

– Не совсем так, но все равно твое положение незавидно. Тебе очень повезло, что ты сразу обратился ко мне и что анализ героина я попросил сделать очень надежного человека, химика экстракласса. Он на этом деле собаку съел. От него я и узнал, что это за "товар".

– Но что мне делать, Илья Львович!?

– Ну, во-первых, я тебя не сдам. Можешь быть спокоен. Я просто умываю руки. Не хочу вмешиваться в свару даже минимально. А во-вторых, хочу дать тебе совет... – Крот замолчал и пытливо посмотрел на Саюшкина.

Пригорюнившись, Леха часто-часто кивал головой – словно китайский болванчик.

– Выкинь на хрен этот героин и забудь о нем. Закопай его метра на два вглубь подальше от города и лучше всего среди ночи, чтобы тебя не видели даже воробьи. А затем затаись и постарайся поменьше высовываться. Посиди в подполье, пока не утихнет шумиха.

Вор был благодарен за совет. Бубенцов думал точно так же, как он: отдать героин хозяевам – все равно, что сунуть голову в пасть тигра. А это значит, что Крот и впрямь его не сдаст. Что, конечно же, воодушевляло – пусть и самую малость.

– Я так и сделаю, – почти прошептал несчастный Саюшкин.

– И не жадничай. Говорю тебе это, как сказал бы своему сыну. Жадность фраеров губит.

Ты об этом знаешь.

– Спасибо, Илья Львович!

– А за что ты меня благодаришь? – удивился Бубенцов. – Я ведь не смог помочь тебе, как обещал, в реализации товара.

– Ну... за совет, за то, что вы никому ничего не скажете...

– Леша, я не считаю себя образцом добродетели. Но еще никто не мог назвать меня шестеркой или козлом. А тем более – стукачом. Ладно, прощай. И не забудь о том, что я тебе говорил...

Крот ушел. Леха остался в полном одиночестве. В голове царил бедлам. Она казалась распухшей от изобилия мыслей. Но одна доминировала над всеми остальными: а вот болт тебе, дорогой Илья Львович! Чтобы я... своими руками... разрушил грядущее собственное благополучие – не бывать этому! Не-ет, не бывать. Да лучше мне сдохнуть, чем жить в нищете!

Саюшкин уходил из заброшенного парка в подавленном настроении, но не сломленным.

Решение вызрело. Он должен, нет, просто обязан выиграть в поединке, предложенном судьбой!

Глава 9

Жена что-то стряпала. Запахи горящего жира могли разбудить даже спящую летаргическим сном царевну, заколдованную злой волшебницей. Артем посмотрел на часы и мученически pokrивился – пора вставать. Приняв вертикальное положение, он не без опаски ощупал голову. Она была тяжелой и откликнулась на прикосновение легкой пульсирующей болью.

"Опять погода меняется", – подумал он с раздражением и поторопился под контрастный душ. После контузии, которую он получил в Чечне, голова стала реагировать на изменение атмосферного давления как первоклассный барометр.

Душ принес облегчение. Мысли прояснились и приобрели нужную стройность. Мурлыча под нос вдруг появившуюся в голове совершенно дурацкую мелодию: "Тик-тик-так, ходики, пробегают годики, и ни сахар, и ни мед, никто замуж не берет..." – он прошел на кухню.

Жена встретила его своей обычной тусклой улыбкой. Годы ее особо не тронули: спортивная фигура, высокая упругая грудь, нежная кожа практически без морщин и черная копна волос,

настолько тяжелых, что их не держали никакие заколки. Лишь седина у висков, которую Эмма (так звали его супругу) не хотела скрывать различными женскими ухищрениями, указывала не столько на ее возраст, сколько на страдания, выпавшие на ее долю.

Появившееся было хорошее настроение улетучилось в одно мгновение. Ковыряясь вилкой в тарелке с жареной рыбой, Артем с горечью вспоминал прожитое.

У них не было детей. И виной тому оказалась какая-то генетическая аномалия в организме жены. Группа крови была неподходящая, или еще что-то там. Артем особо не вникал в мудрые рассуждения эскулапов. У Эммы было четыре выкидыша. Последний раз врачи категорически запретили ей рожать. Они предупредили, что в противном случае не ручаются за ее жизнь.

Эмма затосковала. Она жила словно во сне и делала работу по дому чисто механически.

От ее былой жизнерадостности не осталось и следа. Однажды Эмма не выдержала обрушившегося на нее несчастья и вскрыла вены. Хорошо, что он, повинувшись какому-то шестому чувству, приехал с работы гораздо раньше обычного...

После возвращения из клиники Эмма полностью замкнулась в себе. Она стала тихой, спокойной и отрешенной. Ничто не могло вывести ее из неестественного душевного равновесия. Артему казалось, что она просто похоронила себя заживо. Поначалу это ее состояние вызывало в нем глубокую скорбь, желание как-то помочь, отвлечь Эмму от тяжелых мыслей.

Но с происшествием времени он начал раздражаться. Казалось, что рядом с ним не жена, живой человек, а неодушевленная чурка. О супружеской постели Артем просто забыл – Эмма наотрез отказалась от любовных утех. Они продолжали совместную жизнь по инерции, и постепенно от прежней любви не осталось и следа.

– Поел? – спросила Эмма, стоявшая возле плиты, где скворчали поджаривающиеся кусочки толстолобика.

Она даже не обернулась.

– Да. Спасибо... – Артем встал и быстро вышел из кухни.

Разговаривать было не о чем...

Старший эксперт Сережа Горюнов колдовал над микроскопом. Внешне он был вылитый актер Евгений Леонов – такой же улыбчивый, низкорослый и круглый, как футбольный мяч. Горюнов казался воплощением жизнерадостности, несмотря на свою мрачноватую фамилию. Он почти никогда не унывал и всегда отличался категоричностью суждений. В своем деле Сережа был докой и, при случае, имел наглость спорить даже с генералом.

Иногда у него случались залеты – Горюнов имел некоторую слабость к спиртному – но даже такое нарушение дисциплины сходило ему с рук: Сережа и впрямь был незаменим.

Правда, из-за этого он ходил не в начальниках, а был всего лишь вторым или третьим замом.

– Эй, кого я вижу! – Эксперт встретил Артема широкой улыбкой. – Господин майор! Вы что-то принесли для меня в клювике?

– Собственную задницу, – невесело ухмыльнулся майор, все еще под впечатлением "семейного" завтрака.

– Ну, она у тебя вполне аппетитная. Жаль, что я придерживаюсь иной сексуальной

ориентации.

– Ты все шутишь...

– С моей работой без здорового юмора можно рехнуться.

– Давай махнемся не глядя.

– Э-э, нет, дружище! – с деланным испугом замахал руками Горюнов. – Уволь. Меня твои бандиты приводят в ужас. Я человек мирный.

– Ладно, потрепались – и будя. – Артем достал из кармана конверт Завидонова с профилями неизвестных. – Ты сейчас сильно занят?

– У меня всегда работы невпроворот. Что, намечается аврал?

– Как тебе сказать... Может я ошибаюсь, но мне кажется в этом что-то есть. – Майор вытряхнул содержимое конверта на стол возле микроскопа.

– Вещдок? – спросил Горюнов, с интересом рассматривая профили.

– И да, и нет. Это касается Миши Завидонова...

– А-а... – Эксперт посерьезнел. – Тогда я в твоём распоряжении. Сделаю все, что нужно, вне всякой очереди.

– Проверь по нашей картотеке. Не знаю, сможешь ли.

– О чем базар! – воскликнул Горюнов. – Ты меня недооцениваешь. Меня и современную технику. Момент...

Он быстро отсканировал профили, и спустя минуту его пухлые пальцы уже порхали над клавиатурой компьютера. Артем терпеливо ждал, усевшись на стул-вертушку.

Ожидание несколько затянулось. Эксперт даже покрылся потом от напряжения. На его покрасневшем лице, словно в калейдоскопе, менялись выражения: от хищного, вдохновенного, до беспомощно-плаксивого, будто Горюнов утратил все надежды на благополучный исход своих изысканий. Наконец он удовлетворенно замычал, щелкнул "мышью" – включил принтер – и со вздохом облегчения откинулся на спинку кресла.

– Не буду кричать "эврика", как Архимед, – сказал он, растягивая губы в улыбке до ушей, – но я тебя обрадую.

– Ну!?

– Баранки гну, господин майор. Докладываю: четыре профиля – пустышка, а вот пятый...

Смотри сам.

Он взял бумажный листок, который выполз из широко разверстой пасти принтера, и протянул его Артему.

Майор глазам своим не поверил – не может быть! На листке были отпечатаны милицейские фотографии – фас и профиль – и установочные данные. Но Артем не стал их читать, потому что человека, которому они принадлежали, он знал даже не хорошо, а отлично.

Это был Вениамин Жерех по кличке Бенья Черный (или просто Черный), он же Михаил Зальцман, он же Фарид Нигматуллин, он же... Впрочем, имен и фамилий у этого сукиного

сына насчитывалось не менее десятка. И это только те, которые стали известны угрозыску.

Но самым интересным было то, что Жерех уже почти три года числился в покойниках.

Его обгоревший до неузнаваемости труп с простреленным черепом нашли в сожженной машине на опушке лесного массива.

Идентификацию проводили весьма тщательно – к таким "орлам", как Бенья Черный, уголовный розыск всегда относился с особым пристрастием – но все данные указывали на то, что это был сам неуловимый Жерех. Тем более, что в бардачке машины отыскался чудом сохранившийся паспорт с его фотографией (правда, на другую фамилию – "фирменный" прикол Черного), а вставная челюсть с золотыми фиксами, согласно показаниям дантиста, точно соответствовала той, которую он поставил Жереху.

Свой путь в преступный мир Жерех начинал с фарцовки. Самое интересное, что он, занимаясь таким, с позволения сказать, бизнесом, успел окончить университет, получив специальность переводчика английского языка. Учился он, судя по всему, для того, чтобы свободно общаться со своими "клиентами". Мало того, Бенья Черный преуспел еще и в спорте – он весьма успешно занимался в секции каратэ.

После трудов на ниве просвещения Жерех с головой окунулся в уголовно наказуемые деяния. Он спекулировал валютой, вывозил за рубеж произведения искусства и даже умудрился побывать в роли помощника депутата Государственной думы. Правда, недолго – его патрона, весьма крутого бизнесмена, имевшего хорошо налаженные связи в преступном мире, расстрелял наемный убийца.

Короче говоря, в уме и смекалке Жереху нельзя было отказать. И все могло сложиться для Черного очень даже неплохо с учетом современных реалий, но он споткнулся на трагической, нелепой случайности – во время драки в ресторане мастер рукопашного боя Жерех нанес своему противнику смертельный удар.

Дальнейшее пошло-поехало по накатанному пути: следствие, суд, приговор, колония усиленного режима. Не помогли и большие деньги, которыми пытался откупиться Бенья Черный. Дело в том, что он убил сына какого-то городского начальника, человека влиятельного и не бедного.

В зоне отчаявшийся Жерех примкнул к одной из бандитских группировок. Он стал настолько свирепым, что его побаивался даже сам пахан.

Как рассказывали майору, между ними пошли разногласия, пахан решил избавиться от опасного подручного, и приказал своим шестеркам отправить Черного в иной мир. Но в итоге попал туда сам – провести хитроумного Жереха ему не удалось.

Вскоре Бенья бежал. Побег вошел в историю колонии усиленного режима и авторитет Жереха в преступном мире поднялся до небес. Добыв себе документы на другую фамилию, обозленный Черный сколотил банду рэкетиров, отличавшихся от других совершенно нечеловеческой жестокостью и цинизмом.

Похоже, Жерех задался целью отомстить обществу за проявленную к нему несправедливость. (При более тщательном расследовании его дела оказалось, что в ресторане он убил человека, защищаясь, – тот набросился на него с ножом; но кого это тогда интересовало?) Правда, как позже выяснилось, сам Черный не убивал и не пытал лично, но эти обстоятельства отнюдь не умаляли его бандитских "достоинств".

Артем (тогда еще старший лейтенант) вышел на след Бени Черного абсолютно случайно.

Тот, как человек достаточно грамотный и подкованный в искусстве, не стал отказываться от своих прежних привычек, и по-прежнему любил посещать театральные представления, вернисажи и престижные концерты. Конечно, узнать в толпе его было очень трудно – Жерех умел менять внешность, манеры и даже голос почище классического Шерлока Холмса.

Однажды в город приехала заграничная дива, немного потускневшая звезда первой величины. Артем интуитивно вычислил, что на ее концерте Черный просто обязан побывать.

Так и случилось. Жереху не помогла и великолепная маскировка. Артем попросил технический отдел управления смонтировать у входа в концертный зал две видеокамеры, тогда еще большую новинку в угрозыске.

Поначалу, пока зрители рассаживались, он сам и два его помощника пытались (увы, безуспешно), спрятавшись за сценой, визуально вычислить Беню Черного. А после, когда стареющая примадонна начала откалывать на сцене вполне молодецкие антраша, они уединились возле видеоманитофона и прокрутили в медленном темпе все записанные пленки.

Жерех появился в зале одним из последних, когда погасла большая люстра. Он весьма искусно изображал изрядно располневшего, неприятно одетого бородатого мужика преклонных лет. Который вознамерился в сопровождении своей половины – неприятной толстухи с двойным подбородком – выйти в свет, чтобы приобщиться к возвышенному.

Беню Черного выдала походка – легкая и пружинистая, совсем не свойственная тому типу, которого он изображал.

Но даже когда его повязали, а после допросили, сняв грим, так и остался невыясненным главный вопрос: как он оказался в фойе концертного зала? Дело в том, что все входы и выходы, за исключением главного, были заблокированы сотрудниками угрозыска, а бородач с супругой в поле зрения сыщиков не попадал. На эту тему (впрочем, как и на другие, более важные) Жерех отказался говорить наотрез.

Банду Черного накрыли благодаря болтливости его нечаянной подружки, составившей ему компанию для похода на концерт. Она знала немного, но вполне достаточно для профессионалов управления, которые моментально вычислили "штаб-квартиру" Жереха.

Артем за операцию получил еще одну звездочку на погоны, а его помощники – поощрения. Но радость оперов была недолгой: Беня Черный бежал из СИЗО ровно через неделю после его поимки. История вышла темная, неприятная, в которой так и не смогли связать концы с концами.

С той поры Жерех превратился в российского Фантомаса: его видели, ужасались, те, кому положено, ловили, а в конечном итоге Беня ускользал, как угорь. И если бы не наглая смерть на опушке леса, наверное, Жерех до сих пор водил бы за нос правоохранительные органы.

Так что, выходит, Беня Черный жив? А иначе как мог Мишка изобразить его профиль.

Артем вспомнил, что Завидонов не знал Жереха. В те времена, когда старлей Чистяков гонялся за Жерехом, Миша еще учился в школе милиции.

Значит неизвестный гражданин, в итоге оказавшийся воскресшим покойником, свободно разгуливал по городу и чем-то привлек внимание бывшего опера. Такой поворот событий говорил о многом. Если Черный заподозрил, что за ним кто-то наблюдает, он и впрямь мог принять самые жесткие меры, чтобы и впредь хранить инкогнито.

Но тогда почему Жерех (или его подручный) пытал Мишку? Мало того, бандит еще и

забрался в квартиру Завидоновых. Чего проще было подстеречь калеку по пути к дому и убраться без лишнего шума. Неужто Михаил в своем расследовании (если он, конечно, его вел) сумел чересчур много накопать? И Жерех хотел узнать, где он хранит свои записи? Например, блокнот в коричневом переплете.

Допустим. И каким тогда боком к делу об убийстве Завидонова приклеить остальные профили, в частности детские? Кто эти дети и второй мужчина? Где их искать? И как?

Заставить все мужское население города и всех детей позировать эксперту-фотографу?

Да-а... Веселая задачка.

И все же, все же... В этом деле есть нечто такое, которое он никак не может понять. Не улавливает некую тонкость, какой-то мелкий факт, способный стать ключом к понимающей трагедии, разыгравшейся в квартире его друга.

А "воскрешение" Жереха он в своих домыслах притянул за уши, тут и спорить нечего.

Эксперты доказали, что Бенья Черный приказал долго жить. А это весьма серьезный довод.

Против науки не попрешь.

Нет, версия с Жерехом – чушь собачья. Плод больного воображения. Скорее всего, профиль принадлежит человеку, очень похожему на Черного. И машина может ошибаться. Да, так оно и есть! К черту все дурацкие фантазии! Ошибка вышла, гражданин хороший...

– Ну, как? – спросил Горюнов. – Ты доволен?

– Вполне. – Артем постарался скрыть свое разочарование. – Спасибо, Серж.

– За что спасибо, Артем Саныч? Во-первых, это моя работа, а во вторых, я бы тому гаду, что над Мишкой измывался, горло перегрыз. Если тебе еще что-то понадобится – приходи в любое время. Хоть в три часа ночи.

– Непременно. Бывай...

– Ты что-то неважно выглядишь. Может, для поднятия духа по сто грамм медицинского спирта выпьем? Недавно для опытов мне выделили от щедрот государства целых пять литров.

– Еще чересчур рано. Да и шеф может потребовать меня на ковер.

– Тогда приходи после работы. Выпить хочется – душа горит. С чего бы?

– Приду, – после некоторого раздумья пообещал Артем; ему совершенно не хотелось возвращаться домой. – Закуска за мной. А ты не бойшься, что твое начальство узнает, как ты распоряжаешься химреактивами?

– Да у этого начальства у самого слюнки потекли, когда я вернулся со склада с канистрой спирта. Пришлось поделиться. Ведь на дармовщину, как говаривал один незабвенный киношный персонаж, пьют даже язвенники и трезвенники. Так что у меня есть классное алиби. А что касается химреактивов... – Эксперт заразительно рассмеялся. – Главное правильно составить сначала заявку снабженцам, а затем отчет.

– Это как?

– Все просто, словно выведенное яйцо. Кто может знать, сколько мне нужно спирта для опытов? Вот-вот – никто. Тем более, что в некоторых случаях я преспокойно могу заменить

"огненную воду" на другие химикаты.

– Хорошо, когда человек сам себе господин.

– Еще бы. О, у меня появился первый тост для нашей сегодняшней встречи! Запиши, иначе забуду.

– Не волнуйся, на память я пока не жалуюсь.

– Свободу и независимость рядовым ментам! Кратко, а значит гениально.

– В этом что-то есть, – невесело ухмыльнулся Артем. – Мне довелось на собственной шкуре испытать все прелести начальственной пяты. И попробуй пикни.

– Свобода нужна только тем, кто понимает в ней толк. А способность к подчинению, увы, предполагает в человеке наличие такого неизменного качества как карьеризм. Разве тебе не хочется стать начальником управления?

– Честно?

– И никак иначе.

– Очень хочется.

– А зачем?

– Если думаешь, что ради высокой зарплаты и приличной пенсии, то глубоко заблуждаешься. Упоение почти безграничной властью в областном масштабе – вот моя голубая мечта. Я бы даже сказал – предел всех моих желаний.

– Экий ты сукин сын, Артем Саныч! Предвосхитил мои умозаключения – и радуется.

– Да понял я, Серж, что ты хочешь сказать. Настоящая свобода предполагает полное отсутствие любых оков. И в первую голову внутренних. А наша служба (как и вообще любая служба) – это якорная цепь на шее брошенного в глубокий омут. Она тянет вниз, на дно, но ты этого не замечаешь, так как тебе кажется, будто происходит карьерный рост.

Сияющая вершина в конце служебной лестницы, которая видится такому несчастному глупцу, на поверку оказывается заилненным дном, где копошатся жирные, равнодушные ко всему живому, пескари с холодными безразличными зенками.

– Ладно, пусть так. А как ты можешь охарактеризовать, например, увольнение по причине служебного несоответствия?

– По-разному. Для истинно свободного человека – это благо. Он всплывает на поверхность, чтобы насладиться свежим воздухом. И не делает из своего фиаско никаких трагедий. Скорее, наоборот, – радуется, что какая-то случайность наконец помогла ему преодолеть вполне понятные колебания. А вот зацикленному индивидууму освобождение от оков смерти подобно... Ладно, я потопал. Не то заберемся в такие дебри, что без бутылки не разберешься. Перенесем наш философский диспут на вечер, если твое приглашение остается в силе.

– Обижаете, гражданин мыслитель. Буду ждать вас с огромным нетерпением. Вот только пивком разомнусь. Пошлю за ним лаборанта. Есть тут у меня, кроме всех прочих, один салага, быстрый на ногу...

Артем ушел от эксперта подавленным. Дело Завидонова, и поначалу явно тянувшее на

"глухарь", только что получило подтверждение своего незавидного статуса. Поэтому радоваться было нечему.

Глава 10

Саюшкин битый час обхаживал хозяина бара "Волна" Микиту Москаленко. Этот хитрый хохол был его последней надеждой.

Если смотреть на Микиту без предвзятости, могло показаться, что это весьма богобоязненный человек, регулярно посещающий если не христианский храм, то молельню сектантов – точно. Вечно постное выражение длинного лошадиного лица, жидкие светлые волосы, зачесанные поперек начавшей лысеть яйцеобразной головы, прячущиеся под густыми, выцветшими до белизны, бровями водянистые голубоватые глазки, глядящие с умиляющей собеседника кротостью, впалая грудь и худоба, предполагающая длительные посты и радения, и, наконец, тихий вкрадчивый голос – вот почти полный портрет содержателя "малины", которого за глаза и очень осторожно называли Чмо. Иногда добавляя – ушастое.

Уши Микита и впрямь имел уникальные. Огромные, оттопыренные, они, тем не менее, были полупрозрачными, как крылья фантастической птицы. Казалось, еще чуть-чуть, и он взмахнет ими, и запорхнет над столами, паря в клубах табачного дыма, словно древний птеродактиль.

Однако вряд ли кто из знающих его людей осмелился бы в открытую позлословить над Москаленко. Это было просто опасно. Под личиной невзрачного задохлика, тихони, скрывался чрезвычайно жестокий и мстительный тип. Некоторых, с позволения сказать "шутников", имевших неосторожность проехаться на счет внешности Микиты во всеуслышание, потом находили в канализационных колодцах, обезображенных до неузнаваемости.

И вот с таким человеком Леха вел переговоры на предмет продажи все того же злосчастного героя. Саюшкин "признался" Москаленко, будто у него имеется совсем немного наркотика – не более ста грамм. Но и это количество вызывало вполне обоснованные подозрения хитрого, как змей, содержателя "малины".

Микита – это не Бубенцов, из-за своей сильной независимой природы сохранивший остатки благородства. Москаленко по своей сущности был крестьянином, а точнее – кулаком, если применить к нему терминологию недавнего прошлого, волею судьбы оказавшимся в незнакомой и враждебной ему городской обстановке. Прижимистый, патологически жадный, немало посидевший в свое время за забором зоны, Микита не верил ни единому слову Саюшкина, которого он знал вдоль и поперек. –...Выиграл, говоришь? Хи-хи... – дребезжал смешочком Москаленко. – Экий ты удачливый, хлопец.

"Не твое собачье дело, гнида ушастая, где я взял наркоту!" – грубо подумал Леха.

Подумал, но ничего не сказал, лишь простодушно захлопал ресницами, продолжая играть роль недалекого рубахи-парня. Миките, как и Бубенцову, он вешал на уши ту же самую лапшу о мифическом выигрыше в карты.

Но Чмо, в отличие от Крота, достаточно хорошо знал аховые способности Саюшкина по части карточных игр, и такой действительно крупный выигрыш считал брехней. Он думал, что Леха просто украл где-то героин и теперь хочет толкнуть наркотик мимо Саврасыча. Впрочем, барыга действительно не занимался сбытом запретного зелья.

– Фраерок попался пьяный, – твердил вор набившую оскомину туфту. – Ну, я его и...

Проигрался он в пух и прах.

– Оно и понятно... Горилка нынче что керосин. Между ушей бьет. Наповал.

– Сведите с надежными людьми, – бубнил свое Саюшкин. – И вы в накладе не останетесь.

– Хи-хи... А как же. Шо касается надежных людей... – Микита уколол Леху острым, как сапожное шило, взглядом. – Помаракую маненько. Думаю, дельце выгорит. И навар будет клевый.

– Это точно? Я могу надеяться?

– Надежды вьюношей питают... хи-хи... Могешь. Не мандражируй, Лексей. Мое слово – кремень.

– И как долго мне придется ждать?

– День, другой. Пока люди грошей наскребут. Сумма немалая...

– Лады... – с трудом сдержав вздох разочарования, согласился Саюшкин.

Он не послушался Бубенцова. Кроту легко говорить – закопай. У него денег куры не клюют, а тут приходится рисковать свободой почти каждый божий день, чтобы, в конце концов, зашакалить сотню-другую "зеленью". Если не удастся продать всю партию, можно попробовать сбавить героин по частям. Конечно, это опасно, очень опасно, но что делать?

И все же Леха не утратил надежду найти серьезного покупателя на свой опасный товар.

Но для начала нужна хотя бы завязка, первый контакт с наркоторговцами, пусть и работающими с мелким оптом.

Саюшкин очень сомневался, что те, которым он продаст зелье, поступят так, как Илья Львович. На фиг им нужен какой-то химический анализ? Коси бабки – и все дела. А навар у будущих партнеров должен быть весьма солидный. Кто откажется от двойного подъема?

Нет, таких дураков в городе не найдешь. В этом Леха был твердо уверен.

– Нам нужно решить ишшо один... хи-хи... важный вопросик. – Микита елейно улыбался.

– Но мне кажется, мы обо всем договорились... – Саюшкин насторожился.

– Почти про все. Осталось главное: скоки я буду иметь?

– Как обычно. Посредник получает десять процентов.

– Это ежели какого-нибудь бобика торгуешь. А тут совсем другой компот.

– И сколько вы хотите?

– Ну, если по старой дружбе... хи-хи... Думаю, пополам будет в самый раз.

– Пятьдесят процентов!? Да вы что!? Побойтесь Бога! Это чистый грабеж!

– Лексей, не будь таким жадным, – осуждающе сказал Москаленко. – Пятьдесят на пятьдесят – и по рукам.

– Ладно, будь по-вашему. Пятнадцать процентов. Только из-за большого уважения к вам.

– Уважение в карман не положишь. Ну, добре, куда тебя денешь. Сорок процентов – это по-божески.

– Двадцать! – Саюшкин кипел внутри. – И точка!

– Сорок, Алексей, сорок... – Микита достал расческу и неторопливо распределил растрепавшиеся волосинки по своей плешивой голове. – И закончим этот базар-вокзал.

– Двадцать пять. – Леха вдруг успокоился, вспомнив, что такое для него какие-то двадцать грамм; хочет Чмо торговаться – пусть его; ублажу уroda. – Это предел возможного.

– Обижаешь старика. Мне ведь еще нужно побегать, чтобы найти надежных людей. Сам понимаешь, дело опасное. Ноги вот по ночам ноют... Но если ты настаиваешь... Лады, сойдемся на тридцати пяти.

– Двадцать пять, – уперся Саюшкин. – Двадцать пять!

Он просто не мог быстро сдаться на милость Микиты. Это выглядело бы подозрительно.

А с таким хитрецом, как содержатель непотопляемой "малины", ухо нужно держать востро.

– Вот заладил... Хи-хи... – Москаленко неторопливо встал. – Ладно, куда денешься. Я согласен на мои двадцать пять процентов. Честно скажу – не жирно. Но мы с тобой, Алексей, старые кореша, так что сочтемся.

Саюшкин с почтением склонил голову, соблюдая этикет.

– А теперь наше соглашение нужно обмыть, – между тем продолжал Микита. – Сегодня угощаю я. Когда все сварится, наступит и твоя очередь... хи-хи... Пойдем в зал...

Они беседовали в кабинете хозяина бара, откуда, как рассказывали знакомые урки, можно было смыться по одному из тайных выходов.

Угощение было так себе: бутылка дешевой водки, салат из капусты, ржавая селедка с луком и подозрительные на вид котлеты – похоже, вчерашние. Один гарнир был, как на Саюшкина, настоящей вкусотищей – горка еще горячей жареной картошки. Тем он и утешился. Микита выпил с ним совсем немного (только пригубил свою рюмку) и ушел на кухню командовать парадом – время было вечернее, и бар постепенно заполнялся народом.

Леха не мог видеть Москаленко, который, вместо раздачи ценных указаний поварам, снова уединился в своем кабинете. Там он вызвал по селектору Шулику и задумался.

Когда на пороге появился его самый близкий помощник, он уже принял решение.

– Вот шо, Петро, есть работа... – задумчиво сказал Микита.

– Так мы... завсегда...

– Ты знаешь Саюшкина?

– А, этот... – Пренебрежительная ухмылка покривила толстые губы Шулики. – Собачий вор. Цуцик. Знаем мы его.

– Ну и как он тебе?

– Тюлька. Мелко плавает.

– Я не про то, – досадливо покривился Москаленко. – Мне это известно. Хочу знать твое

мнение, шо он за гусь. Чем дышит.

– Слабак. На сурьезное дело не способен.

– Ты думаешь?

– Знаю. У меня среди ворья своих хлопцев хватает.

– А он может заниматься продажей отравы?

– Кишка тонка, – уверенно заявил Шулика.

– Между прочим, он только шо предложил мне поучаствовать в продаже ста грамм героина. Как тебе такой компот?

– Шоб я сдох... – Глаза швейцара полезли на лоб. – Это скоки грошвы...

– Да, много. Для Саюшкина.

– И чегой он там базлает? Где взяв?

– Звонит, шо в карты выиграл.

– Брешет, як последнее фуфло, – уверенно заявил Шулика.

– Так-то оно так... – Микита задумчиво почесал переносицу. – Но товар-то его. Это точно.

Иначе он не согласился бы дать мне, як посреднику, двадцать пять процентов от суммы.

Теперь его навар будет копеешным. А ежля перекупил у кого-то по дешевке?

– Була у цуцика хата! – с насмешкой воскликнул швейцар. – У него все штаны без карманов. А шо в них носить?

– Значит, перекупить не мог... – Москаленко прикрыл глаза ладонями и надолго погрузился в раздумья; Шулика почтительно помалкивал.

Мало кто знал, что Петра Шулику хозяин бара вытащил из того света. Едва начав работать швейцаром, Петро схлопотал на рабочем месте нечаянную пулю. Требовалась сложнейшая и очень дорогая операция, чтобы Шулика не остался калекой. И тогда жадный до неприличия Микита раскошелился и заплатил врачам пять тысяч "зеленью".

Выздоровев, Петро поклялся служить своему благодетелю верой и правдой до гроба. Так великодушный, не свойственный корыстной натуре Москаленко, порыв принес ему баснословные дивиденды в лице преданного слуги, почти раба, готового выполнить любую прихоть босса. А Шулика был под стать Миките – такой же хитрый и беспринципный. С одной лишь разницей – Петро, в отличие от хилого хозяина, имел поистине бычью силу.

– Украл... – наконец подал голос Микита. – Скорее всего. Купить для перепродажи не мог – с деньгами у него, ты сказал, почти всегда туго. Выиграл в карты? Его моgetь обыграть последний фраер. Я точно знаю. Значит, стибрил... Ах, сукин сын! Интересно, у кого?

– А вы не спрашивали?

– Темнит, хвост собачий. Но самое главное другое... – Москаленко быстро-быстро потер ладонями, будто ему стало зябко. – Торговался он за свои проценты от сделки слабовато.

Да, точно говорю – слабо! Уж я-то знаю таких фраерков. Шой-то он мудрит.

– Это значит, шо у него больше, чем сто грамм.

– В самый корень, Петро, в самый корень! И я так подумал. Значительно больше, чем сто.

– Вы сказали, у него героин?

– Утверждает, шо так оно и есть.

– Товар дефицитный. И дорогой. Это не маковая соломка, которую можно вырастить на собственном огороде.

– То-то и оно. Героин бабушки на рынке не продают как мак. Но у кого могло быть такое большое количество наркоты? Между прочим, и сто грамм не мало.

– Да-а, вопрос...

– Вот ты мне на него и ответь. Пошустри по своим каналам. Деловых расспроси.

Наркоманов не трогай. У этих рот на замке.

– А ежели поспрашивать у самого брехуна?

– С паяльником нагретым или утюгом? Ты мне это брось. Он хлопец безвредный. И воры к нему относятся хорошо. Узнают о твоём "допросе" – можем получить большие неприятности.

– И то правда. Ладно, я все сделаю тихо. Может, он где язык отвязал. А еще лучше не поспрашивать на угощение. Горилка и бабы – лучшее средство, шоб разговорить дешевого фраера.

– Горилка и бабы хороши при простуде. Но может быть в нашем случае водка окажется не лишней. Он сейчас сидит в зале, составь ему компанию. Пусть на входе вместо тебя подежурит кто-нибудь из официантов.

– Сделаю.

– И еще одно... – Длинная лошадиная физиономия Микиты вытянулось еще больше – он приоткрыл рот не то в какой-то странной, хитрой улыбке, не то в оскале. – Пусти своих хлопцев погулять за Саюшкиным. Токи осторожненько! Отдай строгий наказ, шоб не спугнули.

– Понял. Счас я их вызову.

– Вот и ладушки. Иди...

Шулика вышел. Хозяин бара-"малины", глядя ему вслед, барабанил пальцами по столу.

По его лицу было видно, что он в глубоких раздумьях.

Леха постепенно пьянел. Теперь можно и расслабиться. (Тем более – на дармовщину).

Радужное настроение, появившееся, когда он нашел героин и пропавшее во время поисков оптового покупателя, вновь осветило его душу теплым, приятно возбуждающим светом.

Жизнь опять стала наполняться, как пустой бокал прозрачным игристым вином.

– В компанию примешь?

Вопрос застал Саюшкина в тот момент, когда он с видимым сожалением цедил из рюмки

последние капли. Нужно было закругляться, но Леха страсть как хотелось побыть еще час-другой среди веселых компаний, чтобы только не возвращаться домой и не видеть почему-то враз опротивевшую ему Верку. Денег у него было совсем немного, а потому он едва шею себе не свернул, высматривая среди клиентов "Волны" своих приятелей – может, угостят.

Саюшкин поднял голову и увидел сладко ухмыляющуюся рожу Шулики. В руках швейцар держал бутылку дорогой водки и большую тарелку с красиво уложенными ломтиками красной рыбы, один вид которой вызывал повышенное слюноотделение.

– С большим удовольствием, – радушно улыбнулся в ответ Леха, приклеившись взглядом к бутылке, которую Шулика водрузил посреди стола – Шеф дал выходной, – опередил швейцар вопрос, уже готовый сорваться с языка Саюшкина. – Погода паршивая, дома делать нечего, решил маненько продезинфицироваться. – Он снова показал желтые редкие зубы. – А не то совсем закисну на своем боевом посту. Хе-хе...

– Да-да, нужное дело, – поддакнул Леха и хмуро покосился на пустую рюмку.

– Вот и я балакаю – давай выпьем за усе хорошее... – Шулика уверенным движением открыл пробку и наполнил обе рюмки – свою и Лехину.

Саюшкин не успел даже отказаться для виду, как рука чисто механически зацепила стеклянный шкалик и опрокинула в рот. Водки и впрямь оказалась экстракласса, что случается весьма редко, несмотря на самые забойные наклейки.

– Ну? – Шулика жевал рыбу, словно крокодил добычу – будто пытался как можно быстрее проглотить весь кусок целиком.

– Клево... – Леха тоже последовал его примеру, стал есть редкий деликатес – это было семга слабого просола. – Кайф...

– А то... – Швейцар снова налил. – Вздрогнем?

– Кто спорит...

Выпили, закусили. Потом еще. И еще. Саюшкин уже лыка не вязал. Даже обниматься к Шулике полез. Тот болтал, не переставая, убаюкивая бдительность своего собутыльника.

Но как он ни старался, Леха про свой "выигрыш" и не заикался. Его будто замыкало, когда швейцар осторожно подводил разговор к интересующей Микиту теме. Шулика даже не знал, что и думать. Неужели этот собачий вор такой большой хитрец?

А Саюшкину просто было очень хорошо. Он напрочь выбросил из головы все свои тревожнения и беды, и приказал себе вообще не думать о героине и обо все, что с ним связано...

Леха покинул бар ближе к двенадцати ночи. Он был здорово пьян, но не на столько, чтобы не мог самостоятельно передвигаться; правда, зигзагами. И, конечно же, Саюшкин не видел – а если бы и увидел, то не смог бы ничего понять – как Шулика что-то втолковывал двум парням явно приклатненного вида; наколок у них не было разве что на лбу.

Когда Леха направился к выходу, изо всех сил стараясь сберечь равновесие, эти двое пошли вслед за ним.

Не успел Артем зайти в свой кабинет, как включился селектор. Звонил полковник Леонидов. Уже при первых звуках его голоса майор понял, что случилось какое-то ЧП.

– Чистяков, где тебя носит!? – без разминки накинулся на Артема шеф. – Блин!

– Я был у криминалистов, – осторожно ответил майор – иногда Леонидова несло, и в таких случаях лучше было упрятать свое самолюбие куда подальше.

– Почему не предупредил!? Я тут, как идиот, оборвал все провода, а он, видите ли, прохлаждается!

Конечно, можно было обидеться (тут Артему совершенно некстати вспомнился диспут с Горюновым о свободе личности) и стать в позу: мол, я не зеленый пацан, чтобы на меня орать. Но майор очень хорошо знал Петра Каллистратовича – без серьезных причин начальник городского уголовного розыска не станет катить бочку на подчиненного.

Дело тут было вовсе не в служебном упущении старшего опера, не предупредившего, как полагается, начальство или дежурного по управлению о своем местонахождении. Похоже,стряслось что-то из ряда вон выходящее. Потому Артем лишь сказал:

– Виноват.

– Разберемся! – все еще воинственно и повышенным тоном пообещал полковник; и тут же заговорил гораздо тише: – Давай быстро ко мне. Оставь все к ядерной матери! Жду.

– Слушаюсь!

Майор буквально взлетел на третий этаж, где находился кабинет шефа. Артем был весь в тревожном ожидании. Он совершенно не сомневался, что кого-то убили, но кого? Видимо, какую-то очень большую шишку: в голосе Леонидова звучала не только тревога, но и страх. А это было совсем уж необычно.

Петр Каллистратович метался по кабинету, как только что отловленный тигр в клетке. На письменном столе полковника царил беспорядок, а на полу валялся разбитый стакан.

– Здравия желаю! – Артем стал по стойке "смирно".

– А не пошел бы ты со своим здоровьем!.. – выверился на него шеф. – И вообще – ну его все на хрен! И эту работу, и все то дерьмо, чем мы занимаемся!

Майор благоразумно помалкивал. Пусть шеф отведет душу, а там посмотрим. У каждого человека бывают нервные срывы. А Петр Каллистратович, судя по его пылающему лицу, был на грани инфаркта.

– Мэра убили, – наконец объявил он заупокойным голосом и тяжело рухнул в свое кресло.

– Что теперь будет!?

Да-а, это была новость... Ко всему прочему, мэр города был еще и кандидатом в депутаты Государственной думы. С ума сойти...

У Артема вдруг совершенно произвольно задрожали коленки. Теперь ему стало ясно, почему шеф мечет икру. Леонидову осталось до пенсии всего ничего, но если дело об убийстве мэра превратится в очередного "глухаря", Пеку могут отправить на покой досрочно. Что автоматически означало большие финансовые потери в его пенсионном бюджете.

– Когда и где? – коротко спросил майор, все еще оставаясь у двери.

– Садись... – обреченно махнул рукой полковник. – Сейчас выпью свои таблетки и поедем.

Машина уже ждет.

Он проглотил лекарство и запил минералкой прямо из горлышка бутылки. И лишь тогда ответил на вопрос Артема:

– На Троицкой площади, час назад. Представляешь – на центральной площади! Среди бела дня! На глазах у прохожих!

– Да, с одной стороны это ужасно. Но с другой... – Майор помедлил, пытаясь правильно сформулировать фразу – чтобы еще больше не раздраконить шефа. – Но с другой стороны убийство при свидетелях дает нам большой шанс...

– Какой шанс!? О чем ты глаголишь!? Никто ничего не видел, никто ничего не знает!

Шанс... мать твою!

– Такого просто не может быть!

– Еще как может. Дежурная опергруппа доложила, что свидетелей убийства пока не найдено. Нет их – и все тут! Чертовщина какая-то... Ладно, поднялись. Время не ждет.

Туда уже должны выехать генерал, прокурор области и гэбисты.

Артем хотел сказать, что может все и обойдется. По большому счету, убийством государственного деятеля должна заниматься ФСБ. Но потом вспомнил, что нынче совсем другие времена. И крайней обычно становилась служба, наименее защищенная от произвола больших начальников. А сейчас на уголовный розыск, который захлебывался от обилия дел, не катил бочку только ленивый...

Троицкая площадь была оцеплена омонотцами. Там, где обычно располагались уличные художники, волновалась кучка людей. Видимо, это были свидетели – те, кто не успели вовремя покинуть место преступления, и были задержаны милицией для опроса.

Машина мэра, новенький "мерседес", стояла возле светофора. Она была девственно цела: ни пулевых отверстий в кузове, ни битых стекол не наблюдалось. Вокруг нее крутились сотрудники угрозыска и эксперты, в том числе и Сережа Горюнов.

Скорее всего, ЧП случилось, едва Артем покинул здание, где располагалась криминалистическая лаборатория. По дороге в управление он зашел еще и к медэкспертам, потому задержался.

Чуть поодаль, на тротуаре, оживленно переговаривались высокие чины. Туда поспешил и полковник Леонидов, которого позвал генерал, начальник областного управления внутренних дел.

– Вникай, – коротко бросил майору Петр Каллистратович, прежде чем направить свои стопы в сторону начальства. – Этим делом будешь заниматься ты. И никаких возражений!

Он так волновался, что едва не потерял очки, чудом удержавшиеся на кончике носа.

Артем тяжело вздохнул и не стал спорить. Во-первых, недосуг, а во-вторых... Во-вторых, ему пора бы уже привыкнуть, что самые сложные расследования шеф поручает ему.

Может, кто-то и гордился бы таким доверием, однако майор чувствовал себя верблюдом, на

которого уже нагрузили не меньше чем на КАМАЗ. Но что поделаешь, жизнь опера – не мед.

Артем подошел к "мерседесу". Стекло задней двери было опущено, и майор увидел знакомое по многочисленным телевизионным выступлениям лицо мэра. Пуля попала ему точно в правый глаз. Водитель сидел, уронив голову на руль. Парню выстрелили в висок, и тоже с правой стороны. Весь салон машины был забрызган кровью и светлыми бесформенными комочками.

– Наше вам с кисточкой. Давно не виделись... – Горюнов тяжело вздохнул. – Все, randevу накрылось. У меня рабочий день будет длиться до посинения, как минимум тридцать шесть часов. Сам понимаешь – завалили такого зубра. А потому – пишите письма...

– Как это случилось? Ты уже знаешь что-нибудь?

Сегодня дежурную опергруппу возглавлял капитан Баркаев. Майор не любил его за слишком длинный и очень работоспособный язык, всегда готовый вылизать у вышестоящего начальства все самые интимные места. Потому Артем решил для начала поговорить с экспертом, так как Баркаев в это время работал со свидетелями.

– Совсем немного. Машина остановилась на красный свет светофора, кто-то подошел к задней двери и двумя выстрелами в упор уложил и мэра, и водителя. Последний, между прочим, являлся сотрудником ОМОНа и телохранителем своего пассажира. Вот такой компот.

– Это все, что тебе известно?

– Дальнейшее находится в области предположений.

Горюнов показал майору прозрачный пластиковый пакет, внутри которого находился изящный пистолет с глушителем.

– Орудие убийства. Его бросили на заднее сидение. Отпечатки отсутствуют. Чистая работа. Это бельгийский "браунинг" с укороченной рукояткой, сконструированный в 1983 году, модель "компакт", калибр 7,65 миллиметров, обойма на восемь патронов. Можно применять и стандартный магазин на пятнадцать "масленков", но тогда он по длине не помещается в рукоятке. Пистолет еще называют Эйч-пи-ди-эй.

– А если перевести?

– Хай пауэр дабл экшн – высокой мощности двойного действия. Машинка классная. Мечта тех, кто знает толк в оружии. Диковинка для наших мест. В моей практике это второй случай. Правда, тогда не было глушителя. Между прочим, насадка изготовлена в заводских условиях.

– Это что-нибудь означает?

– Может быть. По крайней мере, "браунинг" ввезли в страну комплектно, а значит это не обычная контрабанда какого-нибудь дилетанта-одиночки, а поставки серьезных торговцев оружием.

– Меня смущает один момент... – Артем еще раз заглянул в кабину "мерседеса" через открытое окно; осмотреть салон сквозь стекла оказалось затруднительно, так как они были затемнены. – Странно...

– Что здесь странного?

– Калибр смешной. Профессиональные киллеры такими игрушками пользуются очень редко.

А ведь стрелял явно не дилетант.

– Открой дверку с другой стороны машины. Но лучше не нужно... – Эксперт брезгливо поморщился.

– Это почему?

– В магазине разрывные пули. И у мэра, и у его водителя снесло полчерепа. Картина еще та... Так что калибр в самый раз.

– Но почему мэр опустил стекло? Я сегодня жары не наблюдаю. Ко всему прочему, у "мерседеса" есть кондиционер.

– Этот вопрос и есть главная загадка. И она как раз по твоей части. Пека тебе это дело склеил?

– Скорее всего. Я, конечно, попытаюсь прыгнуть на ходу, но вряд ли мне это удастся.

– С чем тебя и поздравляю. А почему, во-первых, мэр вообще остановился у светофора?

Ведь раньше ему устраивали "зеленую линию". И, во-вторых – где его охрана? Обычно за ним шла машина сопровождения – по-моему, "джип" с омоновцами.

– Объяснение лежит на виду. Мэр теперь кандидат в депутаты Госдумы. Пардон – был.

Потому он последний месяц начал усиленно демонстрировать свою "демократичность".

Всех бабушек на крытом рынке перецеловал, я сам по телевизору видел. В связи с выборами мэр на время отказался от "джипа" с охраной и начал ездить как все – без мигалок, сирен и соблюдая правила движения.

– Это было для него большим горем, – Артем не удержался от иронии. – Но тогда мне хочется спросить еще раз: какого черта ему вздумалось опускать стекло? Неужто для того, чтобы поприветствовать уличных художников? Тогда это точно верх демократичности.

Особенно если учесть его гонения на них. Мне помнится, в позапрошлом году художники организовали тут заваруху с митингами, пикетами и голодовкой, потому как мэр хотел согнать их с насиженного места. Я не ошибся?

– Нет. Все точно. Мэр хотел передать этот участок площади какому-то богатенькому Буратино, чтобы он поставил там киоски для торговли разным барахлом. Сам знаешь, что Троицкая – место денежное. Тогда художники устроили настоящий балаган с пикетами, транспарантами и выступлениями клоунов, певцов и декламаторов. Творческие работники резали правду-матку, не оглядываясь на чиновников и держиморд. Ко всему прочему, художники разрисовали красками всю мостовую; как думали парни из патрульно-постовой службы, бессистемно. Потому никто и не вмешивался. Малюты – ну и пусть их.

Лишь бы не бузили. А затем все со временем смоеется, сотрется и забудется. Но власть здорово просчиталась, уповая на беззащитность и непрактичность интеллигенции. После митинга организаторы большого творческого шухера пригласили фотографов и телевизионщиков, и они засняли площадь с высоты птичьего полета. Картинка была еще та...

– Извини, но этот момент не припоминаю, – признался майор. – Я тогда был в служебной командировке и приехал на разбор шапок.

– Художники нарисовали на Троицкой огромную, шикарно выполненную карикатуру. Мэр с

раздвоенным как у змеи языком лижет толстую розовую задницу нового русского, а тот благосклонно кидает ему обгрызенные кости. "Живопись" произвела фурор. Эту картину показывали много раз практически все телевизионные каналы страны. Я уже не говорю про "желтую" прессу. Розовую "клубничку", сфотографированную с высоты, в виде цветных разворотов публиковали от Москвы до самых до окраин, как поется в песне. В том числе и за рубежом. Мэра стали узнавать даже на пляжах Средиземного моря, куда он направился, чтобы поправить здоровье, порушенное конфронтацией с забубенными мазилами. Неужто не помнишь?

– Я отсутствовал в городе более двух недель. Кое-что слышал, но вникать глубже не было ни времени, ни желания.

– Создателей карикатуры хотели привлечь к суду за оскорбление личности мэра, но такой процесс привлек бы чересчур пристальное внимание к событиям в городе. И не только общественности. Потому дело спустили на тормозах, оставив все так, как было раньше.

Представь себе – на скамье подсудимых минимум полсотни интеллигентов, творческих работников. Ведь они разрисовывали площадь все до единого. А среди них немало и заслуженных, и народных художников, награжденных орденами и медалями. Некоторые выставляются даже за рубежом. Троицкая площадь для этих людей своего рода клуб по интересам, место общения.

– Это мне известно, – сказал Артем, вспомнив Мишу Завидонова и художника Салтыкова.

К ним подошел капитан Баркаев.

– Здравствуйте, товарищ майор, – сухо поприветствовал он Артема, не подавая руки.

Майор сдержанно кивнул в ответ, глядя на Баркаева холодно и безразлично. Ни тот, ни другой не желали скрывать свои натянутые взаимоотношения. Хотя капитан и был номинально в подчинении Артема, тем не менее, майору было сложно надавить на Баркаева, а тем более – избавиться от него. Баркаев имел крепкие связи в областном управлении внутренних дел, а его жена работала главным бухгалтером банка, обслуживающего мэрию, и ходила в подружках у жен многочисленных "крутых" и "новых".

– Полковник приказал передать дело вам, – продолжил Баркаев. – Мы практически закончили со свидетелями. Что эксперты? – обернулся он к Горюнову.

– У нас все в ажуре.

– Тогда я вызываю для "мерседеса" эвакуатор. Нужно открывать движение. Машина из морга уже здесь. У вас есть какие-то замечания, распоряжения? – подчеркнуто вежливо спросил он Артема.

– Что говорят свидетели?

– Как обычно, темнят. А может и впрямь ничего не видели.

– Понятно... Ладно, действуйте. Список свидетелей составлен?

– Естественно, – с легкой иронией ответил Баркаев. – С указанием домашних адресов и телефонов. Вот... – Он протянул майору прозрачную пластиковую папку.

– Спасибо, – без проявления любых эмоций поблагодарил Артем. – Работайте...

И он резко отвернулся, якобы для того, чтобы еще раз внимательно осмотреть "мерседес", пока его не увез эвакуатор. Баркаев, какое-то мгновение поизучав спину майора, нехорошо

ослабился и ушел. Незаметно наблюдавший за ним Горюнов рассмеялся и сказал:

– Он готов сожрать тебя с потрохами.

– А мне на него... – Артем хотел было выразиться очень грубо, но тут же прикусил язык – к ним быстро приближался Леонидов.

– Понял... – ухмыльнулся эксперт. – Я погнал в свои пенаты. Завтра утром буду к твоим услугам. Работы очень много. У меня в очереди стоят еще три жмурика. Вчерашняя ночь оказалась "урожайной". Так что увольнение по сокращению штатов мне не грозит. Пока.

– Бывай...

Петр Каллистратович был чернее грозовой тучи.

– Убийства мэра принимает в производство наша контора, – заявил он таким тоном, будто прощался с родным человеком перед казнью. – Генерал рвет и мечет. На него наехали сверху. Представители службы безопасности как обычно делают умный и многозначительный вид и плюют на все с высокой колокольни. У них, видите ли, профиль не тот. Им подавая террористов или шпионов. УБОП тоже крутит хвостом. Пока не доказано, что убийство мэра – дело какой-нибудь мафиозной группировки, они и пальцем не шевельнут.

– Ничего нового... – буркнул Артем. – Всё то же и все те же. "Оркестр" не думают создавать?

Оркестром Пека называл специальную группу из представителей разных правоохранительных структур, которым поручалось расследование особо серьезных и резонансных преступлений. Наверное, в детстве Леонидов увлекался баснями Крылова.

Майор, по натуре махровый индивидуалист, терпеть не мог участвовать в таких шумных кампаниях, в большинстве случаев рассчитанных на то, чтобы потрафить общественному мнению, нежели жестко нацеленных на положительный конечный результат.

– Пока нет, но намеки были.

– И то ладно. Рабочих лошадок подбросите?

– Более-менее свободен только капитан Баркаев... – Пека искоса посмотрел на Артема.

Для него не была тайной неприязнь и соперничество между двумя оперативниками.

Однако майор так и не смог выяснить, как полковник относится к Баркаеву. Петр Каллистратович, старый лис, исповедовал девиз древних "разделяй и властвуй".

– Если так, то мне хватит и Гольцовой, – отрубил Артем.

Полковник пожал плечами и скривился, будто проглотил что-то очень кислое. Ему хотелось обойтись малыми силами, но он прекрасно понимал, что светит лично ему если Артем не найдет убийцу мэра. Или – в крайнем случае – какой-нибудь многообещающий след.

Пека в оперативно-розыскной работе собаку съел и теперь был абсолютно уверен, что убийство заказное. А потому его можно практически сразу определять к "глухарям".

Потому-то другие спецслужбы и не проявляют ретивое.

– Ты не горячись, – сказал он примирительно. – Резервы найдем. Дело очень серьезное, сам понимаешь. Нужно не просто работать, а пахать.

– Нам, крестьянам, все равно – что водка, что пулемет, лишь бы с ног сшибало. Нужно пахать

– будем. Только распорядитесь, чтобы мне выделили машину. На своих двоих я за убийцами не в состоянии угнаться.

– Этот вопрос решим.

– И желательно попримечней, а не нашего милицейского "козла", который глохнет через каждый километр.

– У тебя запросы... – Полковник тяжело вздохнул. – Что-нибудь придумаем.

– Тогда извините, мне нужно немного покумекать и обсмотреться, пока "мерс" не увезли.

– С Богом, Артем Саныч! Не подведи, – с чувством напутствовал майора Петр Каллистратович.

"Будем стараться, ваше сиятельство!" – хотелось рявкнуть раздраженному Артему, но он лишь сумрачно кивнул. С Пекой не стоит пикироваться. Он нормальный мужик. К сожалению, его испортил пенсионный вопрос. Всего лишь.

Тем временем пошел мелкий дождь. Природа словно спохватилась и все-таки решила оплакать свое безвременное усопшее произведение.

"Человек – венец природы", – совсем некстати вспомнилась майору цитата из школьного учебника; кажется, по биологии. Да, венец. Но терновый...

Домой он возвращался где-то в половине двенадцатого. Обычно после таких серьезных ЧП практически все оперативники уголовного розыска сутки, а то и двое, находились на работе независимо от того, расследованием каких дел они были заняты.

Но сегодня Артем, который после своих изысканий на Троицкой стал насквозь пропотевшим и грязным, решил нарушить традицию, чтобы принять душ и съесть тарелку горячего супа. Все его подчиненные получили задания, и ему пока было делать нечего.

Потому майор, сказав Сипягину, куда нужно звонить в случае острой необходимости, прыгнул на ходу в полупустой троллейбус и с облегчением развалился на мягком сидении возле окна.

Дорога к дому была недлинной, но он успел даже подремать. Артем не боялся проспать свою остановку. Как раз возле нее на асфальте образовалась глубокая колдобина, и несчастный троллейбус, на малой скорости въезжая в эту ямину, издавал такой стон и скрип, что мог и мертвого разбудить. Майор небезосновательно опасался, что в один прекрасный момент имеющее преклонный возраст транспортное средство просто развалится на куски, а потому и в полудреме был настороже.

Он уже сворачивал на аллею, ведущую к подъезду, когда возле него резко притормозила машина. Из нее выскочили трое и молча бросились на него явно с нехорошими намерениями.

Артема спасло то, что из-за событий на Троицкой нервы были напряжены до предела.

Завидев трех мордovorотов, уже готовых его схватить, он не стал соображать, с какой стати они к нему пристали и спрашивать у них, что им от него нужно. Как-то странно – позаячьи – майор подпрыгнул на месте, и во всю прыть припустил к дому.

Майор даже не успел испугаться; все его действия скорее были скорее инстинктивными, нежели продуманными. Наверное, так – без особых раздумий – спасали свои жизни далекие предки человека, когда на их стойбище нападали саблезубый тигр.

Нападавшие бежали позади, совсем близко – все так же молча, но быстро. Похоже, они были хорошо тренированы. "Не убеги! Догонят, козлы..." – мелькнула в голове Артема мрачная мысль.

"Мать вашу!.." – выругался он сквозь зубы, и наконец вырвал из кобуры застрявший пистолет, что на бегу оказалось весьма непростой задачей.

– Стоять!!! – заорал он, резко остановившись и обернувшись. – Буду стрелять!!!

Пальцы сработали автоматически: один поднял флажок предохранителя, а второй нажал на спусковой крючок. Пуля ушла куда-то в небо. К полуночи город обычно затихал, и звук выстрела, отразившись от стен домов многократным эхом, грянул как гром.

Нападавшие бросились врассыпную. Майор не стал их ни останавливать, ни тем более преследовать. Тяжело дыша и держа темные, прыгающие фигурки, которые торопились к своей машине, под прицелом, он медленно пятился к темному зеву подъезда.

И впервые за долгие годы майор мысленно поблагодарил местных подростков, с завидной регулярностью бьющих лампочки осветительных приборов. В противном случае, подсвеченный сзади, он стал бы отличной мишенью.

Едва за ним закрылась дверь квартиры, Артем почти без сил привалился к стене. Он почему-то совершенно не сомневался, что охота шла на него. Не получилось...

Но почему, черт возьми, почему!? Кому-то перешел дорогу? Так ведь работа такая, не впервой. Однако самым интересным было то, что его хотели похитить. Именно так – не убить (чего проще), а похитить! В этом тоже у майора сомнений практически не оставалось.

От большого душевного напряжения усталость и сон будто рукой сняло. Быстро приняв душ и поужинав, Артем вызвал дежурную машину, чтобы ехать в управление. Ему совсем не улыбалась перспектива добираться среди ночи на работу городским транспортом, чтобы еще раз испытать очередное смертельно опасное приключение.

Везение всегда когда-нибудь заканчивается и притом в самый неподходящий момент.

Глава 12

Слежку за собой Саюшкин вычислил уже на следующий день после посещения бара "Волна". Это произошло совершенно случайно – как для него, так и для тех, кто за ним следил. Случайность нередко может разрушить самый замечательный план, который должен приводится в действие весьма квалифицированными исполнителями.

Но двое топтунов, выпущенных на след Лехи верным наперсником содержателя "малины", не были большими профессионалами наружного наблюдения, а потому вполне естественно, что они столь скоро дали маху.

Утром голова Лехи, вследствие угощения Микиты и швейцара Шулики, напоминала потревоженный пчелиный улей. Ясность мыслей не появилась даже тогда, когда он выпил холодной минералки. Симптомы были тревожными и даже болезненными – к голове Саюшкин боялся дотронуться – а потому, глядя затуманенным взглядом на лохматого, заросшего щетиной хмыря, пялившегося на него из глубины старого облезлого зеркала, он показал ему язык и послал куда подальше. От такой пикировки с безмолвным собеседником ему даже полегчало.

Проснулся Саюшкин поздно. В квартире он был один (Верка заваялась куда-то с утра пораньше), а потому первой мыслью вора стало желание не только потушить похмельный огонь, сжигающий его изнутри, но и перекинуться с кем-нибудь словом. Вода, пусть и минеральная, и зеркало в ванной для таких целей, конечно же, не годились, и Леха, не долго думая, направился в одно весьма примечательное место, которое местные пролетарии облюбовали еще в пятидесятые годы.

Это была агитплощадка, выполненная по указанию какого-то шибко грамотного в исторических науках партийного бонзы в виде миниатюрного римского амфитеатра. Она находилась в крохотном, но густом и очень удачно расположенном скверике – от него было рукой подать до двух винных магазинов и пивного ларька.

Затарившись горячительной продукцией, пролетарии и примкнувшие к ним деградированные элементы, тунеядцы и пьяницы чинно, словно римские патриции, рассаживались на скамьях, поднимающихся уступами, и начинался гудеж, длившийся практически круглые сутки. По счастливой случайности даже общественный туалет, весьма необходимый в застолье, располагался рядом, в том же скверике.

Теперь агитплощадка представляла собой развалины былой благопристойности.

Деревянные бруски, исполнявшие роль сидений, умыкнули – скорее всего, шашлычники на дрова, от металлических поручней остались одни гнезда в бетоне – это уже постарались вездесущие сборщики металлолома, а раковина сцены носила следы многочисленных поджогов и напоминала обугленное решето, заплетенное вьющимися растениями.

Тем не менее, внутри амфитеатра царила просто-таки невероятная чистота. Другой бы удивился – это при нашем всеобщем свинстве! – но Саюшкин знал, что агитплощадку по утрам убирают бомжи. И вовсе не ради высоких идеалов, о которых им когда-то вещали здесь же, со сцены, записные коммунистические агитаторы, или вследствие проснувшегося самосознания, а по причине совершенно прозаической.

Дело в том, что посетители этой "общественной" распивочной считали неприличным сдавать пустую посуду. Чем и занималась небольшая, крепко сбитая группа бомжей.

Чтобы не потерять "клиентов", – кому понравится сидеть среди мусора и дерьма? – а значит и довольно приличный заработок, деклассированные личности создали строго лимитированное по численному составу сообщество и составили график уборок, соблюдающийся с невероятной пунктуальностью и строгостью.

В общем, "Черная кошка" (так прозвали агитплощадку еще отцы современных выпивох) функционировала с завидной стабильностью и в любое время года, исключая совсем уж ненастные дни.

Говорили, что свое название этот мини-театр социалистического фарисейства под открытым небом получил буквально на следующий день после открытия. В те далекие послевоенные времена в городе существовало много различных банд, одна из которых называлась "Черная кошка". Какой-то шутник за день до торжественного открытия агитплощадки в ночное время нарисовал углем на свежевыкрашенной белилами ракушке сцены огромного черного кота с усами метровой длины.

С той поры к ней название и приклеилось. Намертво. А черный котище, как его ни уничтожали, регулярно появлялся на ее стенах при всех коммунистических правителях.

День выдался сухим и солнечным, потому "Черная кошка" не пустовала. Высокие трибуны защищали посетителей злачного заведения под открытым небом от ветра, и в амфитеатре было уютно и тепло. Саюшкина встретили приветственными возгласами. Он считался здесь

своим человеком.

– Пришоединяйша, – пригласил его старый шаромыжник Муха, худой и облезлый, как мартовский кот, широко улыбаясь большим беззубым ртом; он шепелявил. – Мы тут азовшку кильку доштали – пальчики оближешь. Свежего прошла.

– Ты принес пиво!? – обрадовался компаньон Мухи, круглолицый Пятак; у него была абсолютно лысая голова с блестящей кожей шафранового цвета. – Ну, лафа, чтоб я так жил!

– И водку... – Леха поставил на бетонную ступеньку полиэтиленовый пакет с бутылкой водки и немудреной закуской, а также двухлитровый пластиковый баллон с пивом – Этого добра у нас завались. Мы тут самогонкой разжились клеовой. Полная трехлитровая бутылка, – вступил в разговор Фигарь, нескладный мосластый тип с неподвижным ледяным взглядом, достающим до печенки. – А вот пиво в самый раз. После тюльки жажда мучит.

Саюшкин немного побаивался этого бомжа, не похожего на других. Впрочем, Фигарь был скорее бич – бывший интеллигентный человек, нежели бездомный бродяга. У него имелась даже однокомнатная квартира – голые стены, колченогие табуреты, стол-инвалид и кровать с панцирной сеткой, застеленная вместо покрывала переходящим красным знаменем победителей соцсоревнований, от времени и грязи ставшим коричневым и лоснящимся.

В свое время Фигарь[1] окончил юридический институт и работал в милиции, но его оттуда с треском выперли за какие-то крупные прегрешения; хорошо, что не посадили. Через некоторое время бывший мент, превратившийся в безработного, спился, от него ушла жена, забрав все ценные вещи и мебель, а соседи перестали подавать руку. Леха не доверял Фигарю и старался встречаться с ним пореже.

Саюшкину полегчало только после второй порции. Пили из хлипких бумажных стаканчиков – дань новому времени. Тюлька и впрямь оказалась выше всяких похвал: довольно крупная, жирная, малосольная, с неповторимым запахом морской свежести.

Леха расслабился и кеифовал, развалившись на подстилке из остатков большого картонного ящика. Событыльники о чем-то неторопливо болтали, натужно жужжали вялые осенние мухи, которых едва не летняя теплынь выгнала из щелей и дупел, куда они прятались от ненастья и ночных холодов, а в небе порхали какие-то птички, собираясь в стайки для отлета в заморские края. Голова стала восхитительно пуста и легка словно пушинка, а жизнь казалась не только сносной, но даже радостной.

– У тебя проблемы? – с нарочитой небрежностью спросил Фигарь, облизывая жирные от тюльки пальцы.

– С чего ты взял? – насторожился Саюшкин.

От сонного, расслабленного состояния не осталось и следа. Он поднял глаза на Фигаря.

Тот осклабился, но его пустой, ничего не выражающий, взгляд невольно вызывал душевный трепет. Казалось, что бывший мент вставил в глазницы непрозрачные линзы.

И тем не менее, Леха по прежним встречам знал, что опустившийся дальше некуда Фигарь подмечает малейшие детали в окружающей обстановке. Даже в таком состоянии он до конца не растерял навыки сыщика, за годы работы в угрозыске въевшиеся в кровь и плоть.

– Да так... Наверное, показалось... – Бывший мент потянулся до хруста в костях. – Плеснуть?
– Он взял в руки бутылку с самогоном.

– Не надо. Что тебе показалось? – не отставал Саюшкин.

- Значит, в этот раз не желаешь составить компанию. – Фигарь будто и не слышал вопроса.
- Придется в гордом одиночестве... – Он налил себе полстаканчика. – Фирменный продукт.
- Бывший мент выпил вразяжку и крикнул. – Забористый... блин! Муха, подай огурец!

Мерси, – поблагодарил он не без галантности.

Фигарь с хрустом разгрыз большой соленый огурец, порыжевший еще в поле.

- Что характерно, времена давно изменились, а социалистический принцип засолки овощей сохранился, – продолжил он, с философским видом рассматривая огрызок огурца.
- Кто бы мне сказал, где такие лапти произрастают? Почему их не отдают свиньям на корм, а складывают в бочки? Ведь огурцы внутри пустые.
- Это называется переходный период, – объяснил Саюшкин. – Чтобы народ, случаем, не объелся маленькими и вкусными капиталистическими корнишонами.

Он больше не стал просить бывшего мента растолковать его загадочный и тревожный намек. Неужели по мне видно, что я волнуюсь? – подумал Леха с раздражением. Нужно прекращать этот мандраж. Иначе можно из-за нервов здорово и совсем некстати влипнуть.

- В самое яблочко, – с удовлетворением прищурился Фигарь. – Я бы никогда не додумался.

А ты парень не промах. Котелок у тебя варит.

- Ага, это Балабаниха варит, зараза! – возбужденно и радостно вмешался в разговор Пятак.
- У нее такая ханка[2]... во! – Он показал большой грязный палец. – Бля буду!

Он был глуховат и из-за этого физического недостатка часто попадал впросак.

- Глухая тетеря... – Фигарь потрепал Пятака по плечу. – Лакай, братан, пока жив! На наш век пойла хватит. А после нас хоть потоп.

– Пашпорт надо получить, – сказал, что называется, ни к селу, ни к городу, Муха, до этого сидевший в задумчивости. – Ходил в ателье, чтобы фотки шделали, так они меня выгнали.

Я что, не человек!?

- Зачем тебе паспорт, орясина? – удивился Фигарь. – Когда сдохнешь и без документов зарюют.
- Ты умный мужик, а говоришь глупошти. Мне пенсию обещали дать. А без документов там никак.
- На кой ляд тебе пенсия? Ты пропьешь ее за один день.
- А я, может, хочу! И никто мне не запретит. У меня и медали были... за труд. Не веришь?
- Эка невидаль – медали! – саркастически ухмыльнулся бывший мент. – Их сейчас на рынке продают. На вес. Бери, сколько душа твоя желает.

– Замолчи! – крикнул Муха, стиснув кулаки. – Не шмей! Я работал! Был передовиком! У меня шемья была... дети... – Пьяная слеза покатила по закаменевшим морщинам его лица. – Я был как вше...

– Ты чего это, друган!? – встревожился Пятак. – Болит что?

– Болит... – глухо сказал Фигарь. – Душа у него болит. Или что там еще осталось... Пропади оно все пропадом!

Саюшкин тоже пригорюнился. За компанию. Чтобы спрятать от всех где-то внутри торжествующий живчик, который, пританцовывая, орал: "А я не такой! А у меня скоро бабок будет валом! И уеду я отсюда... далеко! И-эх! Пропадай моя телега, я куплю себе авто!" – Леха, а ты не хочешь в туалет сходить? – спросил Фигарь спустя некоторое время.

За этот час они успели с горя пропустить по паре стаканчиков, и теперь весь мир казался Саюшкину сплошным праздником – нет, скорее карнавалом, как в Рио-де-Жанейро – на котором он был главной фигурой. Даже злость на Верку поутихла, растаяла, и Леха начал всерьез подумывать, как наладить с нею прежние отношения.

– Нет, – беззаботно ответил собачий вор. – Я ведь пиво почти не пил.

– А ты сходи, парнишка. Очень советую.

– С какой стати? – Леха с удивлением воззрился на бывшего мента.

– Ты умеешь держать себя в руках? – вопросом на вопрос ответил Фигарь.

Он был таким серьезным, что Саюшкину вдруг стало не по себе.

– Ну... наверное...

– Тогда соберись и выслушай, что я тебе скажу. И ни в коем случае не дергайся! Сиди смирно, не верти головой, смотри на меня и улыбайся. Понял?

Фигарь сказал это негромко – так, чтобы услышал только Леха.

– Да, – кивнул Саюшкин. – Понял.

На самом деле он ничего не соображал. Но мрачный взгляд бывшего мента не сулил вору ничего хорошего, а потому Леха сразу отрезвел.

– За тобой следят, парнишка, – просто и буднично сказал Фигарь.

Саюшкин как будто и не удивился. И даже не дернулся. Он сидел, глядя на собеседника каким-то отморозенным взглядом. Нет, Леха не был твердокаменным и уравновешенным как советский разведчик Штирлиц. Он просто закаменел. И не столько от неожиданности, сколько оттого, что его самые худшие предположения начали сбываться.

– Ты чего молчишь? – спросил бывший мент.

– Кто-о-о? – наконец длинно выдохнул вор.

– Двое деловых. Так, ничего особенного. Мелюзга. Однако "перо" вставить в бок могут запросто. Я их не знаю, говорю из собственно опыта. Судя по внешнему виду, это мелкие, но очень опасные пакостники. Они глаз с тебя не сводят. Это меня и насторожило.

– Где... они?

– Не торопись. Покажу чуть позже. Только не вертись, ради Бога! Видишь ли, я еще сам до конца не уверен. – Фигарь выглядел озабоченным. – Потому и прошу тебя сходить в туалет.

– Зачем?

– Ну и вопрос... За тем самым. Только чтобы все было естественно! Теперь ты понял?

Саюшкин кивнул. До него, наконец, дошел замысел бывшего мента. Он поднялся и, как механическая кукла, с трудом переставляя негнущиеся ноги, потопал к выходу...

Возвратился он быстро. Его трясло, хотя Леха старался держаться бодро и независимо. В туалете, напоминаящем выгребную яму, он и впрямь помочился – от страха, хотя ему совсем недавно вовсе этого не хотелось. Но рядом справляли нужду мирные, к тому же знакомые бомжи, до того грязные и вонючие, что даже туалетные миазмы не могли заглушить исходящее от них амбре.

– Ну, как? – спросил он шепотом, косясь на Муху и Пятака, которые из-за чего-то затеяли свару и спорили, воинственно размахивая руками.

– А вот теперь я уверен, – так же тихо ответил Фигарь. – Едва ты вышел, как они бросились за тобой, сломя голову. Дилетанты... – Презрительная ухмылка перекосила его длинное угловатое лицо. – Сейчас они снова здесь. Явились, не запылились.

– Где?

– Сзади, слева от тебя. Один коренастый, в синей куртке. Второй рыжий, повыше. Пиво пьют. Во что ты вляпался, Леха?

– Не твое дело! – огрызнулся Саюшкин.

– Как скажешь, – спокойно согласился бывший мент. – Меньше знаешь – крепче спишь. Я лучше выпью. Этот поганый мир не для меня. Выпью – и отрублюсь. Чтобы его не видеть.

А завтра снова... и снова... и снова... Пока не сдохну. Вы, голодранцы, золотая рота, закройте! – прикрикнул он на раздухарившихся Муху и Пятака. – Наливай да пей – вот мой девиз. Как он тебе? – спросил у Лехи.

Но вор не слышал его слов. Он успел рассмотреть своих преследователей, и пребывал в полном ступоре.

В мыслях Саюшкин уже простился с жизнью.

Глава 13

Полковник Леонидов был в отвратительном настроении. Артем это предполагал и не хотел с ним встречаться в такой момент, но иного выхода у майора не было. Он просто обязан доложить шефу о первых результатах расследования убийства мэра.

А о чем говорить? Несколько бумажных листов в папке с заключениями экспертов и показаниями свидетелей (и то не всех). И в них почти нуль необходимой информации – вот все, что майор наковырял к утру следующего дня.

Операция "Перехват", объявленная буквально через полчаса после убийства, тоже практически ничего нового в расследование не привнесла. Правда, была задержана группа наркоторговцев, а также посажены за решетку несколько давно разыскиваемых рецидивистов и один маньяк-насильник, полгода терроризировавший город, но Артему от этого легче не стало.

Не хотелось рассказывать Петру Каллистратовичу и о попытке похищения. Майору нужно было проанализировать случившееся, чтобы не выглядеть в глазах шефа страхополохом.

К тому же нападение возле подъезда было его личным делом – Артем решил неудавшееся похищение не регистрировать.

– Господи – когда!? – страстно возопил полковник, едва взглянув на унылое, хмурое лицо Артема.

– Вы о чем, Петр Каллистратович?

– Когда ты придешь и скажешь, что дело в шляпе!? Как мне осточертели все эти отговорки и ссылки на непреодолимые обстоятельства! Вам все мешает, как тому хреновому танцору калоши! Почему совсем недавно, при том самом режиме, на котором уже отоспались все, кому не лень, у нас показатели раскрываемости по тяжким преступлениям были в три раза выше, чем сейчас!? Почему!? Как так получается, что мы этих сволочей ловим, а их тут же выпускают!? И почему за это клепают не тех, кого нужно, а милицию!?

Артем благоразумно помалкивал. Нужно было время, чтобы Пека выговорился. На него иногда находил такой стих. Впрочем, майор понимал шефа. Действительно, ему здорово доставалось от вышестоящего начальства и средств массовой информации. Правда, на крайние меры в виде отстранения полковника от должности, руководство не шло – Петр Каллистратович, при всех его недостатках, был профессионалом высокого класса. А таких осталось немного.

– Ладно, поплакались – и будя... – Леонидов, до этого метавшийся по кабинету, тяжело опустил в свое кресло. – Каждому нести свой крест. А у нас, Артем Саныч, он нелегкий.

Ох, нелегкий... Садись и докладывай. Только самую суть. У меня от лишней болтовни черепушка раскалывается. У нас тут много краснобаев развелось... мать их! А что делать?

Где лучших сыскать? Пока новая, молодая поросль поднимется, рак свистнет. И до тех пор придется нам с тобой, мил дружок, свои спины под розги подставлять.

– Картина отвратительная, – сказал Артем, раскладывая свои бумаги. – Свидетели ничего не видели. Удивительно! Не понимаю... Ладно, пусть стреляли из пистолета с глушителем, а значит звуки выстрелов прохожие и впрямь могли не слышать. Но ведь к машине мэра никто не подходил! Никто! Все так утверждают в один голос. А "мерседес" был на виду, и на него не могли не обратить внимание хотя бы художники, которые находились как раз с той стороны, где находился стрелок. От них до светофора пятьдесят метров. Что, у нас в городе объявился человек-невидимка?

– У тебя одни невидимки! – злобно огрызнулся Леонидов; и тут же смягчился: – Извини, это я зря... Настроение ни к черту. Готов сам себя за хвост укусить. Продолжай.

– Но самое главное заключается в следующем: на кой ляд мэру понадобилось опускать стекло двери? Он не курящий (так же, как и водитель), а на улице было прохладно.

Заметил какого-нибудь знакомого или приятеля и решил его поприветствовать? Однако к машине по утверждению свидетелей никто не подходил. В общем, полный абзац. Это касается свидетельских показаний.

– А что говорят эксперты?

– Отпечатки пальцев на пистолете отсутствуют. Скорее всего, работали профессионалы.

Впрочем, это вы уже знаете. Кузов машины тоже девственно чист. Похоже, водитель лизал

машину с утра до вечера. Оружие редкое, приспособленное, кстати, для людей с небольшой ладонью. – Артем не стал развивать эту тему дальше, так как знал, что Пека пистолет видел. – Тут есть, с чем работать. Подобный ствол уже встречался в наших краях.

– Да? – Полковник заинтересованно поднял глаза на майора. – Не припоминаю.

– Бельгийский "браунинг" такой же конструкции в свое время был изъят у Жереха. Я проверил по компьютерной базе данных.

– У Бени Черного, "браунинг"? – удивился Петр Каллистратович. – Вот чего не помню, того не помню... Но лично за ним, при всем том, по-моему, "мокрых" дел не числилось. И к огнестрельному оружию он всегда относился отрицательно. Жерех предпочитал кулаки.

– Было. Наверное, поддался влиянию времени. А может, носил оружие на всякий случай – чтобы своих отмороzków держать в ежовых рукавицах. Как говорится, против лома нет приема, кроме лома. Но у Жереха изъяли иную модель "браунинга" – "стандарт" с нормальной рукояткой. И патроны другие.

– Кстати, насчет патронов. Что там говорится в заключении?

– Патрон для специального применения калибра 7,65 миллиметра. Большая редкость.

– Только не для киллеров, – проворчал полковник.

– Это точно.

– У тебя все?

– Скажем так – почти.

– Интригуешь?

– Да как сказать... Интрига, конечно, присутствует. Дело в том, что именно в этот день охранники должны были следовать за мэром. Кстати, вопреки его воле. Так настоял начальник охраны. И мэр будто бы согласился. Но машины сопровождения он не дождался.

– Почему?

– Во-первых, время поджимало – у мэра была назначена встреча с иностранцами. А вовторых, "джип" охраны оказался неисправен. Начальник охранников попросил шефа немного подождать, пока устранят неполадки, но взбешенный задержкой мэр послал его на три буквы и приказал подавать свой служебный "мерседес". Другого транспорта для охраны на этот момент в гараже не оказалось.

– Как-то очень вовремя сломалась машина охранников...

– Вы верно подметили, – скупой улыбнулся Артем. – "Джип" мы осмотрели. И оказалось, что кто-то в нем слегка поковырялся.

– Ну и?..

– Перерезаны тормозные шланги. Всего лишь. Что, собственно, определил и водитель "джипа". Но, как это у нас принято, сначала он долго матерился, затем перекурил, чтобы успокоиться. Потом полез под капот, где, ясное дело, ничего не нашел и снова затеял перекур – уже с досады. И лишь спустя пятнадцать-двадцать минут наконец решил загнать машину на яму и осмотреть ее снизу. Правда, после водитель действовал оперативно и немедленно сообщил о своем открытии начальнику охраны. Тот сразу же заподозрил

неладное и попытался связаться по мобильному телефону с шефом, однако уже было поздно.

– Итак, "заказ"...

– Никаких сомнений. Я пока не определился, чем он пахнет – деньгами или политикой (а может тем и другим) – но то, что все сработано на высоком профессиональном уровне, сомнений нет.

– Ах, жизнь моя – копейка! – Удрученный Леонидов стукнул ладонью по столу. – Пятое заказное убийство с начала года! Да что же это такое творится!?

– Передел собственности, товарищ полковник. Мы вступили в эру капитализма.

– Мать ее через колено, эту новую эру и этот гребаный капитализм! Озверел народ из-за денег, право слово.

– Народ? Не обижайте наших людей, Петр Каллистратович. Народ у нас нормальный. Все эти пакости делают те, которым при любой власти жизнь малина. Редиски. Снаружи красные, а внутри белые. И нередко с гнильцой. Генетические уроды.

– Твои философские рассуждения меня в гроб загонят. Ты дай мне результат. Хоть чтонибудь!

– А вы не заметили в этих убийствах некую странность? Которая, как мне кажется, превращается в закономерность. – Артем пропустил мимо ушей выпад полковника.

– Не заметил, – отрубил Леонидов. – Наверное, шибко постарел.

– По крайней мере, в шести... нет, теперь уже в семи случаях, квалифицированных как заказные убийства, свидетели твердили в один голос, что ничего подозрительного не наблюдали. Хотя почти все эти преступления совершались белым днем. Мистика!

– Да уж... Вот она где сидит, эта мистика. – Полковник провел ребром ладони по горлу. – Из-за этой самой "мистики" меня скоростижно отправят капусту на "фазенде" выращивать. Тебе от этого легче будет?

– Никак нет, Петр Каллистратович. Тем более что на ваше место я не претендую. Нет у меня, знаете ли, здорового первобытно чувства, именуемого карьеризмом.

– Врешь, поди. Ну да ладно, не о том разговор. Иди и работай. Кстати, я обещал тебе помощников. Так вот – группу подберешь сам. Можешь взять лучших. Разрешаю. Всетаки, убили мэра. А то эти... – Полковник с мученическим видом поднял глаза на потолок.

– Долбят, понимаешь ли.

– Привычное дело.

– На этот раз точно головы полетят. Вместе с погонами. Если, конечно, мы не найдем убийц.

Артем пожал плечами и встал. Подобные разговоры давно набили оскомину. Они уже стали ритуальными. Пора приниматься за работу.

Старлей Сипягин, которого майор привлек, чтобы он опрашивал свидетелей убийства мэра, был красный от злости.

– Эти гении меня за дурака держат! – кипятился он, размахивая какой-то бумажкой. – Вместо ответов по существу читают лекции по станковой живописи! Несут полную бредятину.

– Ты о ком говоришь? – спросил Артем, с удивлением отметив, что Сипягину известно даже такое мудреное понятие как "станковая живопись".

– О художниках. Ну, о тех, с площади. Мазилы чертовы!

– А-а... – Майор скупно улыбнулся. – Народ непростой, что и говорить. Неужто хамят?

– Как бы не так. Вежливые, паразиты, до тошноты. Иначе как господином не называют.

Издеваются, честное слово! Может, кого-нибудь из них на день-два в ИВС определить? – спросил Сипягин с затаенной надеждой. – Тюремная баланда прочищает мозги лучше любых уговоров и просьб.

– Что верно, то верно, – согласился Артем. – Но у нас не тот случай. – Он не стал дальше развивать эту тему, только спросил: – Много осталось?

Сипягин посмотрел на список и ответил:

– По идее, пять человек.

– А если без идеи?

– Двое сказались больными (проверю обязательно!). Третий срочно укатил в столицу на какую-то выставку, где он что-то там представляет. Четвертого ночью увезли в больницу – у него приступ аппендицита. Наверное, уже сделали операцию. Ну, а пятый... – Сипягин запнулся, подбирая нужные слова.

– Пятый похищен инопланетянами и шлет нам привет с Марса, – высказал предположение майор.

– Да, шлет... – буркнул старлей. – Вернее, послал. И меня, и всю нашу контору куда подальше. По-моему, он просто пьян, как свинья.

– С утра!? – удивился Артем.

– Ну...

– И кто это? Как его фамилия?

– Какой-то... минуту... – Сипягин опять обратился к списку. – Какой-то Салтыков. Хам и сукин сын.

Майор неожиданно рассмеялся, вспомнив кому из неуправляемой творческой братии, окопавшейся на Трицкой площади, принадлежит столь известная на Руси фамилия.

– Хорошо, что просто Салтыков, а не Салтыков-Щедрин, – проговорил он весело.

– Извините – я сказал не то? – встревожился бедный старлей.

– Все нормально, – успокоил его Артем. – Ладно, ты свободен. Продолжай работать по оперативному плану. Кстати, где капитан Гольцова?

– Сегодня я Гольцову не видел.

– Странно... – Майор задумчиво потеревил правое ухо. – И кабинет, куда ее определили, закрыт.

– Где-то задержалась.

– Похоже, что так. Все, можешь идти. И прошу меня не беспокоить в течение часа.

– Слушаюсь!

Сипягин ушел. Артем, не торопясь, заварил чай – прямо в чашке, "по-московски" – и с удовольствием начал прихлебывать терпкую, обжигающую губы жидкость. Замусоренные мысли очистились и потекли плавно, свободно. Жить стало лучше, веселей, товарищи, вдруг вспомнилось майору изречение "отца народов", которое он выдал в тот самый момент, когда страна захлебывалась в крови репрессий. Да уж, веселей... Артем помрачнел и закурил.

И тут постучали в дверь.

– Входите! – громко и с недовольством сказал майор.

Дверь широко распахнулась, и в кабинет ввалился... художник Салтыков! Он был все такой же лохматый, небритый, как и при первой встрече, и в распахнутой на волосатой груди красной рубашке.

– Вызывали? – спросил он, вызывающе подбоченясь.

– Здравствуйте, Салтыков, – сказал майор, мгновенно избавившись от внезапного раздражения.

Наверное, в его голосе прозвучало чересчур много укоризны, потому что художник смутился и, осторожно прикрыв дверь, ответил:

– Здравствуйте... Извините за столь бесцеремонное вторжение, но ваш сотрудник меня достал. Я ему что, шестерка!? Раскомандовался, как бугор в зоне.

– А вам разве приходилось там бывать?

– К счастью, нет. Но я люблю читать книги на подобные темы. Так сказать, на всякий случай.

– От сумы и тюрьмы?..

– Именно. Не зарекайся. Все ходим под Богом.

– Садитесь... Клим? Я не забыл ваше имя?

– Нет, все верно.

– А вот как вас по батюшке – увы... – Артем развел руками. – На площади вы не изъявили желания представиться по всей форме...

– И сейчас не имею такого намерения, – перебил его Салтыков. – Пора нам стать цивилизованной. От всех этих Иванов Ивановичей, Ипполитов Степановичей и прочая пахнет нафталином. Кондовая Русь должна уйти. Нарождается новое общество, в котором все станут гораздо умней и прагматичней, нежели теперь.

– Понял, – улыбнулся Артем. – Вперед, в компьютерное будущее. Имена-отчества вообще упразднятся, фамилии подвергнут сокращению. Ныне я Чистяков, но могу стать просто ЧИ. К примеру, ваша фамилия будет звучать как СА 10050150. А у вашего внука – СА 10265009. Цифры потребуются для того, чтобы не ошибиться при получении зарплаты и других благ сверхцивилизации. Надеюсь, к тому времени профессоров и сантехников не поставят на одну доску. К концу третьего тысячелетия (а может и раньше) мы вернемся туда, откуда пришли – в стойбище неандертальцев. Возможно, оно будет построено из металла и начинено под завязку электроникой, но суть от этого не изменится.

– Не нужно утрировать. Вы думаете мне по нутру происходящие перемены? Отнюдь. Но куда денешься? От прогресса не спрячешься. Сейчас пятиклассник рассуждает о таких высоких материях, что мне с моими закостеневшими мозгами не понять и десятой части его умозаключений. Скоро картины начнут рисовать роботы. А наши произведения будут выставлять в лавке кустарных промыслов. Как образцы неэффективного труда.

– У вас какие-то неприятности?

– Вся жизнь соткана из неприятностей, словно черная паранджа. И слава Богу, что в ней случаются светлые прорехи.

– Как сегодня, например...

– Намекаете на мое состояние? Ну да, я подшофе. С утра выпьешь – весь день свободен. А иначе можно просто сдвинуться по фазе от проблем, которым несть числа. К тому же я не давал пионерской клятвы прийти на допрос трезвым, как стеклышко.

– На беседу, – мягко поправил художника Артем. – Мне в нашем случае не нравится слово допрос.

– Пусть так, – упрямо боднул головой Салтыков. – Но согласитесь, что тащиться с утра пораньше в вашу контору – радости мало. А если точнее, то вообще, будто серпом по одному месту.

– Значит, наш сотрудник все-таки сумел разбудить у вас чувство гражданского долга?

– Он сумел разбудить мое брренное тело. Я из-за него будильник разбил – думал, что испортился. Дребезжит, гад, и дребезжит. Спать мешает. Оказалось, это трезвонил телефон... А что касается гражданского долга, то я принадлежу к партии пингинов.

– Как это понимать?

– Вы Горького читали?

– Давно. Еще в школе. Но, признаюсь, его книги не были у меня настольными. Потому я мало что помню.

– Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный... Кажется так. Припоминаете?

– А как же. Это произведение я впитал с молоком матери.

– Шутите... Но главное дальше. Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Ему, видите ли, не нравится буря. Только гордый Буревестник реет смело и... и так далее.

Говорю не по тексту, потому что подзабыл. Это не суть важно. Так вот я как раз и принадлежу к сообществу пингинов-обывателей, которым по барабану весь вселенский шухер с бурями, громами и молниями. Делайте революции, свергайте тиранов, выбирайте мудрых вождей, демократичных президентов, честных губернаторов, митингуйте, богатеите, только ради Бога оставьте меня в покое. Я лояльный к власти человек, исправный налогоплательщик – и точка. Мой гражданский долг заключается в поддержании баланса в обществе. Представьте, если все будут буйными и очень активными. В лучшем случае перекусают друг друга, в худшем – возьмутся за ножи.

Партия пингинов – балласт, столь необходимый любому кораблю, чтобы он не перевернулся и не пошел на дно.

– Сильно сказано... – Артем был доволен – он все-таки "завел" Салтыкова, вытащил его на доверительный разговор. – Но вернемся к нашим баранам. Чайку не хотите?

– А пива у вас нет?

– Если и бывает, то долго не залеживается, – рассмеялся майор. – В нашей конторе трезвенников почему-то не наблюдается.

– Жаль... Ладно, потерпим.

– Клим, вопрос у меня простой, словно выеденное яйцо: что вы видели во время убийства?

– А ничего особенного. Люди ходили, машины ездили, туристы фотоаппаратами щелкали, клиенты торговались, голуби летали, пацаны и разная шантрапа шныряли туда-сюда... Все как обычно, как всегда. Никаких особо подозрительных личностей, тем более вооруженных, я не наблюдал.

– Ну подумайте, ведь у вас глаз-алмаз. Художник обычно замечает то, что простому человеку и в голову не придет. Мне важны любые, самые мелкие детали, которые не вписывались в обычную ежедневную жизнь Троицкой. Подумайте, пожалуйста.

Художник закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Казалось он уснул. Но по тоненькой жилке, пульсирующей на виске, майор понял, что мозг Салтыкова вызывает в памяти какие-то образы и ассоциации, восстанавливает события, предшествующие убийству.

Глянув на телефоны, Артем про себя взмолился: хотя бы никто в этот момент не позвонил! Из опыта он знал, что обладающий хорошей зрительной памятью художник, успокоенный и воодушевленный доверительной беседой, постарается вспомнить хоть что-то, несмотря на свою позицию по отношению к гражданскому долгу.

– Да нет, это к делу не относится... – наконец с недовольством сказал Салтыков, будто споря с самым собой, и открыл глаза. – Извините, но... – Он с огорченным видом развел руками. – Ничего. "Мерседес" помню – машина мэра всем нашим мужикам известна. Я видел как "мерс" выезжал на площадь, потом остановка у светофора... Затем меня отвлекли клиенты. Когда прохожие подняли крик, увидев через опущенное стекло задней двери залитое кровью лицо мэра, я вместе со всеми подбежал к машине. Все.

– Вы сказали: "Это к делу не относится". Что имелось в виду?

– А... Мелочь. – отмахнулся художник. – Дети тут ни при чем.

– Какие дети? – насторожился Артем.

Нехорошее чувство вдруг сконцентрировалось где-то в области сердца и больно укололо.

Дети... Дети!?

– Ну, эти, попрошайки. Они и у художников пасутся. Как только кто картину продаст – налетают словно саранча. Подаем, не отказываем. Несчастные пацаны...

– Ну, ну! – торопил Салтыкова возбужденный майор. – Чем эти попрошайки привлекли ваше внимание?

– Понимаете, они взяли моду просить при остановке машин на светофорах. Большинство водителей подают, в основном мелочь, некоторые делают вид, что не замечают. Разные люди... Раньше на светофорах работали, скажем так, "домашние" мальчишки – они мыли стекла. Но где-то с месяц назад их не стало. Похоже, перебрались в другое место.

Наверное, не выдержали конкуренции с беспризорниками. Бездомные побойче и пожестче. Дерутся, знаете ли...

– А в тот день попрошайки тоже стояли на светофоре?

– До убийства мэра были, а после – никого.

– Та-ак... – Артема даже слегка зазнобило от переполнявших его мыслей и чувств. – К "мерседесу" мэра они тоже подходили?

– Как будто... трудно сказать... Я ведь говорил, что меня отвлекли.

– Сколько их было?

– По-моему, трое. Два мальчика и девочка.

– Это их обычное место?

– Трудно сказать... Мне кажется, этих я видел впервые. Аккуратные такие. Будто и не бездомные. Хотя сейчас и при живых, здоровых родителях дети становятся побирушками.

Некоторые "мамаши" – сучки поганые! – своих малявок даже на панель ставят. Вот таких, с позволения сказать, родителей я бы собственноручно в асфальт закатывал. Они хуже зверья.

– А когда вы были в толпе, которая окружила "мерседес" с мертвым мэром, эти трое попрошаек тоже там крутились?

Салтыков на некоторое время задумался. Затем отрицательно покрутил головой:

– Нет. Мне кажется, их не было. Другие дети – да, в том числе и школьники. Но этих... Да, точно, я их не видел. Уверен.

– Откуда такая уверенность?

– Я почти сразу возвратился к своим картинам. Народ у нас такой, что только держись.

Воруют, сукины дети. Гребут все подряд. Только зазевался или отвернулся – и привет...

Но, понятное дело, глаз с места происшествия я не спускал. А на зрительную память пока не жалуюсь. Не было этой троицы, точно говорю.

– Странно... – Артем покусывал нижнюю губу.

– Что именно?

– Многие взрослые – да почти все! – страдают манией любопытства, а что говорить о детях? Мне просто не верится, что попрошайки покинули место события, не дождавшись главных действующих лиц – милиции, "скорой" и прочая.

– Это верно. Дети есть дети. С теми подростками, что пришли поглазеть, и омонцовцы не смогли справиться – шныряли под ногами, словно мыши. Некоторые пацаны, из особо шустрых, даже на деревья забирались, чтобы лучше видеть.

– То-то и оно... – Артем хищно прищурился. – Есть еще один вопрос. Вы не могли бы помочь нашим спецам в составлении фоторобота этой троицы попрошаек?

– Как говорится, о чем речь... Только вся эта бодяга с компьютерной компоновкой деталей

физиономий в моем случае вам не понадобится.

– Не понял... Почему?

Салтыков посмотрел на майора как на недоразвитого и иронично ухмыльнулся.

– Вы как-то упустили, что я все-таки художник. И, осмелюсь утверждать, не совсем уж бездарный. Мне нужен ватман, карандаш или уголь и уединенное место. Я вам предоставлю графические изображения этих подростков примерно через час.

Определив Салтыкова в свободный кабинет Гольцовой, майор сел за свой компьютер.

Вызвав базу данных по "мокрым" делам за последних два года, он начал скрупулезно раскладывать электронный пасьянс, все больше и больше погружаясь в безудержный и быстрый поток информации, которую фонтанировал голубой экран монитора.

Салтыков справился с заданием за полтора часа.

– Девичья головка не заладилась, – огорченно оправдывался он за задержку времени. – Детей вообще трудно рисовать. А мне очень хотелось сделать изображения такими, будто я рисовал их с натуры.

– И правильно поступили, – горячо подхватил Артем. – Нам это и нужно. Портреты в манере Пикассо уголовному розыску не подходят.

Детские головки были выполнены мастерски. Они выглядели как живые. Салтыков действительно постарался. Но что если рисунки просто плод его буйного воображения – и не более того? Нет, такого просто не может быть! Художник ведь полностью отдавал себе отчет для каких целей послужат изображения странных попрошаек.

– Здорово! – с восхищением сказал майор, разглядывая плоды трудов художника. – У вас и впрямь талантище. Эти портреты гораздо лучше любых фотографий.

Салтыков, как и все творческие работники, падкий на лесть, смущенно отвел глаза, зарделся, промычал в ответ что-то маловразумительное и закурил.

Мысль пришла в голову Артема так естественно, будто он вынашивал ее уже давно. Все трое беспризорных попрошаек были изображены в три четверти. А что если?..

– Клим, я понимаю, что вам не по нутру торчать в наших стенах. Уж извините. Однако есть еще одно "но". Я не настаиваю, и все же обязан обратиться к вам еще с одной просьбой.

– Валяйте. Хоть с двумя, – бодро заявил Салтыков, все еще пребывая под впечатлением похвалы.

– А вы не могли бы прямо сейчас нарисовать профили этих подростков?

– Почему нет? Какие проблемы. Сделаем. – Он помолчал чуток и продолжил: – Сюда бы Мишу Завидонова. Вот он был мастером в таких вещах. У него рука как у снайпера – никогда не дрожала. Извините, – смутился художник, подняв взгляд на помрачневшего майора.

– Да, сюда бы Мишу... – Голос Артема предательски дрогнул.

Салтыков взял в руки карандаш, помедлил немного, прикрыв глаза, а затем уверенными движениями на остатках ватмана три профиля.

– Вот, – сказал он. – Думаю, что достаточно близко к натуре.

– Спасибо, Клим, – сердечно поблагодарил майор. – Вы нам здорово помогли...

Художник ушел. Артем с сердечным трепетом достал из папки те детские профили, которые Завидонов хранил в отдельном конверте. Сравнив их с рисунками Салтыкова, майор едва не задохнулся от волнения. Сомнений не оставалось – профили были идентичны!

Глава 14

Еще никогда в жизни Саюшкин так не боялся. Случалось всякое: и драки с поножовщиной, и приводы в милицию (а там работали отнюдь не ангелы), и армейская служба в одной из "горячих" точек бывшего Советского Союза, где, между прочим, стреляли и чаще всего из-за угла... Но жизнерадостная натура Леха всегда брала верх в любых ситуациях.

Он был ярко выраженным приспособленцем. Когда намечалось мордобитие, Саюшкин старался держаться поближе к выходу или, на худой конец, запасался обрезком трубы. С ментами он никогда не спорил и не пытался разжалобить (чего они и на дух не переносили, считая всех поголовно лжецами), но так ловко, проникновенно и находчиво льстил, что те поневоле поддавались на его провокации и смягчались.

Что касается армии, то Леха еще до призыва предусмотрительно запасся ксивой (она обошлась ему не дешево), в которой черным по белому было записано, что он повар какого-то там разряда. И естественно его сразу же определили на кухню.

Самое интересное – до армии Саюшкин если что и готовил самостоятельно, то лишь яичницу. Но, попав в армейский пищеблок, он проявил чудеса находчивости и сообразительности. Буквально за месяц Леха стал классным поваром; приготовленную им пищу хвалил не только командир полка, но и весьма придиричивый генерал, инспектор из округа.

И все равно даже на кухне нельзя было оставаться спокойным за свою жизнь.

Отличительной особенностью службы в "горячих" точках являлась полная неразбериха в определении, где свои, а где чужие; то, что вчера называлось тылом, сегодня запросто могло превратиться в передовую. И тогда повара вместе с дежурными по кухне брали автоматы и стояли за свои котлы и поварешки насмерть.

Но сейчас Саюшкина обуял даже не страх, а ужас. Он понимал, что людей, взявших его след, нельзя ни умаслить, ни уговорить. За плечами вора стояла сама смерть, притом, скорее всего, не быстрая и почти безболезненная, а лютая, с пытками и издевательствами.

Только теперь он, наконец, до конца осознал, какую сморозил глупость. Леху сгубила жадность, и он это понимал совершенно отчетливо.

– Беги парень, беги. И подальше... – Фигарь, сукин сын, ментовская морда, разбирался в душевном состоянии вора почище любого профессора психологии. – Если, конечно, еще не поздно.

– Типун тебе на язык, – ответил Саюшкин дрожащим голосом. – С какой стати я должен бежать?

– Ты знаешь, кто эти хмыри?

– Откуда? Конечно, нет.

– То-то... – Фигарь неодобрительно посмотрел на пустой баллон из-под пива и вздохнул с огорчением. – Пивка бы...

– Ты мне глаза не замыливай! Кто они?

– Люди Микиты. На них крови больше, чем на Шулике. Тот чаще всего руками давит – как удав. А эти ублюдки большие любители работать ножичком. Кожу на лоскуты режут. И скальпы снимают. Как индейцы.

Москаленко! Значит, это его псы. Но что он задумал? Саюшкин немного успокоился и привел в порядок ералаш мыслей.

Не поверил... Все-таки Микита не поверил, что у Леха всего сто грамм наркоты. Жадный, сволочь... Хочет все себе захватить. Послал этих двоих, чтобы проследили, где Леха прячет остальное. А потом... Ясно, что потом.

На душе немного полегчало. Самую малость. Хорошо, что это не те, кому принадлежал героин, подумал, оттаивая, Саюшкин. С Микитиными прислужниками не очень страшно затевать игру, возможно и не совсем безопасную, но все же не смертельную (по крайней мере, Леха на это надеялся). Пусть и до поры до времени.

Но получается, констатировал с горечью Саюшкин, что воз и ныне там. Увы. И что теперь ему делать? Продавать по дозам? Это равносильно сидению на бочке с порохом, к которой подведен зажженный фитиль.

Он совершенно не сомневался в том, что пропавший героин усиленно разыскивают. Так же, как и тех, кто устроил в парке засаду. Такие конфузы наркоторговцы не тормозах не спускают. Леха не исключал возможности новых разборок и выяснения отношений.

Однако в конце концов все стабилизируется и придет его черед.

А возможности у наркомафии огромны – большие деньги способны на многое. По его следу пустят не только бритоголовых братков, но и милицейских сыщиков. А с профессионалами тягаться ему не под силу. Беда...

– Пойду... – Саюшкин встал. – Бывайте, братцы.

– А выпить на посошок? – засуетился отличающийся гостеприимностью Пятак.

– Ты как здрашьте шреди ночи! – рассердился Муха. – Челочек шпешит... – И, чуть погодив, добавил себе под нос: – Шамим мало...

Фигарь лишь тонко и ехидно ухмыльнулся.

Леха шел по городу в сопровождении топтунов Микиты. Теперь он замечал их на любом расстоянии. Даже не оглядываясь, Саюшкин почти точно знал, где они находятся – словно у него неожиданно прорезался на затылке третий глаз.

Несмотря на пренебрежительный отзыв Фигаря о способностях этих двоих профессионально принимать участие в наружном наблюдении, вор невольно отдал должное подручным хозяина "малины". Они вели его со знанием дела, большей частью оставаясь невидимыми.

Но Леха чересчур хорошо знал свой родной город, чтобы попасться на их уловки. Он уже мог не менее пяти раз уйти в отрыв, однако не спешил с этим. Потому как тогда им сразу станет ясно, что Саюшкин заметил слежку. И какой из этого Микита сделает вывод, что предпримет, можно было только гадать.

Леха решил до поры до времени оставить все как есть. Однако изображать безмозглого болвана ему тоже не хотелось. Саюшкин уже направил свои стопы в сторону "Волны", чтобы высказать Миките все, что он о нем думает, но вскоре изменил намерения и решил нелицеприятный разговор ненадолго отложить. Его шепутная натура требовала достойного отмщения за те страхи, которые он пережил в "Черной кошке". Леха просто не мог упустить столь удобный случай...

Старый рейсовый автобус-гармошка чихнул и, скрипя всеми своими железными мощами, остановился. Саюшкин, пропустив вперед себя женщину средних лет с полной авоськой в руках, ступил на щербатый асфальт и с удовольствием потянулся. Спешить было некуда, и он неторопливо пошагал к виднеющемуся неподалеку одноэтажному зданию – серому, невзрачному и приземистому.

Тут, на городской окраине, располагался приют для бездомных собак. Его организовали энтузиасты, создавшие ни много, ни мало "Лигу защиты животных" во главе с приятелем Лехи, местным чудачком по фамилии Фольке.

В приюте проходной как таковой не существовало. Набрав нужные цифры на кодовом замке, Саюшкин сам открыл калитку в высоких сетчатых воротах и сразу пошел к вольерам с животными. В здании располагался ветеринарный пункт, кормокухня, небольшой зал (обычная квадратная комната) для собраний членов "Лиги" и кабинет Фольке. Но Леха знал, что самого Марлена (так звали главного энтузиаста по защите бездомных псов) в здании не найти. Он почти всегда торчал возле вольеров, часами ведя беседы со своими питомцами.

– Гутен таг, геноссе! – поздоровался с приятелем Саюшкин.

Фольке был внуком немецкого колониста, которого советская власть сгноила в Соловках.

Отец Лехиного приятеля, чтобы снять с семьи даже намек на подозрение в нелояльности к правящей партии, на всякий случай назвал продолжателя рода именем Марлен, являющимся комбинацией фамилий двух коммунистических идолов – Маркса и Ленина.

Этот удивительный филологический симбиоз, вопреки мечтаниям Фольке-старшего, счастья и процветания его сыну не принес. Скорее, наоборот – к тридцати годам закоренелого холостяка и неисправимого мечтателя Марлена, окончившего зооветеринарный институт, стали называть чудачком, иногда меняя в начале слова букву "ч" на букву "м". Наверное, зря его прадед когда-то бросил свой фатерлянд и уехал в Россию, чтобы нести свет цивилизации полудиким и нищим Иванам.

Но в отстаивании своих позиций по части защиты бездомных животных Фольке не было равных не то что в городе – в области, а то и во всей стране. Высокий, худой, с чисто "нордической" внешностью (длинное лицо, серые "стальные" глаза, квадратный подбородок и русые волосы), Марлен был терпеливым, невозмутимым и цепким как клещ.

Если уж он, образно выражаясь, насаживал на кулан какого-нибудь начальника, то снять оттуда страдальца можно было разве что при помощи тягача. Таким макаром Фольке оттяпал (без взятки!!!) у городского совета бесхозное здание, а также приличный кусок земли под вольеры и площадку для выгула собак. Замученные бумажным градом и настырностью обрусевшего немца, чиновные бюрократы признали свое поражение, сдали практически неприступные позиции и даже выделили из городского бюджета деньги на питание животных и на содержание небольшого штата во главе с Фольке.

– Сегодня достал три двухсотлитровые бочки жидких отходов, которые получают при переработке подсолнечного масла, – не ответив на приветствие Саюшкина, сказал Фольке – будто продолжил давно начатый разговор. – Очень полезная добавка к корму. Отдали бесплатно. Хорошие люди.

Он делил человечество на две половины: кто входил в бедственное положение бездомных животных – это были хорошие люди, а кто относился к начинания Марлена безразлично или отрицательно, тех он считал плохими.

– Гип-гип-ура! – воскликнул Леха. – Поздравляю, Макс.

Фольке радостно ухмыльнулся. Он знал, что Саюшкин любит собак и его слова были искренними. Леха часто бывал здесь, помогая ухаживать за животными, нашедшими приют под крылышком Марлена. А что касается имени Макс, то приятели Фольке называли его именно так.

После развала берлинской стены и воссоединение двух Германий, Фольке воспытал национальным духом, а свое имя просто возненавидел. Он даже пытался изменить его в официальном порядке, но сначала возникли юридические сложности, а затем случилась эпопея с борьбой за приют для бездомных животных. В конце концов, погрузившись с головой в благородное начинание, Марлен-Макс немного успокоился, отложив свой замысел до лучших, менее загруженных работой, времен.

– Хильда оценилась, – озабоченно заявил Фольке, закончив ремонтировать засов вольеры.

– Вчера, около семи вечера. Представляешь – шесть малышей. Четыре мальчика и две девочки. Крепкие. Просто красавцы.

Хильдой звалась великолепная восточно-европейская овчарка с перебитыми передними ногами. Ее нашли на помойке полумертвой от голода. Кости срослись плохо, несмотря на все старания Марлена и ветврача-хирурга – ноги были даже не поломаны, а разможены.

После операции Хильде все же стало лучше; она даже начала ходить, но с трудом. Ко всему прочему оказалось, что овчарка еще и беременна. А это уже было для Фольке дополнительной головной болью.

Подопечные Марлена щенились довольно часто. Реализацией нечаянных приплодов занимался Саюшкин, что приносило заведению Фольке кое-какие деньги. Правда, обрусевший немец всегда удивлялся дороговизне щенков. Но Леха уверял, что он умелый продавец; на том Марлен-Макс и успокаивался.

Саюшкин мудро рассудил, что Фольке не нужно знать, как все выглядит на самом деле.

Леха, имеющий кое-какие связи в клубе служебного собаководства, выправлял щенкам впечатляющие родословные, из-за чего цена на них возрастала многократно. Из вырученных от продажи денег Саюшкин брал лишь небольшую толику, и то не себе, а тем, кто рисовал ему липовые документы на собак. Вору, можно сказать изгою, в отличие от уважаемых чиновников, рьяных демократов и государственников, судьба несчастных животных была далеко не безразлична.

– Ты по делу? – спросил Фольке.

– Можно сказать, что так. Ты не можешь посидеть с полчаса в своем кабинете?

Леха знал, что среди бела дня загнать туда Марлена было очень трудно. А потому он решил сказать правду. Саюшкин совершенно не сомневался, что немец никогда его не выдаст. Фольке был очень порядочным человеком, несмотря на свои чудачества, которые можно было принять за сдвиг по фазе. Он просто родился не таким, как все.

– Зачем? – полюбопытствовал без особого интереса Марлен.

– За мной увязались очень нехорошие люди. У меня тут появилась одна идея...

Они переглянулись. Фольке коротко улыбнулся и кивнул своей "нордической" головой.

– Исчезаю... – Он тщательно вытер руки ветошью. – Освободишься, заходи, выпьем чаю. – Обрусевший немец не страдал пристрастием к чужим секретам...

– Непременно...

Топтуны были где-то рядом. Они не отстали, хотя Саюшкин и сел в автобус. Леха, устроившись на задней площадке "гармошки", видел, что подручные Микиты ехали следом на такси. Пока автобус трясся на колдобинах, он наливался желчью и вынашивал самые кровожадные планы. А когда зашел на территорию приюта, решение пришло само собой.

Саюшкин подошел к одному из вольеров, где вольготно расположилась огромная кавказская овчарка. Это был кобель по имени Тугай. Он являлся вожаком разношерстного собачьего племени в приюте для бездомных животных, а потому выглядел как спикер парламента – важным, серьезным и готовым в любой момент оттяпать какую-нибудь часть тела злостного нарушителя приютского регламента.

Завидев Леху, кавказец неторопливо поднялся, подошел поближе к двери вольера, – чтобы Саюшкин мог его почесать – и с плохо скрываемым удовольствием некоторое время принимал знаки внимания к своей сиятельной персоне. А Леха любовно теребил густую шерсть Тугая и что-то нашептывал псу на ухо – будто тот был разумным существом.

По окончании этой процедуры глаза овчарки свирепо блеснули, Тугай встряхнулся, а затем издал глухое утробное рычание. Ответом ему послужил многоголосый лай подчиненных, который затих так же внезапно, как и начался.

Саюшкин, вполне удовлетворенный своими "переговорами" с Тугаем, взял лопату и пошел на площадку для выгула собак. Он понимал, что топтуны без особой нужды в приют не сунутся. А значит требовалось подогреть их интерес к своей персоне чем-то не тривиальным.

Леха, воровато оглядываясь и пригибаясь, изображал высшую степень осторожности. Он направлялся к старому заброшенному канализационному люку, который находился в зарослях возле забора, примыкавшего к какому-то строению.

По его расчетам подручные Микиты не могли как следует рассмотреть, чем он там будет заниматься, а потому должны были забраться на территорию площадки. Подойдя к люку, Саюшкин начал возиться с тяжелой чугунной крышкой, стараясь шуметь как можно сильнее.

Его замысел оправдался полностью. Краем глаза он увидел как над забором на противоположной стороне площадки – от дороги – сначала быстро мелькнул один человеческий силуэт, а затем второй. Там росли деревья, и топтуны не боялись, что их обнаружат.

Злобно посмеиваясь, Леха начал орудовать лопатой еще быстрее. Теперь он уже слышал хруст сухих веток под ногами своих преследователей – подручные Микиты приближались.

Когда расстояние до них стало опасно близким, Саюшкин оставил свои упражнения и поторопился к вольерам. Подручные Москаленко, чтобы не выдать ему свое присутствие, затаились в кустах.

Первым Леха открыл вольер Тугая. А затем и остальных псов. Их насчитывалось около двух десятков – целая свора.

– Взять! – скомандовал вор на ухо кавказцу и подтолкнул его вперед.

Вожака (впрочем, как и остальных собак) упрашивать не пришлось. Они дружно бросились на

свою любимую площадку – чтобы всласть погулять и порезвиться. Но полудикий кавказец, для которого хозяйская территория – неприступная твердыня, направил собак совсем в другую сторону. Он сразу учуял чужаков.

Завидев мчавшуюся на них стаю, топтуны от страха потеряли голову. Вместо того чтобы забраться на деревья и переждать там какое-то время, они помчались к забору. Но добежать не успели. Псы окружили их, словно волчья стая отбившихся от стада оленей, и поначалу принялись облаивать. Но тут в круг ворвался вожак-кавказец и, нимало не колеблясь, полоснул внушительными клыками первого попавшего; им оказался коренастый.

Свора не могла не последовать примеру вожака. Какое-то время Саюшкин слышал человеческие вопли и рычание собак, а затем его преследователи, окровавленные и в одеждах, превратившихся в лохмотья, кое-как преодолели забор и были таковы.

Возбужденные псы провожали их злобным лаем. Совсем озверевший Тугай бросался на ограждение площадки и с остервенением грыз металлическую сетку...

Насвистывая веселую мелодию, Леха зашел в кабинет Фольке. Тот как раз вскипятил самовар.

– Баранки будешь? – спокойно спросил Марлен-Макс, будто ничего и не было, хотя он хорошо слышал собачий гвалт. – Свежие...

– И баранки в том числе, – беззаботно ответил Саюшкин. – А у тебя, случаем, не найдется чего-нибудь покрепче, нежели чай?

– Извини, не держим, – развел руками Фольке. – Ты разве забыл, что я не употребляю?

– Долго жить будешь, Макс. Завидую... Так говоришь, Хильда оценилась?..

Саюшкин остался ночевать у Фольке – тот редко бывал в своей городской квартире и спал в офисе. Для гостей у обрусевшего немца имелся старый диван, превосходная раскладушка и несколько комплектов постельного белья, на удивление, всегда чистого и даже накрахмаленного.

Впервые за последнюю неделю Леха спал без сновидений, крепким и глубоким сном.

Сильно накрахмаленная простыня хрустела как новенькая стодолларовая купюра, вызывая в подсознании удивительно приятные ассоциации.

Глава 15

Эксперт Горюнов был навеселе.

– Не суди сам и не судим будешь! – воскликнул он, заметив на лице Артема неодобрение. – Между прочим, уже вечер и рабочий день почти закончился. Имею я право на личную жизнь!?

– Имеешь, имеешь, – успокоил его майор.

– Сто грамм спирта для очистки пищеварительного тракта еще никому не помешали.

Конечно, если пить не каждый день... а хотя бы шесть раз в неделю. При нашей сумасшедшей профессии разрядка просто необходима.

– Тогда налей и мне, – немного поколебавшись, решился Артем. – Может, хотя бы сегодня больше ничего не случится. Но что касается частоты употребления, у меня есть возражения.

– А! – вскричал Горюнов. – Великолепно! У нас появилась отличная тема для диспута.

Пить или не пить – вот в чем вопрос.

– Наливай, – скомандовал майор. – Разговоры потом.

– Вот за что тебя люблю, так это за конкретность. Ты прагматик до мозга костей.

Милицейский робот.

– Спасибо на добром слове, – изобразив обиду, ответил Артем. – А закуска у тебя есть?

– Русский офицер закусывает обшлагом шинели. Впрочем, к ментам сие не относится.

Возьми в холодильнике квашеную капусту. Только не трогай образцы!

– На кой они мне... – пробурчал майор, опасливо покосившись на плотно укупоренные банки и баночки, которыми были заставлены полки холодильной камеры; чего только в них ни было – от челюсти с золотыми коронками до большого пальца руки, помещенного в физраствор.

– Как тебе капуста? – спросил эксперт, когда Артем выпил мензурку неразбавленного спирта.

– Потрясающая! Где взяла? – Ответил майор, торопливо отправляя пальцами в рот очередную порцию закуски; вилок у Горюнова отродясь не водилось.

– Сам заквасил.

– Ой, врешь...

– Ничуть. Между прочим, сделал по собственной скоростной технологии. Продукт созревает за три дня. Вкусовые качества выше крыши.

– Получай патент, создавай фирму и гребь бабки лопатой. На тебя базарные торговки молиться будут. Станешь для них оптовым поставщиком.

– Увы, господин майор, это не та капуста. Я маленько опоздал со своим скоростным методом. Некоторые штатские уже насолили себе на всю оставшуюся жизнь. Хранят ее тоже в банках, но – заграничных, в основном швейцарских и американских.

– Не горюй. Каждому свое.

– Как написали фашисты на воротах Бухенвальда, – с иронией подхватил эксперт. – Ты меня не утешай. И не учи жить. Лучше помоги материально. До получки займешь? Я слышал, что вам какая-то премия обломилась. Это за какие геройства?

– Конечно, займу. – Артем достал портмоне. – Сколько тебе нужно? Держи. А что касается премии... Сверху подбросили. Начальство поменялось и, наконец, обратило свой царственный взор на полунищих сыскарей.

– С чем тебя и поздравляю. Еще по единой?

– Наливай.

После второй мензурки Артем достал из папки портреты подростков-беспризорников, нарисованные Салтыковым.

- Серж, я слышал, что вы получили новую аппаратуру. Какой-то сверхсовременный компьютер для графических работ, который может творить чудеса. – Майор вопросительно посмотрел на размякшего Горюнова.
- Например? – поинтересовался тот не без иронии.
- Компьютер по примитивному рисунку лица способен с потрясающей точностью изобразить все его детали, притом в разных проекциях. Это правда?
- Почти.
- Что значит – почти?
- Артем Саныч, дорогой мой! Слава Богу, мы еще не дошли в своем потрясающем воображении восхождении к вершинам электронной цивилизации до таких "высот", когда человек и на фиг не нужен. К слову, если такое случится, то лучше бы нам с тобой, людям патриархальным, этого не видеть. Надеюсь, для старого приятеля ты один патрон не пожалеешь?
- Будь спок, придержу для нас целую обойму. И все же ответь на мой вопрос.
- Техника в руках дикаря – это просто бесполезный кусок железа. За который вышеозначенный индивидуум при обмене не отдаст даже самый примитивный каменный топор. Да, на новом компьютере можно делать все, что угодно. Между прочим, эта графическая станция – разработка не какого-нибудь богатого концерна "Япона мать индастриз", а родного НИИ, едва сводящего концы с концами. Это я к слову. Гордость, знаешь ли, за нашу страну и новых Кулибиных грудь распирает.
- Оставь подобные дифирамбы для более подходящего случая.
- Так я и говорю, что машинка – блеск. Реконструирует все, что угодно. По одной косточке может сначала смоделировать скелет какого-нибудь динозавра неизвестного науке вида, а затем нарастит ему мясо, мышцы, кожу и шерсть, если он ее имел. И все это в трехмерном изображении.
- А человеческое лицо?
- Хочешь услышать один мой секрет? – Горюнов наклонился к Артему, будто кто-нибудь мог их подслушать.
- Просто жажду.
- Ты видел общеизвестное изображение египетской царицы Нефертити?
- С неестественно длинной, как у цапли, шеей? А как же. Много раз.
- В рекламе? – не преминул съехидничать Горюнов.
- И в рекламе тоже, – спокойно парировал его выпад майор. – Ну, и что в ней секретного?
- Так вот, компьютер проанализировал все имеющиеся на Нефертити данные, и нарисовал ее совсем не такой!
- Хочешь сказать, что теперь она больше тебе по душе? Ответь, если только это не второй твой секрет.
- Как на духу?

– Понятное дело, правду и только правду, и ничего кроме правды.

– Нет, новая Нефертити мне совсем не понравилась. В древнем рисунке больше жизни.

– Ты хочешь сказать, что компьютер выдает достаточно точную детализировку лица, но оставляет за кадром характерные особенности душевного состояния индивидуума. Без которых человека узнать достаточно сложно. Не так ли?

– Так. Улыбку Джоконды машина изобразить не может. Вот тут ей на помощь и приходит человек. Творец – подчеркиваю. – Эксперт гордо выпятил грудь.

– То есть, Серж Горюнов.

– А то...

И оба весело рассмеялись. И тот и другой ценили юмор и хорошую шутку.

– Так что ты на сей раз мне притаранил? – спросил эксперт, доставая из металлического шкафа колбу, наполненную прозрачной жидкостью.

На стеклянном сосуде была наклеена бумажка с нарисованным черепом и скрещенными костями и четкой крупной надписью "Яд". Горюнов осторожно поставил его на стол, а точно такой же, но пустой, убрал.

– И, конечно же, с пометкой "срочно", – продолжил он со скепсисом в голосе, когда стол был "сервирован".

– Угадал. Посмотри... – Артем отдал Горюнову рисунки с лицами подростков.

– Отличная работа, – похвалил труды Салтыкова эксперт. – Схвачена сама суть. Здесь просматриваются даже характеры.

– Ну? – удивился майор. – Этого я как-то не заметил.

– У тебя специфика работы несколько иная. Говоря научным языком, ты занимаешься макромиром, а я микро. Ты идешь от большого общего к частностям, а я наоборот – от самого малого к целому.

– Может быть, ты и прав... – сказал Артем с сомнением в голосе.

– Прав. Абсолютно. Я работаю экспертом уже четырнадцать лет. Так что кое в чем маракую.

– Ты что-то говорил насчет характеров...

– Говорил. Это какие-то очень странные дети... Я так понимаю, рисовали их не с фотографий? Значит, все верно... Портретная схожесть, скорее всего, отменная. Это видно по мелким деталям, которые выдумать даже опытному художнику непросто: у одного из мальчиков на щеке родинка необычной формы, у девочки небольшой шрам возле подбородка... – Лицо Горюнова пылало вдохновением. – А обрати внимание на уши. Они разные. Обычный мазила чаще всего рисует ушные раковины по личному стандарту. В основном по классическому канону. Чтобы было красиво. А ведь уши отличаются друг от друга не только по величине и расположению на голове, но и по завиткам. Которые из-за своей неповторимой индивидуальности схожи с отпечатками пальцев...

– Давай вернемся к нашим баранам, – перебил майор лекторский экспромт приятеля. – Характеры. Ты все же расскажи мне о своих предположениях на этот счет. А то я за деревьями леса не вижу.

– Все чертовски просто! Если мои умозаключения верны, то мне очень не хотелось бы встретиться с этими подростками в темном переулке. На их лица положена Каинова печать — печать удивительного хладнокровия, невозмутимости и глубоко упрямой жестокости. А глаза? Они невыразительны и бесстрастны, как у киношных роботов. Нет, дети такими не бывают. Может, все-таки художник был никудышный?

– Не думаю. Мне он показался настоящим мастером.

– Тогда это еще те "детки"...

– Они бездомные попрошайки.

– Этот факт в какой-то мере объясняет подмеченные мною странности. Но не совсем. Да, жизнь у них – не мед. Каждый день видеть ее с изнанки – какая психика устоит от разрушения? Однако, при всем том, ребенок всегда остается ребенком. От этого никуда не денешься. Неадекватная реакция на происходящее, порывистые жесты, богатая мимика, наконец, потрясающий блеск в глазах, который никогда не увидишь у людей старшего возраста – вот отличительные признаки юности. А на этих лицах я просто не нахожу ничего подобного. Только холодная решимость и очень взрослая жесткость.

– Возможно и так. – Артем угрюмо кивнул. – Тогда просматривается совсем уж невероятная версия...

– Ты о чем? – спросил эксперт, разливая спирт по мензуркам.

– А, не бери в голову, – отмахнулся майор. – Это я о своих проблемах.

– Выкинь весь мусор из головы и причащайся, раб божий.

Они выпили, зажевали капустой и закурили.

– И что ты от меня хочешь? – спросил Горюнов, снова взяв в руки листки ватмана с портретами подростков. – Если требуется размножить эти изображения, то никакого другого фоторобота не нужно. Эти рисунки гораздо лучше любых фотографий.

– Скажем так – с эстетической точки зрения. Но для розыска мне все же хотелось бы получить изображения этих подростков в разных ракурсах.

– А еще лучше – в полный рост, одетых и обутых. Данные по их одежде есть?

– Естественно... – Майор достал из папки какие-то бумаги. – Здесь все разложено по полочкам.

– Вот теперь я понял. Наконец дошло.

– Сделаешь?

– Попытаюсь.

– Как быстро?

– Ну... дня через два, три...

– Такой срок не катит. Мне твоя компьютерная графика нужна уже завтра. Скажем, к вечеру. Надеюсь, машина изображения не исказит?

– Обижаешь... Это просто чудо современной техники. Она может рисовать все, что угодно.

Даже мультики. Или всякие там голливудские страшилки: монстров, гигантских акул, огромных анаконд и так далее, притом все изображения очень натуральны. Эту графическую станцию киношники оторвали бы у меня с руками и ногами.

– А как попала эта техника к вам? Не думаю, что такие компьютеры раздают всем криминалистическим отделам страны.

– Не смешите меня жить... – Горюнов коротко хохотнул. – Как бы не так. Обычный компьютер и то не допросишься. Просто у нашего генерала есть хороший друг. Который как раз и возглавляет КБ, занимающееся разработкой таких графических станций. Вот он и презентовал нам по дружески эту машинку – для обкатки на производстве. Она, кстати, пока состоит под грифом "Совершенно секретно".

– Чего не сделаешь ради друга.

– Намекаешь?

– Не без того...

– Ладно. Будет тебе даже не изображение этих подростков в полный рост и во всех проекциях, а целое кино. Приходи завтра к восьми вечера. И не забудь заскочить в гастроном.

– Так я завсегда...

Оба, как по команде, пьяно расхохотались. Все-таки, спирт – чертовски крепкая штука...

И в это время нагло и требовательно зазвонил телефон. Они переглянулись и, не сговариваясь, отрицательно покрутили головами.

– Да ну его... – буркнул Горюнов, с ненавистью глядя на не перестающий тренькать телефонный аппарат. – Надоел. Зараза...

– Рабочий день уже давно закончился, – воинственно поддержал его Артем.

– Конечно. Интересно, кто это может быть?

– Какая разница. Кто бы он ни был, третий в нашей компании – лишний.

Они снова рассмеялись, но уже не так весело. Телефон не умолкал.

– Нет, ну что ему нужно!? – гневно спросил эксперт.

– Наверное, этот телефон беспокоится, чтобы ты не остался без работы.

– Да-а, он очень заботливый...

Не утихающие телефонные звонки уже не только раздражали, но начали вызывать гнев.

– Может, бросить в него чем-нибудь потяжелее? – высказал идею Артем.

– Нельзя. Нет, точно говорю – нельзя, – с пьяным упрямством боднул головой.

– Думаешь, не попаду?

– Попадешь. Верю. Но – нельзя. Это мой инвентарь. Я за него в ответе.

– Ну, раз так, значит, тебе все-таки придется поднять эту чертову трубку. Иначе я за себя не

ручаюсь.

– Ты считаешь, что я должен...

– Поднимай! – рявкнул майор. – Все равно не отвяжутся. Похоже, они уже позвонили охране лаборатории.

– Выпал один светлый вечер за весь месяц и тот испохабили... интересно, кто? – Горюнов с видом мученика взял трубку. – Слушаю... А помедленней нельзя!? Кого? Такие здесь не пробегали. Очень нужен? Вот привязался... Что? Ну, если так... А как ты нас нашел?

Понял, понял, передаю... – Он обернулся к Артему. – Оказывается, это тебя. Похоже, что это очень серьезное. Меня твой прохиндей послали так далеко, что отсюда не видно.

– Майор Чистяков! – рявкнул в трубку разозленный Артем. – Кто это? Сипягин!? Чтоб тебе было пусто... Что там у нас опять стряслось?

Выслушав взволнованный и сбивчивый рассказ старшего лейтенанта, Артем побледнел словно полотно. Он медленно передал телефонную трубку Горюнову и невидящим взглядом уставился на темное окно.

– Артем Саныч? Что с тобой!? – воскликнул испуганный эксперт.

– Капитан Гольцова... в реанимации. Парни из линейного отдела милиции нашли ее час назад в районе вокзала.

– Как?..

– Ножом, – понял недосказанное Артем. – Сипягин говорит, что на ее теле живого места нет. Всю истыкали.

– Есть надежда, что выживет?

– Врачи утверждают, что жизненно важные органы не задеты. Но она потеряла слишком много крови. А это очень плохо.

– Да уж...

– Пойду я, Серж. Мне нужно, во-первых, попытаться с нею поговорить (если, конечно, это возможно), а во-вторых, осмотреть место происшествия – по горячим следам.

– Если очнется, передай от меня лучшие пожелания. Я с нею, увы, лично пока не знаком, но говорят, что она очень даже ничего. Жаль терять такие кадры... От всех криминалистов привет передай, чтобы побыстрее выздоравливала.

– Непременно передам. Спасибо за угощение. Бывай...

Майор быстро ушел. Помрачневший Горюнов с сожалением посмотрел на остатки спирта в колбе и с трагическим вздохом водрузил ее на прежнее место – в шкаф.

Импровизированная вечеринка явно не задалась. А как все хорошо начиналось...

"Утро красит... ля-ля... цветом, стены древнего Кремля... Ля-ля-ля...", – бодро и весело напевал Саюшкин, направляясь по асфальтированной дорожке к своему дому. День и впрямь начинался прекрасно. Он хорошо выспался, затем плотно перекусил у Сурена – армянина, который держал маленькую прелестную кофейню; она работала с шести утра до часу ночи.

А после Леха зашел на вещевой рынок, где битый час точил лясы с одной хорошей девушкой по имени Валентина. Она явно была к нему равнодушна, и беспредметный разговор, полный прозрачных намеков и завуалированных комплиментов, доставил Саюшкину истинное наслаждение.

С девушкой вор был накоротке чуть больше пяти месяцев. Знакомство состоялось как в душещипательном киносериале: пошел на вещевой рынок, чтобы купить себе брюки, а вышел из палатки Валентины едва не ее задушевым приятелем. Конечно, Леха умел втираться в доверие к людям, – "специальность" располагала к большой контактности – но здесь был не тот случай.

Они понравились друг другу с первого взгляда. Ну бывает так между людьми: едва сказали несколько слов, а уже чувствуют взаимную симпатию и притяжение. Случается и обратный вариант: стоит только посмотреть на чье-нибудь лицо (часто вполне симпатичное), как оно почему-то кажется рожей со свиными глазками, которые нередко глядят на тебя точно с такой же антипатией.

Валентина и Саюшкин виделись редко – от силы раз в неделю. И чаще всего на рынке.

Недорого, но прилично одетый мужчина – а Леха тщательно следил за своей одеждой – нравился девушке все больше и больше. Он не позволял себе грубостей и пошлостей, был весел, остроумен, немножко болтлив (но женщины любят, когда у мужчин, ко всему прочему, еще и хорошо подвешен язык) и достаточно щедр – Саюшкин иногда дарил ей цветы и милые, недорогие безделушки, купленные здесь же, неподалеку, на лотках.

В разговорах Валентина и Леха никогда не касались сугубо личной жизни друг друга. На эту тему они наложили молчаливый и единогласный запрет. Но как-то так вышло, что Валентина и Саюшкин достаточно быстро определились в главном – они были холостыми.

По крайней мере, если судить по паспортным данным. А большего им и не требовалось.

Иногда Саюшкин представлял Валентину на месте законной жены, и ему казалось, что это было бы здорово. Но потом его мысли плавно перетекали на сварливую личность своей сожительницы Верки, и он тут же, мысленно ужасаясь, отказывался от мечтаний.

Так оно все и катилось: душевные встречи с Валентиной на рынке, раз в месяц поход на концерт или в кино, а по праздникам, когда удавалось избавиться от бдительного глаза Верки, посещение ресторана или бара. Смешно, но факт – Леха ни разу не поцеловал Валентину в губы! Только в щечку – по-братски. Мало того, он никогда не входил в ее квартиру, обычно прощаясь с девушкой возле такси.

Но им хватало и этого. Такая "платоническая" любовь возвышала их в собственных глазах, делала серую будничную жизнь каждого более яркой, наполненной и привлекательной. Ведь что может сравниться с томительным ожиданием чего-то неизвестного и, по идее, прекрасного?

А постель, как размышлял Саюшкин, она и есть постель; в ней все женщины, даже пресловутые "мисс" городов и окрестностей, в особенности когда в темноте, похожи друг на дружку словно близнецы. Даже речи во время интима у всех почти одни и те же. Леха никогда не отличался повышенным целомудрием, скорее, наоборот, а потому знал об этом не понаслышке.

Саюшкин покривил душой перед Валентиной только в одном – не сказал, что уже давно занимается воровским промыслом. Даже мысль, что ей когда-нибудь станет об этом известно, приводила собачьего вора в смятение, соседствующее с чем-то подобным раскаянию.

Он представился Валентине инженером какого-то там номерного предприятия, уволенным по сокращению штатов и подрабатывающим где придется и когда придется, нередко на выездах. Так ему легче было мотивировать невозможность регулярных встреч, в особенности по вечерам, и временами случающееся безденежье. В свою очередь Валентина работала в палатке днем, с утра и допоздна, почти без выходных, потому часто встречаться они не имели никакой возможности.

Сегодня Валентина показалась ему какой-то особенной. Она так и лучилась, будто внутри у нее горел фонарь. С чего бы? – подумал озадаченный Леха.

Объяснение он получил достаточно быстро: учитывая заслуги Валентины на рыночном фронте, мужик, который держал палатку (и еще десяток других), перевел ее работать в недавно построенный магазин заведующей отделом. Что автоматически обозначало значительное повышение статуса его подружки, увеличение зарплаты, а также нормированный рабочий день и обязательные выходные.

Намек был ясен. И Саюшкин обречено вздохнул: теперь придется расставлять все точки над "i". Но в его вздохе чуткий наблюдатель мог уловить и облегчение. Леха неожиданно понял, что и дела Валентины, и она сама отнюдь ему не безразличны. Что касается Верки... А что Верка – стена? Не грех и отодвинуть. Разве можно ее сравнивать с Валентиной? А значит... Стоп! Об остальном Леха запретил себе даже напоминать. Загад не бывает богат...

Дверь квартиры почему-то была не заперта. Саюшкин недоуменно пожал плечами и тихо выругался – ох, уж эта сумасбродная Верка! У нее иногда случались такие моменты.

Особенно когда Верка покупала какую-нибудь обновку. Тогда она старалась побыстрее добраться до большого зеркала в спальне, где можно было увидеть себя во весь рост, а закрыть на замок входную дверь забывала.

Хорошее настроение улетучилось мгновенно. Нет, нужно заканчивать трали-вали с этой заразой! Хватит! Понежилась в тепле и сытости, попила кровушки, – и будя. В конце концов, он не давал ей торжественного обещания дожить вместе до гробовой доски. И тем более, не клялся на кресте хранить супружескую верность.

Как сошлись, так и разойдемся, решил Леха, постепенно ожесточаясь. Продам, думал он, наркоту, заберу Валентину – и куда-нибудь на юга, где потеплей. Квартирку прикупим, тачку, а там гляди и дети... Валюха баба молодая, да и он еще вполне... чтобы замастырить, например, близняшек.

Да, точно – пора! И об этом он скажет Верке прямо сейчас, не откладывая тягостное объяснение в длинный ящик.

Саюшкин решительно пнул дверь ногой и зашел в прихожую. Ну, конечно, подумал он, в доме, как всегда, бардак. Вещи лежат на полу – вешалка оборвалась, обувь тоже разбросана. Блин! Ногу некуда поставить...

Разозлившийся Леха ворвался в гостиную, и едва открыл рот, чтобы высказать сожительнице все, что он о ней думает, а также затеять финальную в их совместной жизни ссору, как тут же его и захлопнул, щелкнув зубами. Картина, представшая перед его внезапно обезумевшим взглядом, могла вызвать шок у кого угодно.

Верка сидела посреди комнаты на стуле в одних трусиках. Она была привязана бельевой веревкой к спинке. На голову ей кто-то натянул прозрачный колпак из полиэтиленового пакета. Обнаженный торс сожительницы был весь в ножевых ранах. Кровь из порезов давно вытекла и на полу образовалась темно-красная, а местами почти черная лужа. Вся комната представляла собой свалку вещей, распоротых диванных подушек и разных безделушек. Похоже, квартиру тщательно и достаточно бесцеремонно обыскивали, швыряя все на пол.

Саюшкин застыл как вкопанный. Ноги просто отказались ему повиноваться. Выпучив глаза, он пытался что-то сказать, – возможно, закричать, позвать на помощь – но язык прилип к гортани и казался чужеродным предметом, каким-то образом очутившимся во рту. Голова вдруг освободилась от всех мыслей и стала такой звонкой, что любой, даже малейший, шум производил в черепной коробке настоящий тарарам.

Трудно сказать сколько длилась эта вынужденная пауза. Но вот, наконец, кровь прихлынула к совершенно белому лицу вора, а с нею пришел и страх. Он заполнил все тело Саюшкина без остатка, рассыпался мелкими иголочными уколами по ногам и нижней части туловища.

Бежать!!! Немедленно! Прочь отсюда, прочь!

Леха выскочил за дверь и помчался вниз по лестничному пролету. Бежать, исчезнуть, спрятаться – где-нибудь, пусть даже у чертовой бабушки за пазухой. Бежать? А тайник с героином!?

Саюшкин резко остановился. Страх как не бывало. Сволочи! Они его обокрали!!! Леха был абсолютно уверен, что к нему приходили хозяева героина.

Тайник! Нужно проверить, что с ним.

Нимало не колеблясь, больше ни о чем не думая, только про свою заначку, совершенно обалдевший Саюшкин рванул вверх с такой же скоростью, с какой бежал к парадному. В квартире он первым делом закрыл входную дверь на засов, потом заскочил на кухню и вооружился топориком для рубки мяса. А затем обследовал спальню, куда еще не заходил.

Как Леха и предполагал в своей безрассудной отваге, в спальне никого не оказалось. Но разгром был учинен точно такой же, как и в гостиной. Тогда Саюшкин притащил кухонный стол и осмотрел антресоли.

Убийцы тоже не обошли их вниманием. Но хорошо замаскированный тайник за кучей всякого хлама они не нашли.

Трясущимися руками Леха отвинтил четыре шурупа, удерживающие панель, которая маскировала дверку тайника, отодвинул ее в сторону, затем достал заветный ключ и открыл замок.

Героин был на месте. Саюшкин быстро запихнул в карман лежавший в тайнике конверт с небольшой суммой денег, оставленных на черный день, затем достал из-под выпотрошенного дивана старый рюкзак и сложил в него пухлые пакеты с желтоватобелым порошком. Голова по-прежнему была пуста, и вор двигался как робот – без мыслей, совершенно автоматически, подчиняясь лишь какой-то программе.

И только на пороге квартиры, которую Леха решил покинуть навсегда, он вдруг остановился, сраженный наповал одной очень простой мыслью: когда обнаружат мертвую Верку, главным подозреваемым в убийстве окажется он! А это значило, что на него будут охотиться как бандиты, так и менты. И лучше не попадать в руки ни тем, ни другим.

Вор неторопливо вернулся в гостиную, снял рюкзак, зашел в ванную и долго держал голову

под струей холодной воды. Затем нашел на кухне начатую бутылку водки и выпил полный стакан, не закусывая. Горячая волна вырвалась из желудка и волной пробежала по телу. В пустую голову начали возвращаться мысли – большей частью какие-то вялые, словно примороженные.

Но главное билось в мозгах словно инопланетная тварь, попавшаяся в ловушку: ему конец; конец в любом случае. Поймают менты – все равно сдадут бандитам. В этом Саюшкин не сомневался ни на миг. Пусть не впрямую сдадут, а посадят к нему в камеру какого-нибудь уголовника, который наматает Лехины кишки на кулак, но узнает, где хранится героин. Ну, а если его след возьмут мафиози, то тогда лучше сразу вырыть себе могилу, завернуться в саван и приставить пистолет к виску.

Ну и что теперь, козел? Так спросил себя мысленно Саюшкин, глядясь в зеркало, которое Верка повесила на кухонной стене возле холодильника – чтобы даже во время стряпни наблюдать за своим отражением и разучивать разные эффектные позы. Да, его сожительница была натурой артистической...

Была! Это слово резануло по сердцу как бритвой. Леха неожиданно ощутил даже нечто наподобие раскаяния. Зачем он вообще с Веркой повелся? Зачем приютил под своей крышей? Вот дурень! Жила бы она сейчас ни клятая, ни мятая, кадрила бы мужиков... Эх!

Надо в церкви свечку поставить за упокой, мелькнула мысль. И тут же уступила другим, всполошенным и мятущимся.

А если за квартирой следят? Похолодев от дурных предчувствий, Саюшкин бросился к окну, из которого был виден подъезд, и, прячась за шторой, внимательно осмотрелся.

Будто бы ничего, все спокойно, но кто может дать гарантию, что в многочисленных машинах, стоявших у обочин, не сидят коротко остриженные братки, дожидаясь приказа босса? И тогда его, дурака, возьмут тепленьким и с уже упакованным товаром.

Ноги, Леха, ноги! Нужно уносить ноги отсюда, и чем скорее, тем лучше, в полном отчаянии подумал Саюшкин. Но как быть с Веркой?

Тупик. Вор оказался в тупике. Он чувствовал себя совершенно беспомощным перед злым роком, который настиг его в самый неподходящий момент. Еще никогда ему не было так худо.

Леха погрузился в странное оцепенение...

Очнулся он от своего сомнабулического состояния где-то через десять-пятнадцать минут из-за каких-то странных звуков, доносившихся со стороны входной двери. Стараясь не шуметь, Саюшкин выскочил в прихожую, приник к дверному глазку... и тут же отскочил назад, как ошпаренный, – кто-то снаружи закрыл глазок и, скорее всего, ладонью!

В замке ковырялись отмычкой. А может и ключом. Но потуги воров (воров ли!?) были тщетны – открыть дверь им мешал прочный кованый засов. Леха бессмысленно топтался в прихожей, гадая, кто к нему пожаловал, но ничего так и не придумал. А проверять, спросив, кто там, или выглянуть на лестницу, ему почему-то не хотелось.

Саюшкин в безумной тоске заметался по квартире. Он не знал, кто стоит на лестничной клетке – бандиты или милиция – но то, что неизвестные пришли по его душу, у вора сомнений не было.

Бежать, бежать! Но как? Ведь у него нет крыльев. С этажей можно улететь разве что на жесткий асфальт, но не в пушистое мягкое небо. Леха заскочил в спальню, окна которой

выходили на противоположную сторону дома, открыл оконные створки, глянул вниз... Брр! Костей не соберешь. Он почему-то был уверен, что с этой стороны никто не удосуужился поставить на него засаду, но от этого ему легче не стало.

И тут его осенило! Можно сказать, пробило – как электрическая искра прохуdivшуюся обмотку кабеля. Веревочная лестница! Предусмотрительный Саюшкин после одной неприятной истории, когда к нему приходили братки выколачивать карточный долг, заказал ее на такой или подобный случай лет пять назад. С той поры она валялась под шифоньером, прикрытая тряпкой. Те, кто обыскивали квартиру, не стали выволакивать ее на свет ясный, лишь прощупали и сдвинули в сторону.

Леха достал лестницу, прикрепил специальные крючья к радиаторной батарее и ступил на подоконник. В надежности своего "спасательного средства" он не сомневался – все было проверено надлежащим образом и в его присутствии. Тонкая веревка из нейлона могла выдержать вес в полтонны. Закинув за плечи рюкзак и бросив последний взгляд на свое жилище, вор начал спускаться вниз, нащупывая веревочные ступени дрожащими от напряжения и вполне объяснимого страха ногами.

Поднявшийся ветер посвистывал, словно закипающий чайник. Свист слагался в варварскую мелодию, которая смахивала на траурную. По щекам совсем отчаявшегося Саюшкина катились мелкие бисерные слезы.

Глава 17

В больнице майора к Гольцовой не пустили.

– Нельзя, – хмуро и решительно буркнул бородатый врач-реаниматор, здоровенный мужик с кудрявой гривой волос, смахивающий на медведя-гризли.

– Несколько слов... – едва не умолял Артем.

– Покиньте помещение. – Врач вытеснил майора в коридор; до этого они разговаривали в своего рода прихожей, которая вела к двери палаты реанимационного отделения, где лежала капитан Гольцова. – Не положено.

– Черт возьми! – выругался совсем отчаявшийся Артем. – Я просто обязан узнать, кто это сделал!

– Она не в состоянии что-либо сказать. Больная почти все время находится без сознания.

Девушка настолько слаба, что любое усилие может привести к летальному исходу. И поверьте, я отвечаю за свои слова.

– Вы мешаете мне заниматься моими профессиональными обязанностями! – по инерции продолжал горячиться майор. – Не думаю, что два-три слова ей сильно повредят.

– Я тоже профессионал, – спокойно парировал врач выпад Артема. – И всегда готов отвечать за свои поступки. Вы можете меня арестовать, а после допросить несчастную.

Иначе я все равно в реанимационную палату вас не пущу. Но тогда за ее жизнь я не дам и ломаного гроша. Вы хотите ее убить?

– Вы что, с ума сошли!? Она моя коллега и напарница. И вообще... хороший человек.

– Тогда ждите, пока ее состояние не стабилизируется.

– Сколько нужно ждать?

– Сутки, двое... А может и больше. Трудно сказать. Все зависит от организма.

– Двое суток!? – Майор не находил себе места от возбуждения. – Да за это время те, кто ее изранил, будут на другом конце страны! Где тогда их искать?

– Уверен, что найдете. – Врач достал пачку сигарет. – Предлагаю перекурить. Есть тут одно укромное местечко... Там и поговорим.

Артему и впрямь очень хотелось закурить. Похоже, такое желание испытывал и его собеседник. Ожидая, пока врач-реаниматор освободится, майор пытался отыскать место, где можно было затянуться несколько раз, пусть и украдкой, но так и не нашел. Везде сновали люди, а в туалете было так чисто, что он просто постеснялся дымить, закрывшись в кабинке, как школьник.

Они вышли на лестничную площадку, которая вела к грузовому лифту. Ею пользовались только сотрудники, и то не очень часто. Наверное, площадка служила курилкой всему реанимационному отделению, так как на подоконнике стояли две литровые банки, до половины наполненные окурками.

– Странно, очень странно... – Окутанная сигаретным дымом крупная голова врача в свете люминесцентных ламп напоминала скульптурное изображение древнегреческого бога Зевса, глядящего с небес на грешную землю.

– Что именно? – недовольно спросил Артем, стараясь успокоиться.

– Эти ножевые ранения... Их много, но ничего серьезного.

– Как это понимать?

– Или удары наносились с малой силой, или нож был с очень коротким клинком. Такое впечатление, что ваша напарница послужила жертвой в кровавом обряде какой-нибудь изуверской секты. Они сейчас расплодилось как чертополох – до фига и больше. Как в странах развитой демократии, где позволено практически все. Ну, а мы в этом вопросе скоро будем впереди планеты всей.

– У вас буйная фантазия, – насмешливо фыркнул майор. – Удары ножом не всегда достают до жизненно важных внутренних органов. Кости мешают, одежда, какие-либо твердые предметы в карманах жертвы... Всякое бывает.

– Ножевых ранений я видел не меньше, чем вы. Уж поверьте. Но такой картины, как сегодня, еще не наблюдал. С вашей сотрудницей будто играли. Подобное утверждение звучит нелепо, может, глупо, но это факт.

– Хорошие игры...

– Странные игры, – поправил Артема врач. – Согласитесь. И примите мою точку зрения.

Тогда вам будет легче найти негодяев, изранивших... Гольцову? Я не ошибся? Иногда, знаете ли, имена больных путаю. Склероз, наверное.

– Бывает.

– Вы так мне и не поверили. – В голосе врача звучала укоризна.

– Как вам сказать...

– Лучше не говорите. Я высказал предположение, и ваше дело согласиться с ним или нет.

Однако оно имеет право на существование. Поэтому есть смысл пригласить опытного врача-эксперта, чтобы он выслушал мои доводы. Так сказать, третейского судью.

– А мне свои доводы вы не хотите привести? Или, как говорится в библейских повествованиях, "не мечите бисер перед свиньями"?..

– У вас дурное настроение. Я даже мыслях не хотел обидеть вашу службу. А уж считать вас тупицей, притом без каких-либо оснований... Бред! – Врач энергично взмахнул своей лапицей.

– Не берите в голову. Моя работа не относится к деликатным, а интеллигентностью в ней и не пахнет. Так что извините, ежели что невпопад...

– Не нужно извинений. А то я начинаю чувствовать себя виноватым. Притом, непонятно в чем именно.

– Так что там насчет ваших доводов? – деловито спросил майор.

– Ну, по поводу ножевых ранений вы мое мнение уже слышали.

– Допустим, вы правы. Это все?

– Почему – все? Есть еще кое-что. Я не эксперт-криминалист, но в институте нас кое-чему учили.

– Мы с вами почти одногодки (я так думаю), а потому учеба в институте – это наше далекое прошлое, – невесело улыбнувшись, сказал Артем. – Увы. Как там у классика? – мы все учились понемногу...

– Что верно, то верно, – охотно согласился врач. – Бывали дни веселые... – На его крупном рельефном лице появилось мечтательное выражение. – Но мне пришлось писать реферат на примерно такую тему. Признаюсь, попотел я здорово. И в соответствующей литературе покопался вдоволь. Иначе стипендия могла помахать крылышками. Так вот, кроме того, что удары ножом наносились с малой силой, их расположение наводит на совершенно определенные размышления.

– Размышления или домыслы?

– А это как вам заблагорассудится. Дело в том, что раны наносились в таких точках тела, поражение которых не влечет за собой летальный исход. Будто неизвестные мерзавцы упражнялись. Или делали ритуальные надрезы – чтобы жертва подольше оставалась в живых и кровь текла не очень обильно.

– Оригинальная версия, ничего не скажешь, – откровенно рассмеялся Артем.

– Вы знаете, я даже не обижаюсь на вас за неверие. Времена великих сыщиков давно в прошлом. А нынешние утратили способность возвыситься над обыденным. Прагматизм возведен в ранг религии.

– Позвольте с вами не согласиться! – живо откликнулся майор. – Да, мы больше думаем ногами, чем головой. Не работа, а сплошная беготня. Я просто не могу представить себя у зажженного камина с бокалом в руках, неторопливо и обстоятельно рассуждающего о свойствах пепла разных сортов табака. Но мы иногда раскручиваем такие сложные дела, за

которые не взялся бы и сам Шерлок Холмс.

– Мне трудно вам что-либо возразить. Я не знаком со спецификой работы уголовного розыска. В такой же мере, как и вы с работой практикующего врача. Поэтому...

– Поэтому, – подхватил мысль врача Артем, – ваши выводы все-таки более состоятельны, чем мои. Вы это хотели сказать?

– Да. И настаиваю на своей правоте.

– Ладно, сдаюсь, – поднял Артем обе руки вверх. – Пусть так. Но что из ваших умозаключений следует?

– Это же элементарно, Ватсон, – коротко и басовито хохотнул врач; похоже, он вошел в роль сыщика-эксперта. – Во-первых, вашу девушку сначала ударили по голове – в теменной области есть небольшая гематома. Должен заметить, что удар был нанесен вполне профессионально – только чтобы отключить пациента... пардон, объект, но не нанести серьезной, а тем более смертельной травмы. Во-вторых, ее привязали – а может, и подвесили – за руки. На запястьях остались следы от веревок или ремней. Точно определить трудно. По крайней мере, тут я пас. Нужен эксперт-профессионал.

– Но ведь ее нашли не привязанной, – возразил майор.

– Тогда я склоняюсь к тому, что использовались поясные ремни. Их и не могли оставить на месте преступления.

– Значит, это и не оргия с жертвоприношениями, – сделал вывод Артем.

– Почему вы так думаете?

– Секты тщательно готовят свои так называемые таинства. Обычно они это делают не в людных местах. А вокзал, согласитесь, не похож на пустыню, даже в ночное время.

– Ну, это довольно слабый аргумент... – Врач с независимым видом снова закурил.

– Верно. Но есть еще один, существенней. О нем редко кто знает. По крайней мере, простые граждане – точно. В моей практике не было случаев, чтобы оказавшиеся в руках сектантов несчастные оставались в живых. Мало того – они вообще исчезают. И чаще всего, бесследно.

– Но тогда как вы...

– Как я о таком узнал? Очень просто. Нет ничего такого тайного, которое не стало бы явным. Помните? Истина в первоизданном виде. Не буду дальше распространяться на эту тему. У нас тоже есть свои профессиональные секреты.

– Выходит, это не сектанты... – Врач с задумчивым видом надул губы.

– Вероятнее всего.

– Вот и получается, что девушку не убивали, а подвергли пыткам. Притом, со знанием дела. Затем просто бросили, чтобы она истекла кровью. Ведь вы не можете возразить, что в то место, где ее нашли, люди заглядывают очень редко. Тем более ночью. На девушку наткнулись вокзальные бомжи, притом совершенно случайно. Не так ли?

– Подвергли пыткам?

Что-то мелькнуло в памяти Артема и так же быстро исчезло; какая-то важная подробность...

воспоминание... Он недовольно потрянул головой, отгоняя навязчивую и совершенно бесформенную мысль, и поднял глаза на собеседника. Тот смотрел на него с любопытством и пониманием.

– Могу сказать больше, – продолжил врач менторским тоном. – Характер порезов позволяет предполагать, что ножи были перочинные. Но очень острые.

– Наши, с позволения сказать, "клиенты" носят в карманах ножички размером с армейский штык.

– Значит девушка наткнулась на какую-то шушеру. Она имела оружие?

– Конечно.

– И где оно?

– Ее пистолет пока не нашли. По крайней мере, мне так доложили. В данный момент поиски продолжаются. Район вокзала оцеплен.

– Тогда почему она не стреляла?

– Не знаю, – честно признался Артем. – Может, просто не успела.

– Или не решилась, – задумчиво сказал врач.

Любезно распрощавшись с врачом, Артем поторопился к служебной машине. Ему нужно было мчаться на вокзал.

Вечерние улицы были расцвечены разноцветными огоньками, рекламы зазывно подмигивали, мотор мерно шумел, и майор, убаюканный быстрой сменой декораций за стеклом салона, казалось дремал. Так думал водитель, стараясь, чтобы колеса автомобиля не попадали в колдобины – на подъезде к району вокзала их хватало.

Но Артем, прикрыв глаза, раскованно размышлял, будто плыл по течению полноводной реки. В голове что-то начало проясняться, но майор старался не форсировать свои соображения, а терпеливо укладывал их рядком, сплетая канву главной версии. Она казалась ему столь невероятной, что Артем пытался думать о ней как человек посторонний – чтобы не захлестнули ненужные эмоции.

– Товарищ майор! Приехали...

Зычный голос водителя застал Артема врасплох на самом интересном – он анализировал догадки врача-реаниматора. Майор вздрогнул и недовольно ответил:

– Голос у тебя, сержант... Как иерихонская труба.

– Извините, а что это такое? – наивно полюбопытствовал водитель; он был еще совсем молод.

"Святая простота..." – подумал Артем, но ничего не сказал, лишь небрежно отмахнулся, торопясь навстречу сотруднику городского угрозыска, который возглавлял оперативную группу; майор связывался с ним по радиотелефону, когда машина выезжала из ворот больницы.

Ветер затих, и смог начал медленно опускаться на город. В воздухе витали запахи нефтепродуктов и серы – будто разверзлась преисподняя. Ночь дышала как астматик – тяжело и хрипло.

Город будто по мановению волшебной палочки превратился в запутанный лабиринт и стал чужим и опасным. Саюшкину казалось, что он никогда прежде не видел ни улиц, ни проспектов, ни разнокалиберных питейных заведений, куда он любил хаживать.

Несмотря на то, что Леха шел со своим драгоценным рюкзаком по задворкам, – если так можно было назвать разнообразие улочек и переулков, переплетающиеся в сеть, заброшенную на центральную часть города, – ему чудилось, что почти все прохожие узнают его и оборачиваются, чтобы посмотреть вслед. От таких мыслей страхи вора увеличивались, и он с огромным трудом удерживал ноги, готовые помимо его воли перейти на бег.

Саюшкин не знал, куда ему податься.

Он прикидывал так и эдак, вспоминал друзей-приятелей, однако все выходило на то, что рассчитывать на кого-либо из них ему не приходится. В лице Крота и Фольке он исчерпал весь свой лимит дружеской поддержки. К Бубенцову теперь ему путь был заказан, а что касается Марлена-Макса, то Леха просто боялся к нему обращаться. И вовсе не из-за того, что сомневался в приятеле. Отнюдь. Фольке был глубоко порядочным и храбрым человеком и приютил бы Саюшкина в любом случае.

Но подручные Микиты уже знали, где можно найти Леху. А это было очень опасно. В том числе и для Макса. Саюшкину вовсе не хотелось, чтобы Фольке отправился вслед Верке.

Притом самым кратчайшим путем и без пересадок.

Может, легавые псы Москаленко и не имели никакого отношения к убийству Верки (в чем вор почти не сомневался), но лучше лишний раз перестраховаться, нежели сожалеть о своей глупости, летая над землей в виде какой-нибудь прозрачной субстанции или облака.

Где найти пристанище? Где!? Умей душа кричать, Лехин отчаянный вопль долетел бы до луны. Но этот крик слышали лишь мозги Саюшкина, повернутые от страха набекрень...

Он шатался по городу до вечера – бессмысленно и в полной безнадежности. Когда мимо проезжали милицейские машины, Леха скукоживался, пытаясь стать не только незаметным, но и вообще маленьким как гном.

Глядя на окна домов, которые начали зажигаться, Саюшкин с тоской вспоминал свой любимый продавленный диван, и телевизор, и теплые тапочки, и вечерний чай с лимоном... Все это вдруг отдалилось так стремительно и так далеко, что виделось словно через подзорную трубу.

Конечно, можно было присоседиться к бомжам, но Леха, когда начинал об этом думать, внутренне содрогался – уж лучше пустить себе пулю в лоб или залезть в петлю, чем опуститься ниже бордюра, в грязь и полное свинство. Привычка к комфорту (пусть весьма относительному и не всегда сытому) удерживала Саюшкина на тонкой грани между тюрьмой и волей прочнее, нежели все иные соображения вместе взятые.

Он никогда не пускался в аферы, которые могли обернуться долгой отсидкой. Когда его приятели, побывавшие в зоне, с деланным восхищением расписывали ее "прелести", Леха едва сдерживался, чтобы не послать лгунов подальше. Он был абсолютно уверен, что никакие предполагаемые блага, связанные с криминалом, по выходу из тюрьмы на свободу не могут скрасить смертную тоску ожидания конца срока.

Что со мной случилось? Почему я украл проклятый чемоданчик с кокаином? И по какой причине до сих пор не избавился от своей убийственно опасной добычи? Так спрашивал себя Саюшкин, меряя уставшими ногами километры городских магистралей. И делал вид, что не находит ответа.

А ответ лежал на поверхности, голый и беспомощный, как новорожденный младенец.

Будучи отнюдь не тупым и даже в какой-то мере образованным и начитанным, Леха хорошо знал человеческую натуру. В особенности бывшего советского гражданина, который тащил все, что попадалось под руку и плохо лежало. Саюшкин совершенно не сомневался, что будь на его месте кто-то другой, история с чемоданчиком имела бы точно такое же продолжение. От себя гребет только курица и бульдозер. Так учил его когда-то Бубенцов. И этим все сказано.

Но от такой аксиомы легче ему не становилось. Леха знал и другое – поезд ушел. Теперь или пан или пропал. Другое вору просто не светило. Или он найдет достойный выход из создавшейся ситуации, или... Как говорится, ежу понятно. И неприятный холодок от таких мыслей все больше и больше леденил загривок, вызывая зубодробительную дрожь. Так Саюшкин не боялся никогда в жизни.

Здравая идея пришла ему в голову совершенно неожиданно. Он как раз проходил мимо так называемой Чалки – места, где околачивались городские проститутки. Это была крохотная площадь с таким же маленьким баром и летними столиками под зонтами. По выходным дням это место напоминало улей – столь много здесь кружило отвратно пахнущих дешевыми духами и различными кремами "пчелок", предлагающих свой "мед" любому платежеспособному мужику независимо от его внешности, физического состояния и прожитых лет.

Впрочем, и в будни площадь не пустовала. Представительницам самой древней профессии безработица явно не грозила.

Идея возникла в тот момент, когда взгляду Лехи представилась вызывающе оттопыренная девичья задница, туго обтянутая юбкой, которая напоминала пояс для больных радикулитом и открывала больше, чем мог вообразить самый извращенный ум.

Обладательница довольно аппетитной кормы вела переговоры с водителем шикарного БМВ, засунув голову в салон машины. В мозгах Саюшкина будто что-то щелкнуло и засветилось, и он, сразу воспрянув духом, поторопился свернуть на одну из боковых улиц...

На звонок откликнулись сразу. Квартира находилась на третьем этаже нового дома, не все жильцы еще капитально обустроились, и лестница как хороший резонатор отражала звуки работающих дрелей, шлифовальных машин, пил и отбойных молотков, рушащих перегородки. Леха даже поморщился, словно от сильной зубной боли, когда этажом выше завыл, завизжал какой-то электроинструмент.

– Кто там? – Бодрый и подозрительно веселый женский голос, усиленный маленьким динамиком переговорного устройства, казалось раздался над самым ухом.

Еще совсем недавно Саюшкин ответил бы по-молодецки: "Сто грамм!", и этот своеобразный "пароль" мог отворить двойную железную дверь сейфового типа в любое время дня и ночи. Но сегодня он заколебался: а вдруг в квартире кто-нибудь из его преследователей?

Здесь жила подруга его бурного детства Виолетта Жужарина. Она как начала с четырнадцати лет регулярно спать с мужчинами, так и не думала останавливаться.

Скорее, наоборот – с годами ее аппетит на скромное только возрос. Самое интересное –

спала она с многочисленными лицами противоположного пола совершенно бесплатно, повинувшись зову сердца, а не холодному рассудку, чем очень отличалась от современной молодежи, смотрящей на такие вещи чересчур прагматично.

– Жужа... это я, – наконец решился ответить Леха.

Жужей любвеобильную Виолетту называли только одноклассники. Прозвище ей очень нравилось. Оно смахивало на имя героини какого-то мюзикла – кажется, венгерского.

– Ой, кто к нам пришел! – раздался радостный крик.

Замки щелкнули, бронированная дверь мягко отворилась, и в дверном проеме нарисовалась весьма симпатичная особа в шикарном халате, отороченном мехом какого-то пушистого зверька.

– Привет, Люстик! – воскликнула женщина, и прямо с порога чмокнула Саюшкина в щеку. – Сто лет тебя не видела. Заходи, обормот. И побыстрее. Не компрометируй меня... – Она с деланной скромностью опустила накрашенные глаза.

Леха впервые за долгие часы выдавил из себя улыбку. Она вышла вымученной, жалкой, но неожиданно принесла небольшое облегчение. Наверное, сработали рефлексы, подключенные к лицевым мышцам: если человек улыбается, значит можно расслабиться всему организму.

– Проходи, дорогой, проходи... – Виолетта тащила его за руку. – Да оставь ты этот мешок! – Она показала на рюкзак с героином, который будто прирос к Лехиной спине. – Мой руки и топай на кухню. А то мы тут с подружкой без мужской компании скоро покроемся плесенью.

Вор облегченно вздохнул, услышав о подружке. С таким же успехом на кухне мог обретаться и мужик, а то и несколько – Жужа на дух не переносила одиночества и бывали времена, когда гудеж в ее квартире длился неделями. Лишь бы гулены приносили еду и выпивку, а также мыли за собой посуду – в этом вопросе Виолетта была непреклонна.

На дармовщину Жужа кормила и поила только родственников (и то не всех), а также очень узкий круг близких друзей, в число которых попадал и Саюшкин. Но из личного кармана Виолетта угощала исключительно по большим праздникам – например, на свой день рождения, который приходился на двадцать девятое февраля.

Леха никогда своими "привилегиями" не пользовался. Саюшкин мудро рассудил, что такую лафу нужно держать про запас, на черный день. А он уже почти наступил. Почти – вор все еще верил в свою фартовую звезду.

Пристроив рюкзак под вешалкой, он зашел в ванную и, посмотрев на себя в зеркало, ужаснулся. На него из зеркальной глубины пялился какой-то незнакомый ему человек с круглыми безумными глазами, похожий на душевнобольного. Двухдневная рыжая щетина на впалых щеках и грязные, как у промышляющего по помойкам бомжа, руки только усугубляли его довольно неприглядный облик.

Отыскав в стенном шкафчике безопасную бритву, которой Жужа брила ноги и прочие, в том числе интимные, места, Саюшкин за пару минут привел себя в порядок. Когда он появился на пороге кухни, то блестел как новая копейка, благоухая дорогим французским дезодорантом Виолетты.

– Люстик, знакомься – Милена. – Хозяйка квартиры представила ему свою подругу, волоокую девицу с весьма соблазнительными формами пышного ухоженного тела.

– Леонид... – с затаенным недовольством сказал Саюшкин, вежливо подержался за пухлую

ладонь Милены и сел на предложенный табурет.

По паспорту он был Лукьяном. Кому из его родителей пришла в голову дурацкая мысль назвать новорожденного именем прадеда, он так и не выяснил. Оно звучало настолько несовременно, что с годами многие начали считать Саюшкина глухой деревенщиной, хотя будущий собачий вор с молодых ногтей был ярким представителем городской шпаны.

Поэтому он всем говорил, что его зовут Леонидом (или Леней, Лехой, Аликом – когда как).

Постепенно Саюшкин настолько привык к самолично присвоенному имени, что забыл паспортное. Из-за чего иногда попадал впросак, особенно после тридцати, когда в официальных учреждениях его стали называть Лукьяном Ивановичем.

Люсиком вора начала величать Жужа, еще в седьмом классе. Она где-то вычитала, что Лукьян – это производная от латинского имени Люциан, которое потом превратилось во французское Люсьен. Виолетта, со всеми своими сексапильными замашками, была еще помешана и на романтизме. А потому она тут же окрестила Леху, сидевшего с нею за одной партией, на французский манер, чтобы впоследствии трансформировать новое имя в уменьшительно-ласкательное прозвище Люсик.

Вскоре Саюшкина так именовали почти все старшеклассники. Парни помоложе, даже босота, употреблять это прозвище побаивались – за такую вольность он мог запросто пересчитать нахалу все зубы.

Однако, по происшествию лет, Леха начал смотреть на прозвище Люсик весьма доброжелательно, особенно при встречах с одноклассниками. Оно напоминало ему о беззаботной и, можно сказать (с определенной натяжкой), счастливой юности. Но при чужих звучание школьной клички по меньшей мере раздражало Саюшкина.

– Мы пьем только водку, – заявила Виолетта и набухала Лехе полный стакан. – Штрафной.

Для начала. И никаких отговорок! Мы уже с одной бутылкой разобрались... – Она весело рассмеялась и любовно обняла Милену за круглые плечи.

Леха и не заикнулся, чтобы отказаться от предложения. Храбро взяв в одну руку стакан, а в другую – вилку с маринованным огурцом, он пробубнил:

– Ну, за это... Чтоб... того... – И одним движением вылил водку прямиком в горло, словно компот, – даже не поморщился.

Спиртное хлынуло по жилам сразу, без раскочки, и горячей волной пробежало по всему телу. Леха посмотрел на этикетку – да, у Жужи губа не дура. Водку она прикупила дорогую и очень качественную.

Но он ошибся, приписав Виолетте несуществующие добродетели. Она тут же рассеяла его заблуждения.

– Как тебе продукт? – спросила она, допив свою рюмку. – Милена принесла. Даже по нынешним временам эта водка – дефицит. Так что вкушай, Люсик, пока наливают. – Она снова засмеялась, и от избытка чувств чмокнула его в щеку.

– Леонид, это вам, – кокетливо сказала Милена, сооружая здоровенный бутерброд с маслом и черной икрой. – Мужчины всегда голодны. Не так ли, Виола?

– К сожалению, они чересчур быстро насыщаются, – ответила Жужа, многозначительно глядя на подругу, и они заржали так, что в посудном шкафу задребезжали бокалы.

Леха не стал вникать в их болтовню. Он наворачивал все подряд. Только теперь Саюшкин наконец понял, как сильно проголодался.

Наблюдая за Виолеттой, он отметил, что его одноклассница с годами расцвела еще больше. Теперь она представляла законченный образчик бой-бабы – разбитной, суперсексуальной и не связанной никакими моральными и иными обязательствами. Судя по обстановке трехкомнатной квартиры – Жужа купила ее год назад – Виолетта явно не бедствовала. Скорее, наоборот. Интересно, в какой фирме она работает? – подумал Леха.

Нужно будет спросить, где платят такие бабки, на которые в наше время можно так круто шиковать.

– Все, девочки и мальчики, я пошла домой... – Милена, покачиваясь, встала. – Мне пора бай-бай. Пока, красавчик... – Она обняла Леху за шею и тесно прижалась; Саюшкина от вполне понятного волнения даже в жар бросило. – Пardon, сегодня я с красным знаменем... но в другой раз... – Милена многозначительно подмигнула.

– Эй, подружка! Не шали, – шутливо погрозила ей пальцем Жужа. – Он еще не целованный.

Они снова дружно рассмеялись.

– Я потопала... – Милена не очень уверенно шагнула к выходу, но ее занесло и она прислонилась к стене.

– Стоп, стоп! – Виолетта подхватила ее под локоть и силком усадила на табурет. – Нет, дорогая, в таком виде я тебя не могу отпустить. Подожди чуток, сейчас вызову таксомотор...

Такси приехало через двенадцать минут. Усадив Милену общими усилиями в машину, Жужа и Саюшкин возвратились обратно.

– Продолжим? – сказала Виолетта, указав на стол, уставленный закусками.

– А почему нет? – живо откликнулся Саюшкин, который после отъезда Милены почувствовал себя раскованней. – В такой ситуации я всегда готов.

– Слова не мальчика, но мужа. – Жужа показала все свои великолепные, хорошо сохранившиеся, зубы в широкой обаятельной улыбке. – Люсик, как я рада, что ты вспомнил обо мне!

"Еще бы не вспомнить...", – подумал не без внутреннего трепета Леха, поднимая очередную рюмку – теперь они пили почти мензурками, чтобы подольше растянуть застолье и приятельскую беседу. Говорили в основном про школу, о старых друзьях-приятелях, и вообще о всякой всячине – что в голову взбредет.

Саюшкин, поначалу здорово захмелевший, к полуночи начал быстро трезветь. Он не знал, как уговорить Виолетту, чтобы она на некоторое время приютила его в своей квартире. В конце концов, совсем отчаявшись, он брякнул напрямик:

– Жужа, мне нужно у тебя пожить... три-четыре дня... может, неделю. Видишь ли, так сложились обстоятельства... Как ты на это смотришь? – Он с надеждой заглянул в ее шальные зеленые глаза. – Бабки у меня есть, так что все чин по чину, – торопливо добавил Леха – Ну, ты сказал... – Она обиженно надула губы. – Да как в твою голову могла такая глупость втемяшиться!? Чтобы я... со своих друзей... деньги брала!? Ни-ког-да!

Покорно склонив голову, Саюшкин с облегчением слушал вдохновенный монолог, мысленно смеясь от всей души – Жужа могла содрать бабки с кого угодно, а тем более с друзей, которые знали ее вдоль и поперек. Потому что их у нее было полгорода. Дружба дружбой, а

табачок врозь. Виолетта исповедывала армейские принципы. -...Живи у меня, сколько тебе нужно! – не без патетики продолжала говорить Жужа.

– Спасибо, зайка! – Леха быстро – чтобы не передумала – перебил ее проникновенную речь в нужном месте. – Ты же знаешь, за мной не залежится.

– Да? – почему-то удивилась Жужа; но хмельная эйфория снова вскружила ей голову, и она защебетала на какие-то другие темы, на что Саюшкину было глубоко плевать...

Она постелила ему в одной из спален, на просторном диване. Когда Леха потушил свет, отворилась дверь и обнаженная Виолетта быстро шмыгнула к нему под одеяло.

– Поможем друг другу... – тесно прижимаясь к Саюшкину, прошептала она с такой нежностью, что у него дух перехватило. – Ты не против?

Как ни странно, Саюшкин совершенно не испытывал желания сопротивляться...

Ночь они провели без сна, но на удивление содержательно.

Глава 19

Похоже, Леонидов не спал как минимум сутки. Он был каким-то серым, измученным, и время от времени морщился и массирует живот.

– Болит, зараза! – пожаловался он майору на свою язву. – Нет, нужно ложиться на операцию. Вот и жена говорит, что давно пора. Совсем замучила...

"Кто замучил, язва или жена?", – едва не ляпнул раздраженный Артем, но вовремя прикусил язык. Он сам всю ночь провел на вокзале, а потому держал себя в руках с трудом. Все летело в тартарары, усилия оперативников не приносили желаемых результатов, а значит не за горами оргвыводы.

Бывают такие моменты в жизни (майор это уже знал из собственного опыта), когда человек попадает во временной мешок, из которого долго не может выбраться. Куда бы он не кидался, везде его встречает прозрачная, но упругая и непроницаемая стена. В этом мешке если и бежишь, то на месте, если пытаешься до кого-нибудь докричаться, позвать на помощь, то твой голос звучит не громче шелеста опадающей листвы. А проходящие мимо люди просто в упор тебя не замечают, хотя ты находишься от них буквально в двух шагах и виден как на ладони.

Любое начатое в этот период дело разваливается в самом зародыше, вместо поощрений получаешь одни выговоры, на ровном месте подворачивается нога, а любимым отхожим местом соседского кобеля становится коврик у твоей двери. Ко всему прочему, в недавно отремонтированной квартире начинают течь все трубы, разваливается унитаз, отклеиваются обои, а невесть откуда появившиеся полчища тараканов устраивают на кухне по ночам вместе с рыжими муравьями непотребные шабаши. Короче говоря, жизнь становится невыносимой и абсолютно неуправляемой.

Что-то подобное творилось и сейчас. Наверное, это почувствовал и полковник Леонидов, заявившийся в управление ни свет, ни заря; а майор так до дома и не доехал, скоротал остаток ночи – что-то около двух часов – на узком диванчике в своем кабинете.

– Ни в какие рамки не лезет... – Кряхтя, Леонидов удобно расположился на диване.

Шеф пришел к Артему в половине седьмого утра. Наверное, о местонахождении майора ему доложили в дежурной части.

– Вы о чем, Петр Каллистратович? – вяло поинтересовался Артем.

– С какой стати Гольцову понесло на вокзал? – задумчиво спросил полковник, будто не расслышав слов майора.

– Думаю, что она отработывала свою версию.

– Свою? Это что-то новое... – Леонидов посмотрел на Артема, как рублем одарил. – В нашей службе и так дисциплина не на соответствующем уровне, а теперь и новый сотрудник туда же. Что значит – свою версию? А ты кто, простой погоняла? Вся разработка висит на тебе; если забыл, то напоминаю. И за людей своих в ответе тоже ты.

Персонально. Кстати, вместе со мной... старым дурнем.

– В ответе... Да, точно. – Майор сокрушенно вздохнул. – Ответить можно, а вот как быть с Гольцовой? Она на грани жизни и смерти. Если с нею случится непоправимое, я этого себе никогда не прощу. Зачем позволил!? – воскликнул он в отчаянии.

– Что позволил? – спросил полковник, глядя на Артема исподлобья "ментовским" взглядом, в котором сквозило что-то волчье.

– Гольцова высказала идею, что с нашими городскими беспризорниками творится неладное.

– Эка новость... – оттаивая, зло буркнул Леонидов. – Да, творится. И уже давно. И никому до этого нет дела. Ни городскому начальству... кгм!.. ни нашей конторе. Обидно, понимаешь. В детстве я "Педагогической поэмой" Макаренко увлекался. Будто сказку читал. Настольной книгой была. Выучил едва не наизусть. А теперь мы, взрослые дяди и тети, сытые и наглые, сделали все, чтобы эту сказку сделать былью. Или как там в песне поется. Беспризорников на улицах сейчас больше, чем после гражданской войны. И чаще всего, при живых родителях. Твою мать!..

– Не о том речь. Тут другое... – Майор включил электрочайник. – Петр Каллистратович, чаю выпьете?

– Только с заваркой не переусердствуй. Что значит "другое"?

– Она уверяет, будто детей зомбируют. Или что-то в этом роде.

– Это как понимать?

– Трудно объяснить... Дети сначала исчезают, затем появляются – через год, два – и становятся сильно похожими на взрослых. На плохих взрослых. На тех, с которыми приходится иметь дело нашему ведомству. Гольцова предполагает, что существует некая тайная организация, собирающая под свое крыло подростков. И совершенно не трудно догадаться, для каких целей.

– Ну, такое предположение находится в области фантастики, – уверенно заявил полковник.

– Не могу с вами согласиться, Петр Каллистратович.

– Тогда выкладывай свои доводы. Только не забудь чай заварить. Чайник уже вскипел.

– Момент...

Артем немного поколдовал в углу, где стояла тумбочка с посудой, затем быстро ополоснул

кипятком две чашки и достал бумажный пакет с сушкой.

– Легкий милицейский завтрак, – сказал он, невесело ухмыльнувшись.

– До боли знакомая картина, – мрачно поддержал его полковник и осторожно потрогал живот.
– Ладно, рассказывай. Время бежит. Скоро начало рабочего дня. Начало... М-да... – Он сокрушенно покачал головой.

– Я тут чуток поработал с новой техникой. И компьютер мне выдал интересную картинку.

За последние два года резко возросло количество заказных убийств. Да, да, это не новость.

Согласен. Однако есть одно "но". В большинстве случаев свидетели (пусть и немногочисленные) твердили, что ничего подозрительного не заметили. Представляете – не заметили! Людей стреляли и резали среди бела дня, на виду у многих (как тут не вспомнить убийство мэра), – а у прохожих будто повязка была на глазах. Такое впечатление, что убийцами были призраки.

– Многие просто боятся давать свидетельские показания. Тебе это известно не хуже, чем мне.

– Естественно. Но все же кое-что в рассказах очевидцев совпадает. Как это ни странно... – Артем сделал многозначительную паузу.

– Не делай загадочный вид. Я и так знаю, что ты большой любитель сюрпризов. И чаще всего неприятных. Говори, Артем Саныч, не тяни kota за хвост.

– Почти все свидетели замечали в момент убийства беспризорных детей. Кстати, точно так же было, когда замучили Мишу Завидонова и когда застрелили мэра. У меня на сей счет есть вполне толковые рассказы свидетелей.

– Завидую я вам, молодым. Нажал на несколько кнопочек – и ответ готов. А мне, наверное, никогда не осилить все эти электронные премудрости. Да и зачем? Все равно скоро на пенсию выпрут... Ладно, плач славянки оставим за кадром. Так о чем тебе говорят эти "подозрительные" совпадения? – Полковник ехидно прищурился.

– А вот о том и говорят, что предполагает Гольцова. Детей используют наемные убийцы.

Беспризорников где-то натаскивают, как цирковых собачек, выполнять разные штуки. И, наверное, вовсе не безобидные. Кормят, предоставляют крышу над головой, обучают драться. Похоже, у детей есть своего рода политруки, комиссары, которые занимаются психологической обработкой подростков.

– Да-а, батенька... – Леонидов скептически ухмылялся. – У женщин всегда перебор с фантазиями. Гольцову понять не сложно. Но как мог ты, Артем Саныч, пойти на поводу у неопытного оперативника – ума не приложу. Все эти сказочки – бред!

– Между прочим, Петр Каллистратович, недавно вы рассказывали о капитане Гольцовой совсем другое...

– Мало ли чего я говорил, – несколько смутившись, буркнул полковник. – Людям свойственно ошибаться. И преувеличивать достоинства или недостатки других. Я не исключение.

Артем и сам был не уверен в своих же собственных выводах. И тем более он не хотел говорить Пеке, что поначалу задание для Гольцовой высосал из пальца. Ну, ладно, пусть не совсем из пальца, но можно было придумать и что-нибудь повесомей для пользы общего дела.

– Ну и как эти неизвестные злодеи используют детей? – Петр Каллистратович подул на горячий чай, смешно оттопырив губы. – Неужто в роли киллеров? – Он иронично покривился.

– У нас идет смешение понятий – дети и подростки. Где грань, которая отделяет эти две возрастные категории? Не секрет, что можно оставаться ребенком и в двадцать лет. А нам известен парнишка, который командовал во время гражданской войны отрядом вполне взрослых дядей. Это хрестоматийный пример.

– Не пойму, куда ты клонишь.

– То, что детей используют воры – "форточники" для проникновения в квартиры, известно давно. Но это в какой-то мере пассивный вариант. Дело пацана – открыть окно. Дальше работают взрослые. В наших случаях все выглядит несколько по-иному. Скорее всего, беспризорники участвуют в активной фазе.

– Ну, знаешь!.. Фантазируй, да знай меру. Сначала ты придумал призрачных убийц, теперь сватаешь на эту роль детей. Черт знает что! Где доказательства, мыслитель?

– Да, все верно, фактаж почти нулевой. Если не считать свидетельских показаний. Ведь это хрестоматийный пример "замыленного" глаза! Очевидцы убийств не в состоянии связать кровавое преступление с беспризорниками. Бездомные дети, в особенности попрошайки, настолько обычное явление на городских улицах, что их просто не замечают. Или стараются не замечать. И если это так... – Артем угрюмо покачал головой. – Если это так, то у нас, Петр Каллистратович, очень серьезный противник. Умен, сволочь.

Психолог... У него все выверено до мелочей. Эх, побеседовать бы с Гольцовой! Уверен, что ей известно гораздо больше, чем нам.

– Надеюсь, с нею все обойдется... – Поймав на себе внимательный взгляд майора, Леонидов продолжил: – Ты, наверное, задаешься вопросом: почему это я не спрашиваю, как себя чувствует раненая девушка? Зачерствел, забурел этот старый сукин сын. Не перебивай! Знаю, что хочешь сказать: мол, и в мыслях не было; да чтобы я, когданибудь... Нет, ты подумал именно так, но, по своему обыкновению, не стал бежать впереди паровоза. Докладываю, чтобы снять твои подозрения насчет моей черствости: в управление я приехал из больницы. Гольцова пока без сознания. А может спит. Но состояние, как утверждают врачи, стабильное.

Слава Богу! – подумал с облегчением Артем. Лишь бы выжила...

– Так я слушаю... – Полковник допил чай и с видимым удовольствием поставил чашку на стул, исполняющий роль журнального столика. – Вроде отпустило.

– Простите... я несколько потерял нить беседы... – Майор был смущен.

– Ты говорил, что имеешь какие-то доказательства участия подростков – ладно, детей – в заказных убийствах. По крайней мере, я понял тебя именно так.

– Это не совсем точно. – Артем вдруг почувствовал, как на него снизошло нечто похожее на озарение. – Помните, я вам докладывал, что на квартире Завидонова мною были найдены вырезанные из черной бумаги профили в отдельном конверте?

– Конечно, помню. Ну и что?

– Один профиль был идентифицирован.

– Ну и?..

– Это оказался профильный рисунок физиономии Бени Черного.

– Экий пассаж... – Полковник скептически ухмыльнулся. – Ошибка исключается?

– Эксперт дает стопроцентную гарантию. Если нужно заключение...

– Потом. Пока не требуется, – перебил майора Петр Каллистратович. – Однако я не пойму к чему ты клонишь.

– Я предполагаю, что профиль сделан с натуры. Это первое.

– Минуту! Что значит – с натуры!? Хочешь сказать, будто Завидонов видел Жереха, разгуливающего по Троицкой? Как это – и мертвые с косами вдоль дороги стоят... Бред!

От Черного уже давно остались одни кости.

– Я тоже не верил. Потому и не докладывал вам о своих подозрениях и догадках. Не хотел в ваших глазах выглядеть смешным. Профиль – это не факт.

– А сегодня совершенно неожиданно стал фактом. – Полковник насмешливо фыркнул. – Как говорится, за неимением корабля и корыто броненосец. Артем Саныч, лучше не лезь в очередные дебри. Все это от лукавого.

– Так ведь здорово все вяжется, Петр Каллистратович! – начиная отчаиваться из-за непробиваемого скепсиса шефа, горячо воскликнул Артем. – Понимаете – нитка к нитке, петля к петле.

– Вот, вот... – проворчал Леонидов. – Насчет петли ты в самое яблочко попал. Она у меня уже на шее. И если мы не найдем убийц мэра, то некоторые штатские давно стоят наготове с куском мыла в руках, чтобы ее намылить. Сам знаешь, что в такой ситуации пока не отыщут хотя бы козла отпущения, не успокоятся. А! – Он резко махнул рукой. – О чем тут толковать. Нет, точно не дадут до пенсии доработать... – Петр Каллистратович тяжело, со стоном, вздохнул.

Майор промолчал, стараясь не глядеть на шефа. Теперь он его хорошо понимал. Раньше, когда Артем был совсем юным опером, он никогда не заглядывал наперед больше чем на месяц; ну максимум на год – до очередного отпуска. И разговоры сослуживцев на эту тему считал пустой болтовней. Когда она будет, эта пенсия.

Но сейчас, имея за плечами немалый стаж оперативной работы, майор начал остро ощущать что-то похожее на неприятный зуд – будто заразился крапивницей. Что дальше? – думал он. И светит ли ему это "дальше"? А если оно и наступит, то как – с праздничными фанфарами, цветами и знаменами или тревожным и мрачным барабанным боем, когда тебя, как каторжника в прежние времена, обривают наголо и препровождают в глухомань?

Артем знал наверняка, что генералом ему не быть. Во-первых, не каждому менту, пусть и очень толковому, суждено носить широкие лампасы. Во-вторых, он не болел карьеризмом, предполагавшим (для большей быстроты и эффективности продвижения по служебной лестнице) восхождение к сияющей вершине налегке, без груза чрезмерных морально-этических норм и обязательств. А в третьих... Третье было главным – он не имел высокопоставленных покровителей; без этого принадлежать к сонму вершителей человеческих судеб практически невозможно.

Вот и получалось, что в итоге со своей мизерной пенсией (это если его не вышибут из органов раньше пенсионного возраста, чего побаивался Пека) ему придется идти в дворники и мести тротуары под ногами тех, кого сейчас ловит и сажает за решетку. Или открывать им двери баров, казино, а может и борделей. Открывать и кланяться, благодаря за чаевые. А что

он еще умеет делать, кроме как "держать и не пущать"?

– Так что же ты замолчал? – спросил полковник. – Выкладывай свои соображения. Куда тебя денешь... – Он посмотрел на часы. – У меня еще есть десять-пятнадцать минут.

Только давай самую суть.

– Я предполагаю, что Жерех жив. В машине был найден обгорелый труп кого-нибудь другого. Бенья – малый не промах, а потому все продумал досконально. Он знал почти наверняка, что его будут идентифицировать в обязательном порядке. Потому засветился у дантиста со своей вставной челюстью и фиксами на всю катушку. Насколько мне помнится, врач показал, что Жерех буквально терроризировал его с подгонкой и сроками изготовления зубного протеза. А вот в оплате пожадничал. Тоже верный ход: получи дантист за свою работу крупную сумму, он мог бы просто "забыть" о протезе. А так злой, как черт, врач на раз сдал Бенью со всеми потрохами. Его можно понять: трудился в поте лица, даже после работы, и в итоге получил шиш с маслом. Этого Черный и добивался – он не хотел лишней тягомотины. Ему нужно было, чтобы органы как можно быстрее определили его в покойники и прекратили розыск. И этот финт ему удался с блеском.

– Значит, ты утверждаешь, что Жерех... кгм! – Полковник замялся; сама мысль, что Черный жив, приводила недоверчивого Петра Каллистратовича в замешательство. – Что Жерех вместо себя подложил "куклу"? – продолжил он после короткой паузы. – И снабдил ее личной вставной челюстью на предмет быстрого опознания экспертами собственной персоны? Ладно, пусть так. В общем... это возможно. И что дальше?

– Завидонов не знал Бенью Черного. И никогда его не видел. Тем не менее, профиль Жереха он изобразил. Зачем? Миша был очень талантливым оперативником. Уверен, что он заметил повышенный интерес Бени к Троицкой площади.

– Ты считаешь, что Жерех замешан?..

– Именно! Он присматривал наиболее удобное во всех отношениях место для убийства мэра. И нашел. Площадь для этой цели подходит на все сто. До мэрии рукой подать, все на виду, вокруг люди, светлый день, а потому потенциальный "клиент" киллера и его охрана поневоле расслаблены. Что и требуется доказать. Черный без разведки, с кондачка, ничего не делает. Уж нам это известно. Этот сукин сын – профессионал. Правда, несколько в иной области, – заказными убийствами, насколько мне помнится, Жерех не занимался – но времена меняются. Так же, как и пристрастия. Не думаю, что Бенья лично нажимал на курок пистолета, но рекогносцировка местности – уверен! – была его главным заданием. Жерех так долго крутился в районе Троицкой, перебирая всевозможные варианты, что бывший опер Завидонов просто не мог не обратить на него внимание.

– Допустим. Аргументы слабоваты, но примем на веру. Пока примем. Однако у меня есть вопрос: а каким боком ты намереваешься привязать к Жереху детей-беспризорников?

– Дело в том, что на заре своей, так сказать, "карьеры" он возглавлял школу каратэ, куда набирал девочек и мальчиков десяти-двенадцати лет. Кстати, почти все они были из неблагополучных семей. Так что опыт работы с малолетками у него есть.

– И в этой части вопроса я могу с тобой согласиться. Однако мне пока многое неясно.

– Это касается аргументации непосредственного участия беспризорников в убийствах?

– Да.

– В конверте Завидонова лежали и профили трех подростков. Или детей, что все едино, как я

уже говорил ранее. Свидетель убийства мэра художник Салтыков изобразил по памяти двух пацанов и девочку, скорее всего, беспризорников, которые крутились возле "мерседеса" на злосчастном светофоре в тот роковой час. Когда я сравнил рисунки и профили, то просто поразился их сходству. Это были те же самые дети.

– По твоей версии получается, что не только Жерех обследовал площадь и ее окрестности, но и эта троица?

– Они заняли свои места на заключительной стадии. Ровно месяц назад. Чтобы примелькаться, но не сильно.

– Откуда тебе известно, что эти беспризорники стали на свой "пост" месяц назад? – удивился Леонидов.

– Раньше на том перекрестке работали мойщиками стекол домашние пацаны. Однако, по словам Салтыкова, они не выдержали конкуренции с беспризорниками и убрались подобра-поздорову ровно за месяц до убийства мэра.

– Их убрали. Надеюсь, не физически. Впрочем, в сводках за последний квартал такое происшествие не значится.

– Я вас убедил? – без особого энтузиазма спросил Артем.

– Не так, чтоб уж очень... Неужто мэра и его водителя застрелили дети? Нет, не могу в это поверить!

– Не знаю. Я и сам не верю, если честно. Но очень похоже, что так все и было. И этот "браунинг" с укороченной рукояткой, весьма удобной для детской руки... Кстати, наша троица исчезла с площади сразу после убийства. Представляете, Петр Каллистратович: любопытные сверх всякой меры подростки напрочь проигнорировали такое "интересное" событие. Это просто невероятно.

– А если они просто убежали, куда глаза глядят?

– С какой стати?

– Ну, например, подростки, благодаря своему "посту", видели убийц мэра. А ведь они тертые жизнью, еще как тертые. Дети сразу сообразили, чем может грозить им такая осведомленность. Потому и постарались скрыться с места происшествия как можно раньше. И сейчас где-то прячутся. Или уехали из города на перекладных куда подальше.

Чтобы их не достали ни бандиты, ни милиция. Как тебе такой вариант?

– Логично, – согласился Артем. – Но не совсем.

– Это почему? – ошетинился полковник.

– Конверт Завидонова. В нем весь корень проблемы. Миша совсем не зря собрал вместе профили этих подростков, какого-то мужчины и Жереха. Мало того – Завидонов точно знал, настолько они опасны. А иначе, зачем ему было нужно мастырить кобуру-тайник для своего пистолета?

– Ты считаешь, что Завидонов засветился и принял меры предосторожности?

– Насчет засветки не знаю. Я вообще сомневаюсь, что Завидонов мог проколоться. В вопросах наружного наблюдения он всегда был на высоте. Думаю, Миша держал пистолет под рукой совсем для другого случая. Он не за свою жизнь опасался. Завидонов понял, что

намечает Жерех и зачем эти трое подростков начали пастись возле светофора. В этом я почти уверен.

– Если это так, то почему он хотя бы тебе ничего не сказал? Ведь вы были друзьями.

– В том-то и дело... – Артем сокрушенно развел руками. – Или сомневался в созревающей версии, или сам хотел раскрутить дело, чтобы потряхнуть стариной. Хотя, нет, не думаю, что это так. Скорее всего, он все-таки не был до конца уверен в своих выводах. И выжидал, когда сложится пасьянс. Чтобы не спугнуть Жереха и компанию раньше времени. Эта черта его характера мне хорошо известна.

– Все как будто вполне логично... – Леонидов посмотрел на часы, поморщился с неудовольствием, но так и остался сидеть на диване. – Но если следовать за твоими выводами, получается, что Завидонова все же раскусили. И приняли срочные меры по его ликвидации. Согласен?

– Нет. В его убийстве есть какая-то несообразность, нелогичность... трудно объяснить...

– Что значит – нелогичность?

– Зачем такие сложности с проникновением в его квартиру? Если Жерех жив и создал криминальную организацию, то Мишу могли отправить на тот свет другими способами, которые не могли привлечь чересчур пристального внимания органов к этому делу.

Скажем, наезд автотранспорта (Михаил часто задерживался до темноты, что и вовсе упрощало этот вариант), отравление винно-водочной продукцией – такое случалось не раз, а Завидонов иногда позволял себе расслабиться. Наконец, его могли просто застрелить или зарезать. Ан, нет, его почему-то еще и пытали. С какой стати!? Ума не приложу. В этом заключается какая-то тайна, но что именно – увы и ах.

– Да, задал нам твой друг задачку... – Крякнув, полковник встал. – Что будем делать с расследованием по убийству мэра?

– Возьму версию с Жерехом за основу, – твердо сказал Артем. – За неимением лучшей.

Пока мои ребята отрабатывают иные варианты, в том числе и политическое убийство, я хочу поднять старые связи Черного... и вообще все, что с ним связано. Для этого много времени не понадобится, – по крайней мере, я надеюсь, что так оно и будет – а результат может получиться потрясающий. Если, конечно, сойдутся концы с концами. И мне обязательно нужно поговорить с Гольцовой. Видимо, она узнала нечто весьма серьезное.

– Действуй. Я на тебя надеюсь. Иначе, Артем, нам просто несдобровать. В особенности мне...

Леонидов попрощался кивком головы и ушел.

Майор перевернул листок настольного календаря, решительно обвел новую дату жирной чертой и вывел под ней крупными буквами: "A DIE".[3] А затем поставил единицу – первое задание на завтрашний день – и написал "Марьяна Кардаш".

Глава 20

Саюшкина взяли на четвертый день его пребывания в уютном гнездышке школьной подружки.

Не будь некоторых обстоятельств, он сидел бы взаперти хоть месяц, не высывая наружу даже нос. Но любвеобильная Жужа, обрадованная подарком судьбы в виде вполне работоспособного мужика, не давала ему покоя ни ночью, ни днем. Леха никогда не считал себя слабаком в амурных делах, однако предложенный Виолеттой график мог завалить кого угодно, даже самого Дон Жуана. Вскоре перестало помогать и усиленное питание, и спиртное, и даже специальный массажный душ, вначале здорово бодривший и воодушевлявший на новые постельные "подвиги".

Это и были те самые "некоторые обстоятельства", заставившие Саюшкина с утра пораньше выбраться из-под теплого бочка наконец уснувшей Жужи и пуститься в опасную прогулку по городу, чтобы во время променада немного отдохнуть и собраться с мыслями. Рюкзак с героином он с собой не взял, а спрятал в кладовке своей подружки.

Леха вовсе не боялся, что Виолетта может обнаружить его "сокровище", – кладовая была настолько захлаплена всякой всячиной, что для ее инвентаризации понадобилась бы, по меньшей мере, неделя.

Саюшкин шел в притон наркоманов. Это был акт отчаяния, нежели хорошо продуманная акция. Тех денег, что он взял с собой, ему хватило ровно на двое суток. Жужа, как он и предполагал, сразу же засунула свою загребушую руку в его карман. Она сделала реквизицию настолько непринужденно и мило, что Леха в этот момент лишь наивно хлопал ресницами и глупо хихикал.

Впрочем, он и не сожалел о деньгах – за крышу, притом такую комфортабельную, все равно нужно платить. Саюшкин ни в коей мере не льстил себе мыслью, что оплатой способны послужить его мужские достоинства. Чего-чего, а такого добра Виолетта могла найти сколько угодно, в любое время дня и ночи. При этом получая немалые дивиденды.

Леха был ей благодарен уже за то, что она пока не привела какого-нибудь гостя. Или целую компанию. Он только очень сомневался, что такая идиллия продлится хотя бы пару недель. Но как бы там ни было, а деньги все равно нужны. Иначе Жужа может показать ему на порог уже завтра или послезавтра.

Квартира на Заводской напоминала кадр из фильма ужасов. Ободранные стены, старая, никуда не годная мебель, заплесанный, давно немытый пол, пыльные занавески на тусклых окнах и кухня с закопченной посудой, в которой варили наркотическое зелье для уколов, навевали грустные мысли. Тут жила семья Косичкиных. Раньше их было пятеро, а теперь остались только муж и жена, наркоманы со стажем. Трех детей возрастом от двух до семи лет по суду забрали в приют, лишив старших Косичкиных родительских прав.

Квартира была не заперта. Постучав (звонок был оборван) и не получив никакого ответа, Саюшкин решительно отворил дверь и зашел внутрь.

Хозяин квартиры, которого звали Гера, сидел у кухонного стола и качался, словно китайский болванчик. По его полубезумному взгляду Леха понял, что он накумарился под завязку и сейчас ловит кайф. Тонька, его половина, выглядела несколько живее. Она как раз что-то стряпала, – похоже, суп – помешивая варево в кастрюле деревянной поварешкой.

– Алик... – сказала она, глядя на него ничего не выражающим взглядом.

У Костиковых вор числился Аликом. Он познакомился с ними очень давно, когда вместе с Герой, который уже жил с Тонькой в гражданском браке, поступал учиться в институт.

– Народ скоро подвалит? – деловито спросил Саюшкин, не считая нужным поздороваться и объяснить цель своего прихода.

Впрочем, он знал, что Тоньке его объяснения до лампочки. Она жила в своем внутреннем мире, лишь изредка соприкасаясь с действительностью. Как сегодня, когда взялась за стряпню. Что поделаешь, одними наркотиками сыт не будешь.

И Гера, и Тонька представляли собой законченные образчики пропавших людей. Леха даже удивлялся, как им удалось не сыграть в ящик такое длительное время. Наверное, Косичкины сохранились благодаря своим "принципам" – они не принимали тяжелые наркотики. А однажды у Геры с Антониной был период, когда их послали на принудительное лечение. За полгода им удалось отдохнуть и восстановить силы, но потом все покатило по той же колее.

– Скоро... – ответила Тонька и с жалкой улыбкой погладила заметно округлившийся живот. – У нас мальчик будет...

– Зачем?! – не сдержался от эмоций Саюшкин. – Вы что, бля, совсем поехали!? Трех уже забрали в детдом, а вы все туда же.

– Этого не отдадим! – Сумасшествие вдруг искрой пробило из ее пустых глаз и спряталось под тусклой пеленой внезапного безразличия. – Нет, не отдадим...

– Да ну вас!.. – махнув рукой, Леха направился к кухонному окну.

Внизу виднелся грязный двор, чахлые деревья и чуть поодаль – заводские трубы, извергающие клубы желтого дыма, который был так тяжел, что почти не поднимался вверх, а сразу же ложился на серую пыльную землю. Отвратительная картина... Саюшкин с раздражением отошел от окна и искал, где можно приткнуться.

Табурет был таким хлипким, что Леха сидел на нем будто исполнял цирковой номер. Но выбирать было не из чего, и Саюшкин, изображая вошь на кончике иглы, терпеливо ждал "гостей" – группу наркоманов, обычно собирающихся на квартире Косичкиных, чтобы ширнуться и потусоваться вдали от подстерегающих и осуждающих глаз. Гера все так же безмолвно качался туда-сюда, а Тонька, глядя куда-то в пространство прямо перед собой, механически орудовала поварешкой.

Толпа привалила в половине одиннадцатого. Толпа, конечно, сильно сказано, но и шесть человек в малогабаритной двухкомнатной квартире вместе с хозяевами и Саюшкиным представляли собой достаточно внушительный коллектив, враз заполнивший все свободное пространство. Почти все пришедшие, не в пример Косичкиным, были хорошо (а некоторые и богато) одеты, вели себя раскованно и непринужденно. Чувствовалось, что они в этом притоне свои, завсегда.

Леху не стеснялись. Его знали как приятеля семьи Косичкиных и надежного малого, который нигде и никому не скажет лишнего.

Он не стал долго разводить трали-вали. Ему была неприятна эта компания, резко отличающаяся от воровской шоблы. Естественно, там тоже хватало всякого дерьма, но и речи были более складными, и лица живее, и веселье получалось другим, более естественным, пусть и по пьянке, но не из-за употребления разной дряни.

Саюшкин отвел в сторону Бабулю, длинного и худосочного, как глист, парня и спросил напрямик:

– Доза нужна?

– Ну. А что, есть?

– Зачем бы я спрашивал?

– Покажь, – потребовал Бабуля, тревожно оглядываясь.

– А у тебя башли имеются?

– Обижаешь...

– Тогда прикрой дверь. Нормально... А теперь смотри...

Леха достал из внутреннего кармана крохотный пластиковый пакетик и протянул Бабуле.

Тот жадно схватил его трясущимися руками, открыл и макнул туда палец. Который тут же и облизал. Нездоровое блаженство, разлившееся по бледному лицу Бабули, лучше всякого индикатора показало, что товар вполне на уровне.

– Берешь? – спросил Саюшкин, от нетерпения притопывая. – Товар высшего сорта.

Он не зря обратился к Бабуле. Этот длинный хлыщ был сыном какого-то большого начальника, который мало зарабатывал, но много брал, а потому деньги у его единственного отпрыска водились.

– Сколько? – тихо каркнул Бабуля, вперив в Саюшкина тревожный болезненный взгляд.

Леха быстро назвал цену, отчаянно боясь продешевить.

– Я не о том... – Бабуля с опаской посмотрел на неплотно прикрытую дверь спальни, где они уединились. – Цена устраивает. Сколько у тебя доз?

Саюшкин немного заколебался, но все же ответил честно. На всякий случай он взял с собой десять пакетиков, хотя и надеялся для начала продать не более двух-трех. Но ему просто повезло – новый "контингент" притона Косичкиных был упакован по высшему разряду. Раньше, насколько помнилось вору, сюда являлись сущие доходяги; похоже, многие из них уже нашли иное пристанище – вечное.

– Эх... маловато, – сокрушенно сказал Бабуля и достал портмоне. – В заначке что-нибудь осталось?

– Посмотрим, – осторожно ответил Леха. – Подумаем...

– Держи... – Бабуля протянул Саюшкину деньги. – Если надумаешь, тащи все к Гере. Он знает, где меня найти. Только думай побыстрее.

Увидев пухлый бумажник Бабули, Леха мысленно выругал себя на все заставки. Ну почему он не взял героина побольше!? Конечно, Бабуле и его приятелям не по карману весь товар, – да что весь, даже десятая часть! – но до сотни доз они вполне могли бы купить в складчину.

Ладно, где наше не пропадало, решил он спустя полчаса. Все равно найду оптовика, бодро думал Саюшкин, шагая по трамвайным путям (они были проложены через яр, в промышленной зоне, где никто не жил) и с радостью ощупывая в кармане дензнаки, полученные от наркомана; ну, а если нет, то придется снова навестить Косичкиных. И не только. У него водились и другие знакомые такого же толка.

Деньги навевали оптимизм, поднимали настроение, и Леха смотрел на окружающих через розовые очки. Это его и сгубило. Увлечшись бесплодными мечтаниями, вор не заметил, как проскочил нужный квартал, а затем ноги сами – чисто механически – свернули на спуск, ведущий к улице, где располагалась "малина" Микиты Москаленко. Спуск был длинным, как собачья песня, и упирался как раз в ту самую грязную лужу, что называлась прудом и навевала кому-то мысль назвать бар "Волной".

Они зажали его на узком переходе через трамвайные пути; взяли под руки тепленьким и не трепыхающимся. Похоже, встреча явилась для бандитов приятной неожиданностью, ну а Саюшкин только мысленно застонал, глядя на их гнусные рожи.

Это были топтуны Микиты Москаленко, блатные в наколках, один из которых был высоким и рыжим, а второй кривоногим и коренастым, – те самые, над кем поработала свора Тугая. Их руки и сейчас были в бинтах, из которых выглядывали толстые пальцы, похожие на испорченные посиневшие сосиски.

– Не дергайся, падло. Иначе пришью прямо здесь, – сказал рыжий и слегка уколол Леху в бок острием финки. – И закрой хлебало. Пойдешь с нами.

– В-вы... вы чего, мужики!? – испуганно и несколько запоздало вскрикнул Саюшкин, но не сделал и малейшей попытки освободиться.

Вор знал, что такие экземпляры словами на ветер не бросаются.

– А ничего, – злобно буркнул коренастый. – Топай, сучок, топай. И помалкивай. Моя бы воля...

Ему досталось от собак больше, чем рыжему. На левой скуле виднелись две глубокие царапины (наверное, убегая, он наткнулся на ветку), а правая нога от бинтов была толстая, словно у слона, и не сгибалась. Потому он ходил как известный литературный персонаж Паниковский – циркулем.

– Куда вы меня ведете? – несколько успокоившись, спросил Саюшкин.

Он уяснил главное – убивать его до поры до времени не собираются, а значит есть шанс задать стрекача. Стрелять по нему не будут, даже если имеется ствол, – все-таки белый день, кругом люди – а в беге он этих козлов сделает как пацанов. Нужно лишь выбрать удобный момент. Но пока вора держали железной хваткой, и крепко спаянная троица шагала дружным строем прямо в шалман Москаленко. Это Леха уже сообразил, однако намеревался немного поболтать, чтобы усыпить бдительность своих твердокаменных конвоиров.

– В стойло, – ответил рыжий и неприятно осклабился.

– Это как понимать?

– А как хочешь, так и понимай, – грубо выпалил коренастый.

– Мужики, я никому ничего плохого не сделал... – заныл Саюшкин, полностью расслабившись. – Отпустите меня, ладно? Отпустите...

– Ты, болтливая свинья, заткнись! – Рыжий больно пнул его локтем под ребра. – А если будешь шухерить, то сначала опустим, а затем отпустим.

Он как-то странно икнул и заржал во весь голос. Коренастый хмуро посмотрел на него, осуждающе покачал головой, а затем понимающе ухмыльнулся – и до его тупой башки наконец дошел смысл сказанного.

Леха решил больше не дергаться. Тем более что хватка бандитов не ослабевала. Несмотря на дикий мандраж, Саюшкин все же понял, что им приказали доставить его в целости и сохранности. В противном случае он уже лежал бы на трамвайных путях и харкал кровью.

Такие мерзавцы, как подручные Чмо, в долгий ящик расправу не откладывают.

Выходит его захомутали по приказу Микиты. А это уже давало кое-какие шансы выйти сухим

из воды. Леха представил на миг, что рядом идут убийцы Верки, и ему едва не стало дурно. С Москаленко еще можно договориться, но с теми... Бр-р!

И все же, что задумал этот гребаный хохол, это Чмо ушастое? Зачем Микита сначала выпустил на его след двух костоломов, а теперь, судя по их поведению, желает вести разговоры с глазу на глаз? (Саюшкин уже понял, что бандиты идут в "малину" Москаленко).

Вор так ничего и не придумал. Намерения хозяина притона казались ему темными и пугающе загадочными. Потому, когда Леху сначала провели в подсобное помещение, а затем и кабинет Микиты, он был в паническом состоянии, хотя и старался этого не показывать.

– Здравствуй, Лексей! – Москаленко так елейно заулыбался, что Саюшкина едва не стошнило.

– Что за дела, Микита Степанович! – возмущенно воскликнул Леха, рывком освободившись от цепких рук своих конвоиров. – Или вы думаете, что я дорогу в "Волну" забыл!?

– Не шелести, парнишка, не шелести... А вы ступайте. – Микита указал своим подручным на выход.

Подождав пока закроется дверь, хозяин бара достал из шкафа поднос, на котором стояла бутылка коньяка, две рюмки и тарелка с лимонными дольками, густо посыпанными сахаром.

– Ну, помолясь... – сказал Москаленко, наливая по полной. – Выпей для просветления.

Саюшкин не стал спорить и что-то доказывать, а молча опрокинул в рот содержимое рюмки и, не закусывая, закурил. Ему действительно нужно было "просветлиться", потому что в голове царил сумбур.

– Ишшо по единой? – вежливо поинтересовался Микита, сделав вид, что проигнорировал беспардонный поступок вора – когда тот закурил без спроса; таких вольностей хозяин "малины" в своем кабинете обычно не позволял.

– Не помешает, – ответил Леха, жадно затягиваясь сигаретным дымом.

– Правильно мыслишь, вьюнош... хе-хе...

Москаленко снова наполнил рюмку Саюшкина; к своей хозяин "малины" так и не притронулся.

"Может, он чего в коньяк подсыпал? – несколько запоздало подумал Леха. – Ну и черт с ним! Все равно выпью. Уже поздно что-либо менять. Отравить будто бы не должен..."

Интересно, что ему нужно? С какой стати Чмо так мягко стелет?" Второй раз вор выпил враспяжку и наконец потянулся за лимонной долькой. Коньяк согрел, но на душе легче не стало. Саюшкина так и подмывало продолжить расспросы, но он решил держать марку и молчать, пока не заговорит Москаленко.

А тот не спешил. С ужимочками и смешочками Микита задумчиво рисовал пальцем на столе какие-то замысловатые фигурки и загадочно поглядывал на Леху. Коньяк он всетаки пригубил, но отпил всего лишь несколько капель. Чем, в конце концов, снизил опасения Саюшкина, что в янтарной жидкости могут быть всякие нехорошие примеси, до приемлемого уровня.

Наконец Москаленко решил, что пора приниматься за дело.

– Я нашел покупателя на твой товар, – сказал Микита и поморщился, взмахом руки отгоняя

сигаретный дым, который по пути к вытяжному вентилятору шибал ему в нос.

– Потому меня и притащили сюда на аркане? – сердито спросил Леха, постепенно оттаивая.

– Не совсем так, Лексей Батькович... хе-хе... Не совсем... – Москаленко стал загадочным, как проститутка, которая кадрит денежного клиента.

– А можно без намеков? – Саюшкину до смерти хотелось побыстрее выяснить отношения и смыться.

– Так мы завсегда... хе-хе... – Микита достал записную книжку. – Тут я твой должок взял на откуп...

– Не понял... – У Лехи глаза полезли на лоб от изумления. – Какой должок!?

– Минуту... Ага, вот эта страничка... С тебя причитается всего-навсего две косых. Между прочим, "зеленью".

– За что!?! – вскричал вор.

– Ты лучше спроси кому. – Москаленко смотрел на Саюшкина как невинное дитя.

– Кому!?! – тупо повторил Леха, совсем потерявший способность что-либо соображать.

– Петру Кузьмичу, – спокойно ответил Микита. – Саврасычу. Неужто забыл?

– Ы-ы-ы... – У Саюшкина отвисла челюсть, и он, вместо того, чтобы сказать хоть что-то, лишь по-рыбьи беззвучно зевал широко открытым ртом.

Только теперь он, наконец, понял, в какую угодил западню. Способ закабаления, связанный с выкупом долговых расписок (или просто долгов, чаще всего карточных), в воровской среде практиковался издавна и достаточно широко. Неосторожный простака, попавшийся на подобный крючок, иногда платил за глупость или жадность по самому высокому тарифу – своей жизнью. Должник обязан был выполнять любую прихоть кредитора.

Часто из таких несчастных вербовались наемные убийцы. Ни убежать в глухие места, ни спрятаться куда-либо, чтобы таким образом уйти без всяких последствий от своих долговых обязательств, у должника не было никакой возможности. Его всегда и везде искали и находили даже на том свете – за долги после смерти должника нередко отвечали близкие родственники.

– Вот я и хочу тебя спросить: когда мне ждать отмазки?[4]

Москаленко задал вопрос и наконец выпил свою рюмку до дна. Теперь его аскетическое лицо выражало холодную решимость и строгость. Весь вид Микиты как бы подчеркивал, что время пустой болтовни закончилось.

– Мне необходимо время, чтобы собрать нужную сумму, – тихо ответил Саюшкин, с трудом шевеля непослушными губами. – Месяц...

Он отлично понимал, что никакие уговоры на Чмо не подействуют. Сумма долга, произвольно увеличенная Саврасычем, останется прежней. Леха надеялся лишь на отсрочку платежа. Притом, без "счетчика". О том, чтобы отказаться от уплаты, он даже не помышлял. Тем более что у вора была достаточно весомая надежда на деньги, которые он должен получить при продаже героина.

– Как скажешь, – сказал хозяин притона и сделал в блокноте какую-то пометку. – Не

возражаю. Только тогда ты отдашь мне уже не две штуки, а десять.

– Понял... – угрюмо сказал Саюшкин. – Я отдам две и в срок. Больше мне не наскрести.

Когда назначена встреча с покупателем?

– Он позвонит через два-три дня... – Микита явно решил потянуть время.

Чмо просматривался насквозь. Похоже, хитроумный хохол вполне обоснованно полагал, что у Саюшкина в заначке вовсе не сто грамм героина, а гораздо больше. Потому хозяин притона и решил начать беспроектную игру, вследствие которой все Лехины денежки переключаются в карман Микиты.

Вор никогда не причислял себя к дуракам, потому схему задуманной Москаленко комбинации читал, что называется, с листа. Скорее всего, первый покупатель окажется липовым и надует его, а из-за этого придется предлагать новую партию героина, которую при покупке забракует. Начнутся разные неприятности с мордобитием и членовредительством, Микита вначале выступит в роли спасителя, а затем превратится в бессердечного стяжателя. И стоит только хозяину "малины" узнать, что у Саюшкина много товара, как тут же вступят в дело костоломы Москаленко во главе с Шуликой.

А Леха точно знал, что пыток ему не выдержать.

– Завтра, – отрезал Саюшкин. – Пусть звонит завтра. Иначе я найду другого. Вы сами отмерили мне срок.

Он решил притвориться жадным недоумком. Нужно, чтобы Микита безоговорочно поверил в безысходность Лехинового положения. Главным было любыми способами выбраться из притона на свет ясный. А там... Там будет видно.

– Лады, – подозрительно легко согласился Микита. – Но смотри, не надумай смайнуть. Ты хороший парнишка, Лексей Батькович, и мне очень не хочется, чтоб ты влип по-крупному.

Долг – это дело чести. А деньги – мусор. Жизнь дороже, поверь мне, старику...

Похоже, Москаленко намеревался прочитать лекцию о воровской морали и далее, но тут отворилась дверь, и на пороге появился Шулика. Он глядел на своего босса какими-то странными остекленевшими глазами и пытался что-то сказать. Саюшкин, у которого и так все чувства были напряжены до предела, первым заметил, что изо рта швейцара льется тонкой струйкой кровь.

Вора словно кинуло: еще не осознавая, что делает, он вскочил и отбежал к дальнему концу длинного, как кишка, кабинета. Шулика неуклюже переступил через порог, сделал шаг, затем другой, – и словно подрубленный свалился на пол лицом вниз. В его широченной спине торчал нож, загнанный по самую рукоятку.

Несмотря на преклонные годы, предполагающие замедленную реакцию, Москаленко оказался шустрым как хорек. Едва взглянув на обездвиженного помощника, он тут же нажал какую-то кнопку. Леха, который в тоскливом ужасе прижался к стене, вдруг ощутил позади пустоту и, не успев за что-либо придержаться, рухнул куда-то в темноту.

Быстро вскочив на ноги, вор моментально понял, что очутился в потайном ходе. Взглянув в сторону светлого проема, образовавшегося в стене, он увидел, что за ним последовал и Микита, а в отворенную дверь его кабинета вваливались один за другим крепкие парни в черных масках.

Саюшкин не стал досматривать это действие. Его вовсе не интересовала ни судьба хозяина

"малины", ни личности тех, кто убил Шулику. Вор развернулся и по узкому темному проходу побежал, что было мочи, в неизвестность.

Глава 21

Марьяна, старая подружка Жереха, была девка хоть куда. Ей уже стукнуло тридцать четыре года, но с виду Марьяне можно было дать не более двадцати пяти. Статная, фигуристая, белолицая, с карими огненными глазами, она походила на фотомоделю. Про таких говорят просто – красавица.

И только внимательный наблюдатель мог заметить какую-то ущербность, несмотря на разнообразные ухищрения, пробивающуюся наружу как капли пота в парной. Безвольные тонкие губы не могла скрыть и помада, которой Марьяна рисовала большой сочный бант.

Ровный "классический" нос, если присмотреться, имел хищные крылья; когда подружка Бени Черного гневалась, он становился похожим на клюв большой птицы. А тщательно припудренные морщинки свидетельствовали о бурно проведенной юности.

Первый раз Марьяна Кардаш попала на заметку правоохранительных органов в пятнадцать лет. Ее хулиганистые приятели по пьяной лавочке обворовали продмаг, а девушку заставили стоять на стреме. Наверное, Марьяну спасла от тюрьмы красота – в юные годы она была похожа на ангелоподобное существо.

После этого досадного фиаско Марьяна стала гораздо осторожнее. Последний раз ее задержали четыре года назад – как по нынешним временам, за сущий пустяк. Обладая от природы изворотливым, хитрым умом, она организовала якобы беспроектную лотерею и, пользуясь прорехами в законодательстве, некоторое время с успехом облегчала карманы чересчур доверчивых обывателей.

Как Марьяна стала любовницей Жереха, не отличающегося ни смазливой физиономией, ни какой-то особенной статью, история умалчивает. Скорее всего, Бенья Черный, который не привык, чтобы ему в чем-либо отказывали, взял ее силой. Юная красотка настолько понравилась Жереху, что он почти перестал заводить случайные связи.

А Бенью в этом отношении никак нельзя было назвать пуританином. До встречи с Марьяной он не пропускал ни одной более-менее смазливой мордашки. Почему они не скрепили свои отношения брачными узами, можно было только гадать.

После наглой смерти своего "суженого" Марьяна на некоторое время стала затворницей.

Она появилась на людях только через полгода (если, конечно, не считать походов на рынок и в гастроном). Однако на удивление всех, кто ее хорошо знал, Марьяна Кардаш в разгульную жизнь не ударилась.

Все эти сведения Артем почерпнул из доверительной беседы с дворничихой, краснолицей говорливой теткой, которая знала семью Кардаш уже полвека. Она называла их цыганами, хотя на самом деле предком Кардашей был венгерский коммунист, бежавший в Союз еще до Великой Отечественной войны.

Конечно, кое-что о связи Марьяны с Жерехом было известно и майору. Но красочный рассказ дворничихи, обладающей хорошо подвешенным языком и недюжинной наблюдательностью, превзошел все его ожидания. Похоже, тетка для жителей микрорайона была ходячим информационным агентством. Она знала все и вся.

С трудом распрощавшись с собеседницей, которой очень хотелось почесать язык еще как минимум часок, Артем направил стопы к подъезду, где находилась квартира Марьяны.

Она ушла от родителей, но купила себе жилье в доме, где прожила все свои годы – нередко прошлое (или воспоминания о прошлом) держит нас крепче всех других вождлений и обязательств.

Марьяна отворила дверь без задержки. Или она сразу распознала через глазок, что к ней пожаловал представитель закона, или красotka обладала незаурядным мужеством. Это в социалистические времена могли приютить и накормить любого, кто попросится на ночлег. А нынче боялись пускать в квартиру даже знакомых, особенно если они приходили поздней порой.

– Майор Чистяков, – представился ей Артем, показывая удостоверение и изображая добродушную улыбку.

– Ну и что? – спросила неласково Марьяна.

Похоже, ее не обманула любезность незваного гостя.

– Можно я войду? – вежливо спросил майор.

– Конечно, – охотно согласилась Марьяна, но дорогу не уступила – стояла в дверном проеме, загораживая проход. – Если у вас есть на то основания.

– А вы, я вижу, не без понятия в юриспруденции, – сказал, улыбаясь, Артем.

– С волками жить... – Марьяна вернула в ответ улыбку, словно дала обратный пас.

– Понятно... – Майор посуровел. – Мне хотелось бы с вами просто поговорить... кое о чем...

Но коль вы так хорошо разбираетесь в законодательстве, то не вижу иного выхода, как вызвать вас на беседу повесткой. Что я сейчас и сделаю... – Артем засунул руку в нагрудный карман.

– Погодите! Ну зачем так... Пожалуйста, заходите.

– Весьма вам признателен...

Артем диву давался своей обходительности. Марьяна обладала незаурядным женским даром сражать мужчин наповал. От ее сильного упругого тела исходили невидимые глазу волны, способные проникнуть через любую броню. Не говоря уже о полушерстяном костюме майора, который и так изрядно поизносился. Девушка знала о своем даре и беззастенчиво им пользовалась.

– Так о чем вы хотели со мной побеседовать? – Марьяна, усадив Артема в глубокое кресло, потрясающей походкой продефилировала к буфету. – У меня есть неплохой коньяк. Для нашего разговора в самый раз. Или вы предпочитаете водку?

– С вашего позволения, я отдаю предпочтение крепкому чаю. С лимоном. Буду вам весьма признателен.

– Ах, как это знакомо! – Марьяна приняла строгий вид и сказала нарочито грубым голосом: – Извините, на работе не употребляем. – И тут же весело рассмеялась. – Почти в каждой книге или детективном фильме сыщик произносит такую или похожую фразу. Вы и в самом деле не пьете, когда при исполнении?

– Вам сказать правду или?..

– Лучше "или".

– Это почему?

– Женская сущность такова, что она любит выдавать желаемое за действительное. Мы сотканы из противоречий. Поэтому, лучше соврите. Только красиво, с выдумкой.

"Умна, чертовка! Очень умна... – подумал Артем. – Такой палец в рот не клади".

– Нет, врать я не буду. Скажем так: раз на раз не приходится. Бокал пива или сухого вина делу не помеха. Но не более того. На работе нужна ясная голова. А в общем, среди нашего брата найти трезвенника не легче чем иголку в стогу сена. Работа чересчур нервная, знаете ли.

– Хорошо, будет вам чай. Подождите немного. А чтобы не было скучно, полистайте журналы.

– Надеюсь, не "Плейбой"?

– Всякими глупостями не интересуюсь, – многозначительно обожгла Артема взглядом Марьяна.

Он ухмыльнулся и промолчал.

Пока девушка хозяйничала на кухне, Артем осмотрелся. Судя по обстановке, в свое время Марьяна не бедствовала. Мебель была далеко не новой, но добротной. Интерьер не страдал излишествами, но это уже происходило от неплохого вкуса хозяйки.

Однако первым, что бросилось в глаза майору, было цветное фото Жереха в красивой резной рамочке, висевшее на почетном месте. Он был в костюме и при галстук.

Зачесанные назад волосы Бени блестели словно лакированные. Кожа лица была очень смуглой – как у индейца. Подретушированная физиономия бандита казалась даже симпатичной. И только глубоко посаженные глаза смотрели холодно и злобно, будто принадлежали потревоженной гадюке.

Чай оказался крепким и душистым – именно таким, как майор и заказывал. Марьяна поставила на журнальный столик и вазочку с печеньем, но Артем к нему даже не притронулся.

– Спасибо, – поблагодарил он девушку. – Чай отменный. А теперь перейдем к делу.

– Так уж и сразу? – лукаво спросила Марьяна.

– Как ни странно, при нынешнем изобилии – лишь бы деньги были – все же не обошлось без дефицита. Время – самый дефицитный товар. Так что не будем тратить его попусту.

– Вам виднее.

– Возможно, вопрос покажется вам несколько странным, но я просто обязан его задать... – Майор с подчеркнутой суровостью взглянул прямо в глаза девушки. – Когда вы видели Жереха в последний раз? Только не спешите с ответом! Подумайте. Это очень серьезно. В качестве справки хочу сказать, что я занимаюсь преимущественно убийствами.

Артем полностью отдавал себе отчет в том, что поступает непрофессионально. Если Бенья Черный жив и тайком встречается с Марьяной, то лучше всего было подключить службу наружного наблюдения, чтобы не спугнуть бандита раньше времени и взять его, что

называется, тепленьким.

Но, к глубокому сожалению майора, в угрозыске (как всегда) с кадрами было не густо. К тому же его предположение в глазах руководства выглядело бы авантюрно-смешным, и никто из вышестоящих начальников не дал бы разрешение на слезку за Марьяной и ее квартирой.

И Артем с этим был полностью согласен. Именно так он и поступил бы на их месте.

Потому максимум, что майор мог сделать, так это поставить телефон Марьяны на прослушивание. К тому же Жерех был чересчур хитрым и предусмотрительным типом, чтобы после гениальной комбинации (если таковая и впрямь имела место) со своей гибелью проколоться на мякине.

Девушка вмиг посерьезнела. Она бросила быстрый взгляд на фотографию и в ее глазах мелькнул страх. Но только на миг. В следующее мгновение Марьяна взяла себя в руки и сказала несколько изменившимся голосом:

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Объяснения потом. Сначала я хочу услышать ответ на мой вопрос.

– Чего проще. В последний раз я видела его на похоронах. Простите – не самого Вениамина, а закрытый гроб с его телом. Ну, вы знаете...

– Знаю... – Артем смотрел на девушку остро, не мигая – как охотник, который держал на мушке какого-нибудь шустрого зверька. – И, тем не менее, мне кажется, что вы со мной не совсем искренни.

– Простите... я не понимаю, с какой стати вы подозреваете меня в неискренности. Он умер, давно умер... и к чему все эти расспросы?

– Я вам отвечу, хотя это и является служебной тайной. Дело в том, что его недавно видели.

Да-да, видели. Живым и здоровым. Прямо-таки несгораемая птица-феникс ваш разлюбезный Вениамин. – Майор с откровенной насмешкой кивнул в сторону фотографии Жереха.

– Не может быть! – вскричала Марьяна, прижав кулачки к груди.

– Еще как может. И вам это хорошо известно.

– Нет!

– Да! Да, черт возьми! – Артем добавил в голос металла. – Мало того, вы с ним встречаетесь. Не нужно спорить! Нам кое-что известно. – Эту фразу он уже сказал наобум, для усиления эффекта от своей речи. – Есть такое выражение – любовь зла. Но она может вас затянуть на самое дно, на тюремные нары. Зачем!? Зачем вы губите свою жизнь!?

Жерех убийца. Он думал, что в милиции работают лопухи. И здорово ошибся. Мы его достанем из-под земли. В прямом смысле этого слова, так уж получается. И если окажется, что вы замешаны в его делишках... Марьяна, вы такая красивая и умная женщина. Ну на кой ляд вам губить свою жизнь? У вас все еще впереди. Выйдете замуж за хорошего человека, родите детей... А Жереха ждет пуля или пожизненное заключение.

Вы хотите последовать за ним?

– Он мертв! Вы... вы не смеете!..

– Да, конечно, – иронично покривился майор. – О мертвых нельзя отзываться плохо. Это мне

известно. Но у вашего разлюбезного Вениамина руки по локоть в крови. И ему самое место в аду. Но он пока жив. И продолжает осквернять землю своим присутствием.

– Уходите! – Глаза Марьяны метали молнии. – Вы не имеете права хамить.

– Хамить? Бог мой, о чем речь? Лично вас я ничем не оскорбил. Мало того, мне почему-то очень хочется, чтобы у вас все было хорошо. Ведь таких женщин, как вы, раз, два – и обчелся. – Артем льстил без зазрения совести, напропалую. – Я просто констатирую факты. Как в отношении вас, так и по отношению к Жереху.

– Прошу вас, оставьте меня...

Эту фразу Марьяна произнесла чуть слышно. Девушка едва сдерживалась, чтобы не заплакать. Она стала неестественно бледной и только на скулах ярко горели два пятна лихорадочного румянца.

– Марьяна, скажите, как его найти? На этот раз мы упрячем Жереха так далеко и надолго, что ему не удастся выйти на волю до скончания века. Не губите свою молодость. Я все-таки думаю, что вы его просто боитесь. Избавьтесь от этого страха, иначе он будет преследовать вас до гробовой доски. Где он скрывается, Марьяна? Даю вам слово, что о нашем разговоре никто не узнает. Не будете вы фигурировать ни на следствии, ни в суде.

Если, конечно, вас не сдаст ваш "возлюбленный". Это он может. Жерех ради спасения собственной шкуры готов на любую подлость.

– Вы должны уйти!

– Как скажете. – Артем встал. – Вот вам мой телефон... – Он положил на стол визитку. – Очень надеюсь, что вы передумаете. И хочу дать совет: не рассказывайте Жереху о моем визите. Это смертельно опасно. Для вас опасно. Ваш дружок рубит концы, не задумываясь и без малейшего сожаления. Всего доброго...

На улице моросило. Прежде чем покинуть подъезд, майор, наученный горьким опытом, внимательно осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, он быстро пошел к автобусной остановке. Служебная машина, обещанная Пекой, как обычно была в ремонте.

Потому Артем по-прежнему топал на своих двоих.

Майор шел и размышлял. Ему казалось, что во время посещения квартиры Марьяны он упустил нечто очень важное. Но что именно? Что!?

Эта мысль не покидала его весь день.

Глава 22

Подземный ход из кабинета Микиты Москаленко был длинен, узок и извилист, высотой в человеческий рост. Его почти не копали (за исключением коротких участков), а соорудили, используя старые и новые подвалы многоэтажек, в которых просто сложили фальшивые стенки, чтобы замаскировать отверстия, прорубленные в фундаментах.

И теперь можно было достаточно быстро драпать по тайному ходу, совершенно не опасаясь, что кто-то может заметить беглеца или помешать ему. Правда, улепетывающий из всех ног Леха испытывал некоторые неудобства – ход не был освещен, и вор набил несколько шишек,

натываясь на стены в местах поворотов.

Но за все свои страхи и неудобства он вскоре был вознагражден, как написано в одной умной книге (название которое Саюшкин забыл еще в детстве), "лучом света в темном царстве". Этот луч – почти световой столб – вырывался, как показалось совсем потерявшему голову вору, прямо из потолка и вонзался в кучу разнообразного мусора. Не веря собственным глазам, счастливый Леха поднял голову и увидел где-то высоко голубой круг. Это было небо. Небо!

Саюшкин ухватился за одну из скоб, приваренных к внутренней части широкой металлической трубы, и быстро полез вверх, млея душой: а вдруг соскользнет нога или сварка окажется непрочной?

Оказалось, что боялся он напрасно. Благополучно совершив подъем на высоту двенадцати-пятнадцати метров, Леха оказался неподалеку от какой-то эстакады, представляющей собой невероятное переплетение железобетонных и стальные конструкций. Труба была обложена красным кирпичом, и от нее до эстакады кто-то соорудил достаточно хлипкий дощатый трап.

Впрочем, при желании, он мог спуститься на землю и по лестнице, напоминающей пожарную. Она была прикреплена к кирпичной кладке трубы (скорее всего, оставшейся от старой полуразрушенной котельной) толстыми металлическими штырями.

Оказавшись внизу эстакады, Саюшкин не стал рассматривать эту недостроенную "достопримечательность" и гадать для чего она предназначена. Еще сверху он заметил настежь распахнутые ворота – въезд на огороженную металлической сеткой территорию строительства.

Поэтому Леха, едва его ноги ступили на светло-серую от затвердевшей цементной пыли землю, немедленно побежал к дороге, которая начиналась сразу за воротами. Там его подобрала попутная машина, и спустя час он уже находился возле дома, где проживала Жужа...

В квартиру своей школьной подруги Саюшкин рискнул зайти только в темноте. Она дала ему запасные ключи, поэтому Леха звонить не стал. Не решился он и зажигать свет в прихожей – на всякий случай; вдруг его преследователи узнали, где он залег и за квартирой Виолетты уже установлена слежка.

Первым делом Саюшкин нырнул на кухню. От переживаний и долгого бдения в засаде напротив дома Жужи он так проголодался, что мысль о еде напроць вышибла из его головы все опасения и здравые соображения. В квартире царила тишина, и Леха решил, что Виолетта легла спать или где-то шатается.

В кухне темнота не была такой густой, как в прихожей. Света уличных фонарей вполне хватало, чтобы увидеть накрытый стол с остатками еды и спиртным.

"Наверное, у Жужи были гости", – подумал Саюшкин и жадно набросился на холодную телятину. Выплеснув из бокала прямо на пол остатки какого-то прохладительного напитка, он наполнил его почти доверху светлой жидкостью из литровой импортной бутылки, на белой этикетке которой был нарисован мужик во весь рост. Определив по запаху, что это алкоголь, Леха опрокинул бокал в рот одним махом – как за плечи бросил.

– Господи! Какая мерзость... – пробормотал он, вздрагивая. – С виду водка, а воняет можжевельником.

Насытился Саюшкин быстро. Он хватал со стола все подряд. По окончании трапезы Леха все

же мысленно отдал должное похожему на водку спиртному. Оно его согрело, взбодрило и даже несколько успокоило.

Конечно, не водка, думал вор, но и не абсолютное дерьмо. Крепость присутствует. А что касается запаха... Да фиг с ним, с этим запахом! Ему приходилось пить такие смеси, после которых можно стать огнедышащим драконом. Довольно похлопывая себя по туго набитому животу, Саюшкин встал с намерением отправиться на боковую – и застыл, как вкопанный.

Откуда-то из глубины квартиры раздался длинный протяжный стон, который практически мгновенно сменился коротким, как выдох, жутким криком. Леха заледенел.

"Они уже здесь! Жужу убили! Мне конец!!!" Эти мысли буквально взорвали черепную коробку вора. Он стоял посреди кухни, как вкопанный, не в силах ни сдвинуться с места, ни принять какое-либо разумное решение.

Некоторое время в квартире царила тишина. А затем послышались шорохи и шаги.

Саюшкин и вовсе обмер. Теперь он просто не смог бы добежать до входной двери: все тело вора вдруг стало мягким, словно в нем не было ни костей, ни мышц – будто его слепили из пластилина.

В спальне кто-то ходил и слышался тихий разговор. Шаги приблизились, и в гостиной вспыхнул свет. У Лехи волосы встали дыбом – кто-то шел на кухню! Темная фигура появилась в дверном проеме, щелкнул еще один выключатель, и...

И перед Саюшкиным, ярко освещенный кухонным плафоном, появился совершенно голый и мохнатый как обезьяна мужик!

Он испугался не меньше, чем Леха. Испуская какие-то булькающие звуки, мужик сначала попятился, а затем, зацепившись за половик, со всего маху грохнулся голой задницей о пол.

– Что там случилось, Игорек? – раздался из спальни голос Виолетты.

– М-м... Б-бе... – замычал, заблеял обалдевший от неожиданности мужик.

– Ты что, упал? – В голосе Жужи появились заботливые нотки. – Не ушибся?

Ее взгляд был прикован к лежащему мужику, а потому Саюшкина она заметила не сразу.

И только когда "Игорек", которому перевалило за пятьдесят, все так же испуская мычащие звуки, начал тыкать в сторону Лехи указательным пальцем, она, наконец, подняла голову.

– О, это ты? А я думала, что уже не увижу тебя. – Жужа совершенно не удивилась и не испугалась; она была само спокойствие.

Наверное, в жизни Виолетты такие ситуации случались довольно часто и никак не влияли на ее уравновешенность. Она тоже, как и мужик, была голой, но улыбалась Лехе так радостно и сердечно, будто и не было между ними мохнатого Игорька, который все никак не мог прийти в себя от изумления.

"Вот стерва... – подумал с огромным облегчением Саюшкин. – Из-за ее слабого передка у меня мог родимчик приключиться".

– Ну ты, блин, даешь, – сказал он и опустился на табурет – потому что ноги не держали.

– Не сердись, Люстик. А что я должна была думать? Ты ушел, забрав все свои вещи. И даже не простился. Между прочим, я могла и обидеться.

– Могла, – легко согласился Саюшкин. – Извини. Вставай, Игорек. Будем знакомиться.

– Это... т-твой муж? – спросил, заикаясь, мужик.

– Что ты, милый! – не без кокетства ответила Виолетта. – Мужа у меня отродясь не было.

Это... это постоялец. Мой бывший одноклассник. В командировку приехал, а остановиться негде. Так ведь, Люсик?

– Ну, – согласно кивнул значительно повеселевший Леха. – Вы бы оделись, голубки, – посоветовал он, посмеиваясь.

– Отличная идея, – сказала Жужа и потащила Игорька в гостиную, где в полном беспорядке валялась их одежда.

Когда они возвратились на кухню, Саюшкин уже полностью восстановил душевное равновесие. Наконец он осознал всю пикантность создавшегося положения, и теперь с его лица не сходила улыбка. Впервые за долгое время он полностью расслабился.

В одежде мужик оказался очень даже ничего – широкоплечий, статный. Его весьма импозантный внешний вид несколько портило лишь солидное брюшко, напалзающее на брючный ремень. Похоже, ситуация, в которую он попал по вине Саюшкина, теперь его забавляла.

– Виолетта, сообрази нам что-нибудь, – сказал он, обращаясь к Жуже и широким жестом обводя захлапленный огрызками и пустой посудой стол. – После нашей нечаянной встречи...

– Мужик обернулся к Лехе, подмигнул и засмеялся. – В общем, жрать хочется так, будто у меня во рту, по меньшей мере, двое суток ни крошки не было.

– Момент... – Жужа сноровисто принялась за дело.

Вскоре они уже общались как старые закадычные друзья. Шел обычный застольный базар-вокзал и компания веселились, как будто в них вселился смешливый бес. Игорек, а точнее Игорь Семенович, ушел в половине второго ночи. Жужа и Леха проводили его до вешалки в прихожей. И только когда он начал одеваться, у Саюшкина обмерло сердце:

"Игорек" носил погоны с двумя большими звездами и оказался сотрудником милиции!

– Фу-у... – сказал Леха, когда за любовником Жужи закрылась дверь. – Ну и денек сегодня...

– Неужто приревновал? – Виолетта зажала его в угол и горячо задышала на ухо.

– Не будь он ментом, убил бы.

– Врун ты, ох, врун.

– Чья бы корова мычала...

– Люсик, я ведь женщина. Заметь – свободная женщина. Я не вру, а фантазирую.

– Твои фантазии чересчур реальны.

– Нет, точно ревнуешь. Я польщена. Люсик, пойдем в постель. Клянусь, я искуплю свою вину.

– О-о, в этом я ни капельки не сомневаюсь.

И они дружно расхохотались, довольные друг другом...

Утром Саюшкин едва поднялся. Болело все тело – будто его ночь напролет черти колошматили. Быстро перекусив, он достал из своего "тайника" в квартире Виолетты героин и отсыпал немного порошка в пластиковый мешочек. Подручные Микиты обшмонали Леху капитально, и он снова остался без денег. Виолетта даже в постели не забыла ему напомнить, – словно ненароком – что пора бы и честь знать. Бесплатная любовь тоже денег стоит, и чаще всего гораздо больших, нежели продажная. Саюшкин это прекрасно понимал, а потому на Жужу не обижался.

Он направился по уже знакомому адресу, на квартиру Косичкиных. Последние события, как это ни странно, добавили Лехе не опасений за свою жизнь, а храбрости. Теперь он шел по улицам почти спокойно, только старался по возможности смешаться толпой.

Дверь квартиры Косичкиных снова была не заперта. Саюшкин храбро переступил порог и сразу же прошел на кухню. Тонька сидела возле плиты и тихо, без слез, скулила. Ее глаза были пусты и темны, без единого проблеска живой мысли.

– Антонина! – позвал ее Леха.

Ноль внимания.

– Тонька!!! – гаркнул вор и с силой тряхнул женщину за плечо.

Она очень медленно повернула к нему лицо и сказала:

– А, это ты, Алик...

– Я. Где Гера?

– Он ушел...

Саюшкин про себя тихо выругался – не было печали; как теперь искать Бабулю?

– Давно?

– Ночью.

– А когда вернется?

– Никогда.

– Вы что, развелись!? – удивился Леха.

– Нет.

– Извини – не врубаюсь. Куда он ушел?

– Туда, – показала Тонька на потолок.

– Гера умер!? – наконец догадался Саюшкин.

– Да. Умер.

И она снова заскулила, как побитая собака, совершенно не обращая внимания на Леху, смущенного такой печальной новостью.

Саюшкин, потоптавшись на месте, все-таки решился пройти в гостиную. Там он увидел Геру, который лежал на полу со сложенными на груди руками. Он был в джинсах и чистой рубашке в крупную клетку. Рядом, в пол-литровой банке, стояла зажженная свеча.

– Вот незадача, – пробормотал опечаленный Леха. – Царство ему небесное...

Неловко перекрестившись, он возвратился на кухню. Нужно было что-то предпринимать, но что именно, Саюшкин не знал. Положение сложилось – хуже некуда. Героин жег карман, а толку? Как найти этого сукиного сына Бабулю с его мощной?

– Закрой рот и послушай! – грубо сказал он воющей Тоньке. – Дело есть. У меня имеется героин, нужно толкнуть. И тебе кое-что обломится. Если поможешь.

Слово "героин" оказалось для Тоньки выключателем, который убрал звук. Она прекратила скулеж и посмотрела на Леху совершенно осмысленно.

– Сколько дашь? – деловито спросила Тонька.

– Две дозы.

– Пять.

– Ладно. Учитывая горестные обстоятельства... – Он бросил выразительный взгляд в сторону гостиной, где лежал покойник. – Получишь пять.

– Что я должна сделать?

– Мне нужен Бабуля. Срочно. Может, тебе известен его адрес? Бабуля говорил, что Гера знает, где его искать.

– Гера, может быть, и знал. Ну, а я... если, конечно, удастся вспомнить...

Видно было, что Тонька сожалеет о своей опрометчивости; похоже, она сообразила, что за информацию о местонахождении Бабули можно было запросить и более высокую цену.

– А ты вспомни. Иначе я, как говаривал партайгеноссе Ульянов-Ленин, пойду другим путем, – безжалостно отчеканил Саюшкин. – И тогда героина тебе не видать как собственных ушей.

– У Геры есть записная книжка. Я сейчас...

Тонька скоренько подхватила и, переваливаясь словно утка с туго набитым зобом, пошла в спальню. Вскоре она вернулась и протянула Лехе несколько сложенных вчетверо и разрезанных тетрадных листков, только без обложки, которые были сшиты с одной стороны черными нитками.

– Вот, – сказала Тонька с тоскливой покорностью. – На пятой странице. Но там только номер телефона.

– Этого вполне достаточно... – Саюшкин, не долго думая, вырвал нужный листок и положил его в нагрудный карман. – Соболезную, – сказал он, изобразив скорбь. – Все, я пошел. Пока.

– Постой! – Тонька цепко схватила его за рукав. – А где обещанное?

– Извини. Чуть не забыл. Дай ложку...

Отвернувшись, чтобы Тонька не видела его манипуляций, он на глазок зачерпнул ложкой героин прямо из пакета и отдал несчастной. Ее потухший взгляд засветился алчностью, она бережно взяла наполненную ложку и высыпала порошок на блюдечко. Тонька мгновенно определила, что там было несколько больше, чем пять доз, потому она поторопилась заслонить свое нечаянное "сокровище" телом – чтобы Саюшкин, случаем, не передумал и не отнял лишнее, а то и все.

– Ты тут не плачь, а сходи к соседям, – посоветовал Леха. – Они помогут с похоронами. Я, к сожалению, пока пустой. А вообще лучше бы тебе завязать с этим делом. Подлечиться.

Иначе скоро пойдешь вдогонку за Герой.

Тонька ничего не ответила, только горестно потупилась...

Бабуля жил с родителями в самом центре, неподалеку от Троицкой площади. Дом был из престижных, потому Саюшкин весь издергался, пока миновал припаркованные возле здания дорогие импортные машины. Практически возле каждой из них торчал или шофер, или охранник, провожавшие его острыми подозрительными взглядами. Леха позвонил Бабуле из автомата и тот сонным голосом сказал, что выходить на улицу ему лень, а потому сделка состоится у него на квартире, благо предки в отъезде.

Миновав вооруженного мента-консьержа, который уже получил соответствующие указания, он поднялся на нужный этаж и минуты три торчал у двери квартиры, пока, наконец, она не отворилась и на пороге не появилась тощая, неприятно белая фигура Бабули в одних "семейных" трусах. Саюшкин узнал его с трудом. Заросшая юношеским пушком физиономия наркомана была опухшей и перекошенной, руки дрожали, а на груди виднелись глубокие царапины. Похоже, у Бабуля была "ночь любви".

Сторговались быстро. Получив деньги, довольный и почти счастливый Леха поторопился покинуть жилище Бабули, которое походило на мини-музей – так много было в нем всякого антикварного барахла и картин. Уже в лифте он с сожалением подумал, что выбрал не ту воровскую профессию. Одна такая квартира могла обеспечить ему безбедное существование как минимум год.

Он уже свернул в пустынный переулок, когда его остановили трое попрошайек-беспризорников – два пацана и девочка.

– Дяденька, дайте копеечку, – заныла девчушка, старательно выжимая из себя слезу. – Мамка померла, батя пьет, кушать нечего... Дайте копеечку на хлеб. Дяденька...

Не отличавшийся особой сердобольностью, Леха все еще пребывал в состоянии эйфории от удачной сделки, а потому сразу полез в карман за деньгами. Эти несчастные голодные дети вызвали у него приступ умиления, и вор на какое-то время забыл об осторожности, уже вошедшей в привычку.

Все дальнейшее произошло так быстро, что он не успел опомниться, как очутился распростертым на земле. Пока Саюшкин искал червонец, пытался на ощупь определить достоинство купюры, – показывать все деньги беспризорным огольцам не хотелось – один из пацанов зашел ему за спину и присел на корточки, а второй резким и сильным движением толкнул его в грудь. Беспомощно взмахнув руками, Леха шлепнулся на мостовую словно куль.

Подняться ему не дали. Один из пацанов приставил к горлу Саюшкина остро отточенное лезвие складного ножа, а второй вынул пистолет и, нехорошо ухмыляясь, нацелил его прямо в лоб вора.

– Лежи тихо, – с угрозой сказала девчушка. – Иначе тебе хана.

Теперь она уже не выглядела робкой и беспомощной. Встретившись с нею глазами, Леха невольно содрогнулся – столько в них было совсем не детской беспощадной жестокости.

Долго прохлаждаться на земле ему не дали. Спустя некоторое время к ним подъехала "мазда" с затемненными стеклами, дюжие молодцы залепили ему клейкой лентой рот,

связали руки и, запихнув в багажник, повезли Леху в неизвестном направлении.

Глава 23

Врач-реаниматор встретил Артема как доброго приятеля.

– А у меня есть, чем вас обрадовать, – заявил он, крепко пожимая руку майора. – Состояние больной стабилизировалось, и уже можно в какой-то мере гарантировать, что летальный исход ей не грозит.

– С нею можно побеседовать?

– Не вижу препятствий. Между прочим, она уже спрашивала о вас. Как только очнулась, так сразу и начала требовать майора Чистякова.

Врач с хитрецей ухмыльнулся.

– Да, – ответил ему Артем, стараясь не обращать внимания на некий подтекст, прозвучавший в словах врача, – нам действительно есть, о чем поговорить.

– Вы так и не нашли тех, кто над нею поизмывался?

– Увы... – хмуро буркнул майор. – Но я их все равно достану.

– Пиа дэзидэриа.

– Не понял...

– В переводе – благие пожелания. Это латынь. Сейчас столько всякого дерьма расплодилось, что никакой милиции не хватит, чтобы с ним разобраться.

– С Гольцовой не тот случай, – раздраженно отрубил Артем. – Во всем мире сотрудники правоохранительных органов очень не любят, когда покушаются на жизнь их товарищей.

Мы не исключение.

– Корпоративная солидарность?

– Называйте как угодно. Но те, кто издевались над капитаном Гольцовой, от расплаты не уйдут. Уж я постараюсь.

– А вы упрямый...

– Таким уродился, – ответил майор и поторопился повернуть разговор в иное русло: – Она по-прежнему в реанимации?

– Хочу поддержать ее там еще два-три дня. На всякий пожарный случай.

– Тогда я, пожалуй, пойду к ней. Время...

– Наденьте халат и марлевую маску. Так принято.

– Слушаюсь, – дружелюбно улыбнулся Артем, которому вовсе не хотелось портить отношений с этим добродушным здоровяком. – Сколько вы отмерите мне времени на разговор?

– Думаю, минут пять, не более. Она еще очень слаба. Ежели что, я буду поблизости.

Постарайтесь не подвергать ее излишним эмоциям. Плохие новости придержите до выздоровления.

Гольцова показалась ему подростком. Она очень похудела, и теперь ее глаза были не просто большими, а огромными. Острая жалость вонзила в сердце майора острый шип, но он постарался не выдать своего волнения.

– Вы... – Гольцова не сказала, а выдохнула это слово; ее чистые прозрачные глаза увлажнились, и в них мелькнула тень.

– Здравствуйте. Вот... пришел... – Несколько смущенный Артем поставил на тумбочку возле кровати пакет с соками и виноградом. – Тут наши ребята гостинец передали.

Желают скорейшего выздоровления.

– Спасибо... – Ему показалось, что бледные щеки девушки порозовели. – Простите, мне нужно было сразу доложить...

– Марина Викторовна, ради Бога, не волнуйтесь. Думаю, сейчас это не главное.

– Нет, я должна! – Она болезненно покривилась. – Должна все рассказать.

– Я вас слушаю. Только не торопитесь и говорите саму суть. Вы еще слишком слабы. А мне очень хочется, чтобы вы как можно скорее выздоровели и вернулись в отдел.

– Я постараюсь.

Ее взгляд почему-то смутил майора и он, отвернувшись, прокашлялся.

– Не буду рассказывать в деталях, как я на них вышла. Это не суть важно... – Гольцова судорожно сглотнула. – Когда смогу держать в руках перо, опишу все детально. Но все это так ужасно... Я просто не могла поверить. Предположения были, но чтобы так...

По ее щеке медленно скатилась крупная слеза.

– Марина, возьмите себя в руки. Пожалуйста, – взмолился Артем. – Кто на вас напал? Как и где их можно найти?

– Это беспризорники, Артем Александрович. Подростки, дети... Как я и говорила ранее... – Она старалась говорить внятно, но временами сбивалась на шепот. – На вокзале бомжи показали мне девочку... ей не более тринадцати лет. Может, немного старше... Мне сказали, что она верховодит среди себе подобных. Я не очень этому поверила, но решила пойти с нею на контакт. Она показалась мне довольно милым, непосредственным существом. Девочка охотно отвечала на мои вопросы. Я сразу про себя отметила, что она не по-детски умна и практична. Мне пришлось угостить ее обедом... В общем, я старалась завоевать доверие. В конечном итоге она пообещала свести меня со своими приятелями, которые могут мне помочь отыскать кого-нибудь из "возвращенцев". Помните?

– Конечно. Я не забыл. Это бездомные дети, которых, по вашей версии, кто-то психологически обрабатывает, готовя из них преступников.

– Да. И я купилась... как пацанка. Стыдно! Не разглядела... Эта маленькая мерзавка оказалась настолько хитрой, что запросто обвела меня вокруг пальца. А потом... – Девушка вздрогнула и прикусила нижнюю губу.

– Позвать врача? – обеспокоено спросил Артем.

– Не нужно. Я сейчас... – Она перевела дух. – Мы пошли к пакгаузу, где стоят списанные вагоны. Уже темнело. Там нас ожидали два подростка. Они встретили меня, приветливо улыбаясь. Эдакие добрые, милые мальчики... – На ее лице появилась гримаса ужаса и отвращения. – Затем все произошло так быстро, что я не успела опомниться. Они набросились на меня, как волки. Все трое. Сбили с ног, забрали пистолет. Я ведь тоже не из слабых, занималась дзюдо... и вообще, могу постоять за себя. Но против них я оказалась бессильной. К тому же меня ударили по голове, и я на некоторое время отключилась...

Казалось, девушка вот-вот потеряет сознание. Однако, заметив движение майора, – он уже вознамерился вскочить, чтобы позвать доктора – она неожиданно окрепшим голосом сказала:

– Нет! Я уже заканчиваю. Я очнулась привязанной за руки к железной перекладине... и почти без одежды. – Девушка на миг прикрыла глаза. – В рот мне запихнули какую-то тряпку – чтобы не было слышно криков. А потом... потом они начали хладнокровно резать меня ножами. Боль была адской, но сознание почему-то меня не покидало. Понимаете, они делали это с какой-то мрачной, изуверской сосредоточенностью – будто упражнялись на куске мяса. И самое невероятное: подростками руководила девочка!

– Они что– либо спрашивали?

– В том-то и дело, что мне не задали ни одного вопроса! Такое впечатление, что я для них не существовала. Как человек. Просто перед ними находился... некий спортивный тренировочный снаряд, который они, как прилежные ученики, должны были обработать соответствующим образом.

– Свои имена, фамилии, может, клички они случаем не называли?

– Нет. Подростки орудовали в основном молча. Только скалились как хищные зверьки.

Похоже, им нравились меня истязать. Лишь девочка иногда говорила им про какие-то точки... будто консультировала. Я слабо помню эти моменты.

– Точки? Не слабо... Да-а, вот так компот... – Мрачный майор пытался разобраться в информации, полученной от Гольцовой. – Но они вас не убили, хотя, по идее, должны были. Почему?

– Их спугнули. Шли какие-то люди, скорее всего, бригада ремонтников. Я слышала разговор. Но рабочие свернули в другую сторону. Потом я, как мне кажется, потеряла сознание... а когда очнулась, то уже лежала на земле в окружении бомжей. Все это помнится мне очень смутно, словно сон.

– Все верно, вас нашли бомжи. Кто-то из них позвал патрульных, но после разыскать ваших спасителей не удалось. Что, в общем, немудрено – бомжи относятся к милиции с вполне понятным недоверием и боязнью. Тем более такая ситуация...

– Они решили, что их могут сделать козлами отпущения...

– Здесь не тот случай, но неприятности они могли себе нажить. Запросто. И большие.

Вообще у бомжей не принято вмешиваться в такие разборки, но, похоже, среди них нашлись сердобольные люди, еще не потерявшие человеческий облик. Вам здорово повезло, Марина.

– Да уж... – с горечью сказала девушка. – Это же нужно быть такой дурой...

– Не казните себя. Вины вашей я не вижу. На такой крючок мог пойматься любой оперативник. Взрослые всегда чувствуют свое превосходство перед подростками и нередко утрачивают бдительность. вспомните, сколько было случаев, когда пацаны сбивали с ног крепких сильных мужчин, чтобы раздеть их до белья и отобрать деньги и другие ценности. Не перечить. Свора есть свора. Для нас поднять руку на ребенка кажется дикостью. И это верно. Но на этом и строится весь расчет. Внезапность нападения и неготовность взрослого к схватке по вполне понятным причинам деморализуют жертву.

– Мне от этого не легче. Я ведь профессионал. И просто обязана была предвидеть случившееся. Тем более что у меня уже был кое-какой материал. Ах, как все получилось глупо и бездарно!

– Не казнитесь, Марина Викторовна. Все мы попадали в глупейшие ситуации. Уж поверьте мне.

– И вы тоже?

– Вот поправитесь, мы с вами встретимся, попьем чайку, и я вам кое-что порасскажу. Но не все, сразу предупреждаю! Иначе сразу потеряю в ваших глазах весь свой авторитет.

– Ловлю вас на слове. – На ее осунувшемся лице впервые за все время разговора появилась робкая улыбка. – И только попробуйте сослаться на занятость.

– Намекаете на нашу последнюю встречу? – рассмеялся Артем. – Честное пионерское, искуплю свою вину. Вы только выздоравливайте побыстрее. За витамины, – он указал на пакет, – я ручаюсь. Остальное – за вами. Крепитесь.

– Креплюсь... – Она устало откинулась на подушку. – Голова немного кружится...

– И последнее... – Майор достал из нагрудного кармана три снимка. – Взгляните.

Это были рисунки художника Салтыкова, изобразившего странных беспризорников – двух мальчиков и девочку, которые крутились возле светофора во время убийства мэра на Трицкой площади.

Гольцова посмотрела – и слабо вскрикнула.

– Вы... вы уже нашли их!? – спросила она внезапно осипшим голосом.

– Это те самые?

– Они... – Девушка присмотрелась внимательней. – Как будто они. Девочка здесь выглядит несколько старше. Очень похожие.

– И все-таки – да или нет?

– Да, – твердо сказала Гольцова. – Значит, вы разыскали...

– Должен вас огорчить. Пока нет. Людей маловато. Не справляемся. Но теперь все изменится. Их будут искать все наши службы. Оснований для этого уже вполне достаточно. И самое главное: думаю эти, с позволения сказать, "детки" еще в городе.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Благодаря вашей информации уже связались кое-какие концы. – Лицо Артема горело вдохновением.

– Какие именно?

– Ах, это женское любопытство! – Майор шутливо погрозил девушке пальцем. – Я зайду к вам завтра... или послезавтра и приоткрою завесу тайны. Ведь нельзя же сразу выкладывать все карты на стол. Иначе вам будет просто неинтересно со мной разговаривать. Скажу только, что вы свое задание выполнили. Это те беспризорники-попрошайки, которых видели под дверью квартиры Завидонова в день его убийства.

Сегодня утром по этим рисункам их опознали соседи убитого. Так что до встречи.

– Я буду вас ждать...

Лоб девушки покрылся испариной. Позади слышались шаги и к ним подошел врач. Он как будто почуял состояние своей подопечной.

– Вам пора, – решительно сказал он Артему. – Лимит времени давно исчерпан.

– До свидания, Марина... Викторовна. Выздоровливайте.

Она вымученно улыбнулась в ответ и беззвучно шевельнула губами.

– Все, все! Уходите быстрее. Она очень устала. Сестра! – нажав на кнопку вызова, пророкотал в микрофон своим бацищем врач. – Срочно систему и... – Он начал перечислять какие-то лекарства.

Выйдя в коридор, Артем остановился, весь в плену несколько сумбурных мыслей. Мимо торопливо прошагала молоденькая медсестра с капельницей и бутылками физраствора.

Она посмотрела на него с нескрываемым интересом и скрылась за дверью реанимационного отделения. Артем, поймав себя на мысли, что все-таки не удержался и по мужской привычке оценивающе осмотрел ее снизу доверху, зацепившись за стройные загорелые ножки, осуждающе фыркнул в свой адрес и поспешил покинуть больницу.

Глава 24

Саюшкин был скорее мертв, чем жив. Отчаяние напрочь лишило его и здравого смысла, и обычной воровской изворотливости, которая всегда помогала ему найти выход из любого положения. Он попадал в разные, нередко очень опасные, передряги, но в такую – впервые.

Леха полностью отдавал себе отчет в том, что сейчас он едет в последний свой путь на этой земле. Саюшкин был уверен на все сто процентов, что его схватили наркоторговцы, хозяева украденного героина. Даже если он отдаст им свою добычу, живым его не выпустят. Такой же исход ему светит, если он будет все отрицать.

Извиваясь, словно червь, в темном грохочущем багажнике "мазды", Леха утробно выл, и крупные слезы обильно орошали и сумку с инструментами, которая больно била по скуле, и какие-то тряпки, и его одежду. Не будь клейкой ленты, сковавшей челюсти и позволяющей лишь мычать, он бы вопил не переставая. Ужас высушил мозги до состояния трухи, и все его движения были скорее произвольными, конвульсивными, нежели осознанными. Леха бился внутри своего жестяного узилища, словно птица в силках.

Ехали долго. Постепенно Саюшкин обессилел и почти успокоился. На смену смертному ужасу пришло тупое безразличие. Он начал смотреть на происходящее как бы со стороны, глупо удивляясь с какой такой стати его угораздило очутиться в багажнике автомобиля.

Леха будто напрочь забыл все предшествующие события. Мало того, ему стало казаться, что все это с ним уже происходило и теперь он просто видит дурной сон.

Через какое-то время "мазда" съехала с асфальта и добрый час передвигалась по грунтовой дороге, судя по въедливой мелкой пыли, проникающей даже в хорошо герметизированный багажник новой машины.

Наконец "мазда" остановилась, и Леху извлекли на свет ясный. К этому времени его блаженное состояние начало постепенно трансформироваться в некий симбиоз, состоящий из страха за свою жизнь, упрямства, жадности и фатализма. Саюшкин настолько пришел в себя, что едва ощутил под ногами твердую землю, сразу же начал строить планы побега.

Но увиденное мало располагало к оптимизму. Машина стояла во дворе двухэтажного загородного дома или сельскохозяйственной усадьбы; нет, скорее фермерского хозяйства, если судить по навесу, под которым стоял трактор "Беларусь", автомобильный прицеп, плуги и какие-то неизвестные Лехе агрегаты, находившиеся в идеальном состоянии, что для колхоза не характерно.

Двор окружала высокая дощатая изгородь, в которой не было ни единой щели. Поверх нее вилась новенькая колючая проволока, закрепленная на электроизоляторах. Видимо, по "колючке" был пропущен ток.

Саюшкина повели к добротному амбару, расположенному в глубине двора, сбоку от двухэтажного дома. Там же находился вольер, в котором бесновались три огромные кавказские овчарки. Лехе, немало перевидавшему на своем веку четвероногих друзей человека, стало не по себе, когда он увидел налитые злобой глаза этих зверюг. Такие разорвут, не успеешь и ахнуть, подумал вор. Уж он-то в собаках разбирался...

Его определили в каморку, очень похожую на тюремный карцер; только стены в ней были деревянными. Маленькое зарешеченное окошко пропускало немного света, и Саюшкин увидел под одной из стен старый матрац. У двери он рассмотрел пустое ведро с деревянной крышкой, исполняющее роль парашюта, а на низком табурете стояла алюминиевая кружка, и лежал закаменевший сухарь. Похоже, Леха был не первым и не последним узником этой "сельскохозяйственной" тюрьмы.

Ему развязали руки и грубо сорвали с лица клейкую ленту. Конвоир – бык с угрюмым прыщавым лицом – коротко, без замаха, ткнул Лехе под ребра своим чугунным кулачищем и сказал:

– Веди себя тихо. Чтобы ни гу-гу. Иначе выбью тебе все зубы и загоню в глотку деревянный кляп.

– 3-за что-о?.. – заикаясь, едва вытолкнул из себя слова Саюшкин.

Лехе очень хотелось в этот момент заплакать (удар был сильным и в самое больное место – почти подмышку), но резервуар со слезами уже был опустошен.

– За то и за это. – Бык вдруг осклабился; наверное, ему понравилась его нечаянная "мудрая" фраза. – Все, ложись и нишкни. И смотри тут не нагадь на пол. Заставлю языком вылизывать.

Он ушел. Громыкнул засов и в каморке воцарилась напряженная и странная для Саюшкина тишина. После поездки в грохочущем багажнике ему казалось, что уши заткнуты ватой.

Леха бесцельно обошел свою камеру, в уме считая количество шагов. Выходило на то, что размер каморки были где-то два на три метра. Пощупав стены, вор убедился в их

добротности. Амбар был сложен из деревянного бруса и совсем недавно, от силы тричетыре года назад.

Подставив табурет, Саюшкин попробовал на прочность и решетку. Но ее мог разломать разве что былинный богатырь Илья Муромец. В окошко виднелась часть второго этажа дома. Из раскрытого окна доносились звуки музыки – что-то современное – и слышался звон бокалов. Видимо, там шло застолье.

Значит, меня оставили на десерт, с горечью подумал Саюшкин. Хозяин не хочет прерывать обед из-за такой ничтожной личности, как собачий вор. Скорее всего, "беседа" с Лехой должна происходить без лишних глаз и ушей.

А, судя по голосам, в доме были гости. Притом, достаточно крутые: только теперь вор из своего окошка заметил "мерседес", "вольво" и "джип", стоявшие в тени деревьев минипарка с фонтанчиком и каменным японским садом. Возле машин горделиво расхаживали павлины, а на одном из камней лежал, греясь на неярком солнышке, диковинной породы кот.

Совсем упавший духом Саюшкин лег на матрац и попытался сосредоточиться. Он пока не видел ни единой возможности убежать из этой тюрьмы, а значит, ему предстояло вынести такие муки, о которых даже страшно помыслить. Немало повидавший на своем веку всяких мерзостей, Леха совершенно не сомневался, что полное откровение с его стороны вовсе не будет обозначать полное прощение. Он попал под каток, которому все равно кого и за что расплющить.

Оставалось единственное – все отрицать. И врать напрапалую. Но врать с умом, не опускаясь до откровенной примитивной лжи. Жизнь можно спасти только в одном случае – если наркоторговцы убедятся, что они ошиблись и взяли не того, кого следует. Надежда была очень слабая, но иного варианта у вора просто не имелось...

За ним пришли вечером. Все то же прыщавое мурло отворило дверь каморки и без лишних слов потащило его в дом. Хватка у быка оказалась настолько крепкой, что левую руку, за которую тот держал Леху, почти парализовало. Саюшкин едва не застонал от боли, а конвоир, имеющий достаточно точное представление о своей силе, только нехорошо ослабил.

Собрав волю в кулак и решив, что эта боль лишь цветочки, вор со злостью посмотрел прямо в пепельно-тусклые зенки быка и криво, с вызовом, ухмыльнулся. Похоже, тот несколько опешил от такой наглости, и хват чуток ослаб.

В доме Саюшкина ждали двое. Один из них был низкоросл, широкоплеч, кривоног, с физиономией Иванушки-дурака – белобрысой, веснушчатой и толстогубой.

Второй – судя по манерам, босс – смахивал на испанца. Его густые и черные, как вороново крыло, волосы были тщательно зачесаны назад и казались набриолиненными. Живое, очень смуглое лицо с хищным носом, неискушенному наблюдателю могло показаться даже красивым, но нервный тик, время от времени искажающий довольно правильные его черты, на считанные мгновения приоткрывал внутреннюю сущность босса, от которой мороз пробежал по коже.

Небрежным жестом отправив быка восвояси, смуглый с наигранной озабоченностью спросил:

– Вас не ушибли?

– Нет, – буркнул Леха, озадаченный такой мягкостью.

А может, он ошибся, посчитав, что его схватили наркоторговцы, хозяева героина? Может, его с кем-то перепутали? Саюшкин несколько приободрился.

– Присаживайтесь, – любезно предложил смуглый и указал на стул.

Белобрысый загадочно ослабился и закурил. Сигарета в его больших толстых губах казалась пустышкой. От его улыбки Лехе почему-то стало муторно.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Саюшкин.

Он не стал спрашивать, что да почему, – сидел, стараясь излучать подобострашие и готовность выполнить любое желание босса. Любые вопросы с его стороны в такой компании считались бы наглостью, а потому Леха благоразумно помалкивал.

Смуглый встал и прошелся по комнате. Саюшкина привели в гостиную на втором этаже – большую, квадратную, с окнами в парк. Она была обставлена небогато, но солидно. На небольшом столике высилась целая батарея бутылок со спиртным. Там же стояли стаканы и ведро со льдом. Наверное, смуглый и белобрысый продолжали возлияния и после ухода гостей. При виде такого изобилия у Лехи слюнки потекли. Он никогда не отличался большими пристрастиями к выпивке, но сейчас ему очень хотелось употребить полный стакан чего-нибудь покрепче.

– У нас не так много времени... – Смуглый посмотрел на часы. – А потому – к делу.

От его острого пронзительного взгляда Саюшкину стало не по себе. Вор покорно кивнул, одновременно изображая боязнь и недоумение.

– К нам обратились люди, которые кое-что потеряли, – между тем продолжал смуглый, – и есть предположение, что именно вы приложили к этому свою руку.

– Извините... я н-не понимаю о ч-чем речь... – Лехе даже не нужно было прикидываться испуганным до крайности – голос и так дрожал.

Сомнений уже не оставалось – он влип. И сейчас для него наступил момент истины, когда придется бросить в бой все свои психофизические резервы. Притом, без малейшей надежды на победу. Страх, словно чудовище из морских глубин, поднялся на поверхность души, и снова канул в бездну, чтобы притаиться там до поры до времени – огромным усилием воли было запаниковавший Саюшкин заставил себя собраться и включить в работу не только инстинкты, но и мозги.

– Конечно, – согласно кивнул босс. – Этого и следовало ожидать. Вначале следует запереться и откровенная ложь, потом вынужденное признание, а затем... – Он неожиданно свирепо оскалился. – Затем окровавленный кусок мяса, который был лжецом, оказывается на два метра ниже уровня земли. Как это все знакомо, не правда ли, Марлик?[5]

Белобрысый растянул свои губищи до ушей и согласно кивнул. Сейчас он казался воплощением добродушия. Но у Лехи все будто оборвалось внутри.

Вор был слышан о Марлике. Но видеть его до сих пор не приходилось. Среди деловых Марлик считался одним из самых жестоких. Он мог подрезать человека проходя, за какуюнибудь малость. Даже за не понравившийся ему взгляд. В воровской среде к Марлику относились с презрением, но поперек пути предпочитали не становиться. Он всегда был изгоем, который кормился из рук братвы.

Правда, к какой-то определенной группировке Марлик не принадлежал. Его приглашали на разборки, когда требовалась большая сила и решительность. (Это было давненько, в те времена, когда начали создаваться первые "пирамиды"). Марлик запросто мог расшвырять в

разные стороны двух-трех быков и с невинной ухмылочкой воткнуть "перо" в бок убаюканному его речами собеседнику, который даже не мог представить себе нечто подобное. С виду глуповатый, он мог обхитрить кого угодно. И все же стать очень большим негодяем ему не светило – Марлику мешал его чересчур горячий, необузданный нрав.

Свое прозвище Марлик получил еще в детстве. Он был любителем играть в "орлянку", но из-за патологической жадности на кон больше десяти копеек не ставил. Когда началась перестройка, повзрослевший Марлик примкнул к команде наперсточников, где выполнял роль охранника. Из-за чего и схлопотал свою первую ходку в зону, пырнув ножом обмшленного клиента, задумавшего качать права.

По выходу на свободу Марлик примкнул к рэкетирам, однако долго в этой компании не задержался. Обладая взрывным неуступчивым характером, он умудрился перессориться почти со всеми подельниками по криминальному бизнесу, а на прощание избил до полусмерти бригадира.

Этот случай братва замаяла, но за решетку он все-таки попал. Спустя полгода его сдали милиции "коллеги", с которыми он выколачивал долги и собирал дань. Марлика взяли на квартире с пистолетом и на хорошем подпитии. Не будь он в невменяемом состоянии, милиции пришлось бы очень туго. Влиятельного, имеющего связи, покровителя у него в ту пору не было, поэтому Марлика опять посадили.

Из рассказов знакомых воров Лехе было известно, что в зоне Марлик считался настоящим несчастьем. Его не смогли сломить ни карцер, ни пахан колонии со всеми своими подручными. Наверное, он так и сгинул бы за колючей проволокой из-за строптивости, но вмешался какой-то вор "в законе", имеющий большой авторитет, и Марлика освободили раньше положенного срока. Видимо, он кому-то очень понадобился.

С той поры о нем будто забыли. Марлик нигде не светился, вел себя на удивление тихо и прилежно. Чем он занимался, никто не знал. Не было известно и под кем он ходит. Но жил Марлик на широкую ногу, ездил на престижных иномарках и даже женился на красотке, выше его на голову.

– Простите, но я действительно не имею ни малейшего понятия, по какой причине меня сюда привезли. – Леха дрожал как осиновый лист. – Я не собираюсь ни запираяться, ни лгать. Я человек маленький, зачем мне неприятности?

– Грамотно щебечет, а, Марлик? – снисходительно ухмыльнулся смуглый.

– Образованный... – наконец вступил в разговор и белобрысый.

И столько яду и злобы было в его негромком голосе, что Саюшкин даже голову втянул в плечи, будто ожидая оплеуху.

– Значит, вам непонятно о чем идет речь, – с расстановкой произнес смуглый, глядя на вора с интересом естествоиспытателя, рассматривающего наколотого на булавку жука. – Ладно, уточним формулировку. У нас есть веские основания предполагать, что к вам, любезный, уж не знаю каким образом, попала партия порошка. Нет, не стирального, а того самого, который очень дорого стоит. Уверен, что у вас он оказался совершенно случайно.

Порошок принадлежит нашим добрым приятелям, которые попросили нас оказать помощь в розыске. Поэтому у меня есть предложение, на мой взгляд, устраивающее все три стороны.

Он умолк и выжидательно посмотрел на Леху. Но вор тарачил на него глаза с таким глупым видом, что смуглый с отвращением отвернулся, подошел к столику со спиртным, налил себе рюмку коньяка и одним глотком выпил.

– Товарищ не понимает, – произнес он с нажимом известную и судьбоносную фразу, некогда бытовавшую в советских партийных кругах.

Видимо, Марлик принял его слова как призыв к действию. Он поднялся и вразвалку направился к Саюшкину. Вор непроизвольно втянул голову в плечи.

– Но мы его поправим, – продолжил смуглый, взглядом остановив Марлика.

Тот недовольно насупился, потоптался на месте, разочарованно вздохнул и повернул к столику, где налил себе вина. Отхлебнув немного, Марлик с бокалом в руках подошел к окну и стал, привалившись к подоконнику.

Смуглый нажал на кнопку мобильного переговорного устройства:

– Серый! Давай сюда клиента.

Спустя некоторое время в гостиной появился уже знакомый Лехе бык. Он едва не волоком тащил длинного парня, у которого почему-то подгибались ноги. Лохматая голова долговязого была опущена на грудь и болталась как у тряпичной куклы. Саюшкин видел входную дверь краем глаза, так как сидел к ней боком, а потому поначалу не узнал, кого привел Серый – если так кликали быка.

– Мы разузнали о твоей жизни все. – Смуглый перешел на "ты". – Ну, ладно, скажем так – почти все. О тебе неплохо отзываются. Пусть это звучит нелепо, но ты честный вор. С ментами не якшался, не шестерил, друзей не закладывал. Но и не сидел. – Он с многозначительным видом поднял указательный палец вверх. – Что указывает не только на удачливость, но и на хитрость. Ты большой хитрец... Алик. Так что позволь не поверить тебе на слово.

Алик?! Откуда ему известно это имя!? Ведь его так кликали только... да, только Косичкины.

Однако собраться с мыслями Леха не успел. Смуглый резко приказал "быку":

– Посади это дерьмо куда-нибудь! И выметайся.

Серый поторопился исполнить приказание. Саюшкин невольно посмотрел в его сторону – и едва не проглотил язык. На низкой софе у двери, качаясь со стороны в сторону, как китайский болванчик, сидел Бабуля!

Глава 25

В управлении поднимала волны очередная комиссия из области, и Артем ждал, чтобы доложиться Леонидову, битых два часа. Когда он, наконец, вошел в кабинет шефа, тот был словно выжатый лимон – через каждую минуту вытирал пот со лба и стаканами пил минералку.

– Нет, точно не дотяну до пенсии. Выгонят на хрен как старого пса, – жаловался он майору, суетливо перебирая бумаги на столе. – Проверяли регистрацию преступлений, а у нас сам знаешь какая картина...

Да, Артем знал. Работай отдел точно по инструкции, не раскрученные дела – "глухари" – просто сломали бы хребты всем оперативникам. Вал шел такой, что сил хватало лишь на действительно серьезные разработки. На разную мелочевку нередко закрывали глаза или

спускали на тормозах.

- Наверху опять намечаются перестановки, – опасно понизив голос, продолжал полковник.
- Что теперь будет, сам аллах не ведает.

Майор отлично понимал шефа. Новая метла по-новому метет. Привыкание к новому начальству всегда связано с определенными неудобствами и сложностями. Хорошо если в высокое кресло садился настоящий профессионал, который не понаслышке знал про оперативную работу.

Но чаще всего погоны с большими звездами почему-то крепились не на те плечи, и руководителем становился политический интриган, который в угоду сиюминутной выгоде мог наломать дров целый воз и маленькую тележку. Сколько классных парней ушло по этой причине из органов – не перечить.

- Нам не привыкать, – уклончиво ответил Артем.

Пожалуй, Леонидов был единственным человеком в управлении, с кем майор мог обсуждать любые темы без опасений, что его слова могут быть неправильно истолкованными или попадут в чужие уши. Они не были друзьями. Когда-то Петр Каллистратович выступал в роли няньки, направляя первые шаги молодого опера на сыщицком поприще. Так случилось, что однажды зеленый юнец спас жизнь старому оперативнику. И с той поры у них установились доверительные отношения, однако, не переходящие в панибратство.

- Не привыкать, – уныло кивнул полковник, – ломовой лошади к кнуту... Ладно, поплакался в жилетку – и будет. Рассказывай, что там у тебя.

- Ситуация несколько прояснилась, но сил маловато. Мне нужны люди, Петр Каллистратович.

- Старая песня... – поморщился Пека. – По-моему, у тебя их вполне достаточно.

- Все равно не хватает. А в свете новых обстоятельств – и подавно.

- И что это за обстоятельства?

- Удалось установить лиц, участвующих в нападении на капитана Гольцову.

- Говори.

По лицу Леонидова нельзя было понять, доволен он заявлением майора или до него не дошел смысл сказанного. Он сидел, как в воду опущенный, глядя куда-то в сторону. "Ну, достали мужика..." – подумал с сочувствием Артем.

Когда майор закончил доклад, Петр Каллистратович спросил:

- И ты веришь, что дети способны на такое? Это прямо-таки диверсанты. Американские зеленые береты. Дети спецназовского полка. Возможно, Гольцова еще в шоке...

- По поводу веры – тут вы в самую точку. Не хочется верить. Но приходится. Факты – упрямая вещь. А насчет Гольцовой... Она профессионал. Так что вероятность ошибки в опознании мизерная. И главное – все сходится. Эти, с позволения сказать, детишки засветились и во время убийства мэра, и по делу Завидонова. Случайность, на мой взгляд, исключается.

- Извращенность натур? Или плохая наследственность?

- Ни в коей мере. Думаю, сначала присутствовал страх, а затем соответствующее

воспитание. Детскую психику поломать и извратить очень легко. Это вам скажет любой учитель.

– То есть, ты по-прежнему придерживаешься мнения, что здесь не обошлось без "воскресшего" Жереха.

– Воскрес он или нет – это еще вопрос. Не будем заострять на нем внимание. Пока не будем. Я разговаривал с его любовницей – помните Марьяну Кардаш? – так она все отрицает напрочь. Я, конечно, сделал вид, что мне многое известно, но ведь эта девица не дура. Совсем даже наоборот. Ладно, не про то разговор... Так вот, я считаю, что где-то есть центр подготовки этих самых "детей спецназовского полка", если применить вашу терминологию. Отыскав его, мы можем решить много проблем. Кстати, не обязательно, что в этом замешан Жерех. Но ведь подростки существуют. Неоспоримый факт.

– И все-таки от этой версии пахнет авантюризмом. Представь, что будет, когда о твоих соображениях я доложу генералу. Чур, меня! – Петра Каллистратовича снова прошиб пот. – Не губи старика, Артем Саныч. Ты ведь от своего не отступишь, я знаю.

– Если прикажете...

– Только не ври! Так ты и послушаешься. Тебе всегда было наплевать на авторитеты. Ты понимаешь, куда нас может завести твоя инициатива?

– Еще бы... – Артем тяжело вздохнул. – Есть шанс больно прищемить мозоль мафиозным структурам. Ведь без их крыши такой центр подготовки организовать практически невозможно. Потому я и хочу получить от вас зеленый свет на проведение широкомасштабной операции. Мне ведь понадобятся не только оперы, но и, как минимум, взвод омонцовцев. И это только на начальном этапе. А что говорить о финале... если, конечно, удастся дойти до финишной черты. Притом, в полном здравии.

– Может, удастся передать дело коллегам из УБОП? – с надеждой спросил оживившийся Петр Каллистратович. – Получается, что оно не совсем по нашему профилю. Поскольку открылись новые обстоятельства... и все такое прочее... Им и карты в руки.

– УБОП на мякине не проведешь. Там такие орлы, что отбрыкаются от чего угодно. Тем более, когда фактаж у нас, мягко говоря, слабоват. Они наши козыри враз побьют.

– Мда... – Недовольно морщась, полковник потер виски. – Умеешь ты, Артем Саныч, преподносить сюрпризы.

– Между прочим, найти тех, кто поизмывался над капитаном Гольцовой, – дело чести нашего отдела, – резко сказал майор. – Так же, как и разыскать убийц Завидонова.

– Не нужно давить мне на психику, – раздраженно отмахнулся Петр Каллистратович. – Вот станешь на мое место, тогда и посмотрим какой ты праведник. Всем кажется, что руководить проще простого. И я так, грешным делом, думал. Каюсь. Был тогда молод – относительно молод – и глуп. Эх, вернись то время!..

– Человек на протяжении всей своей жизни десятки раз наступает на одни и те же самые грабли.

– На что намекаешь?

– На неизбежность. Чему быть, того не миновать.

Полковник ответил ему долгим тяжелым взглядом. Артем смотрел прямо ему в глаза, не мигая. Пауза несколько затянулась.

Наконец Петр Каллистратович сокрушенно покачал головой и резко откинулся на спинку кресла.

– Ты неисправим, – сказал он металлическим голосом. – И прав, как Моисей, который сорок лет водил евреев по пустыне. Позиция у тебя железная. Ты сейчас в белых одеждах и на коне. А я – мелкая чиновная сошка, которая путается у тебя под ногами и мешает правосудию.

Артем молчал. Пека начал заводиться, а в таких случаях лучше рот держать на замке.

Запала полковнику хватало ровно на пять минут, затем онпил минералку, глотал какие-то таблетки и жаловался на жизнь, в частности – семейную.

Но, вопреки ожиданию, Петр Каллистратович удержал себя в рамках. Он миновал этап громоизвержения и сразу приступил к следующей фазе. Допив стакан, полковник крикнул и встал. Однако брюзжать не стал.

– Ладно. Ты получишь все, что тебе нужно. Но не раньше, чем я поставлю в известность генерала.

– Товарищ полковник!..

– Не перебивай! Да, я боюсь. Но тем самым и тебе даю надежный щит. Конечно, мне придется твои выкладки немного отшлифовать – чтобы придать им товарный вид. Черт побери! На что ты меня толкаешь! Я буду вынужден говорить неправду своему непосредственному начальнику. Ладно, ладно, пусть я немного сгущаю краски. Однако некоторые сомнительные моменты в твоих доводах мне точно придется доводить до нужной кондиции.

– Спасибо, Петр Каллистратович.

– За что?

– Мы снова в одной лодке. А это дорогого стоит.

– Ты еще и льстец... сукин сын! Не в лодке, а на скамейке с петлей на шее. И моли Бога, чтобы эту скамью никто из-под нас не вышиб. В крайнем случае, пусть веревка окажется гнилой. Знаешь, мне уже кажется, что я готов уйти на пенсию раньше положенного срока.

На хрен мне надбавки и прочие льготы, я вполне могу довольствоваться и минимумом. На худой конец буду на своей фазенде кроликов разводить, Говорят, это очень выгодный бизнес. Если, конечно, подойти к делу с умом.

– Лучше заняться птицеводством, – с невинным видом посоветовал Артем. – Яйцо, мясо, пух... Бабок будет – не меряно.

– В старые добрые времена плохим советчикам, как и доносчикам, полагался первый кнут.

Все, свободен, – сказал полковник. – Иди к себе и займись сочинительством. Мне нужны все твои выкладки в письменном виде и в двух экземплярах. А также дата и подпись. И поторопись. Я еще должен внести в твой рапорт соответствующие правки и побеседовать с шефом.

– Думаете, он даст добро?

– Так ведь ты сумел зажать меня в угол, – невесело ухмыльнулся Петр Каллистратович. – А я что, хуже своего бывшего ученика?

– Если так, то я уверен, что каша сварится.

– Ага. Нахлебаемся этой каши по самое некуда.

Артем не стал спорить, так как время действительно поджимало, и быстро направился в свой кабинет. Там уже сидел унылый и сонный Сипягин и рисовал на бумажных листках какие-то схемы.

– Развлекаешься? – спросил его майор.

– Никак нет. Готовлюсь к докладу. Можно начинать?

– Малюй дальше, стратег. Мне пока недосуг.

С канцелярщиной Артем возился не менее часа. Он до того издергался, занимаясь сочинительством, что по возвращению от Пеки, которому сдал свой пятистраничный труд, кипел словно самовар. У него просто в голове не вкладывалось, как это писатели могут часами сидеть над рукописями и при этом получать моральное удовлетворение. По крайней мере, так говорил один из них, достаточно известный прозаик, в какой-то телевизионной передаче. Это же нужно иметь железобетонную задницу.

Возвратившись от полковника, Артем, наконец, обратил свой взор и на несчастного старлея, который, похоже, страдал похмельем.

– Очередные именины? – едко спросил майор.

– Не-а. Телка классная подвернулась. До утра гудели.

Сипягин был сама непосредственность. Он смотрел на Артема такими невинными глазами, что майору захотелось дать ему в морду. Даже руки зачесались. Вот уж кому на Руси жить хорошо...

– Ладно, давай посмотрим твои художества, – сказал Артем и сел на свое место.

Старлей по заданию майора занимался старыми связями Бени Черного. Он должен был просеять через мелкое сито всех, кто входил в ближний круг общения Жереха. Для этого Сипягину пришлось поднимать архивные дела Черного и опрашивать его знакомых. В большинстве случаев у старлея получался облом, но кое-что выудить все-таки удалось.

Однако заняться делами помешал телефонный звонок. Поморщившись, будто только что проглотил лимонную дольку, Артем поднял трубку:

– Слушаю, майор Чистяков!

– Артем, это я...

Женский голос в трубке был невыразителен и прерывист. К стыду майора, он не узнал, кто на другом конце телефонного провода.

– Извините, плохо слышно! – соврал он, не моргнув глазом. – Говорите громче! Кто это?

– Завидонова. Теперь слышно?

– Маняша!? Здравствуй, дорогая! Прости, что сразу не узнал. Я зайду, как и обещал... наверное, завтра. Понимаешь, работа просто забодала. Скоро вообще переберусь в свой кабинет на постоянное место жительства.

– Артем, мне нужно тебя видеть. Срочно!

– Что-то стряслось? – встревожился майор. – Рассказывай.

– В общем, да... Случилось. Но...

– Понял. Хочешь сказать, что это не телефонный разговор?

– Нет, не телефонный.

– А если я подрулю после работы?

– Прошу тебя, приезжай немедленно! – В голосе Маняши послышались истерические нотки.

– Понял, уже бегу. – Артем бросил трубку на рычаги и сказал Сипягину, отдавая ему портреты подростков-беспризорников, которые нарисовал художник Салтыков: – Придется наш разговор на часок отложить. А пока суть да дело, займись множительными работами.

– Сколько экземпляров? – деловито спросил Сипягин, мигом сбросив апатию.

Вот прохиндей, подумал Артем не без легкой зависти. Он знал, что так оживило старлея.

В техническом отделе управления работали совершенно потрясные девчата, и молодые оперы пользовались любым удобным случаем, чтобы заглянуть к ним на посиделки.

Сипягин умчался с такой скоростью, будто его корова языком слизала. За ним поспешил и майор.

"Может, что-то с детьми? – думал Артем по дороге к Завидоновым. – Нет, исключается.

Какие тут секреты... Тогда что? Вариантов не так много... Неужто Маняша нашла записную книжку Михаила? Ах, как это было бы здорово..." Дверь, как обычно, отворила Софья Алексеевна, мать Маняши. Она была очень испугана, и едва Артем переступил порог, быстро закрыла дверь на ключ и набросила цепочку – Сюда, сюда... – Софья Алексеевна потащила Артема на кухню; она говорила почти шепотом.

– Почему такая таинственность? – удивленно спросил майор.

– Сейчас увидишь...

Маняша стояла возле занавешенного окна и смотрела через щель на улицу. Она была очень бледна.

– Да что это с вами!? – воскликнул Артем.

Кряхтя, Софья Алексеевна нагнулась и с трудом вытащила из кухонного шкафа прозрачный пластиковый мешок с алебастром; по крайней мере, так гласила надпись на этикетке.

– Вот, гляди сам, – сказала она, и с жалостью посмотрела на безмолвную дочь.

Маняша кивнула и молитвенно сложила руки на груди. Ее лицо выражало такую степень отчаяния, что у Артема мурашки побежали по коже.

Однако он не стал спрашивать о причине странного состояния Маняши, а сел на табурет и взял в руки наполненный желтовато-белым порошком килограммовый пакет, который Софья Алексеевна выудила из мешка и всучила майору.

– И что мне с ним делать? – спросил сбитый с толку Артем.

– А ты на язык попробуй, – наконец подала голос и Маняша.

Сказала и вновь отвернулась к окну.

Софья Алексеевна протянула недоумевающему майору нож; он проткнул им пакет и, все еще не догадываясь, что это за порошок, последовал совету Маняши.

В пакете находился чистейший героин! Похолодев и совершенно утратив способность мыслить, майор смотрел, как Софья Алексеевна выуживала из мешка и выкладывала на коврик такие же пакеты – один за другим.

Ему казалось, что он спит и видит кошмарный сон.

Глава 26

"Я пропал! Я пропал!" – Единственная мысль билась в голове Саюшкина, взламывая какие-то перегородки в черепе. В висках стучали молотки, и было очень больно.

Смуглый остался довольный произведенным эффектом. Он переглядывался с Марликом и посмеивался. Похоже, смуглый был неплохим психологом.

– Так на чем мы остановились? – спросил он Леху.

Нужно было что-то говорить, и вор с огромным трудом собрался, чтобы ответить:

– На том, что вы все узнали о моей жизни.

– Да-да. И пришли к выводу, что ты хитрая бестия.

– Так ведь если будешь ушами хлопать, сожрут менты и не поперхнутся.

– Сожрут, паскуды, – согласился смуглый.

Его лицо вдруг исказила гримаса ненависти. Но только на миг. В следующее мгновение он уже снова снисходительно ухмылялся.

– Давай послушаем, что скажет этот мелкий пачкун, – предложил он Саюшкину.

Лехе ничего иного не оставалось, как согласно кивнуть. Смуглый мигнул Марлику и тот подошел к Бабуле, такому же отрешенному, как и прежде.

– Кто тебе продавал героин? – склонившись к уху Бабули, громко спросил Марлик.

– Не помню.

– Ну, ты, козел! – Марлик грубо дернул наркомана за плечо. – Звони правду. Иначе ноги повыдергиваю. Повтори то, что говорил намедни.

Бабуля вдруг бросил быстрый осмысленный взгляд на Саюшкина. Он будто проснулся.

Наверное, действие наркотиков заканчивалось, и Бабуля постепенно возвращался в реальный мир.

– Этот продал, – буркнул Бабуля с большой неохотой.

Видимо, его здорово прижали, коль он сдал поставщика, в данном случае его, подумал Леха. Обычно наркоманы такого себе не позволяли. Их не могли расколоть даже менты, нередко в

прямом смысле слова выколачивающие из наркоманов информацию. Обрезать своими руками тонкую нить, на которой висит собственная жизнь, мало кто способен.

"Вот гнида!", – с отвращением подумал вор, стараясь поймать ускользающий взгляд Бабули.

– Что теперь скажешь? – спросил смуглый, приблизившись вплотную к Лехе и добавив в голос металла.

– Вы о чем? – невинно поинтересовался Саюшкин.

– Может, хватит с ним дипломатию разводить? – грубо сказал Марлик.

– Когда мне потребуется твой совет, ты об этом узнаешь первым, – отрезал смуглый. – Вот что, Алик, – обратился он к вору. – Давай по-хорошему. Все ты знаешь, все понимаешь.

Где товар?

Дальше прикидываться дурачком было опасно. Нужно срочно что-то придумать. Что-то придумать...

– Так ведь я все сбавил наркоманам. И ему в том числе. – Саюшкин кивком головы указал на Бабулю и принял подчеркнуто честный вид.

– Ах ты!.. – Побагровевший Марлик замахнулся.

– Ладно, пусть так, – спокойно согласился смуглый, будто и не заметив движения Марлика. – А скажи мне, мил человек, откуда у тебя этот героин? Только не говори, что купил у залетного фраера, который никто, ничто и звать никак.

– Я бы с радостью доставил вам такое удовольствие, но... – Леха смущенно развел руками.

– Что значит "но"? – В голосе смуглого послышались первые раскаты грома.

А вот теперь нужно было врать вдохновенно, мешая ложь и правду. Саюшкин прекрасно понимал, что одной ногой он уже шагнул в пропасть и нужно приложить максимум усилий, чтобы не загреметь в тартарары.

– Героин я выиграл в карты. Чурка сел на крюк, из приезжих. Каюсь, я играл по шансу.[6]

– Ну, брешет, пес! – Марлик не находил места от злости.

– Правду говорю! Век свободы не видать! Микита знает.

Ссылка на Микиту была чисто спонтанной. Леха почему-то был абсолютно уверен, что Москаленко уже на небесах. Вряд ли немолодой хозяин бара "Волна" бегал как спринтер.

Тем более что пуля все равно быстрее.

– Микита, говоришь? – Смуглый хитро прищурился. – Он что, за тебя мазу[7] держит?

– Что вы! Кто он, а кто я...

– Значит, Микита присутствовал при игре и может подтвердить твои слова?

Саюшкин заколебался. Но только на долю секунды. Потерявши голову, по волосам не плачут, подумал вор, и с отчаянием обреченного с головой бросился в омут лжи.

– Микита знает, – повторил Леха; все-таки он на всякий случай поостерегся прямо указать на

содержателя "малина", как на своего свидетеля.

– Ты не верти хвостом! – жестко отрубил смуглый. – Вопрос поставлен прямо и требует четкого, однозначного ответа – да или нет. Повторяю в последний раз: Микита был, когда тебе фарт подвалил?

Все, отступить было некуда. Смуглого на мякине не проведешь. И Леха решился.

– Он не только присутствовал, но и предложил свои услуги по продаже наркоты, – сказал вор – и сам испугался своей смелости.

– Даже так? – удивился смуглый. – Интересно... Кстати, какое количество героина ты выиграл?

Саюшкин ответил, не колеблясь, – он уже давно решил, что говорить на эту тему.

– Не так и много, – несколько разочарованно сказал смуглый и многозначительно переглянулся с Марликом. – Ну и как, сделка состоялась?

– Увы, нет, – печально ответил Леха.

Он действительно в душе очень сокрушался, что Микита подвел и его, и сам себя.

Содержателя "малины" сгубила элементарная жадность. Исполни Москаленко свое обещание, и Леха никогда бы не решился пойти на контакт с Бабулей.

Теперь вор практически не сомневался, что на него вышли через этого сукиного сына. Как именно – пока вопрос. Хотя догадаться было несложно. Хозяева героина взяли под контроль большое количество наркоманов, и когда в их поле зрения попал Бабуля с товаром неизвестного происхождения, которого заложили стукачи наркоторговцев, им оставалось лишь сделать химический анализ.

– Почему?

– Потому что он жлоб. Хотел себе все захватить.

– Каким образом?

– Перекупил мой долг у Саврасыча.

Леха искусно мешал правду с ложью. Он был уверен, что его слова подвергнут самой тщательной проверке. И не ошибся.

– Ну-ка, Марлик, звякни Саврасычу, – приказал смуглый. – Но если ты, друг ситный, соврал... – Его глаза превратились в змеиные жала. – То лучше бы тебе и на свет не родиться.

Пока Марлик разыскивал по телефону барыгу, появился Серый и увел Бабулю. Наркоман свою роль сыграл и теперь стал отработанным сырьем. Саюшкин почти наверняка знал, что живым отсюда Бабулю не выпустят. Собственно, как и его самого.

Похоже, эта фермерская усадьба являлась "малиной" наркоторговцев. И бандитов. Что, собственно, одно и то же – где наркотики, там и смерть во всех ее обличьях. А местонахождение "малины" во все времена для непосвященных было тайной за семью печатями, которую берегли всеми доступными методами и средствами.

– И что там Саврасыч гонит? – спросил смуглый, когда Марлик положил трубку.

– Все точно, фраер на крючке. Долг большой. Микита взял его на свой карман за полцены.

– Гребаный хохол в своей стихии, – криво осклабился смуглый. – Все ему мало.

Марлик неопределенно пожал плечами и закурил.

– Кончай дымить! – раздраженно сказал смуглый. – Дышать нечем. Или стой возле окна.

– Нет проблем... – Марлик открыл форточку и начал, дурачась, выпускать наружу дымные кольца, которые лениво уплывали в пасмурное небо.

Смуглый посмотрел на него с осуждением, но промолчал.

Саюшкин сидел как на иголках. Глазами он обшарил всю гостиную, выискивая удобный для бегства путь. В принципе можно было попробовать сделать отсюда ноги, так как на окна второго этажа решеток не поставили. Но, во-первых, Леха не знал, где находится усадьба, а во-вторых, мимо сторожевых псов не проскочит и мышь. Кроме того, на своих двоих далеко не ускачешь. А если учесть, что у охранников смуглого имеются еще и стволы (в этом вор был абсолютно уверен), то его шансы вырваться из этого капкана и вовсе превращались в бесконечно малую величину.

– И все-таки ты лжешь. – Смуглый наблюдал за Саюшкиным со странным выражением. – Нутром чую – лжешь.

– Но ведь Саврасыч подтвердил мои слова.

– А может вы в сговоре.

– Тогда спросите Микиту! – с деланным отчаянием воскликнул Леха.

В этот момент он очень надеялся, что его предположения верны и что сейчас Москаленко взирает на них с какой-нибудь тучки, дожидаясь своей очереди на весы судьбы, где взвешиваются добро и зло, содеянное им за прожитые годы.

– Хорошее предложение, – весело улыбаясь, ответил ему смуглый. – Уважим гражданина? – спросил он Марлика.

– Уважим. – Белобрысый тоже растянул свой толстогубый рот в очень нехорошей ухмылке. – Еще как уважим...

– Тогда не будем терять времени. Пойдем, друг ситный...

Втроем они спустились на первый этаж. Но, вопреки ожиданиям Саюшкина, направились не к парадной двери, а спустились в просторное и длинное полуподвальное помещение, похожее на спортзал. Впрочем, так оно и было. Только здесь занимались не гимнастикой или, например, волейболом, а, скорее всего, как определил Леха, боевыми единоборствами. Татами на полу, диковинной формы мечи, копья и топоры, развешанные по стенам, мешки с песком, боксерские "груши", какие-то крючья, палки и шесты, маски для фехтования, свисающие с потолка канаты...

Нет, здесь определенно был спортзал, меньшая часть которого, отделенная от основного помещения невысокой стенкой из доски-сороковки и похожая на узкий коридор, служила тиром. Судя по использованным мишеням в дальнем конце, тренирующиеся здесь стрелки были достаточно меткими.

Однако в спортзале они не задержались. Марлик нажал потайную кнопку, часть стены сдвинулась, и Саюшкин увидел комнату без окон, освещенную потолочными светильниками. Там находились спортсмены, одетые в черные кимоно. Завидев смуглого, они поклонились ему, прижав правый кулак к ладони левой руки на уровне груди.

Но Леха взглянул на них лишь мельком. Другое привлекло внимание вора. На прикрепленной к потолку металлической перекладине висел в буквальном смысле распятый человек. Похоже, он потерял сознание, потому что его лысеющая голова с жидкими пучками светлых длинных волос была безвольно опущена на грудь. Человек был таким худым и тщедушным, что смахивал на книжное изображение библейского мученика.

И все же Саюшкин узнал его. И от этого сразу превратился в заледеневшего истукана.

Это был Микита Москаленко. На его теле не осталось ни одного живого места. Видимо содержателя "малины" избивали долго и основательно. Пол под ним блестел от воды. В углу, возле "гусака" с краном, стояло и пластиковое ведро, с которого окатывали истязаемого, когда он терял сознание.

– Эта сволочь еще жива? – строго спросил смуглый.

– Мы работаем, как вы учили, – ответил один из бойцов тонким чистым голосом. – Отключился, скоро очнется.

Девочка! Саюшкин глазам своим не поверил. Она была тоненькая, словно тростинка, но по тому, с каким достоинством держалась, Леха не без удивления отметил, что эта пацанка заправляет всеми остальными. Которым тоже, как и ей, исполнилось лет тринадцать-четырнадцать.

– Марлик! Давай нашатырь, – приказал смуглый. – Нам тут недосуг прохлаждаться.

Белобрысый подошел к столу на колесиках (он стоял у входа), на котором лежали разнообразные хирургические инструменты устрашающего вида и стояли разнокалиберные флаконы, взял клочок ваты, обильно смочил ее нашатырем, и ткнул не подающему признаков жизни Москаленко под нос. Прошло не менее двадцати секунд, прежде чем Микита шевельнулся и издал длинный стон.

– Ну-ка, опустите его вниз, – приказал смуглый.

Оказалось, что перекладина может двигаться вверх-вниз; кто-то из подростков щелкнул переключателем мобильного пульта, и Микита опустился на подставленный стул с высокой спинкой и подлокотниками. Его тусклые глаза смотрели на присутствующих бессмысленно и тупо. Похоже, он был в шоке.

– Дайте ему водки, – распорядился смуглый.

Спиртное Миките влили насильно. Он некоторое время отфыркивался, как морж, и мотал головой, а затем вдруг посмотрел на своего истязателя налитыми бешенством глазами.

– Вениамин, ты покойник, – прохрипел Москаленко. – Я сдохну, но и тебе кранты.

– Меня многие хоронили, но, как видишь, я до сих пор жив, – ухмыльнулся смуглый. – А умрешь ты или нет – все зависит от обстоятельств. И твоей честности.

– Я никого не закладывал.

– Как выяснилось, из посторонних только ты знал, что обмен наркоты на деньги состоится в парке.

– В ваши дела я никогда не совался! Кто-то на меня фуффло гонит.

– Брось! Шулика, перед тем как откинуть копыта, рассказал нам многое. Жаль только, что тот, кто развязал перед тобой язык, уже в могиле. Иначе он сейчас составил бы тебе компанию.

Между прочим, его грохнули в парке.

– Брехня! Я никогда не посвящал Шулику в свои дела. Будь я в этом деле замазан, он все равно ничего бы не знал.

– Ты сдал нас, вонючка, каким-то козлам! А они напали на моих парней в парке и перебили половину! Понял, нет, тварь!? Кто эти суки? Косороговские? Или пришлые? Кто они!!!
Говори!!!

– Где доказательства!?

– А Шулика тебе не факт!?

– Когда твои сопляки будут меня на куски резать, я в чем угодно могу признаться.

– Будут, не сомневайся.

– А я и не сомневаюсь. Ты всегда был кровопивцем.

– Ах ты, Господи! – Смуглый Вениамин подбоченился. – Что я слышу? Ушастое Чмо в праведники метит. Не грех и на себя, кума, оборотиться. Понял, нет? Если не дошло, то басни почитай. Впрочем, они тебе уже ни к чему. Поздно, поезд ушел.

– Ничего, твой следом идет. Ждать уже недолго...

– Сука!

Смуглый крутанулся на месте и молниеносно ударил Микиту ногой в челюсть.

Послышался неприятный хруст ломающихся костей, и содержатель "малины" улетел вместе со стулом к стене.

– Своими руками удавлю гада... – прошипел Вениамин. – Поднимите эту мразь! – рявкнул он, обращаясь к подросткам.

На Москаленко вылили два ведра воды и снова дали понюхать нашатыря. Едва очнувшись, Микита грязно выругался. Говорить ему было трудно, Москаленко плевался кровью, но Саюшкин все же понимал, что он говорит.

– Ш-швинья... тьху!.. Шволочь... – Наверное, Вениамин выбил ему зубы. – Бей, падло, бей!

Тьху!.. Ты наш закон нарушил... хана тебе, ты уже меченый. Братва все равно найдет тебя.

Они не простят...

– На хрен ты нужен братве, Чмо недобитое. Сядет на твоём месте другой и жизнь покатится в прежнем русле. Незаменимых людей нет, Микита, как сказал в свое время товарищ Сталин. Впитывай мудрость веков, пока жив, пень трухлявый.

– Да пошел ты!..

– Обязательно пойду. Но не раньше, чем ты ответишь мне на всего лишь один вопрос.

– На все вопросы я уже ответил. Мне от тебя скрывать нечего. А по поводу разборки в парке... спроси у косороговских. Я чист.

– Спрошу. Не сомневайся. А пока скажи вот что: ты знаком с этим ффраером?

Микита скользнул безразличным взглядом по физиономии Саюшкина и ответил вопросом на вопрос:

– Что, и этого в расход наметил? Мог бы подобрать мне в компанию кого-нибудь и посолидней.

– Значит, вы знакомы, – с удовлетворением констатировал Вениамин.

– Кто спорит...

– Он просил тебя найти покупателя на партию героина?

– Партию? – Микита покривился – то ли от боли, то ли попытался улыбнуться. – О чем базар, какая партия? Сто грамм порошка – и ни крупинки больше.

– Значит, ты не отрицаешь, что выступал в этой сделке как посредник?

– Ну.

– И что дальше? Нашел покупателя?

– А я и не искал. Мне с такой мелочевкой связываться не было смысла.

– Мелочевкой? – Вениамин хищно прищурился. – Значит, ты хотел кинуть парня?

– Был такой грех, признаю. Я у Саврасыча его карточный долг выкупил, чтобы привязать к себе покрепче.

– И все это из-за каких-то ста граммов? Темнишь, Микита.

Москаленко выплюнул сгустки крови и промолчал.

– Ладно, замнем для ясности. Ты мне другое растолкуй. Фраерок утверждает, что этот героин он выиграл в карты у залетного.

– Может быть.

– Мало того, он долдонит, что ты можешь это подтвердить.

Микита нахмурился и впился долгим взглядом в лицо Саюшкина. Он будто пытался мысленно передать вору нечто очень важное, какую-то ценную информацию, за которую и жизнь не грех положить.

Но постепенно черты его лица разгладились, и нескрываемое презрение зазмеилось на разбитых в кровь губах. Москаленко явно считал Саюшкина ничтожеством, из-за которого не стоит ломать копыя.

– Брешет, сучий потрох, – сказал содержатель "малины".

– То есть?..

– Он если с кем и играет, так только с Дунькой Кулаковой.

Марлик с пониманием хихикнул.

– Значит, там тебя не было, когда он якобы посадил на крюк какого-то залетного чуркана?

– Говорю тебе, говнюк пургу гонит. То и сивой кобыле ясно.

– Тэ-экс... – Вениамин обернулся к Саюшкину, который так и стоял, словно столб, шокированный нежданной встречей с Микитой, которого он считал покойником. – Ну-ка, братан, вякни что-нибудь. Что же ты меня в лапти обуваешь, елдак моржовый? Ровню себе нашел, или как?

Леха мотнул головой, чтобы привести заледеневшие мысли в рабочее состояние. Он не знал, как себя вести, но все же храбро сказал:

– Этому гребаному хохлу соврать, что испортить воздух в присутственном месте. Вы ведь сами слышали, что он хотел меня объегорить.

– Возможно... – Смуглый на миг задумался. – Тем не менее, есть одно "но". – Он пристально посмотрел на Москаленко; обессиленный от снедающей его ненависти к своему мучителю, содержатель "малины" уронил голову на грудь и перестал реагировать на окружающих. – Из-за столь ничтожной суммы, которую можно было выручить, продав героин, Микита не стал бы загонять тебя, парнишка, в частый бредень. Уж кто-кто, но Чмо последний кусок хлеба без соли не доедает. А это значит, что он учуял приличный навар. Сто грамм наркоты – ничтожно малая часть большой партии зелья, стоящей немалых бабок, партии, которую ты где-то хранишь. Как тебе мой расклад?

– Не знаю, что он там учуял, но на счетчик усадить меня хотел. Это факт.

– Значит, у тебя есть только сто грамм наркоты? – Глаза Вениамина готовы были высверлить в голове Саюшкина дыру.

– Уже ничего нет. Я все распродал. В том числе и Бабуле.

– А это кто?

– Ну, тот, которого ваш парень... как его?.. А, вспомнил – Серый! Он Бабулю в гостиную приводил. Длинный такой, наркоман. – Леха усиленно изображал полную наивность.

– Понятно. А что ты, Микита, на это скажешь?

– Плевать мне на все... и на тебя в том числе, – прошептал Москаленко.

– Ты что, смерти не боишься?

– Я уже и так мертв. Твои... малолетние твари... мне все внутренности отбили... Кх-кх! – Он закашлялся.

Микита угасал на глазах – как догорающая свеча. Нездоровый румянец на щеках, вызванный временным возбуждением и спиртным, постепенно сошел, и на желтой прозрачной коже, туго обтянувшей скулы, появились, будто нарисованные, синие жилки.

– Взбодрите дяденьку, – сказал Вениамин, указав глазами на бутылку с водкой. – А потом продолжайте работать.

Он повернулся к Саюшкину:

– Сейчас увидишь, что будет с тобой, если станешь врать и запираяться, как этот скот. – Вениамин ткнул указательным пальцем в сторону Микиты, которого снова напоили спиртным и подняли на дыбу. – Я уверен, что ты лжешь, будто у тебя больше нет героина.

Не спорь со мной, пока я добрый! Лучше посмотри. И сделай выводы. Артистка, давай! – резко щелкнув пальцами, приказал он девочке.

– Может, перед тем, как... – Марлик сделал выразительный жест древних римлян, приговаривающих поверженных гладиаторов к смерти – указал большим пальцем правой руки на пол, – вытрусим из хохла бабки? Думаю, он за последние десять лет не меньше чем миллион "зеленью" наковырял.

– Чмо – один из последних гвардейцев старой закалки, – с легким презрением взглянул на него смуглый. – И этим все сказано. Для этих дедов деньги – пыль, мусор. Не в пример нынешним деловым, которые едва не на лбу делают татуировки, чтобы таким макаром доказать свое право называться ворами "в законе". Он из принципа не отдаст ни копейки.

Для Чмо воровская честь дороже жизни.

– А если я попытаюсь?

– Как хочешь, – небрежно отмахнулся Вениамин. – Только с ним пусть работают пацаны.

Им нужна постоянная практика.

– Слыхали? – обернулся к подросткам Марлик. – Клиент должен "петь".

Девочка солидно кивнула, и взглядом приказала одному из подростков – самому старшему – начинать.

Лехе едва не стало плохо, когда он увидел, что творят с Микитой подростки. Ему приходилось видеть юношеские банды в действии, но такого изощренного садизма наблюдать не доводилось. Подросток – его кликали Линек – обрабатывал Москаленко по всем правилам боевых искусств; при этом он ухитрялся бить сильно и больно, но так, что содержатель "малины" не терял сознание. Затем ему на смену пришел другой, третий, четвертый... Микиту поставили на конвейер смерти.

Москаленко поначалу крепился, стиснув зубы, только изредка стонал и охал. Но когда подростки начали метать в обнаженное тело содержателя "малины" остро заточенные стальные звездочки и ножи, он стал кричать, не в силах справиться с терзающей его бесконечной болью. И все равно на вопросы Марлика, касающиеся тайника со сбережениями, владелец бара "Волна" плевался сукровицей и отвечал матерно.

– Ну, как? – злобно ухмылялся Вениамин.

– Упирается, падло! – ярился Марлик.

– Попробуйте индейский способ. Слышала, Артистка?

Девочка кивнула и сняла со стены длинный и, похоже, очень острый нож необычной формы. Подростки расступились. С помощью нашатыря и уколов она взбодрила Микиту, а когда тот снова начал ругаться, обзывая всех нехорошими словами, Артистка неожиданно быстрым и точным движением сделала на груди содержателя "малины" тонкий разрез.

Москаленко пронзительно вскрикнул. Но это было только начало. Девочка закружилась, как волчок, будто исполняя боевой дикарский танец, и с каждым взмахом руки с зажатым в ней ножом на сухой старческой коже Микиты появлялись все новые и новые кровоточащие надрезы. Содержатель "малины" уже не кричал, а по-звериному выл, визжал, извиваясь всем телом.

Саюшкин непроизвольно закрыл руками уши, зажмурил глаза, и, едва не теряя сознание от увиденного, сначала привалился к стене, а затем медленно сполз на пол. Вениамин и Марлик, занятые созерцанием пытки, о нем забыли, и вору до зуда в руках захотелось взять японский меч, лежавший неподалеку от него на специальной подставке, и сделать себе

харакири. Изуверство, продемонстрированное подростками, которые, судя по всему, были накачаны наркотиками по самое некуда, ввергло его не просто в шок, а почти в безумие, в бездну отчаяния, куда он летел, не ощущая ничего кроме смертного ужаса...

Микита держался не менее получаса. А затем вдруг затих, и уже никакие уколы не смогли вернуть его к жизни. Он так ничего и не рассказал Марлику, совсем потерявшему от злобы голову.

– Сдох, – констатировал не без сожаления Вениамин. – А жаль. Вы, братцы, как мне кажется, чуток перестарались. – Он сурово посмотрел на разгоряченных подростков. – Ну да ладно. Туда ему и дорога. Он меня дважды закладывал, сучий потрох. А на третий раз получился облом. Вот так всегда: не рой другому яму, сам в нее угодишь. Распорядись, чтобы унесли эту падаль с глаз долой, – приказал он красному, как рак, от снедающих его злобных инстинктов Марлику. – Да поскорее.

Марлик ушел. Подростки без всяких понукания молча выстроились вдоль стены и обратили взоры на Саюшкина, который кое-как встал. Садистское возбуждение прошло, и их глаза постепенно становились пугающе холодными, безразличными и – оценивающими. Так смотрит мясник в лавке на говяжью тушу, которую собирается разделать.

– А, это ты... – Взгляд смуглого остановился на Лехе, буквально прилипшего к стене. – Говорить будешь? Или хочешь занять вакантное место? – Он злобно оскалился и указал на перекладину. – Так это мы мигом организуем. Что ты сказал? Не слышу.

– Б-буду... – ответил непослушным языком Саюшкин. – Буду г-говорить. Я все ск-кажу...

– Верно говорят люди: лучше раз самому увидеть, чем сто раз услышать. Значит, товар у тебя?

– У меня, – покорно кивнул вор.

– Вот и ладушки. Молодец! Хоть ты меня порадовал. Я догадываюсь, что товар попал к тебе случайно, так что никаких претензий. Отдашь – и разойдемся, словно в море корабли.

Пойдем наверх, расскажешь, как все было...

От переживаний Саюшкин не мог ступить ни шагу. И только добрый пинок, которым его наградил Марлик, включил внутри вора какой-то механизм, и он поплелся вслед Вениамину. Они возвратились в гостиную, где смуглый налил почти полный стакан водки и выпил его, не закусывая.

– Уф-ф! – Он понюхал лимонную дольку. – День сегодня выдался какой-то нехороший...

Микита настроение испортил... А ты, Алик, пока выпей, перекуси. Как машину подшаманят так и поедем. Бери, на что глаза смотрят, не стесняйся. Наворачивай. А в процессе, чтобы не терять время, побалагурим чуток. По-свойски... ха-ха...

Леха не стал дожидаться повторного приглашения. Ему любой ценой нужно было прийти в себя, обрести душевное равновесие. Он не поверил Вениамину, когда тот сказал, что отпустит его на все четыре стороны. Саюшкин уже точно знал, с кем его свела судьба, а потому особых иллюзий по поводу дальнейшей своей судьбы не питал. Это были твари, в которых давным-давно не осталось ничего человеческого.

В путь двинулись перед вечером. Саюшкин после трех рюмок армянского коньяка чувствовал себя превосходно и был как сжатая пружина.

Он сделал свой выбор.

Они сидели в гостиной и разговаривали. Впрочем, их беседа больше походила на допрос, но все сознавали неприятную тягостность момента, а потому бразды разговора поневоле держал в руках Артем. Как и положено по штату.

Сам майор никак не мог прийти в себя после такого "открытия". Героин в квартире его друга Мишки Завидонова! Притом, не какая-то там крохотная доза, – на понюшку – а достаточно крупная партия. Как определил на глазок Артем, все это добро по ценам черного рынка тянуло где-то на полмиллиона долларов. С ума сойти! -...На кухне возле подоконника образовалась большая щель. Я решила заделать ее, – рассказывала Маняша.

Она куталась в пуховый платок, будто ее знобило.

– Ты помнишь, за месяц до смерти Миши у нас был ремонт? – продолжала Маняша. – Все остатки стройматериалов я спрятала в кладовку – ту, что переоборудована из встроенного шкафа. Достала мешок, хотела зачерпнуть алюминиевой миской немного алебастру – и не смогла. Я поначалу думала, что от времени и сырости образовались комья. Полезла туда рукой – и нащупала пакет. Определить, что в нем находится, мне не составило труда. Я ведь когда-то работала медсестрой.

Она склонила голову и беззвучно заплакала.

– Не верю я, не верю! – причитала Маняша.

– Успокойся, прошу тебя... – Артему так было жалко ее, что у самого слезы на глаза навернулись.

Он тоже не верил в то, что Мишка мог торговать наркотиками. Но вот хранить их в квартире Завидоновых за определенную мзду наркоторговцы-оптовики вполне могли.

Нет! К черту идиотские мысли! Мишка никогда бы не пошел на такое. Он знал лучше, чем кто бы то ни было, как могут закончиться для него лично и для семьи такие игры с огнем – Завидонов до прихода в "убойный" отдел уголовного розыска занимался наркоманами.

И все же, все же... Подлый червь сомнения продолжал грызть Артему мозги, стараясь сожрать и здравый смысл, и бывшее доверие к другу.

– Вот горе-то какое, вот горе, – вторила Маняше и Софья Алексеевна. – Какой позор! И как нам теперь быть?

Да, это был вопрос вопросов. Мозаика почти сложилась, и теперь майору стало понятно многое. До Артема наконец дошло, что именно искали убийцы в квартире Завидоновых.

Им нужен был этот героин. Искали, да не нашли.

Почему? Ведь он находился почти на виду. Стоило только пошуровать в мешке с алебастром – и все дела.

Ан, нет. Может, пакеты с порошком попали туда позже? Тогда исчезает логика в действиях убийц Завидонова. Ведь они пытали Михаила с одной целью – по крайней мере, так думал Артем – узнать, где спрятан наркотик. А в том, что смерть друга связана с этим героином, майор практически не сомневался. Иной версии просто не существовало.

В канву этой версии очень даже неплохо вписывается и попытка похищения. Те, кто хотели его похитить, скорее всего, думали, что Артем каким-то боком причастен к исчезновению партии героина, которая хранилась на квартире Завидоновых.

Кто был вхож к ним? Кто пользовался наибольшим доверием? Кто был другом семьи?

Ответ напрашивался сам по себе – майор Чистяков. Мог он (если смотреть на всю эту историю глазами бандитов и думать как они) втихомолку изъять товар, пока Завидоновы отсутствовали? Запросто. И поскольку по милицейскому ведомству такая крупная партия героина не проходила, значит...

А то и значит, что наркоторговцы это узнали благодаря своим "кротам" в правоохранительных органах и заподозрили Артема в присвоении героина. И открыли на него сезон охоты.

Правда, действуют они почему-то не очень рьяно. Чтобы это могло значить? Сомневаются в своих выводах? Или?..

Майор бросил взгляд на поникшую Маняшу и тревога сжала сердце. А ведь они могут приняться и за семью Михаила. Нет, вряд ли. Хотя... А, черт! Куда не кинь, везде клин.

– Скажи, – обратился Артем к Маняше, – этот мешок все время был в квартире? Может, кто-то из соседей брал, чтобы отсыпать себе малую толику алебастра.

– Мне кажется... Нет, точно – с квартиры мешок не выносили.

– Подумай, не торопись, – настаивал майор.

– Я уверена.

– Блин! – Артем был разочарован – его предположение лопнуло, словно мыльный пузырь. – Вот незадача...

Маняша тяжело вздохнула и пригорюнилась.

– У вас, насколько мне помнится, был большой ремонт. А этот мешок почти полный.

Неужто алебастра пошло так мало? – Артем посмотрел на Маняшу с проснувшейся надеждой.

– Нет, что ты. Алебастра было много. Кажется, три... или четыре мешка. А цемента – еще больше.

– И все эти материалы складировались в квартире? – удивился майор.

– Почему в квартире? В подвале дома есть достаточно просторное помещение слесарейсантехников из жилуправления. Что-то вроде мастерской. Они там иногда работают и хранят инструменты, материалы и вообще всякую всячину. Я договорилась с ними, и они выделили нам на время каморку. А Миша закрыл ее на свой замок, так как каморка не запиралась. Сам знаешь, в подвале всякие люди бывают.

– Это уже теплее... – Артем в возбуждении быстро потер ладони. – И после окончания ремонта остатки материалов вы перенесли в квартиру. Так?

– Верно. Осталось два мешка цемента, полтора мешка алебастра, шпаклевка в пакетах, обойный клей, несколько досок, метра четыре плитуса, гвозди... и еще что-то. Весь цемент, полмешка алебастра, клей и гвозди мы отдали Таисии Павловне. Соседке. Она тоже затеяла ремонт. А доски, шпаклевка и этот мешок остались.

Уже теплее... Затеявшие обыск, скорее всего, не обладали должным опытом и навыками в подобных делах. Видимо, они считали, что Завидонов должен был спрятать такой дорогой товар в приличное место: сейф, какой-нибудь тайник, вмонтированный в стену, или – на худой конец – в мягкую мебель. А ковыряться в мешках с цементом и алебастром сочли делом грязным и неперспективным.

– А кто именно занимался переноской стройматериалов? – спросил майор.

– Штукатуры-маляры. Ну, те, что ремонтировали квартиру, – ответила Маняша.

– Женщины?

– Нет, мужчина. Он у них бригадир.

– Как его зовут? Фамилию не помнишь? – Артем достал из кармана блокнот.

– Зовут... – Маняша задумалась. – По-моему, Славик. А вот фамилию... Увы... – Она развела руками.

– Где искать эту бригаду?

– У меня записан телефон бригадира. Минуту...

Маняша вышла и спустя некоторое время возвратилась с обычной школьной тетрадь в клетку.

– Вот, здесь. – Она полистала тетрадь и показала нужное место. – Ферпонтов Вячеслав.

Ремонт квартир. Номер телефона... Домашний адрес я не записала.

– Спасибо, Маняша. Этого достаточно. – Артем быстро переписал необходимые данные в свой блокнот. – Все, мне пора.

– А что делать... с этим? – Маняша глазами указала на пакеты, разложенные на полу.

– Нужно подумать... – Майор скривился так, будто ему наступили на мозоль.

Проблема и впрямь была сложной, почти неразрешимой. Изъятие такой большой партии героина по обычной процедуре автоматически означало информационный взрыв. Газеты, радио, телевидение, статьи ушлых журналистов, интервью больших милицейских начальников, которые будут выпендриваться перед телекамерами и красочно расписывать свои заслуги в искоренении такого социального зла как наркомания...

Короче говоря, базар-вокзал. Который тут же дойдет до ушей наркоторговцев, хозяев героина. (Артем почему-то совсем не думал, что товар принадлежал лично Завидонову; при всем том, такое предположение относилось к разряду фантастических).

Но это был выход. На первый взгляд самый простой и эффективный. И самый губительный для расследования. Узнав, что товар в руках правоохранительных органов, убийцы Михаила лягут на дно, и он вряд ли когда-нибудь сможет посмотреть им в глаза... хотя бы через прорезь прицела. (Чего ему хотелось до смерти, честно признался самому себе Артем).

Можно, конечно, уничтожить героин. Просто взять и спустить порошок в унитаз.

Спустить – и забыть о нем. Навсегда.

Но тогда на своей жизни можно будет поставить крест. Наркоторговцы не успокоятся, пока не выбьют из него признание. А потом сделают контрольный выстрел в лоб или затылок. Он на

подозрении, и этого вполне достаточно, чтобы бандиты преследовали его всю оставшуюся жизнь. А в средствах и методах для достижения своей цели они не будут стеснены.

Артем принял решение. Оно пахивало голым авантюризмом, однако обстоятельства не располагали к разумному разрешению создавшейся ситуации.

Майор обязан был найти убийц друга. Он поклялся. И этим все сказано.

– Найдите мне листок бумаги, – попросил он несколько изменившимся голосом.

Артем составил протокол изъятия героина, указав дату, время, количество пакетов и примерный вес, а затем дал подписать Софье Алексеевне и жене Михаила. Затем он спрятал бумагу во внутренний карман и спросил, выглянув в окно (там шел мелкий занудливый дождь):

– У вас остался Мишин плащ?

– Да... – В глазах Маняши майор прочел недоумение.

– Тогда приступим...

Он рассказал, что нужно делать, и через десять минут стал похож на Винни-Пуха, который объелся меда в гостях у Кролика. Пакеты с героином прикрепили к его туловищу с помощью клейкой ленты и бинтов, и ему пришлось, кроме плаща, натянуть на себя еще и майку Завидонова, потому что он не мог застегнуть ни рубашку, ни пиджак. Михаил был здоровым мужиком – на четыре размера больше, чем Артем, – потому мгновенно располневшему майору одежда друга пришлась впору.

– Я пока не понимаю, что все это значит, – Артем похлопал себя по вздувшемуся животу, – но уверен в одном – Миша ни к какому криминалу не причастен. Впрочем, вы это знаете не хуже меня. И свое мнение я буду отстаивать где угодно и перед кем угодно.

– Спасибо, Артем, – тихо обронила Маняша.

– За что спасибо? – удивился майор.

– За твою веру в Мишину честность и порядочность. Если бы он этим... этим занимался, я знала бы. Миша никогда и ничего от меня не скрывал.

– У меня к вам просьба, – подумав, сказал Артем. – Будьте очень внимательны, старайтесь по вечерам не выходить на улицу и держитесь поближе к людям. Не оставляйте детей одних. Если заметите что-либо подозрительное – пусть даже самую малость – немедленно звоните мне. Я не думаю, что те, кому принадлежат наркотики, примутся за вас. И все же, если такое случится (мне это тяжело говорить, но я вынужден вас предупредить), скажете тем людям, что после смерти Михаила я забрал какой-то пакет и унес. Что в нем было, вы не знаете. Держитесь за эту версию руками и зубами. Только она может спасти вам жизнь...

Уходя, майор мысленно ругал себя на все заставки. Своим поступком он поневоле вовлекал семью погибшего друга в орбиту расследования обстоятельств его смерти. А это уже было опасно. Смертельно опасно.

Но иного пути к змеиному гнезду наркоторговцев он не видел. Пока они проявляют живой интерес к героину, невесть как очутившемуся в кладовке Завидоновых, у него есть шанс выйти на их след. Пусть даже при этом он будет исполнять роль наживки. Что поделаешь: назвался груздем – полезай в кузовок. Сам выбирал себе профессию, никто не подталкивал.

Выйдя на улицу, Артем осторожно осмотрелся. После попытки похищения он стал

проверяться на предмет "хвоста" или чего-нибудь подобного. И по истечении какого-то времени убедился, что никто за ним не следит и не провожает до дома.

Конечно, он мог и ошибиться. Майор был недостаточно натренирован в этом компоненте, столь необходимом бойцам разведывательных спецподразделений службы безопасности.

В рутинной работе уголовного розыска такие навыки применяются очень редко и практически бесполезны. За исключением сотрудников службы наружного наблюдения, которые просто обязаны исполнять роли невидимок.

Война в Чечне, где ему пришлось выполнять различные спецзадания, немного подтянула его лишь по такой дисциплине, как наука выживания в горной местности. И не более того.

Но город и дикая природа – две совершенно разные и несовместимые вещи. Что хорошо на ровных, как стол, мостовых, то противопоказано на заросших лесом крутых склонах.

Но сегодня Артему совершенно не хотелось, чтобы кто-то заметил его маневры и сделал соответствующие выводы. Усевшись в служебную "шестерку" (Пека все-таки выполнил свое обещание и выцыганил у вышестоящего начальства дополнительное транспортное средство), он сказал сержанту-водителю:

– Ну-ка, братец, давай покатаемся по городу.

– Простите, не понял...

– Представь, что ты экскурсовод, а я – заграничный турист. Показывай городские достопримечательности. Только не комментируй и старайся объезжать колдобины.

Вперед.

– Слушаюсь.

Они колесили по городским улицам битый час. Пока Артем не уверился, что все-таки горизонт позади чист. Никто не преследовал "шестерку", никто не вел за ним наблюдение – проверяясь, Артем два раза выходил из машины и шел пешком, заходил в магазины и злачные места.

И тогда майор решился:

– А теперь давай на проспект Титова, – приказал он уже переставшему удивляться водителю.
– Остановишься возле дома номер сто десять.

Когда они нашли удобное для парковки место, Артем сказал сержанту:

– Жди меня и не лови мух. Будь настороже. Замкни все двери и подними стекла. В случае чего, вызывай от моего имени подмогу.

Ошеломленный водитель беззвучно открыл рот, но так ничего и не ответил. Наверное, не нашел нужных слов. Майор лишь ухмыльнулся в сторонку; теперь он был абсолютно уверен, что сержант глаз не сомкнет и будет сидеть на мягком удобном сидении как на раскаленной сковородке. Что и требовалось доказать. Ему вовсе не хотелось, чтобы из-за него пострадал этот еще совсем зеленый парнишка. Мало ли что взбредет на ум тому, кто имеет на Артема зуб.

Проспект Титова шел параллельно улице, на которой располагалось здание криминалистического отдела. Артем знал, что к нему можно добраться проходными дворами. Это был хороший способ еще раз проверить, не тянется ли сзади какой-нибудь очень хитрый

"хвост". И, ко всему прочему, майору вовсе не хотелось, чтобы героиновый след обнаружился в лаборатории Сережи Горюнова, где он думал на время пристроить опасную находку.

– Что, пришла мода носить чехлы от танков? – спросил эксперт, критически осмотрев майора с ног до головы.

– Тебе не нравится фасон моего плаща?

– Фасон так себе, а вот размер... Хиппуешь?

– Не без того... – Артем заглянул в соседнюю комнату. – Ты один? – спросил он, понизив голос до шепота.

– Ну, опять!.. – Горюнов с трагической миной на лице поднял лицо и руки к потолку. – Тайны египетских пирамид. Союз анонимных алкоголиков. Общество незарегистрированных идиотов "Серж и компания". Слушай, Артем Саныч, мне твои заморочки во где сидят. – Он ткнул пальцем под кадык. – Мылится очередная авантюра?

– Бери выше.

– Неужто измена родине!? – притворно ужаснулся эксперт.

– Нечто в этом роде. По крайней мере, измена служебному долгу – точно.

– Артем, не шути так мрачно! Несмотря на демократию, ментов по-прежнему сажают исправно. И надолго. Хочешь испробовать тюремную диету? Но на твоём теле и так лишнего жиру ни грамма не сыщешь. Так что не стоит.

– Я не шучу, Серж. Все обстоит очень серьезно. Без твоей помощи мне не обойтись.

– Ты знаешь, что я никогда тебе ни в чем не отказывал. Так что давай, режь правду-матку прямо в глаза. Помирать так с музыкой. Для друга ничего не жалко. Единственное утешение – сидеть будем в одной зоне.

– Во-первых, мне нужно сделать срочный анализ героина. Чтобы более менее точно знать страну-изготовителя. То, что порошок явно произведен не в кустарных условиях, я практически не сомневаюсь. И посмотри по базе данных, не было ли в наших прошлых "уловах" героина с идентичным химическим составом.

– Уф-ф! – облегченно вздохнул Горюнов. – Я грешным делом подумал, что ты и взаправду решился на что-нибудь эдакое... – Он нарисовал в воздухе растопыренными пальцами абстрактную фигуру. – О чем базар, Саныч! Сделаем в лучшем виде и с максимально возможной быстротой. Оформляй заявку на процедуру, а я пока пошлю за пивом. Чего время впустую разбазаривать.

– Никаких заявок. Анализ сделаешь в качестве одолжения. Притом, по возможности, лично. Для меня главное, чтобы твои эксперты ни слухом, ни духом... Усек?

– А вот это уже почти криминал, – ответил вмиг приунывший Горюнов. – И я так понимаю, что анализ лишь цветочки.

– Угадал. Сережа, мне больше некому довериться. – Артем снял плащ Завидонова. – Закрой кабинет на замок. Спасибо... – Он стащил через голову майку и предстал перед Горюновым очень располневшим и забинтованным от пояса до шеи.

– Бли-ин... – У эксперта отвисла челюсть. – У тебя что, водянка!?

– У меня на теле героина на полмиллиона "зеленью", – в тон ему ответил майор. – Неучтенного, – добавил он с нажимом.

– Может, толкнем, а? – мгновенно оживился Горюнов; его глаза засверкали как горящие уголья. – У меня когда-нибудь будут дети, а их кормить нужно. Я уже не говорю о будущей супруге. У женщин аппетит на деньги... сам знаешь какой. Ты тоже на югах не был... дай Бог памяти... Сколько? Точно, в аккурат шесть лет. Ну что, по рукам? Я не прошу половину навару. Сорок процентов мне вполне достаточно. Много? Ладно, ладно, не злись. Согласен на тридцать пять. Все честь по чести. Твой товар – моя реализация. У меня есть один кент на примете. Надежный человек. Свой в доску...

– Серж, ради Бога, заткнись! – наконец сумел вклиниться в речь эксперта Артем. – Из-за этого героина убили Завидонова.

– Не понял...

– Мне тоже пока ничего не понятно. Одни догадки. Но из-за этого зелья меня пасут, притом очень серьезные люди. Наверное, думают, что твоя идея толкнуть товар уже превратилась в действительность.

– Михаил продавал наркотики? Не может такого быть!

– И я тебе об этом. Помоги...

С помощью Горюнова майор освободился от повязок, и на столе перед ошарашенным экспертом выросла горка пухлых пакетов из толстого прозрачного полиэтилена, заполненных желтовато-белым порошком.

– Ни фиги себе... – сказал Горюнов и положил один пакет на весы. – Ровно килограмм.

Кстати, товар маркирован. Видишь, вот здесь, в углу пакета. Тиснение горячим способом.

Очень мелкие и аккуратные буквы. Шрифт латинский. Упаковка заводская, это точно.

Тут ты угадал.

– И о чем говорит эта маркировка?

– Хрен ее знает. Я ведь не ходячая энциклопедия. Вообще-то, химанализ и все, что связано с наркотиками, не моя прямая специальность. А значит, я лично не смогу гарантировать высокопрофессиональное экспертное заключение. Придется действовать изобретательно, методом наперсточников.

– Это как? – любопытствовал Артем.

– У нас есть один дед, старый кадр, пенсионер, который подрабатывает лаборантом. Вот я ему и сбегрю навеску из этой партии, подменив какой-нибудь вещдок. У него много всякой наркотической дряни ждет своей очереди на анализ. Он очень рассеянный, потому надеюсь, что мой номер пройдет без сучка и задоринки.

– Если у него старческий склероз, то как можно надеяться на полную достоверность результатов анализа?

– Может, наш дед и забывает, где положил свои очки или оставил тапочки, но что касается работы – увольте. Старик работает как самый современный компьютер – быстро, точно и скрупулезно. Он спец-криминалист высшей квалификации. Такие теперь редкость.

Кстати, дедушка – кандидат наук. Он написал кучу книг и статей.

– Ну-ну... – Артем все еще пребывал во власти сомнений.

– А что делать со всем этим? – Горюнов указал на пакеты с героином; в его голосе явно слышалось сожаление.

– Это второй пункт в моей просьбе. Серж, нужно спрятать порошок куда подальше. И в очень надежное место. Под ключ. Так, чтобы ни одна душа, кроме нас с тобой, не знала, где хранится эта пакость.

– Есть тут у меня одно местечко... – Эксперт в задумчивости почесал макушку. – Я там храню излишки спирта.

– Излишки? – В глазах Артема мелькнули смешинки.

– Не придирайся к словам. – Горюнов хитро ухмыльнулся; а затем нахмурился. – Ох, подведешь меня под статью, ей-ей...

– Я не могу тебя неволить. Если опасаясь, лучше я найду другой тайник.

– Как ты мог такое подумать!? Это касается не только нас с тобой, но и Миши Завидонова.

А я, если ты помнишь, пообещал в свое время, что моя помощь в расследовании гарантирована. Каким бы боком оно не повернулось. Так что, Артем Саныч, складывай пакеты вон в ту коробку, грузи ее себе на заливку и топай за мной.

Эксперт открыл своим ключом дверь, которая вела на лестницу запасного выхода, и они спустились в подвал. Массивная металлическая дверь подвала тоже была замкнута, но у Горюнова нашелся ключ и для нее. Немного поплутав среди каких-то ящиков и списанной мебели, эксперт сдвинул в сторону старый шкаф, вынул из стены несколько кирпичей, и в образовавшейся нише Артем увидел вмурованный сейф.

– Вот так, дружище, – улыбнулся довольный эксперт. – Учти, доверяю тебе страшную тайну.

– Как некий аббат узнику замка Иф Эдмону Дантесу, – подхватил по хорошему удивленный майор.

– Чур тебя! Аббат, настолько мне помнится, после этого копыта откинул, а мне еще рановато.

– Сам соорудил? – Майор недоверчиво постучал костяшками пальцев по изрядно поржавевшей дверке сейфа.

– Неужто ты сомневаешься, что я способен на такой трудовой подвиг??

– Очень сомневаюсь, – сознался Артем.

– И правильно делаешь. – Горюнов коротко хохотнул. – Рожденному пить физический труд вреден. Тайник я обнаружил совершенно случайно, когда вместе с сотрудниками отдела таскал сюда поломанную мебель и списанное оборудование. Сейф был не заперт, и мне пришлось всего лишь поставить новый замок. Ну как, нравится?

– Блеск...

Он и впрямь не ожидал увидеть такой шикарный тайник. Теперь Артем был уверен, что героин будет спрятан надежно. До лучших времен.

Вот только наступят ли они когда-нибудь?

Глава 28

Подручные Вениамина глаза Саюшкину завязывать не стали. Чем подтвердили худшие предположения несчастного вора – ему заказана дорога только в один конец.

Но это "открытие" вовсе не повергло Леху в уныние. Уж лучше сразу пуля в лоб, нежели очутиться на месте Микиты Москаленко. Вспомнив сцену в подвале, Саюшкин почувствовал, как по спине побежал мороз. Жуть...

Леха не очень внимательно смотрел по сторонам, занятый своими мыслями.

Машина с Вениамином и Марликом ехала впереди. Саюшкина усадили в "джип", куда забрались еще четверо быков во главе с Серым.

Бандит расположился рядом с водителем и время от времени оглядывался на вора, который был сжат с боков, словно шпротина в банке. В глазах прыщавого мелькали лихие огоньки и неприкрытая злоба, смешанная с издевкой.

Похоже, этот сукин сын, бандитская морда, уже мысленно смаковал предстоящее "развлечение". А в том, что Серый выговорил себе право лично перерезать Саюшкину горло, Леха совершенно не сомневался.

Саюшкин понял, где находится логово Вениамина только тогда, когда впереди, с левой стороны, показались холмы, опоясанные свежевырытыми траншеями. Это были археологические раскопки.

Не лишенный интеллекта вор всегда с удовольствием смотрел передачи, в которых рассказывалось о различных чудесах типа НЛО, научных открытиях и древностях. О том, что неподалеку от города нашли славянское городище, Леха узнал из местных телевизионных новостей. Съемку вели не только с земли, но и с воздуха, потому вор, едва увидев разрытые холмы, сразу сообразил, что собой представляет фермерское хозяйство, превращенное в бандитское гнездо.

Раньше там находилась контора совхоза, который поставлял овощи и фрукты городской и областной партийной номенклатуре. Лучший в округе чернозем, развитая инфраструктура хозяйства, где все земли были поливными, и импортная техника позволили совхозу держать высокую марку даже в смутные перестроечные времена.

И только с развалом Союза дела покатились вниз. А когда воцарилась демократия с новыми лозунгами типа "Греби под себя столько хочешь, но не забывай делиться с кем нужно" и "Бери побольше, прячь подальше – лучше за границу – и отдыхай на Багамах", совхоз и вовсе захирел.

Было украдено и разобрано по кирпичику все, что только можно. За исключением здания конторы и различных подсобных строений, спрятанных за забором и охраняемых людьми директора благополучно почившего совхоза. Заручившись поддержкой новых господ, он сначала уволил всех рабочих, а затем получил статус фермера и земли совхоза.

По слухам, которые случайно дошли до Саюшкина, фермерское хозяйство процветало, а ловкач-директор почти каждый вечер кутил в дорогих ресторанах города или играл по крупному в казино. Видимо, он нашел богатых спонсоров.

Теперь Саюшкину было известно, что собой представляют эти "спонсоры".

Лучшей базы для банды убийц и наркоторговцев не придумаешь. Сюда если и заявлялся кто-нибудь из милиции, так разве что местный участковый – за очередной мздой...

Леха и не думал сдаваться. Как верно подметил Вениамин, Саюшкин и впрямь был хитер и предусмотрителен. Потому ни разу и не попадался на кражах. Он никогда и ничего не делал с кондачка, как придется.

Леха был и стратегом и тактиком в одном лице. Прежде чем идти на дело, он узнавал все, что только возможно, о хозяевах пса, об их привычках и наклонностях, а самое главное – о возможностях. Он воровал собак только тогда, когда был уверен, что история закончится лишь объявлениями в газете и на столбах, в которых владельцы украденных животных обещали вознаграждение за возврат своих любимцев.

Но если "клиент" принадлежал к особо крутым и богатым, способным и за меньшее размазать по стенке кого хочешь, Саюшкин благоразумно давал задний ход. Он не желал иметь сложности, что называется, на ровном месте. Лучше отказаться от выгодного предложения, нежели сожалеть о своей глупости из могилы.

И все же главным коньком собачьего вора была его способность предусматривать различные нестандартные ситуации. Во-первых, он был очень наблюдателен и так хорошо знал город и его окрестности, что мог, не задумываясь, сказать, сколько ступенек в соборе, где находятся самые удобные (для бегства в случае надобности) проходные дворы, и как незаметно миновать милицейские посты.

Однако и это было не все. Во-вторых, Леха готовил себе на случай непредвиденных ситуаций еще и пути отхода. В свободное от "работы" время он рыскал по таким закоулкам, куда нормальный человек в здравом уме никогда не сунется. И, в конце концов, изучил городское дно как крыса.

Саюшкин солгал Вениамину. Открыть смуглому точное местонахождение героина значило подставить Жужу. Кто знает, оставят ли ее в живых, когда изымут порошок. А Лехе меньше всего хотелось, чтобы из-за него, непутевого, гибли безвинные люди. За все в ответе только он – и баста. Тем более что собачий вор и не думал сдаваться на милость бандитов.

Они ехали как раз в те места, которые упорный Саюшкин излазил на коленках вдоль и поперек. Леха долго думал, как ему безболезненно и своевременно соскочить с телеги, которая везла его на эшафот. И, в конце концов, придумал.

Старая, давно неработающая, макаронная фабрика находилась практически в центре.

Обнесенная высоким дощатым забором с надписями по периметру "СМУ-28", она торчала в исторической части города как заноза в мягком месте. Фабрика была построена в 1912 году и с той поры ее красных кирпичных стен не касалась ни одна заботливая рука. Тем не менее, фабричные корпуса выглядели новее и ухоженней, нежели замызганные пятиэтажные "хрущевки".

До революции на фабрике производили не макароны, а выпекали хлебобулочные и кондитерские изделия. Ее построил какой-то предприимчивый француз, здраво рассудив, что быстро растущему городу необходимы не полукустарные пекарни, ютящиеся в полуподвалах, а мощное производство, оснащенное самой новой по тем временам техникой, с большим ассортиментом выпечки. В принципе он не прогадал, но его здорово подкузьмили большевики, с пролетарской прямоотой и непосредственностью отменившие частную собственность и посчитавшие, что всякие там бламанже и французские булки для рабочего человека большая роскошь.

Мода на макароны и вермишель пришла несколько позже, и хлебозавод, как наименовали фабрику бойцы за светлое будущее трудящихся, перепрофилировали. Наверное, макаронка со своей допотопной техникой так и вошла бы в новое тысячелетие, не случись перестройки, плавно перешедшей в перестрелку.

Сначала наемные убийцы застрелили директора фабрики, который не хотел отдавать, кому ни попадя, притом за бесценок, контрольный пакет акций своего родного предприятия. А затем, когда мафиози воцарились среди старых стен, провалился пол в главном корпусе. Видимо, священная земля хлебопеков не захотела, чтобы ее топтали ноги бандитов.

Провал засыпать так не смогли. И щебень, и бетон бесследно исчезали под землей в огромных количествах, словно там образовалась черная космическая дыра. Только спустя какое-то время старожилы вспомнили, что фабрика построена над старыми катакомбами.

Почесав стриженные затылки и подсчитав убытки, новые хозяева фабрики закрыли производство и испарились. Кто куда: шестерки отправились на тюремные нары, часть главарей слиняла за рубеж, а кое-кому не повезло – пошли вдогонку за покойным директором фабрики.

С той поры макаронка стала памятником эпохи, вызывающим нездоровый интерес со стороны иностранных туристов и прочих гостей города. Мэр сна лишился, обдумывая, как убрать здания фабрики, от которых за версту несло сортиром.

Дело в том, что шикарный платный туалет возле Троицкой площади был не всем по карману, и некоторые некультурные личности облюбовали под отправление естественных нужд пустые фабричные помещения. Вызывали даже армейских взрывников, чтобы снести фабрику и на ее месте разбить сквер с фонтаном.

Но спецы, произведя необходимые расчеты, незамедлительно отбыли восвояси. И все потому, что толстенные фабричные стены, сложенные из красного кирпича на специальном растворе с добавлением куриных яиц, могли выдержать даже атомные взрыв.

Саюшкину, если не брать во внимание специфические запахи, фабричная территория пришлась по душе. Там были такие подвалы, откуда на поверхность не доносилось ни единого звука, вплоть до стрельбы и взрыва гранат. Один из таких подвалов он приспособил под вольер для краденых собак.

Машины проскочили Троицкую площадь и свернули в тупиковый переулок. Он был образован фабричным забором и различными историческими зданиями, красиво выкрашенными в разные цвета и резко контрастирующими с угрюмыми цехами старой макаронки. Леха с тоской глянул на празднующихся гуляк, которых зазывно манили огни многочисленных увеселительных заведений, и почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Ну что же он такой невезучий!

– Выползай... чучело! – один из быков бесцеремонно выдернул вора из "джипа.

Серый тут же приковал себя к Саюшкину наручниками.

– Говорят, что ты шибко прыткий, – недобро проворчал он, и ткнул Лехе под нос свой кулачище. – Смотри у меня...

– Веди, Сусанин, – весело сказал Вениамин и, разминаясь, потянулся до хруста в костях. – Тайник у тебя будь здоров... – Он окинул фабричные постройки критическим взглядом.

"Будет тебе и Сусанин, и все остальное, – подумал с внезапно проснувшейся злостью вор.

– погоди чуток..." Через брешь в заборе вся компания проникла на территорию фабрики, и

Леха повел бандитов в приземистый склад, где находился один из заброшенных подвалов.

Спустившись по щербатым ступенькам вниз, они очутились в захлапленном сводчатом помещении с глубокими нишами. В одной из ниш зиял пролом; из него тянуло сыростью.

– Здесь, – сказал Саюшкин, указывая на пролом.

– Мрачное местечко... – Фонарь Вениамина осветил углы, затянутые паутиной. – Что значит – здесь?

– В этой дыре спрятан товар. Там, в глубине...

– Мудро, – похвалил вора смуглый и направил луч фонаря на пролом. – Э, да здесь целый провал!

– Нет, – сказал Саюшкин. – Всего лишь ход.

– И как далеко ты положил товар?

– Ну... метров восемь-десять, если считать от поворота.

– Там есть еще и поворот?

– Он совсем рядом. Присмотритесь, сами увидите.

Вениамин опустился на колени и влез в пролом по пояс.

– Верно, поворот вижу. – Он встал прямо и начал отряхиваться. – По-моему, ход несколько узковат.

Леха скромно промолчал, потому что на этом как раз и был построен весь его план спасения собственной головы.

– Товар лежит на видном месте, или ты его закопал? – спросил Вениамин.

– Он в сумке. Я присыпал ее мусором и пылью. Там была ямка...

– Какой-нибудь знак оставил?

– А как же. Сбоку я нарисовал мелом крестом крест.

– Это хорошо... – Смуглый осветил братву и окинул ее задумчивым взглядом. – Кто тут у нас поуже? Ты! – ткнул он пальцем в того, который вытащил вора из кабины "джипа". – Все слышал? Лезь, – приказал он не терпящим возражений голосом.

Видно было, что бык совсем не в восхищении от такого "доверия" со стороны босса, но он лишь угрюмо кивнул, снял куртку, пистолет вместе с наплечной кобурой и, кряхтя, втиснулся в действительно узкий для его туши лаз. Глядя на него, Саюшкин только мысленно посмеивался.

Он знал, что здоровяк доберется максимум до поворота. Дальше ход сужался, и по нему мог передвигаться только худой и гибкий человек. А среди спутников Вениамина таких не наблюдалось.

Конечно, сам смуглый был достаточно сухощав (правда, широкоплеч), но Леха очень сомневался, что он рискнет лезть за героином. Боссу не пристало заниматься грязной работой...

Из пролома поначалу слышалось пыхтение, а затем раздались приглушенные крики:

– Братва! Вытащите меня отсюда! Я застрял!

– Твою мать!.. – выругался Вениамин. – Ну, чего рты разинули!? – громыхнул он на своих подручных. – Вытаскивайте этого трусливого дурака. Застрял он, видите ли... Бля!

Общими усилиями, с горем пополам, изрядно помятого и исцарапанного быка вытащили на свет ясный – если так можно было назвать грязный и темный подвал, освещенный суматошливо бегаящими лучами электрических фонариков.

– Там пролезет разве что кот, – оправдывался перед Вениамином незадачливый бык, закрываясь широченной ладонью от света. – Этот козлице водит вас за нос.

– Весьма возможно, – задумчиво сказал смуглый и обернулся к Лехе. – Что скажешь, Сусанин?

– Похоже, для него этот лаз действительно узковат, – спокойно согласился Саюшкин. – Но я передвигаюсь по нему без всяких проблем.

– Тогда дерзай, – решительно распорядился Вениамин. – Лезь сам. Кстати, о Сусанине знаешь?

– Читал... в школе.

– Поляки, которых Иван Сусанин завел в дебри, изрубили его саблями, которых у нас нет.

Но ты особо не обольщайся. Мы тебя ножичками будем резать, по кусочку, если ты нам фуффло гонишь. Понял?

– А как же.

– Тогда вперед.

Стараясь сдержать внезапную радость, заполнившую его до самой макушки, Леха шагнул к пролому – и остановился, очутившись в железных руках Марлика.

– Ну-ка, погодь, сучье вымя, – сказал белобрысый, направив луч фонарика прямо в глаза вору.

– Что там еще? – недовольно спросил Вениамин.

– А если этот фраерок когти рванет? – ответил ему Марлик. – Лаз узкий, кто его догонит?

– Дело говоришь... – Смуглый задумался, а затем спросил у Серого: – Вспомни, не завалилась ли в багажнике какая-нибудь веревка?

Тот потоптался на месте, изображая усиленный мыслительный процесс, и ответил:

– Не-а...

– Нужна страховка... – Вениамин достал из кармана мобильный телефон и отдал его Марлику. – Позвони Коляну. Пусть срочно доставит сюда тонкую, но прочную веревку.

Сколько метров до того места, где ты зарыл товар? – спросил он Леху.

– Двадцати пяти метров веревки вполне достаточно, – ответил вор как можно безразличней.

Ему было абсолютно наплевать на то, какую веревку привезут. Лишь бы не металлический трос...

Веревка оказалась и впрямь очень крепкой – альпинистской. Саюшкина привязали за правую ногу и запустили в лаз – как таксу, которая охотится на лис в норах. Леха достаточно споро миновал более широкий участок, а дальше пополз гораздо медленней, хотя и горел желанием быстрее достичь небольшой выемки кубической формы со сторонами, имевшими размеры в длину и высоту примерно по полтора метра. В полу этого расширения находилось отверстие, откуда слышался шум текущей воды.

Вор отыскал этот лаз совершенно случайно. Он был искусственного происхождения и, скорее всего, служил потайным ходом, но со временем кирпич стен выкрошился и осыпался на пол. Потому лаз стал очень узким. Леха не нашел в себе смелости, чтобы продолжить его исследование. Единственное, что он определил, так это глубину отверстия. Она не превышала двух с половиной метров.

И все-таки Саюшкина влекло к отверстию как магнитом. По натуре романтик, он был наслышан, что где-то в городских катакомбах хранятся несметные сокровища: то ли церковные, спрятанные там сразу после революции, то ли более древние – какого-то князя, подвешенного за ребро во времена реформ Ивана Грозного. Леха и верил, и не верил слухам, но мысль стать кладоискателем никогда его не оставляла.

Очувтившись в выемке, вор облегченно вздохнул. Ему дали фонарик, потому Саюшкин сразу же отыскал в углу свой НЗ, который он приготовил еще в прошлом году, во время одного из приступов кладоискательской лихорадки. Там лежали моток шпагата, саперная лопата, небольшая кирка и сумка, набитая толстыми стеариновыми свечами. В сумке находилась и бензиновая армейская зажигалка, упакованная в полиэтиленовый пакет – чтобы камушек не потерял своих качеств.

Все снаряжение здорово отсырело, а железные инструменты покрылись ржавчиной, но Леху это обстоятельство мало волновало. Он схватил лопатку и несколькими ударами перерубил веревку: развязывать очень сложный узел было недосуг, да и вряд ли возможно – недоверчивый сверх всякой меры Марлик постарался на славу и теперь держал поводок с натягом.

"Свободен!!! Ур-ра! Эх, мать моя – женщина!.." – мысленно возликовал вор.

Однако воспрянувший духом Саюшкин не стал предаваться эйфории – недосуг. Он знал, что лаз оканчивается завалом, а потому дорога у него была только одна – вниз, в неизвестность, туда, где уже века не ступала нога человека.

За веревку несколько раз с силой дернули, и Леха едва не выпустил теперь уже свободный конец.

– Эй, парень, ты что там так долго ковыряешься!? – раздался далекий голос Марлика, больше похожий на звериный рык.

– Еще минуту! – прокричал вор в ответ. – Я уже почти на месте!

– Поторапливайся!!!

Да, нюх у этого сукиного сына на жареное будь здоров, подумал Леха, перекинул через плечо сумку со свечами, взял шпагат и кирку, и, неожиданно перекрестившись, отважно спрыгнул вниз – прямо в воду. Фонарик осветил достаточно просторное подземелье, стены которого были сложены из дикого замшелого камня. Подземный ход тянулся в обе стороны, и вор по устоявшейся привычке решил пойти налево.

Прежде чем отправиться в путь, пугающий своей неизбежностью и неизвестностью, Саюшкин загнал кирку между камнями кладки и привязал к ней веревку. Пусть Вениамин и его быки поупражняются, мысленно веселился вор, широко улыбаясь и шагая в темноту. Он держался поближе к стене – вода журчала только в узкой выемке, которая причудливо петляла по центру прохода.

Леха не знал, какие приключения ждут его впереди. Но считал, что лучше помереть от голода в мрачном подземелье, нежели стать живым тренировочным мешком для маленьких жестоких тварей, выдрессированных Вениамином.

Глава 29

Ферапонтова, ремонтировавшего вместе с бригадой квартиру Завидоновых, Артем нашел на объекте – городские власти в авральном порядке заканчивали отделку дома, предназначенного для уволенных в запас офицеров. Где искать Ферапонтова, подсказала жена бригадира маляров. Майор позвонил ей из управления по номеру, который нашла в записной книжке Маняша.

Судя по могильной тишине, царившей на "ударной" стройке, работа, несмотря на бумажную шумиху, шла ни шатко, ни валко. Из строительного вагончика выглянула женщина в годах, одетая в забрызганную краской робу. Она посмотрела на майора с тупым недоумением, широко зевнула, и поспешила вернуться обратно.

У одного из подъездов сидел на ящике хмурый мужик в засаленной безрукавке. Он курил трубку и плевался со скорострельностью пулемета.

– Здравствуйте! – бодро обратился к нему Артем.

– Тьху, тьху! – сплюнул мужик и ответил: – Ага. Тьху, тьху!

– Где я могу найти бригадира маляров Ферапонтова?

– Рыжего? На шестом... тьху! тьху!.. этаже. Следующий подъезд... тьху!

– Спасибо.

Мужик молча взглянул на него, как на пустое место, сделал глубокую затяжку и снова сплюнул. Гегемон-пролетарий, черт бы его побрал, недружелюбно подумал Артем. И начал подниматься по замусоренной лестнице на шестой этаж.

У маляров, судя по покрасневшимся лицам, была легкая разминка перед обедом. Они сидели кто на чем вокруг импровизированного стола, сооруженного из дверного полотна и застеленного мятыми газетами. Бутылки из-под дешевого вина уже были пусты, и народ вел оживленную беседу о предстоящей пенсионной реформе. Компания состояла из двух мужчин и четырех женщин. Майор вычислил Ферапонтова мгновенно. Он и впрямь был пронзительно рыжим и веснушчатым.

– Есть разговор, – поманил его майор, после того как вежливо поприветствовал собравшихся.

Бригадир молча кивнул и вышел вместе с Артемом в другую комнату. Никто из маляров не высказал ни удивления, ни интереса к появлению майора. Видимо, его приняли за клиента, который пришел договариваться о ремонте собственной квартиры.

– Отдыхаете? – для завязки разговора поинтересовался Артем.

– Да ну их... всех!.. – Ферাপонтов хотел было выругаться, но сдержался – все-таки, незнакомый человек, неприлично.

– Это кого – всех?

– Начальство. Обещали подвезти обои и клей еще позавчера, но воз и ныне там. Сидим вот без работы... балдеем. Твою дивизию!..

– Бывает... – индифферентно сказал Артем, сочувственно покачав головой.

– Разве это жизнь? – продолжал жаловаться бригадир маляров. – Ни фронта работ, ни нормального заработка. Перебиваемся шабашками. Кстати, вы по поводу ремонта?

– Можно сказать, что так. – Майор достал удостоверение и продемонстрировал его Ферাপонтову.

Бригадир сразу поскущел и замкнулся. Закурив сигарету, он несколько раз затянулся и обречено спросил:

– Опять будем пахать за спасибо?

– Извините, не понял...

– Что тут понимать? Мы отремонтировали все кабинеты нашего райотдела милиции (да что отремонтировали, вылизали!), но нам не заплатили за работу ни копейки. А теперь, как я понимаю, пришла очередь и городского управления. Обращайтесь к прорабу. Даст добро – пойдем. Куда денешься...

– Должен вас обрадовать – я не хозяйственник, а сотрудник уголовного розыска.

– Радость довольно сомнительная.

– Вы, как я понял, относитесь к большинству.

– То есть?..

– К тем, кто милицию и на дух не переносит, но когда что-нибудь случается, бегут к нам с такой скоростью, что подметки дымятся.

– Не угадали. У меня, между прочим, брат в патрульно-постовой службе. Не сказал бы, что сильно люблю милицию, но и не качу на нее бочку. Все зависит от человека. Если он сволочь, то хотя поповскую рясу на него одень, а гнилая сущность останется.

– Это верно, – согласился Артем.

По первым впечатлениям, Ферাপонтов был достаточно неглупым и начитанным человеком. Что могло значительно облегчить задачу.

– Ваша бригада отремонтировала квартиру Завидонова... – Артем назвал бригадире дату и адрес. – Помните?

– Завидонов... – Бригадир задумался. – Это тот мужик, что на инвалидной коляске?

Здоровый такой... – Он сокрушенно покачал головой. – Только вот беда – ног у него нет.

– Точно, – сказал майор и с горечью подумал: "Теперь ему все равно".

- Конечно, помню, – повеселел Ферапонтов. – Мы с ним по окончании работы маненько того... – Он выразительно щелкнул пальцем по горлу. – Песни пели... А в чем проблема?
- Он погиб, – просто ответил Артем.
- Царство ему небесное, – сказал бригадир маляров и опустил голову.
- Да уж, царство...
- Как это случилось?
- Его убили... в собственной квартире. – Майор решил для пользы дела особо не темнить.
- Вот гады! – Ферапонтов снова закурил. – Наверное, грабители?
- Что-то вроде этого, – уклонился от прямого ответа Артем.
- Минуту... – Бригадир вдруг остро взглянул на майора. – Уж не думаете ли вы, что я и моя бригада как-то замешаны в этом деле?
- А почему я должен так думать?
- Ответ напрашивается сам по себе. Ведь я мог преспокойно сделать дубликаты ключей от квартиры Завидоновых. Для себя, чтобы спустя какое-то время пошарить по комнатам в отсутствии хозяев, или для квартирных воров, выполняя их заказ.
- У меня даже в мыслях не было ничего подобного. Ко всему прочему (и вам это известно), Завидоновых никак нельзя отнести к состоятельным людям. Что делать вора в их квартире?
- И то правда, – согласился Ферапонтов. – Но позвольте, ведь вы сказали, что Михаила – хозяина так звали, я не ошибся? – убили грабители.
- Я такого не говорил. Причины и мотивов, побудивших убийц пойти на преступление, мы пока не знаем. – Тут майор несколько покривил душой. – Из квартиры ничего не взяли.
- Разборка?..
- Ни в коем случае! Завидонов бывший наш сотрудник и мой друг. Он нигде и ни в чем не замаран.
- Ну да, конечно...
- Видно было, что Ферапонтов не очень поверил Артему. Впрочем, майор и не собирался разубеждать маляра. Он пришел сюда совсем с иной целью.
- Ладно, хватит нам ностальгических воспоминаний, давайте перейдем к делу. – Артем прикрыл дверь комнаты плотней. – Настолько мне известно, вы хранили стройматериалы в подвале дома, где живут Завидоновы. В каморке. Это так?
- Да... – На веснушчатом курносом лице Ферапонтова явственно проступило недоумение.
- Ключи от этой каморки были у вас?
- Зачем они мне? Ключи висели в прихожей, возле входной двери.
- Значит, их мог брать любой член вашей бригады?

– Нет. У нас с этим строго. За все в ответе бригадир. С меня и спрос, – твердо ответил Ферапонтов.

– А теперь прошу вас сосредоточиться и хорошо подумать. Вспомните последний день работы. Куда вы девали оставшиеся стройматериалы?

– Будто вам неизвестно...

– Я хочу выслушать вас.

– Все остатки мы занесли в квартиру.

– Кто занимался переноской?

– С разной мелочевкой управлялись бабы, – ну, это... гвозди, обрезки плитусов, остатки обоев – а цемент и алебастр носил Фигарь.

– Позвольте – какой такой Фигарь? – удивился майор. – Насколько мне помнится, по словам хозяев, квартиру ремонтировали только женщины. И вы. Я не прав?

– Правы. Но мешки таскал Фигарь. Это бомж... нет, скорее бич – у него есть квартира. Он у нас подрабатывает на подхвате. Это когда мы шабашим. Мальчик на побегушках.

Принеси и подай, что потяжелее. Правда, ему уже лет сорок. С гаком.

– Тогда почему жена Завидонова утверждает, что стройматериалы в квартиру заносили именно вы?

– Кто спорит? Фигарь поднимал мешки с алебастром и цементом из подвала на лестничную площадку, а я втаскивал их в квартиру.

– Понятно... – Артем задумался, пытаясь сформулировать следующий вопрос. – Скажите, а Фигарь – надежный человек?

– Пьянь, она и есть пьянь, – с философским видом ответил Ферапонтов. – Говорят, он бывший мент. Извините – милиционер... Его из органов за что-то выперли.

– Не нужно извиняться. У нас всякие люди есть. Значит, особого доверия вы к нему не питаете?

– Еще чего! – возмущенно фыркнул бригадир. – Конечно, нет. Я ведь далеко не мальчик. И бугром работаю больше десяти лет. Столько всего навиделся... Дальше порога квартиры, где работает наша бригада, мы Фигаря не пускаем. Вы думаете?.. Нет, ни в коем случае!

При всем том, на убийство он неспособен. Что-нибудь стибрить – да, но причинить комулибо боль – нет. Не верите мне, спросите у наших женщин. Они его знают с давних пор.

Фигарь – безобидный забулдыга.

– А в тот день он сам напросился помочь вам, или вы его пригласили?

– Пригласили. Дело в том, что мы собирались переезжать на другой объект, а там намечался большой объем работ по переноске стройматериалов. Фигарь, он хоть и пьяница, но жилистый мужик.

– Наркотиками Фигарь не баловался?

– Рассказывал, что когда-то пробовал травку курить. Но не понравилось. К тому же, спиртное

у нас гораздо дешевле наркоты.

– Значит, вы стояли на лестничной площадке, дожидаясь, пока Фигарь не поднимет мешки.

– Ну...

– И чем он занимался в подвале, вы не видели.

– В общем, да... не видел. – Ферাপонтов пристально посмотрел на майора. – А какое это имеет значение? Каморку мы освободили, Фигарь вымел оттуда весь мусор и выбросил в мусоропровод. Могу вас заверить, что из материалов мы не взяли даже гвоздя.

– Меня этот вопрос не интересует. Вы можете дать мне адрес Фигаря?

– Пишите...

Пока Артем управлялся с ручкой и блокнотом, Ферাপонтов о чем-то сосредоточенно размышлял, хмуря широкие густые брови, выцветшие до белизны.

– Когда вы встречались с ним в последний раз? – спросил майор, перед тем как попрощаться.

– Давно. И знаете... это даже странно...

– Что значит – странно? – насторожился Артем.

– Несколько раз я посылал за ним Ксюшу (она живет неподалеку от Фигаря), но его не было дома.

– Такие клиенты часов, как говорится, не наблюдают. Может, напился до чертиков и спал мертвецким сном, или где-то шлялся. А возможно попал в больницу.

– Я тоже так думал, – признался бригадир. – Но сейчас понимаю, что был не прав.

– Почему?

– Фигарь обязательно позвонил бы мне. Даже с больницы. Мы ему неплохо платили, и он держался за место подсобного рабочего руками и ногами. Впрочем, возможно я и ошибаюсь... Кстати, он никогда не приходил на работу пьяным.

– Действительно странно... – Тревожное предчувствие вдруг угнездились в голове и заставило майора помрачнеть.

– И еще одно... – Ферাপонтов потер лоб ладонью. – Это по поводу подвала. Мне кажется, я что-то припоминаю... Нет, нужно расспросить. Скажите, все то, о чем мы здесь говорили – большой секрет?

– Какой там секрет. Просто я расследую убийство Завидонова. Обычная работа.

– Значит, сюда можно пригласить и Ксюшу?

– Зачем?

– Что-то она говорила мне тогда... не помню, хоть убейте. Но речь шла о Фигаре. Это точно.

– Тогда – это значит во время переноски стройматериалов?

– Да.

– Зовите вашу Ксюшу, – распорядился оживившийся Артем.

Ксюшей звали женщину лет пятидесяти – из тех, которые, как писал поэт, "коня на скаку остановит". Была она крепко сбита, с румянцем на всю щеку и жгучим незатухающим огнем в черных глазах, являющимся отличительной чертой южнорусских казачек, в жилах которых течет не кровь, а гремучая славяно-кавказская смесь.

Всю подноготную Артем рассказывать ей не стал. Он сосредоточил внимание Ксюши лишь на переноске материалов. Оказалось, что тогда в кладовке командовала она. -...Помню. А как же. – Женщина из деликатности старалась дышать в сторону – чтобы до майора не доходил винный дух. – Шастал там один... Кореш Фигаря; так он сказал. Я его шуганула – будьте здоровы. Все ему объяснила... как полагается. Стой и жди возле подъезда, пока Фигарь освободится. Нечего под ногами путаться, у нас работа. Я что, не права?

– Правы, правы, – успокоил ее майор. – Вам этот приятель Фигаря известен?

– Не-а. Увидела его впервые.

– Он пришел вместе с Фигарем?

– Если не ошибаюсь, чуть позже. Утром его точно не было.

– Как вы считаете, Фигарь ждал своего приятеля?

– Чего не знаю, того не знаю. Но мне почему-то кажется, что Фигарь здорово удивился.

– Расскажите, пожалуйста, поподробней, как все было.

– Ну, этот... хмырек пришел и начал шушукаться с Фигарем. Я не прислушивалась, о чем они там говорили. Забрала остатки клея и пошла наверх. А когда возвратилась, то застала ту же самую картину – торчат в кладовке, курят и базарят. Ну, я, конечно, молчать не стала...

– А что случилось потом?

– Ничего такого... Фигарь взял мешок с цементом и понес к лестнице. Что делала я? Вот чего не помню, того не помню. Кажется... Нет, забыла. Уж извините.

– Приятель Фигаря сразу ушел?

– Черт его знает, – откровенно призналась женщина. – Я за ним не следила. Мне помнится, какое-то время он ошивался в подвале – ждал своего дружка. А потом... Потом исчез.

– А почему вы его не выгнали?

– Думаете, постеснялась? Ничуть. Просто там украсть было нечего.

Довод был исчерпывающим. Чисто русским. Ни прибавить, ни убавить. Артем поверил в него сразу и бесповоротно.

– Вы можете описать его внешность? Пусть даже приблизительно.

Женщина в смущении развела руками.

– У меня плохая память на лица, – сказала она извиняющимся тоном. – Помнится только, что он был худой. И, как мне показалось, испуганный. Все.

– Спасибо. Вы нам здорово помогли. До свидания. Удачи вам...

Артем решил пока не акцентировать внимания на внешности приятеля Фигаря. И не терять времени на составление фоторобота. Ему было хорошо известно то, о чем женщина и не догадывалась. Когда сидишь перед экраном монитора, где мелькают детали лиц, в памяти поневоле всплывают даже мелкие подробности. Просто необходимо, чтобы со свидетелем работал настоящий профессионал, а не безразличный ко всему, кроме собственной зарплаты, поденщик.

У майора был горячий след – Фигарь. По идее, этот странный тип мог ответить на некоторые вопросы, интересующие Артема. В том числе и о личности своего приятеля.

Майор поехал на квартиру Фигаря.

Глава 30

Леха не страдал клаустрофобией, но в подземелье, которое уводило его неизвестно куда, ему стало жутко. Фонарик в руках был весьма слабым утешением. Неяркий желтоватый луч выхватывал из чернильной темени осклизлые стены, покрытые наростами как коростой, кучи камня и битого кирпича, глубокие лужи, узкие боковые ответвления – в основном засыпанные обрушившимися сводами... Короче говоря – картина не для слабонервных.

Вор шел не быстро, опасаясь попасть в какую-нибудь незамеченную ямину. Когда он продвинулся вперед метров на сорок (может, несколько дальше), позади раздался приглушенный расстоянием и земной толщей грохот взрыва. Сверху посыпалась каменная мелочь, но подземный ход устоял.

Саюшкин сразу смекнул, что это такое. Наверное, Вениамин все-таки раскусили Лехину игру, и, не сдержав злобный порыв, приказал зашвырнуть в лаз гранату. Видимо, он сообразил, что вор привязал к чему-то веревку-поводок и забился в какую-нибудь дыру, решив не дожидаться обещанных "милостей". Теперь ему назад ходу точно не было.

Интересно, думал Леха, попытаются они достать его из норы, или нет? Как никак на кон поставлены сотни тысяч "зеленью". Но, по здравому размышлению и сообразуясь с характером Вениамина, Саюшкин все же склонялся к тому, что смуглый не будет этого делать. Он вовсе не дурак, этот "фермер" от гоп-стопа. Хитер, ох, хитер, сукин сын...

Потому первой мыслью, которая пришла Вениамину на ум, скорее всего, была догадка, что их "Сусанин" дал деру по заранее подготовленному маршруту. А значит, поставив на всякий случай возле пролома сторожей, Леху будут ждать на поверхности. Ждать и искать. Да так, что перевернут весь город вверх тормашками.

"Ну что, козлы, взяли Сусанина!? – торжествовал вор, когда затихло эхо взрыва. – Ножичками порежем... Как бы не так. Не говори гоп... Мы еще маненько покувыркаемся.

Лишь бы отсюда выбраться..." Он шел очень долго – так ему показалось. Приподнятое настроение постепенно улетучилось, и ему на смену пришел нестерпимый голод. Саюшкин до такой степени хотел поесть, что у него заболел живот. Ему даже показалось, будто склеились стенки желудка. Леха знал за собой такую слабость. После своей воровской "работы", которая тоже забирала много нервной энергии, он мог есть и пить за четверых, и даже с полным желудком чувствовал себя голодным.

Леха чисто механически достал из сумки свечу и сунул ее в рот. Но едва зубы, щелкнув, отгрызли кусочек парафина, он опомнился и с проклятиями выплюнул его под ноги. В этот

момент вор готов был сам себе надавать по мордам: ну что стоило купить свечей из воска!? Денег пожалел, жлоб несчастный... Воск, по крайней мере, можно было употребить вместо жевательной резинки. Все не так жрать хотелось бы.

Он почувствовал, что подземелье идет под уклон. В одном месте Саюшкин едва не свалился, не заметив ступеней, ведущих вниз. Воды здесь стало побольше, но пол был чище, не так захламлен, как вначале. Только теперь Леха заметил, что старинные мастера вымостили его брусчаткой. Собственно, как и все подземелье. Наверное, этот ход являлся главным.

Стало тяжело дышать. Воздух был сильно насыщен влагой, и оседаемо тяжел – давил не только на легкие, но и на мокрые плечи.

И все же, подземелье вентилировалось. Это Саюшкин проверил сразу, как только немного опомнился от переживаний. Он достал зажигалку, несколько раз чиркнул колесиком, и острый язычок пламени сразу же отклонился в сторону. Тяга была, что весьма обрадовало вора. Вот только пламя, как стрелка компаса, указывало именно в ту сторону, куда Леха и шел. Что несколько его озадачило – спуск становился все круче и круче.

Вскоре Саюшкин брел в воде по колени. Она уже не бежала, а лежала перед ним как стекло из обсидиана, оживающее, когда он переставлял ноги. Страх вместе с неожиданным удушьем цепко схватили вора за горло, и Леха едва не закричал благим матом. Но тут откуда-то сбоку, из очередного ответвления, потянуло свежестью, и он пошел на ветерок, совершенно не соображая, что делает.

Здесь ход был поуже. Но он поднимался вверх! Будь Саюшкин в состоянии бежать, он рванул бы вперед заячьим скоком. Но пол под ногами был илистым, встречалось много битого кирпича, и Леха, придавив свое ретивое, шел осторожно, будто по болоту.

Ход вывел его в галерею. Она оказалась просторной и сухой. Наверное, галерея была более поздней постройки, потому что ее стены сложили из грубого кирпича темнокоричневого цвета. С одной стороны галереи – напротив овального зева хода – виднелись глубокие стрельчатые ниши. В одной что-то забелело в глубине, и вор, в котором совсем некстати проснулся кладоискатель, сунул туда руку и вытащил какой-то сферический предмет.

На него глядел череп. Освещенный лучом фонарика, он ехидно скалил зубы и, как показалось совсем потерявшему голову Лехе, подмигивал пустой глазницей.

Коротко вскрикнув, Саюшкин в ужасе швырнул свою находку обратно, и припустил вперед галопом. Но бежал он недолго. Дорогу ему перекрыл достаточно свежий завал.

Леха не стал его разбирать, а повернул обратно. Теперь он шел, стараясь не глядеть на ниши, но глаза словно кто-то поворачивал в ту сторону, притом с помощью грубого ворота. У него от борьбы с самим собой даже глазные мышцы начали болеть.

По галерее Саюшкин шел, как ему показалось, очень долго. Он настолько устал, что не выдержал и сел передохнуть. Вору край нужно было потушить фонарик, чтобы поберечь и так слабые батарейки, но у него не хватало смелости. Из-за черепа Леха боялся остаться в полной темноте. Он боялся – и ничего не мог с собой поделать. Такое случилось с ним впервые.

Тогда Саюшкин зажег свечу. И удивительное дело: запах горячего парафина и волны мягкого света, которые побежали по мрачным стенам подземелья, расширяя пространство, неожиданно подействовали на него как успокоительное. Он расслабился, перевел дух, и в конечном итоге снова обрел способность здраво мыслить.

Леха пошарил на груди, нашел дешевый крестик на тоненькой цепочке с нержавеющей стали,

и крепко сжал его в кулаке. Он купил его нечаянно, на хорошем подпитии, у какойто тетки, которая утверждала, что крестик освящен в церкви.

В принципе Саюшкин не верил ни в Бога, ни в черта, но никогда и не отвергал религиозные постулаты. Он был достаточно начитан, а потому известное выражение "Богу – богово, а кесарю – кесарево" толковал совершенно прямолинейно, без всяких сносок, лишь с поправкой на время и свою "специальность". Единственное, в чем Леха был тверд, как кремь, так это во мнении, что ни в церкви, ни возле нее воровать нельзя.

Грешно.

Но сейчас, сидя на холодном полу подземелья, которое могло и не иметь выхода, Саюшкин вдруг почувствовал в груди какое-то непонятное томление. Что-то доброе, светлое рвалось наружу, взламывая окостеневшую скорлупу души, и свеча от этого разгоралась все ярче и ярче.

Склонив голову набок, Леха с удивлением и замешательством прислушивался к этому совершенно новому, неизвестному чувству, будто оно рождалось не у него, а у кого-то постороннего. Пальцы сами сложились щепотью, и Саюшкин, совершенно не осознавая, что делает, три раза истово перекрестился...

Наверное, он на некоторое время задремал. Очнулся Леха от полудремы-полузабытья мгновенно, будто его кто-то толкнул. Свеча почти догорела, и в ее неверном, колеблющемся свете вор увидел, что пол перед ним как-то странно шевелится и загорается крохотными искорками.

Озадаченный непонятным явлением, Саюшкин тупо смотрел на мельтешащие серые тени.

И только когда в оголенную ногу повыше лодыжки впились острые зубы, он заорал от боли, вскочил, и, включив фонарик, принялся пинать ногами, словно заправский футболист, больших длиннохвостых крыс.

Отвратительные твари разбежались. Но, судя по шороху в темноте, не очень далеко.

Много ли их там? – гадал Леха, дрожа как осиновый лист. Он столько рассказов слышался от знакомых бомжей о городских крысах, что мог написать на эту тему научный труд.

Эта напасть в полной мере проявилась в городе вместе с демократией. Нет, крысы и раньше плодились. Даже коммунисты, при всей их железной воле и настойчивости, не смогли за годы советской власти окончательно решить этот животрепещущий вопрос. Но все-таки крысиное поголовье в годы торжества социализма значительно уменьшилось и ушло в подполье, действуя в основном по ночам, бандитскими наскоками.

Когда перекрасившиеся в одночасье партайгеноссе стали именоваться демократами и либералами, крысиное племя воспрянуло духом. Из-за митинговых страстей и драк возле государственных кормушек новые старые как-то выпустили из виду, что городские помойки тоже требуют внимания и средств. Выросшие, как на дрожжах, кучи не убирающегося месяцами мусора способствовали возрождению целых крысиных колоний.

Теперь, судя по всему, по ночам крысы занимались только сексом. А днем важно разгуливали на виду у совсем обалдевших обывателей, чинно и неторопливо ковыряясь в отбросах, – выискивали по-светлому что вкусней.

Иногда крыс все-таки пытались травить – чтобы заткнуть рты некоторым, особо рьяным, представителям совсем распоясавшейся гласности, которые строчили жалобы на бездеятельность мэрии в газеты и даже ругались с экранов телевизоров. По подвалам домов

лазили какие-то подозрительные дядьки и тетки, чем-то там посыпая полы и обрызгивая стены.

Крысы, недовольные таким нахальство, начинали бунтовать, поднимаясь на верхние этажи и проникая в квартиры граждан. Некоторые особо крупные экземпляры нападали на элитных кошек и собачью мелюзгу. Рассказывали и вообще страшные истории – например, как крысы сожрали младенца – но Леха им не верил.

Однако теперь он понял, что заблуждался. Саюшкин совсем не думал, что крысы приходили к нему на экскурсию, чтобы просто поглазеть – как лилипуты на Гулливера.

Скорее всего, их привлекло настоящее чудо – гора мяса, которая свалилась к ним неизвестно откуда. И теперь крысы, похоже, совещались на какое количество порций ее разделить и кому сколько достанется.

Сжимая в одной руке саперную лопату, а в другой фонарик, Леха побежал, как полоумный, подальше от крысиной стаи. Вскоре серые зверьки исчезли с поля зрения, и запыхавшийся вор перешел на медленный шаг. Теперь ему сильно захотелось пить. От жажды язык стал словно рашпиль и казалось, что он царапает небо.

Иногда вор останавливался возле какого-нибудь ответвления, которое уводило вниз – туда, откуда он пришел. Чего-чего, а воды там хватало. Но, представив давящую мокрую темень, которая ожидала его в самом чреве подземелья, Леха шарахался от проема и шел дальше, безуспешно пытаясь увлажнить рот куда-то пропавшей слюной.

В конце концов он сообразил, что галерея представляет собой гигантское кольцо, полый обод со спицами-тоннелями, уводящими вниз, к какому-то центру или оси. Чтобы в этом убедиться, Саюшкину невольно пришлось, натыкаясь на завал, несколько раз возвращаться назад, чтобы искать новый путь, пока до него не дошло, что все это значит.

Леха не поленился и проделал дыру в завале. Когда он перебрался на другую сторону, то вскоре нашел огарок свечи – в том месте, где отдыхал. Крысы куда-то исчезли, и вор почувствовал себя уверенней и бодрей.

И что теперь? – спросил сам себя Саюшкин, когда сделал свое открытие. Получалось, что он бегал как белка в колесе. От переживаний ему даже есть расхотелось. Но жажда мучила по-прежнему.

Нужно возвращаться к тому месту, где он оставил кирку, чтобы пойти в другую сторону, подумал Леха. И содрогнулся, попытавшись мысленно проделать обратный путь. Нет, только не это! Вору начало казаться, что стоит ему только спуститься вниз, как тут же обвал отрежет ему проход в галерею. Здесь, по крайней мере, просторно и сухо. А что ждет его в другой стороне? Может, там крысы размером с бультерьера. Говорят, и таких видели. Мутанты.

Саюшкин в отчаянии несколько раз стукнулся головой о стенку. Господи, помоги!!! Ведь он еще так мало пожил на этом свете... Господи!.. Если удастся вырваться отсюда живым, он завяжет со своим криминальным промыслом, женится на Валентине и уедет в деревню, где построит дом, посадит сад и вырастит двух, а может и трех сынов. И если его рука сама потянется к воровству, он лично отрубит ее топором.

От умиления и жалости к себе Леха даже пустил слезу. И, как ни странно, ему вдруг полегчало. Слезы будто отмыли замусоренные страхом мозги, и они начали работать в прежнем режиме. Нужно не торопиться, решил Саюшкин, и тщательно осмотреть стены галереи с той стороны, где ниши.

Вопреки ожиданиям вора, ни черепов, ни скелетов в нишах больше не оказалось.

Наверное, его находка была раритетом. Леха освещал каждую нишу, но везде луч упирался в старинную каменную кладку. Совсем отчаявшийся вор, заканчивая очередной "круг почета" – от одной стороны завала до другой, обратной – уже проделывал все манипуляции машинально: смахнул лопаткой бахромчатую занавесь из пыльной паутины, залез в нишу, осветил, осмотрел заднюю стенку, вылез... Смахнул, осветил, осмотрел...

Смахнул, осветил...

Саюшкин едва не проглядел то, что искал. В одной нише задняя стенка была сложена из светлого, местами выкрошенного кирпича. Он явно был изготовлен не кустарным способом, как тот, что пошел на стены подземного кольца. При ближайшем рассмотрении оказалось, что раствор не известковый, как в галерее, который и каленым зубилом не возьмешь, а цементный – он рассыпался под руками.

Подвывая от нетерпения, Леха начал выковыривать кирпичи из кладки лопатой, что оказалось совсем просто. Вскоре они начали сыпаться вниз и сами – от времени раствор превратился в обычный мелкозернистый песок. Какое-то время вор возился, вытаскивая кирпичи в галерею, а потом, расхрабрившись, пнул остатки стены ногой. Раздался грохот, Саюшкин зажмурился и несколько раз чихнул от поднявшейся пыли, а когда открыл глаза и всмотрелся, перед ним зияла чернота нового хода.

Теперь обретший уверенность Леха начал действовать по науке. Он привязал один конец шпагата к кирпичу возле ниши, и начал по мере продвижения вперед разматывать моток.

Саюшкин не был уверен, что путь, по которому он идет, ведет в нужном направлении, и боялся попасть в лабиринт.

Этот подземный тоннель был совсем узким, но, как и галерея, сухим. Человек более солидной комплекции, нежели вор, мог бы тут застрять. Временами Лехе казалось, что ход начинает сужаться еще больше, и тогда мысль, что он направляется в западню, вызывала пароксизмы смертельного ужаса.

Но ненадолго. В очередной раз, собрав волю в кулак, вор заставлял себя идти вперед, невзирая на дурные мысли и предчувствия. В этой ситуации единственной радостью для Саюшкина было то, что тоннель все круче и круче забирал вверх.

Он снова очутился в подземелье. Узкая щель, которой заканчивался ход, превратила его одежду в лохмотья. Леха лишь отчаянным усилием вырвался на просторное место, оставив на шершавой кладке тоннеля не только клочья ткани, но и кусочки собственной кожи.

Это подземелье находилось совсем близко от поверхности. Саюшкин слышал стук трамвайных колес, шум машин и даже, как ему почудилось, человеческие голоса. Но где находится выход?

Немного поколебавшись, вор потопал в ту сторону, откуда слышался разговор – как ночью рыба плывет на свет фонаря. Шел он не очень долго, а когда остановился, то был в полном недоумении – голоса доносились из-под земли! Мало того, Леха уловил даже запах дыма.

Что за чертовщина?!

Привести в порядок расстроенные мысли и чувства он не успел. Саюшкин сделал еще несколько шагов вперед – и земля под ним разверзлась, увлекая в гремящую, жаркую глубь.

Фигарь жил в так называемом спальном районе. Ни одно предприятие не коптило над ним небо (кроме котельной), а средоточием жизненных интересов местных жителей был так называемый Колхозный рынок, куда по выходным дням народ ходил как московский бомонд на премьеру балета в Большом театре – при полном параде, со всеми домочадцами и гостями плюс четвероногой домашней живностью, друзьями человека.

Микрорайон находился на городской окраине, подъезды и подходы к рынку были весьма удобны, потому крестьяне везли сюда свою продукцию с большим удовольствием. Из-за того, что торговать приезжали сами производители, Колхозный рынок считался наиболее дешевым и прослыл бойким местом.

Как-то так получилось, что перекупщики на колхозном рынке не прижились. Не пускали сюда и кавказцев. Апельсинами, мандаринами и сухофруктами торговали русские тетki, орехами и грибами – белоруски, а салом и домашней колбасой – хохлушки. Ну, а всем остальным – прочий интернационал. Такие порядки установил бессменный еще с брежневских времен директор рынка, хитрый, как змей, и пользующийся в городе не меньшим влиянием, чем сам мэр.

С удовольствием вдохнув всей грудью относительно чистый воздух окраины, Артем спустился по тропинке с невысокого пригорка на ровную, как стол, площадку и, сверяя номера домов со своими записями, нашел тот, в котором проживал Фигарь. Обычная девятиэтажка не вызвала никаких ассоциаций, и майор, критическим взглядом окинув разрисованный местными придурками подъезд, поднялся на лифте к квартире бича, как охарактеризовал бывшего мента бригадир маляров Феррапонтов.

Искать нужный номер не имело смысла. Впрочем, его там и не было. Косо навешенная дверь квартиры Фигаря смотрелась так, будто ее только вчера сперли в свинарнике и установили наспех, даже не удосужившись помыть. От нее и запах шел соответствующий.

На грязном коврикe у порога сидел здоровенный черный котик и с вожделием принюхивался к амбрэ, которое так и свистело в широкую щель между дверным полотном и наличником.

– Брысь! – топнул Артем ногой.

Кот недовольно глянул на него изумрудной зеленью совершенно диких глаз, и с достоинством удалился. Он даже не оглянулся, все своим видом демонстрируя полное презрение к человечеству в лице майора.

Артем кошек не любил. Однажды жене подарили совершенно очаровательного котенка персидской породы. Это так майор думал поначалу. Пушистое чудо выросло и превратилось в сущее наказание.

Конечно, со временем кота научили гадить только в отведенных местах. И рвать гардины, а также другие вещи домашнего обихода он тоже перестал. Но эта элитная тварь начала на майора неровно дышать. Кот подстерегал его, как неразумную мышь, в самых разных местах. Он мог цапнуть Артема зубами за ногу во время обеда, притом совершенно без повода, или, например, сидя на коленях и ласкаясь, с неподражаемым коварством оцарапать щеку одним взмахом лапы. А когти у этого зверя были острейшие.

Майор страдал почти четыре года. Укладываясь спать, Артем тщательно закрывал дверь своей спальни, чтобы кот не мог проникнуть в нее ночью. Однажды майор проснулся изза приснившегося ему кошмара. Когда он открыл глаза, то первым, что Артем увидел, были горящие во мраке глазки перса. Кот сидел на тумбочке у изголовья и смотрел на хозяина со

странным выражением, которое очень не понравилось майору.

Его так и подмывало схватить эту хитрую и злобную бестию и выбросить из окна на мостовую под колеса машин. Но Артем не хотел причинять жестоким поступком лишнюю боль Эмме, которая перенесла свою несостоявшуюся любовь к не родившимся детям на персидского красавца.

Помог случай. Сосед по площадке, получив большую премию и обмыв ее по полной программе, – с девочками, сауной, икрой и ведром водки – в полном изумлении от выпитого купил у какого-то прощелыги пса диковинной породы. Ему и паспорт на этого уroda выдали, притом с такой шикарной родословной, что даже Артем позавидовал. По крайней мере, он точно знал, что у него в роду не было, в отличие от пса, ни одного графа или барона.

Условно породистый кобель, ко всем прочим радостям, был еще молод и необучен. И когда в первую свою прогулку, ранним утром, повстречался с персидским котом, тоже большим любителем раннего променада, то, вместо любезного и воспитанного собачьего "вау-вау", пес без лишних предисловий перегрыз персу хребет. А нужно отметить, что клыки у этого необразованного стервеца, несмотря на молодость, были как у матерого волка.

Скандал получился мировой. Артем едва успел спрятать от греха подальше табельное оружие, потому что Эмма, потерявшая способность здраво рассуждать, уже готова была пойти на самые крайние меры – как по отношению к нехорошему псу, так и к его хозяевам.

В конечном итоге она с соседями рассорились напрочь. Перса похоронили со всеми возможными почестями, несчастного кобеля, несмотря на родословную, отправили в собачий питомник к дворнягам (соседи здраво рассудили, что негоже накалять обстановку до предела), а воспрянувший духом майор втихомолку протоптал дорожку к вольеру, где содержался этот негодяй и таскал ему разные собачьи вкусности, пока пса не забрали добрые люди.

С той поры в квартире Чистяковых живность не водилась. Эмма даже сбагрила кому-то совсем безобидную черепаху, проживавшую в семье неизвестно с каких пор. А подаренных на день рождения кем-то из приятельниц волнистых попугайчиков (чтобы они хоть как-то подсластили ей горечь от утраты кота и отвлекли от мрачных мыслей) она с иезуитской мстительностью передарила ребенку подруги, подбивавшей клинья к Артему. Подруга страдала манией чистоплюйства, и мусор, который птички роняли из клетки на пол, доводил ее до бешенства...

Черный бродяга не зря торчал под дверью квартиры Фигаря. В этом Артем был уверен на все сто процентов. Он явно что-то учуял. И майору, хорошо знакомому с кошачьими повадками, это очень не понравилось.

Звонок молчал. Не откликнулся никто и на стук. Тогда майор, нимало не колеблясь, решительно позвонил в квартиру соседей Фигаря.

Дверь отворилась сразу. Мужик, появившийся на пороге, доверия не внушал. Он был похож на большую жабу. Его огромный – от уха до уха – тонкогубый рот смахивал на почтовый ящик. Возле левого уха мужика торчала волосатая бородавка, а на удивление длинные и даже изящные пальцы с хорошо ухоженными ногтями суетливо шевелились, как ожившие макароны. Он был одет в стоптанные шлепанцы, полосатые пижамные брюки – раритет времен застоя – и застиранную, но достаточно чистую майку. Видимо, этот страшила подсматривал за майором в дверной глазок.

– Здравствуйте, гражданин начальник! Какими судьбами?

Елейный голос оживил в памяти не очень приятные воспоминания.

– Неужто Чнырь?[8] – Артем произнес последнее слово не без ехидства.

– Гражданин начальник... – В голосе неприятного типа прозвучала укоризна. – С прошлым я завязал. Меня кличут Иваном Семеновичем. Это я на случай, если вы забыли.

Нет, майор Чныря не забыл. В свое время молодой опер немало попортил себе крови, разбираясь с этим пронырой. Несмотря на рабоче-крестьянскую внешность, сосед Фигаря был большим хитрецом. И сукиным сыном.

– Тебя, Федякин, забыть трудно. Неужто и впрямь перековался?

– Как вам сказать...

– Лучше говори честно.

– Два года назад я откинулся по амнистии и теперь работаю... – Федякин немного замялся, но все-таки продолжил: – В казино.

– Сторожем?

– Обижаете. Тружусь по своей прежней "специальности". Только на законных основаниях.

– Даже так... – Артем был удивлен. – Насколько мне помнится, ты в чалдонах[9] числился.

Такие вольты[10] мочил, что о тебе легенды до сих пор слагают.

– Да-а, было времечко... – Федякин мечтательно сощурился. – Между прочим, мне новая власть медаль должна.

– Это почему?

– Сейчас демократия?

– Демократия.

– Коммунизм она победила?

– Победила.

– А я, как вам известно, разлагал коммунизм изнутри картежной игрой почти двадцать лет.

За что и срок мотал.

– Согласен. Честь тебе и хвала, узник совести. Только насчет медали, уж извини, ходатайствовать не буду. Не уполномочен. Я больше по жуликам всяким, бандитам и убийцам спец. И кстати, я так и не понял, какое отношение имеет твоя "специальность" к функционированию казино.

– Самое прямое. Нет, нет, никаких левых номеров! Просто, иногда в казино захаживают и люди... кгм!.. не совсем чистые на руку. Сиречь, мошенники. И моя обязанность состоит в том, чтобы вычислять таких до того, как уже будет поздно.

– То есть, ты работаешь экспертом по карточным играм.

– Можно сказать и так.

– Поздравляю. Это гораздо лучше, нежели всю жизнь ходить по лезвию бритвы.

Артем многозначительно взглянул на широкий подбородок Чныря, на котором явственно

проступала тонкая длинная полоска старого шрама. Когда-то, в молодости, он не успел сбросить лишние карты и его едва не укоротили на целую голову.

– Ладно, баста. – Майор посуровел. – С воспоминания покончено, есть вопросы.

– О чем базар... – Федякин изобразил подчеркнутую готовность к откровенному диалогу. – Я всегда был как открытая книга.

Книга под названием "Уголовный кодекс", едва не ляпнул Артем, но вовремя придержал язык. При всем том, Чнырь и впрямь старался не лезть на рожон во время допросов, и отвечал почти на все вопросы честно и без утайки; если только они не касались личностей его партнеров по карточным играм.

– Ты знаком с соседом? – Майор кивком головы указал на дверь квартиры Фигаря.

– А, этот... – В голосе Федякина прозвучало незамаскированное презрение. – Мимоходом.

Здрасьте – до свидания. Пьянь подзаборная. Кстати, бывший мент.

– Спасибо за напоминание. А то у меня это обстоятельство как-то из головы вылетело.

– Извините... – Чнырь смутился. – Это я... к слову.

– Не бери в голову... Иван Семенович, а как давно ты его видел?

Собственное имя-отчество в устах такого жесткого и непримиримого опера, как Чистяков, прозвучало для Федякина ангельской музыкой. Он приободрился и ответил с максимальной возможной откровенностью:

– Хрен его знает. Обычно он приползает ночью, а то и к утру пьяным вдрабадан. Правда, не шумит. Только скребется... как вошь в кармане. Но по крайней мере две недели из его квартиры я не слышал даже шорохов.

– Точно?

– Зуб даю...

Майор поверил Федякину сразу. Чнырь всегда отличался повышенным чувством самосохранения. Его большие уши в любое время дня и ночи работали как локаторы, улавливая малейшие признаки надвигающихся неприятностей. Он просто не мог не следить за квартирой своего соседа, тем более что Фигарь прежде служил в милиции. Что, собственно, и подтвердилось, когда Федякин отворил дверь своей квартиры, едва Артем прикоснулся к кнопке звонка – картежный шулер пребывал на "боевом" посту возле глазка.

– Вот что, Иван Семенович, ты одевайся и доставь сюда участкового и слесаря с нужными инструментами. Только не распускай язык. У меня пока одни предположения.

– Неужто?.. – Федякин вздрогнул и отступил вглубь прихожей.

– Не ручаюсь, но очень похоже. Так что поторопись.

Ждать пришлось полчаса. Артем не стал торчать у двери квартиры Фигаря, а спустился вниз и дождался Чныря на улице.

Участковым оказался совсем еще зеленый лейтенант. Когда он уразумел, что от него требуется и зачем его позвали, то побледнел до синевы. Лишь слесарь жилуправления, флегматичный немногословный мужик с подозрительно красным носом, остался спокойным и невозмутимым. Он деловито осмотрел замок и принялся за работу...

Запах в квартире был совершенно отвратительным. Брезгливо закрыв лицо носовым платком, майор подошел к застекленной кухонной двери, но открывать ее не стал. Ему и так хорошо было видно через стекло, что на замызганном полу лежит разлагающийся труп.

Глава 32

Саюшкин очутился в аду. Это он понял сразу. Но его почему-то не посадили на раскаленную сковородку и не поместили в котел с кипящей смолой, а бросили в самый обычный костер. Однако от этого ему легче не стало. Раскаленные угли прожигали одежду, и боль от ожогов заставила Леху закричать.

И все-таки сгореть сразу и дотла вору не дали. Чьи-то руки вытащили его из костра и окатили водой. Наверное, Саюшкину были уготованы длительные мучения в загробном мире. От такого "открытия" ему стало совсем плохо.

Неожиданно темень осветилась. Сильный луч бил прямо в лицо, и Леха зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел над собой уродливую физиономию с широко разинутой щербатой пастью, откуда несло выгребной ямой. Слуга преисподней (так решил Саюшкин) что-то сказал, и его голос был похож на звериный рык. Тут вора охватил ужас, все перед ним поплыло, и он провалился в морок...

Очнулся он лежащим на каких-то лохмотьях в мрачном подземелье. Неподалеку от его "ложа" горел костер, вокруг которого сидели очень подозрительные типы. Над огнем висел котелок, в нем что-то варилось; судя по запахам, весьма аппетитное.

Вор, совсем ослабевший от выпавших на его долю переживаний, глотая голодную слюну, встал на четвереньки и издал слабый возглас. Ему сейчас было абсолютно безразлично, кто сидит возле костра – люди или черти – и что с ним станет. За тарелку супа Леха готов был снова очутиться в костре.

– О, наш покойничек оклемался! – раздался очень знакомый голос. – Гребни к нам, Лекшей.

– Муха!? – Удивлению Саюшкина не было границ.

– Узнал... – На довольной физиономии старого шаромыжника расцвела блаженная улыбка.

– Здесь не токи я, а ишшо и Пятак.

– Привет, братила! – Лысый бомж тоже заулыбался. – Ноги не держат? Счас поможем...

Общими усилиями Леху усадили поближе к костру. Морщась, Саюшкин пощупал огромную шишку на макушке. Видимо, он, когда провалился сквозь пол подземелья, здорово ударился головой о камни. Кроме того, болела обожженная спина.

– Братцы, мне бы чего-нибудь пожрать... – Вор не отводил глаз от булькающего в котелке варева. – Иначе прямо сейчас откину копыта.

– Это мы мигом... – засуетился Муха.

Он откуда-то вытащил относительно чистую невысокую банку из-под атлантической сельди, которая должна была исполнять роль тарелки, и налил в нее подозрительной на вид похлебки.

– Шамай, – сказал он, всучив Лехе большой кусок хлеба и личную деревянную ложку.

– Налей парню стопарик, – напомнил о насущном Пятак. – А то он не в себе.

Саюшкин едва не вылизал свою импровизированную тарелку. Суп оказался с мясом, но вору почему-то не хотелось интересоваться его происхождением. Впрочем, варево было очень вкусным, а водка – настоящей, потому Леха просто не имел права привередничать.

Чуток подкрепившись, он осмотрелся. Возле костра, кроме двух его приятелей, сидел еще один, незнакомый бомж. Он был настолько заросший волосами, что походил на большую копну сена.

Бородатый курил трубку с длинным чубуком, которую время от времени засовывал в буйные заросли, скрывающие рот. Его глаза в полумраке вообще не просматривались, а может он их просто закрыл, потому бомж казался механической куклой с испорченным глазным механизмом. Бородач был абсолютно недвижим, и только рука, которая ходила туда-сюда, указывала на то, что это живой человек.

– Ну ты, блин, отмочил номер... – рассказывал Пятак. – Сидим себе спокойно, костерок разожгли, Муха картошку чистит, Борода по стаканчикам водку разливает... В общем, время коротаем, ужинать собрались. О жизни беседуем. И тут – трах, тарарах! Потолок обвалился, а ты прямо в костер... Мы сначала рванули кто куда. Думали землетрясение.

Или еще чего – что кому на тот момент в голову взбрело. Но потом вернулись. Видим, костер погас, а на углях ты лежишь. Правда, поначалу ни я, ни Муха тебя не признали...

Потом ты закричал и отрубился. Мы подумали, что тебе амбец, и оттащили подальше от костра. А после, когда поставили вариться суп, решили выпить за упокой твоей души. – Тут в голосе бомжа послышалось сожаление. – Но ты вдруг ожил. Такие дела.

– Шверху упал. Ага... – подтвердил Муха, улыбаясь во весь свой щербатый рот, и показал пальцем на потолок.

Леха поднял глаза и увидел в кирпичном своде над костром большую черную дыру неправильной формы. И невольно поежился – будто от пронизывающего ледяного ветра.

Он на миг представил, что продолжает блуждать по подземному лабиринту. Как же ему повезло...

– Ты что там делал? – спросил Пятак.

– Гулял, – пошутил Саюшкин, уклоняясь от прямого ответа.

– Все, что ни есть, то к лучшему, – философски заметил Пятак. – Раньше тут было полно дыма, а теперь благодаря тебе образовалась хорошая тяга. Сидим как возле камина.

Одетый в невообразимую хламиду, с лысой зеркальной башкой, он был похож на буддийского монаха-отшельника из картины какого-то японского художника, на выставку которого Леха попал совершенно случайно. В то время вор старался держаться поближе к заказанному "объекту", весьма злобному и недоверчивому песику очень редкой и дорогой породы, сопровождавшему свою хозяйку даже в туалет. Она была помешана на различных зрелищах, и Саюшкин терся возле нее, незаметно потчuya животное специальной смесью, чтобы прикормить его и приучить к своему виду и запаху.

– А как вы здесь очутились? – быстро спросил Леха, перехватывая инициативу, – чтобы бомжи больше не касались его походов.

– Да, очутился ты среди своих... – Глуховатый Пятак блаженно улыбался. – Это точно.

Можно сказать, в рубашке родился. Сейчас мы супца похлебаем, а затем картошку испечем, у меня сальцо есть... Водки, думаю, хватит – три пузыря.

– Глухая тетеря... – Морщинистое засушенное лицо Мухи пришло в движение. – Шлучайно очутились. Борода показал. Тут хорошо. Тепло, менты не трогают.

– А как насчет крыс? По-моему, их здесь видимо-невидимо.

Муха хитро ухмыльнулся.

– Чудак человек... – Старый шаромыжник весело подмигнул по-прежнему неподвижному и безмолвному Бороде. – Мяшо шамо в руки идет. От голода тут не помрешь.

– Мясо!? – Леха почувствовал, как к горлу подкатил ком. – Ты хочешь сказать, что?.. – Он недоговорил, лишь показал на котелок, который в этот момент Пятак снимал с огня.

Муха весело хохотнул. Пришла в движение и монументальная фигура Бороды. Он хрипло каркнул несколько раз, – рассмеялся – при этом потрянув своей неухоженной копной. Но старый шаромыжник поспешил успокоить Саюшкина, уже собравшегося рыгнуть:

– Нет, нет. Там вше нормально. Борода шегодня заработал в магазине на разгрузке продуктов копченые ребрышки. Вот мы их в шуп и положили.

– Уф-ф... – Вор едва усмирил взбунтовавшийся желудок. – Ты ври да знай меру. Крысы... бр-р!

– Наверное, ты еще ни разу не был по настоящему голоден.

Борода говорил как чревовещатель. Казалось, что его хриплый бас звучал из живота. Леха от неожиданности даже вздрогнул.

– Наверное, – не стал спорить вор.

– А потому есть предложение выпить по-единой... – Внушительная фигура Бороды наконец пришла в движение – он начал разливать водку по бумажным стаканчикам.

– Умные слова и, главное, вовремя сказанные. – На удивление, Пятак все услышал.

– Ну, а мы пока второе приготовим... – Муха начал бросать на уголья картошку.

Саюшкин почувствовал, что к нему возвращаются силы, только после третьей порции спиртного. Скитания по подземелью уже начали казаться ему дурным сном. Удобно устроившись на подстилке из нескольких слоев коробочного картона, он блаженно ухмылялся и не очень внимательно прислушивался к трепу бомжей. -... Порядок должен быть, – убеждал собеседников Пятак. – Эти... олигархи совсем зажрались. У всех виплы за бугром. Разворовали страну, туды их мать.

– Тебе-то какое дело? – фыркнул Борода. – Нам что в лоб, что по лбу. Этим по шапке дадут – другие появятся. А простой человек, как был нищим, так им и останется.

– Вот так все и думают, – со злостью сказал Пятак. – Моя хата с краю. Никому ни до чего дела нет. А родина пуцай пропадает.

– Тоже мне... патриот выискался. – Борода утробно рыкнул несколько раз – засмеялся. – Нужен ты родине как прошлогодний снег. Она добра и ласкова только к богатым и к тем, кто при чинах. Родина – это то место, где тебя любят или хотя бы не трогают, где тепло и сытно.

– Ты... ты безродный космополит! – Побагровевшая лысина Пятака казалось еще немного и вспыхнет.

– Да, это точно. Я и не скрываю. – Борода со вкусом затянулся и выпустил густой клуб дыма. – Говорили, что моя бабка забеременела от раввина. Потому дед терпеть не мог ни мать, ни меня. И бабку всю жизнь бил смертным боем.

– Вот я и думаю, почему ты такой умный? – В голосе Пятака звучал сарказм. – Ну и валил бы в свой Израиль. Там тепло.

– Не берут, – серьезно ответил Борода. – Ни документов, ни свидетелей у меня нет, а по физиономии я за своего не прохожу.

– А ты бороду шбрей, – рассмеялся Муха.

– У них там смотрят не на бороду, а на то, что в штанах. – Борода был невозмутим. – По этому пункту у меня полный облом. А на операцию я не согласен. Еще чего – резать по живому...

– Да, не мед... – поддакнул Муха. – И я бы на такое дело не пошел.

– Ты лучше за картошкой смотри, – сказал Пятак. – Уже гореть начинает.

Достали из костра картошку, порезали сало. Обычно прижимистый Пятак расщедрился – выделил Саюшкину целых три кусочка. Выпили, закусили. Расслабившегося Леху даже в сон клонить начало.

Но тут он услышал фразу, которая мгновенно разбила вдребезги сонное состояние.

Говорил Пятак: -... Вот я и думаю – чего это братва катакомбами заинтересовалась? Всех бомжей трясут.

– Наверное, намереваются клады искать, – прогудел Борода. – Менты прижали их маленько, доход упал, вот они и решили копнуть поглубже, чтобы найти старинное золото; гляди, выгорит.

Ни по его виду, ни по голосу нельзя было разобрать, шутит он или говорит всерьез.

– Тут кроме мушора ничего нет... Ф-фу-у... – Муха катал в ладонях горячую картофелину и дул на нее.

– Ага, – кивнул Пятак. – Это точно.

– Кто эта братва? И что они спрашивали? – От возбуждения голос вора был дрожащим.

– Какие-то незнакомые, – ответил Пятак. – Искали вход в подземелье. И почему-то именно сегодня, вечером.

– И что?

– Держи карман шире... – Пятак хихикнул. – Так мы и расстелились. Кроме нас, – он широким жестом обвел компанию, – никто не знает, как забраться в катакомбы.

– Так уж и никто, – с сомнением сказал Леха.

– А ты сам посмотри – везде пыль лежит и никаких следов. Кроме наших.

– Ешли будут ишкать, то найдут, – прошепелявил Муха.

– Найдут, – сумрачно подтвердил Пятак. – Эх, такое место клевое... Жаль будет оставлять.

– Не мечи икру раньше времени, – прогудел Борода. – Жить они тут все равно не будут.

Походят, походят – и уберутся восвояси. А мы останемся.

– И то верно, – легко согласился Муха и начал есть картошку прямо с кожурой. – Вкусно...

Саюшкин места себе не находил. Он почти наверняка знал, по какой причине неизвестные искали вход в подземелье. Им был нужен он. И бандиты начали поиски, не откладывая дело в долгий ящик.

Наверное, Вениамин сообразил, куда мог деться вор. И, несмотря на позднее время, напустил своих псов на бомжей. Этому сукиному сыну хорошо известно, кто в городе лучше всех знает потайные входы и выходы.

В отличие от своих собутыльников, Леха не был абсолютно уверен в том, что никто из бездомных отверженных не наткнулся в своих скитаниях на вход катакомбы. Он уже знал, что подземный лабиринт достаточно обширен и находится на разных уровнях. К тому же, кроме безразличных ко всему бомжей, были еще и юные романтики, большие любители совать нос во все щели. Не говоря уже о самодеятельных археологах и кладоискателях, в азарте готовых вырыть яму хоть до центра Земли.

Нужно немедленно забрать героин и бежать из города! Куда угодно, лишь бы подальше. И нечего тут расслаиваться. Куй железо, пока горячо – пока Вениамин не поднял всех своих шестерок, в том числе и тех, кто при погонах.

– Мужики, мне пора. – Саюшкин вскочил на ноги. – Спасибо за угощение. За мной не залежится. Где тут выход?

– Ты чего это!? – всполошился Муха. – Покури, покемарь. Куда шпешить?

– Надо, братцы, надо.

– Ну, ежели так... – Пятак зажег керосиновый фонарь "Летучая мышь", который стоял чуть поодаль, на ящике из-под китайской тушенки. – Пойдем.

– Будьте здоровы, – вежливо попрощался вор.

– Пока, – солидно пробасил Борода.

Муха грустно кивнул.

Пятак вел Саюшкина недолго. Через пролом в стене подземелья и промоину (судя по виду, образовавшуюся совсем недавно) они проникли в канализационную систему.

– Здесь, – указал Пятак на металлическую лестницу, второй конец которой исчезал в бетонной трубе. – Не забудь закрыть люк.

– Не забуду...

Бомж подсвечивал снизу, пока Леха не поднял крышку люка.

Когда вор выбрался наружу, то первое время не мог сообразить в какую сторону направить свои стопы, хотя ему и рассказали, где находится выход на поверхность.

Кругом царила кромешная темень, и Саюшкин пожалел, что оставил все свечи и фонарик бомжам, сделав таким образом дружеский презент за угощение.

Он сделал шаг, другой – и охнул, ударившись коленом о что-то железное. Боль будто сняла пелену с глаз, и Леха стал различать стены с обвалившейся штукатуркой и узкие оконные проемы почти под потолком, время от времени льющие дальние отсветы автомобильных фар.

Вход в подземелье находился все на той же Троицкой площади, за собором. Раньше в этих полуподвалах размещались винные склады. Теперь они обветшали, начали разрушаться, и это место отдали православной епархии под строительство богадельни. Найти канализационный люк в складском помещении было непросто, так как его маскировал разнообразный мусор.

От свежего воздуха даже закружилась голова. Выбравшись из полуподвала через окно, к которому какие-то добрые люди (скорее всего, бомжи) заботливо подкатали бочку, Саюшкин очутился на мостовой, усеянной битым кирпичом. Прямо перед ним чернела до самого звездного неба махина собора. Втянув голову в плечи, Леха с опаской осмотрелся.

Но на этих задворках не было никого, кроме бездомных кошек и собак.

Несколько успокоенный, вор определился с направлением, и быстро пошел к трамвайной остановке. Саюшкин очень торопился. Он просто обязан был свершить задуманное до рассвета.

Глава 33

Майор Канунников прослыл занудой. Деловые, которые с ним встречались ранее, готовы были признаться в чем угодно, лишь бы он не подвергнул их многочасовой пытке допросом. Час за часом слушать монотонный бесстрастный голос майора – на такое были способны немногие. Его метод дознания напоминал водяные капли, которые веками долбят гранит. С завидным упорством Канунников сплетал казалось бы из невинных и даже глупых вопросов такую крепкую паутину, что в ней застревают самые шустрые и хитрые уголовные экзemplяры.

Он был невысок, худощав, с невыразительным востроносым лицом, на котором ярко голубели глаза-пуговицы. Но с внешней простоватостью диссонировал непропорционально большой выпуклый лоб мыслителя. Майор и впрямь считался в управлении человеком недюжинного ума. Он возглавлял отдел по борьбе с подпольным наркобизнесом.

– Валерьян Викторович, выручай, – обратился к нему Артем. – Не в службу, а в дружбу.

– Что там у тебя? – индифферентно поинтересовался Канунников.

– Заключение эксперта. – Артем подал ему лист бумаги, вложенный в прозрачный полиэтиленовый конверт.

Канунников неторопливо прочитал то, что выдал Артему эксперт Серж Горюнов, и поднял на майора свои глаза-льдинки.

– Ты решил меня подсидеть? – спросил он без тени иронии. – Все это – мои дела.

– Кто спорит, – так же серьезно ответил Артем. – Каждому свое, как написали фашисты на воротах Бухенвальда. У нас с тобой случилась нечаянная стыковка.

– Понял. И что тебе нужно?

– По твоим каналам такой или подобный мусор не проплывал?

– Было дело.

– А поконкретней.

– Виза.

– Не понял... Какая виза?

– Руководства. Сделай официальный запрос. Я не имею права делиться с тобой оперативной информацией без соответствующего указания сверху. Ты это знаешь не хуже меня.

– Знаю, – уныло кивнул Артем. – Потому и прошу в порядке личного одолжения. Валерьян Викторович, так сложились обстоятельства. Сегодня они сильнее и меня, и правил служебного распорядка. Хотя бы намекни. Дело настолько запутанное, что я не знаю за какой конец ухватиться.

Канунников некоторое время сумрачно изучал взволнованного Артема, а затем сказал:

– Только между нами.

– О чем речь!

Замкнув и опечатав сейф, Канунников указал на дверь:

– Пойдем, прогуляемся.

Майор понимающе кивнул. Он знал, что Канунников страдает манией подозрительности. (Что, впрочем, в их службе вовсе не считалось большим пороком). И небезосновательно полагает, что некие структуры вполне способны прослушивать не только служебные телефоны горотдела, но и кабинеты сотрудников.

Они уединились на скамейке в сквере, примыкающем к торцу здания городского управления внутренних дел.

– Скорее всего, тебе известно, что в нашем городе по крупному торгуют наркотиками в основном чеченцы и цыгане, – начал Канунников после того, как оба демонстративно задымили сигаретами – чтобы изобразить для чересчур любопытных глаз перекур на свежем воздухе.

– Слыхал, – коротко ответил Артем.

– Бывает и мелочь, в основном залетные. Или местные, совсем отчаявшиеся найти хоть какую-нибудь работу. Эти в основном спецы по маковой соломке. И медицинским препаратам, содержащим наркотические вещества.

– И много таких?

– Хватает. Народ совсем свихнулся от хронического безденежья. Ради копейки безработные готовы на все, что угодно.

– Да-а, проблема...

– Еще какая... – Канунников с неожиданным раздражением бросил окурок в урну. – Но у нас нынче не про то разговор. В заключение эксперта ясно указано, что лабораторная навеска взята из партии героина, который для нашего города является новинкой. Анализ проведен с твоей подачи, насколько я понимаю. Поневоле всплывает вопрос: каким образом к тебе попал

этот героин?

– Мне бы хотелось без конкретики. Извини, так нужно.

Канунников с меланхоличным видом пожал плечами.

– Я не настаиваю, – ответил он своим ровным бесцветным голосом. – Нельзя, значит нельзя. Видимо, на это есть веские причины.

– Точно. Как свяжутся все узлы, ты будешь знать о деле одним из первых. Тебя устраивает такой расклад?

– Вполне. Итак, продолжим. Героин с идентичным химсоставом попал в наше поле зрения где-то около года назад. Мы выяснили, что к его поставкам ни цыгане, ни чеченцы не имеют ни малейшего отношения. Что было весьма печально, так как это означало появление новых оптовых наркоторговцев. Подключив агентуру, нам удалось узнать, где и когда будет происходить передача очередной партии этого героина из рук в руки. Все должно было свершиться в центральном парке. Правда, нам были неизвестны действующие лица сделки. И, к сожалению, мы подоспели на разбор шапок, потому что договаривающиеся стороны изменили время встречи.

Канунников снова полез в карман за сигаретами.

– Дерьмо... – Он бросил в урну дешевую зажигалку, которая даже не искрила. – Дай прикурить... Спасибо... – Затянувшись несколько раз, Канунников продолжил: – Мы прибыли к финальной части разборки и нашли несколько трупов. А также двух раненых.

Допросив их, – уже в больнице – нам мало что удалось выяснить. Они твердо стояли на том, что оказались в парке случайно. Что-либо инкриминировать им мы не смогли, так как оружия у них не оказалось. Скорее всего, выбросили. Естественно, мы прочесали парк вдоль и поперек, а затем начали трясти цыган и чеченцев. Увы, на этот раз они оказались ни при чем.

– Вы так и не узнали, кто участвовал в сделке?

– Нет. Они буквально испарились. Вместе с теми, кто устроил на них засаду. Как выяснилось в ходе следствия, какая-то третья сила устроила продавцам и покупателям героина весьма хитроумную ловушку.

– Другие свидетели нападения были?

– Как тебе сказать... – Канунников с сомнением пожевал тонкими сухими губами. – Со свидетелями, сам знаешь, всегда загвоздка.

– Да уж... – огорченно вздохнув, согласился Артем.

– И в особенности, когда дело касается мафиозных структур. Мы опросили многих, – из тех, кто гулял в парке – но увы и ах... Выстрелы слышали почти все. И не более того.

– Не густо. – Артем испытующе посмотрел на Канунникова.

Тот сидел, склонив голову, и казалось с большим вниманием рассматривал асфальтированную дорожку. Темнит, решил майор. Канунников был очень скрытным человеком.

– Ну ладно, – пробубнил Канунников, словно подслушал мысли Артема, – тебе скажу. Это пока единственная наша зацепка в этом деле.

Он вдруг взглянул на майора холодно и остро – будто вонзил Артему под кожу две льдинки.

– Только чтобы ни-ни, – резко отчеканил Канунников. – Никому и нигде ни звука.

– Обижаешь, Валерьян Викторович...

– В парке, неподалеку от места событий, мои парни нашли сумку. А в ней песика очень редкой породы (забыл, как называется) с заклеенной скотчем мордой. Чтобы не скулил и не тявкал. Поначалу я не придавал этой находке особого значения. Тем более что хозяева животного отыскались на следующий день. Оказалось, что кобелька похитили. Примерно в тот же самый час, когда началась пальба.

Канунников pokrивился, будто проглотил что-то очень горькое.

– В общем, Артем Саньч, дал я маху. Решил, что произошла элементарная разборка. Это когда одна из договаривающихся сторон пожадничает и попытается взять и товар, и деньги. Такое уже случалось. Спустя какое-то время среди наркоторговцев начался тихий шухер, хотя я ждал выяснения отношений со взрывами и стрельбой. Оказалось, что кто-то под шумок слямзил весь товар. И все искали некую весьма невзрачную личность, которая, как ни странно, была причастна к исчезновению партии героина, предмету несостоявшейся сделки в парке.

– Это тебе донесли агенты?

– Да нет. Дело случая. Мы зацепили одного клиента, у которого мелких криминальных прегрешений набиралось на воз и маленькую тележку. Вот он, так сказать, во искупление, – чтобы не попасть за решетку – и дал нам весьма обильную информацию по интересующим нас вопросам.

– В том числе подсказал и фамилию разыскиваемого... – Артем от возбуждения заерзал.

– К сожалению, нет. Его в такие тайны не посвящали.

– И это... это все, что ты хотел мне сообщить!? – Артем даже не пытался скрыть разочарование.

– Почти все. За исключением одной очень важной детали: я все-таки вычислил человека, которого искали наркоторговцы. Это была трудная задача. Я наконец обратил пристальное внимание на найденного оперативниками пса. Кто его бросил? И почему? То, что кобелька украли, у меня сомнений не было. Но с какой стати не довели дело до конца?

Пес был очень дорогим, элитным, и хозяева могли заплатить за него вору большой выкуп.

И тем не менее животное оставили околевать в кустах, подальше от людских глаз. Вывод напрашивался однозначный – вору помешали и ему пришлось бросить свою добычу. Но кто помешал? А здесь и гадать было нечего – устроители разборки со стрельбой. Значит, вор все видел. И поскольку среди убитых его не оказалось, выходит он дал деру. А вместо сумки с кобельком прихватил сидор с героинем – вольно или невольно, трудно сказать.

Канунников начал раскуривать очередную сигарету. Мимо них прошли две юные статные девицы и, оглянувшись, весело рассмеялись. Молодость, с оттенком грусти подумал Артем. Он вовсе не предполагал, что девушки смеются с них. Просто им некуда девать избыток энергии. Мне бы их восемнадцать... – мелькнула мысль и тут же уступила место другой: на кой ляд? Чтобы в итоге пережить то же самое и прийти к стандартному для всех финалу? Только полный идиот или совсем наивный юнец может думать, что человек – повелитель своей судьбы.

– Я побеседовал с дамой, хозяйкой пса, и понял, что кобелька украл не какой-то там бомж или пьянчужка, а собачий вор, притом настоящий профессионал. Дамочка, несмотря на апломб и мужа с солидной мошной, оказалась весьма неглупой и наблюдательной. Она вспомнила, что ее некоторое время преследовал некий молодой человек; к сожалению (это дама сказала мне по секрету), он был самой заурядной внешности и держался поодаль.

Тогда дамочка решила, что это просто безобидный чудака, принадлежащий к тем, кто из-за большой застенчивости занимается любовью на расстоянии.

– А у этой дамы вполне приличные познания в сексопатологии. Она, случаем, не врач?

– Бывшая актриса захудалого театра, которой повезло отхватить богатого супруга. Это у нее третий брак. Так что опыт у дамы по мужской части весьма солидный.

– Я так понимаю, она помогла составить фоторобот этого "чудака".

– Угадал. Мы собрали в кучу всех известных нам собачьих воров и, в конце концов, выяснили фамилию воздыхателя нашей дамочки. Им оказался некий Саюшкин – неприметная, тихая личность без определенных занятий.

– То есть, безработный.

– В какой-то мере.

– Извини, не понял...

– Саюшкин – большой труженик. Как оказалось после проверки. Этот тихоня – собачий вор, притом профессионал. Который, кстати, имел от своего занятия весьма приличный доход.

– Если этот Саюшкин профессионал, то он должен числиться в нашей картотеке.

– В том-то и дело, что нет.

– Очень интересно...

– Да уж. Я и сам так считаю. А если учесть, что он большой дока в этом виде криминального бизнеса... Его, так сказать, "коллеги", когда их основательно прижали, в конце концов, раскололись и рассказали, что Саюшкин ворует элитных собак с начала перестройки. Стаж будь здоров.

– Занятно.

– Еще как занятно. Малый не промах. Хитрец, каких мало. Ни разу не засветиться, не попасть к нам на карандаш – это нужно уметь.

– Вы взяли его? – с надеждой спросил Артем.

– Как бы не так. Ушел. Притом, с концами.

– У него была квартира?

– Да.

– Вы ее осмотрели?

– Конечно. Но толку из этого было мало.

– Почему?

– Нас опередили коллеги из райотдела. Они пришли по заявлению соседей Саюшкина, которых начал донимать неприятный запах из его квартиры. Взломав дверь, парни обнаружили труп привязанной к стулу женщины в стадии разложения. Она оказалась сожительницей Саюшкина. Все ее тело было изрезано ножом и представляло собой сплошную рану...

Артем затаил дыхание: наконец-то настоящий след! Который ведет в нужном направлении. Вот оно, связующее звено в цепи загадочных и кровавых событий.

– Ну и?.. – спросил он, стараясь унять волнение.

– Наркотиков в квартире не оказалось. Ни малейшего следа. Правда, мы нашли тайник, но он был пуст. Кто-то его очистил до нас.

– Кто именно? – Вопрос был глупым, но Артем задал его по инерции.

– Трудно сказать. Может быть Саюшкин, а возможно кто-то еще. Эксперты утверждают, что квартиру тщательно обыскивали. Это наводит на мысль, что там были чужие люди. На кой ляд хозяину устраивать обыск в собственной квартире?

– Убийство на бытовой почве? – закинул удочку Артем, чтобы узнать мнение Канунникова.

– Парни из "убойного" подразделения райотдела мудрить не стали, и все сгрузили на Саюшкина. Сам знаешь, им не до высоких материй. К тому же соседи утверждают, что Саюшкин со своей пассивностью иногда ругался. Мотив налицо. В какой-то момент из-за скандала у парня крыша поехала – и привет. Ножичком по горлу. Проза уголовного розыска. Но я думаю, что в этом случае не все так просто.

– Просвети.

– Во-первых, всю картину портит обыск. Ты скажешь, что после убийства женщины и бегства Саюшкина в квартиру могли забраться воры. Не исключено. Но тогда почему они не сняли с убитой золотое кольцо и не пошарили в шкатулке, где лежала золотая цепочка и триста рублей с мелочью? Я уже не говорю о вполне приличном магнитофоне, который тоже не тронули. Не странно ли? А во-вторых... Во-вторых, я просто не верю, что Саюшкин на такое способен. Судя по свидетельским показаниям, это был вполне приличный парень без всяких там бзиков. Если, не считая, конечно, его воровских наклонностей. Мало того, у меня сложилось впечатление, что сожительницу Саюшкина пытали. Притом со знанием дела. Вряд ли обычный вор на такое способен. Да и зачем?

Убить в состоянии аффекта – это одно, а профессионально пытаться – это совершенно другое. Мутная история...

– Саюшкина объявили в розыск?

– А как же. Все чин чинком. Есть вполне приличная фотография. Так что, если он еще жив, мы его вычислим. За бугор ему слабо прорваться, а здесь все равно когда-нибудь попадетсЯ в наши сети.

– Ты предполагаешь, что его уже нет в живых?

– Фифти-фифти. Пятьдесят на пятьдесят. По крайней мере, насколько мне известно, криминальные круги продолжают искать Саюшкина. Значит, жив, курилка. Где-то скрывается. Лег на дно и не всплывает. Боится. И есть отчего. Впрочем, не исключено, что он уже на небесах. С таким багажом, как партия героина, путешествовать очень опасно.

– Я могу получить материалы по этому делу?

– Нет проблем. Сделаешь выписки. А касательно убийства сожительницы Саюшкина – обратиться в райотдел. Там нормальные парни. Они окажут тебе содействие.

– Спасибо, Валерьян Викторович. За мной долг. Если что будет нужно – только свистни.

– Ладно, чего там... Сочтемся как-нибудь.

Поработав с материалами, которые предоставил ему Канунников, Артем распрощался с майором и направился в свой кабинет. В голове суматошливо мельтешили самые разные мысли, угодливо подсовывая воображению невероятные картины.

Стоп! Артем резко остановился, будто наткнулся на невидимую преграду. Он, наконец, вспомнил! Покидая жилище Марьяны Кардаш, любовницы Бени Черного, Артем не мог отрешиться от мысли, что он упустил нечто очень важное. Но что именно? После Артем пытался восстановить в памяти и обстановку ее квартиры, и состоявшийся разговор, но так и не смог вычленить главное – какой-то факт, предмет, деталь обстановки, фразу из беседы, которые могли бы помочь ему в расследовании.

И теперь он вспомнил.

На ходу одеваясь, Артем выскочил на улицу, где его ожидала служебная машина. Он ехал к Марьяне.

Глава 34

В квартире Жужи Саюшкина ждал сюрприз.

Он долго ходил вокруг да около ее дома, не решаясь зайти внутрь. Леха боялся, что за подъездом установлена слежка, но все же здравый смысл в конце концов взял верх – об их отношениях знал очень узкий круг лиц, которые к тому же сном-духом не ведали чем занимается школьный друг Виолетты. Конечно, дальше квартировать у Жужи Саюшкин не мог, не имел права. Он был достаточно неглупым человеком, чтобы усвоить прописную истину: рано или поздно все узелки свяжутся, и псы Вениамина возьмут горячий след.

Но Леха хотел забрать героин, хранившийся в кладовке Виолетты. Поначалу, когда он сбежал от Вениамина, все его естество было доверху пропитано страхом. Единственным и страстным желанием вора было спасение собственной жизни.

И лишь оклемавшись в компании бомжей, Саюшкин стал самим собой: настойчивым, упрямым и даже храбрым. Он понимал, что ему все равно конец – поймают ли его с рюкзаком, в котором находится героин, или с пустыми руками. Но вор просто не мог расстаться со своей мечтой, которая едва не стала явью. Леха решил сражаться до конца.

Ключи от квартиры Жужи лежали там, где он их спрятал, – прикрытые мусором и ветошью в узкой щели между двумя секциями дома. Обычно Саюшкин носил их в кармане, но, уходя в последний раз, почему-то решил оставить ключи в импровизированном тайнике. Наверное, сработало подсознание. К сожалению, оно не предупредило его о том, что последует дальше...

Конечно же, Виолетта не спала. Похоже, в квартире шел кутеж, потому что из-за плотно закрытой двери гостиной слышались возбужденные голоса. Леха не стал считать, сколько их там, и тем более афишировать свое вторжение, а сразу же забрался в крохотную кладовку. Рюкзак никто не трогал, его содержимое было в наличии, и, облегченно вздохнув, Саюшкин

закинул драгоценный сидор за плечи.

Но уйти тихо и незаметно ему не удалось. Дверь гостиной кто-то отворил пинком, и в прихожую на четвереньках вошла, пятясь, голая мужская задница, притом без головы.

Голова не была видна по очень простой причине – ее закрывала весьма недурная женская фигурка, оседлавшая мужика по всем правилам конной выездки.

Все одеяние женщины состояло из тугого лайкового корсета, пояса и черных чулок. В руках она держала нагайку, которой время от времени довольно сильно стегала своего "жеребца", который дрыгал ногами и вполне натурально ржал.

Мать твою!.. – только и подумал совсем обалдевший вор, не в силах от изумления сдвинуться с места. Это что же такое творится!? Неужто Жужа на старости лет примкнула к садомазохистам? Ну и дела...

Леха ошибался. Это была не Виолетта. "Конь" развернулся с намерением прогалопировать на кухню, и любовники-извращенцы наконец узрели прилипшего к стене Саюшкина.

– Ой! – воскликнула голая наездница, но прикрыть свои прелести, как на ее месте сделала бы любая другая женщина, она не поспешила.

Мало того, в ее голосе Саюшкин почему-то не услышал и вполне уместного в подобной ситуации испуга.

– Люстик, это вы? – спросила женщина и продолжила, кокетливо улыбаясь: – Извините, мы тут немножко развлекаемся...

– Милена!?

– О, вы меня узнали! – торжествующе сказала подруга Виолетты. – Как это здорово.

Проходите, не стесняйтесь. Мы добрые и не кусаемся. Правда, мой жеребчик? – Она любовно потрепала за ухо своего "коня", который, как ни в чем ни бывало, взбрыкивал и мотал головой, будто отгоняя слепней.

– Да, моя любовь, – прогнусавил "жеребчик" и нахально подмигнул вору, все еще пребывающему в легком ступоре. – Захады, дарагой генацвалэ, гостем будышь, – пригласил он Леху, коверкая слова на грузинский манер.

– Нет, нет! Я... Мне пора... – Круто развернувшись, Саюшкин ринулся к двери.

– Люстик, погодите! – остановила его Милена. – Виола уехала на две недели к морю и просила передать, что вы можете по-прежнему жить у нее.

– Да, да, конечно... тронут. Спасибо. Я пошел...

– Извините за накладку! – прокричала Милена, когда Леха уже закрывал входную дверь. – В следующий раз будем договариваться!..

Она кричала еще что-то, но Саюшкин уже не слушал ее. На него вдруг напал приступ истерического смеха, и он, зажав ладонью рот, чтобы не заржать среди ночной тишины во весь голос, понесся вниз по ступенькам с максимально возможной скоростью...

Леха решил поехать в приют для бездомных собак, к Фольке, – чтобы занять у него немного денег на дорогу, так как карманы вора были пусты, а "зайцем" далеко не уедешь.

Он мог бы попросить взаймы у Валентины, но сама мысль об этом приводила его в смятение.

Мужчина, который шакалит деньги у женщин – уже не мужчина. Это правило Саюшкин крепко усвоил еще с юношеской поры. А Лехе вовсе не хотелось выглядеть в глазах любимой женщины дешевым альфонсом.

Конечно же, Фольке уже не спал. Или еще не ложился спать. Одно из двух. Он устроился на диване и читал какой-то бульварный роман.

– Гутен абенд, геноссе! – бодро поприветствовал его Леха.

Фольке посмотрел в окно и невозмутимо ответил:

– По-моему, уже не вечер, а утро.

– Ты хочешь сказать, что пора пить чай? – достаточно прозрачно намекнул Саюшкин на то, что он голоден.

– Конечно... – Фольке безропотно встал и начал хлопотать возле плиты.

У него нашлись плавленые сырки, мед, печенье и даже лимон. Леха наливался чаем под завязку: когда еще придется отобедать. За легким трепом незаметно пробежал час. На дворе стало совсем светло.

– Пора собачек кормить, – сказал Фольке. – Еще будешь?.. – спросил он, указав на чайник.

– Уф-ф... – Саюшкин с удовлетворением похлопал себя по тугому животу. – Благодарствую, нет.

– Пойду... – Фольке начал натягивать на себя рабочий комбинезон.

– Макс, я к тебе по делу... – Леха, наконец, решился сказать главное.

– Ну?

– Я должен уехать из города. Срочно уехать. Мне нужны деньги. Немного...

– Сколько? – деловито спросил Фольке и достал портмоне.

Саюшкин назвал сумму.

– Держи... – Фольке вынул из портмоне несколько купюр и протянул их Лехе.

– Спасибо, Макс. Я верну долг, как только... В общем – верну. Не сомневайся.

– А я и не сомневаюсь, – невозмутимо ответил Фольке. – Может, отдохнешь, вздремнешь перед дорогой?

– Недосуг. Спешу на электричку. Бывай...

На всякий случай Саюшкин не стал выходить через калитку, а решил перелезть забор возле вольера. Кавказец Тугай следил за ним печальными глазами и по-собачьи жалобно вздыхал. Леха приветливо махнул ему рукой и вскарабкался сначала на дерево, а затем оседлал верх забора. Вскоре он очутился на тротуаре.

Отряхнувшись, вор осмотрелся. В это раннее время людей было немного, да и те кучковались метрах в пятидесяти от забора, на трамвайной остановке. Только возле киоска, который находился напротив ворот приюта для бездомных собак, околачивался какой-то подозрительный тип, но и он, кинув вороватый взгляд на Саюшкина, поторопился скрыться за строениями.

Леха не придавал этому факту должного значения и бодро пошагал на остановку. И только когда вдалеке показался трамвай, он вдруг почувствовал неприятные покалывания между лопатками – будто десятки мелких иголок поочередно и неглубоко впивались в кожу.

Ему хорошо было известно это ощущение, а потому Саюшкин, очутившись среди толпящихся на остановке людей, быстро оглянулся.

Худой и сутулый тип, который отирался возле киоска, что-то втолковывал двум здоровенным лбам; и тот, и другой были размером с комод. От нетерпения (или рвения) тип даже пританцовывал и нервно тыкал указательным пальцем в сторону трамвайной остановки.

Леха, наконец, узнал сутулого. Тузик! Это был его приятель и "коллега" – собачий вор, который крал псов для продажи в корейские рестораны. Он знал о дружбе Саюшкина и Фольке. Ему также был известен и адрес собачьего приюта. Тузик однажды пытался подбить к Лехе клинья – он предлагал часть беспризорных псов, выхоженных и откормленных Фольке, отправить на убой, а навар от сделки поделить пополам.

Но Саюшкин на такое предложение ответил единственно возможным для себя способом – съездил Тузика по морде. Все это случилось по пьянке, и ему казалось, что Тузик забыл об этом инциденте. Ан нет, поди ж ты... Заложил, сучара, по полной программе. Наверное, сутки напролет дежурил возле собачьего приюта, дожидаясь появления Саюшкина.

Леха мысленно представил, как это было. Люди Вениамина, зная о "специальности" Саюшкина, опросили всех собачьих воров, которых, кстати, можно было пересчитать на пальцах.

И вышли на Тузика, затаившего на Леху злобу. А поскольку людей Вениамин имел не так уж и много, чтобы накрыть все адреса, где мог появиться беглец, ему пришлось воспользоваться услугами и этого мелкого пакостника. Дождавшись Саюшкина, Тузик позвонил, кому следовало, и быки появились возле приюта незамедлительно.

Леха похолодел – шансы сохранить собственную жизнь резко опустились до нулевой отметки. Бежать! Куда!? Вор растерянно оглянулся. Остановку построили на открытом месте, и он не мог уйти незамеченным. Увидев, что быки быстро пошли в его сторону, отчаявшийся Саюшкин запрыгнул в трамвай, и железная коробка, громяхая и скрипя всеми своими частями, быстро покатила по голубым рельсам, отражающим своей полированной поверхностью утреннее небо.

Вор с надеждой бросил взгляд на заднее окно вагона. Быки со всех ног бежали к нелепо прыгающему на месте Тузику; сутулый, длиннорукий, он напоминал голодную разозлившуюся мартышку, которой не дали банан. Когда Леха еще раз посмотрел в сторону удаляющейся остановки, то увидел легковую машину, несущуюся на всех парах вслед трамваю.

Саюшкин заметался по вагону словно белка, посаженная в клетку. Но добрый пинок под ребра, которым угостила его дебелая тетка (он наступил ей на ногу), быстро вернул ему способность здраво мыслить.

Он посмотрел по сторонам. Трамвайная колея, которая до сих пор шла параллельно шоссе, сворачивала налево, а там начинался частный сектор с огородами и садами. Здесь тоже была дорога, но грунтовая, вся в рытвинах и колдобинах. Машина с быками – БМВ, как определил Леха – прыгала по неровностям дороги, словно горный козел. Скорость автомобиля упала, и вскоре трамвай оставил его далеко позади.

Прежде чем сойти, Саюшкин пропустил три остановки. Он очутился в неизвестном ему микрорайоне. Но это обстоятельство вора не смущало. Леха намеревался покинуть город на электричке, притом не с центрального вокзала, а с полустанка, который находился совсем

рядом.

Марлика он заметил, когда пил минералку из бутылки, купленной в киоске. Переживания вызвали сильную жажду, и Саюшкин припал к пластиковому горлышку, словно телок к коровьему вымени. Нечаянно скосив глаза, Леха увидел как возле гастронома, расположенного метрах в ста от киоска, остановился до боли знакомый "джип", и белобрысая круглая башка замелькала среди мордovorотов, рассыпавшихся между домами.

Это был финиш. Саюшкин понял, что на этот раз ему не уйти. Видимо, быки, преследовавшие его на БМВ, позвонили по мобильному телефону Марлику и сообщили маршрут, по которому направлялся беглец, а тот, проверив трамвай и опросив пассажиров, весьма оперативно взял весь микрорайон в живое кольцо.

Леха не испугался, не запаниковал. Все его чувства вдруг сбились в тяжелый твердокаменный комок, освободив место трезвому расчету. Он сразу сообразил, как переиграть Марлика. Для этого всего лишь нужно было найти подходящий чердак, где он мог отсидеться до темноты.

Стараясь не вертеть головой, вор спокойным шагом направился к первой попавшей группе домов – лишь бы подальше от дороги и гастронома, где по-прежнему торчал подручный Вениамина, встречая все новые и новые машины с бандитами.

Они встретились лоб в лоб. Саюшкин на секунду отвлекся, а когда посмотрел вперед, то увидел на расстоянии трех шагов удивленную физиономию Фигаря. Он был одет в рабочую одежду, забрызганную известковым раствором.

– Леха!? – Бывший мент машинально вытер изгвазданные руки. – Ты что тут делаешь?

– Пришел... тебя навестить, – быстро нашелся ошарашенный вор.

– А как ты узнал, что я здесь? – еще больше удивился Фигарь.

– Сорока на хвосте весточку принесла. Ха-ха... – Саюшкин немного расслабился и выдавил из себя жалкий смешок. – Шучу. Я навещал знакомых, – быстро придумал он другую, более правдоподобную версию. – Проживают тут... неподалеку. А ты как очутился в этой стороне? – быстро спросил он, чтобы перехватить инициативу.

– Работаю. На шабашке. Делаем ремонт квартир – покраска, побелка, наклейка обоев...

– Даже так? – Удивление Лехи было совершенно искренним; чего он не ждал от бывшего мента, так это трудовых подвигов.

– На подсобных работах, – объяснил Фигарь. – Не тяжело, а платят вполне прилично.

– С чем тебя и поздравляю.

– Не зайдешь ко мне? Я заканчиваю примерно через два-три часа. А после пойдём в "Черную кошку". У меня получка. Хозяин квартиры должен сегодня произвести с бригадой полный расчет.

– Куда это – "ко мне"?

– В подвал дома. Там у нас находится кладовая материалов и инструментов. А тем временем и дождь закончится.

Леха машинально посмотрел на небо. На город напозала брюхатая сизая туча, и первые капли дождя уже испещрили темными пятнышками пыльный асфальт тротуара.

Мысль ударила как молния. А что если вместо чердака, скрыться в подвале? Главное, постараться проскользнуть туда как можно незаметней. После можно будет подняться и на чердак. Возможно, придется довериться Фигарю. Правда, для этого нужно сплести ему какую-нибудь небылицу... но это не проблема.

– Идет, – бодро сказал Саюшкин. – Поторопимся, иначе вымокнем до нитки.

Они припустили к нужному подъезду едва не бегом. Дождь уже не капал, а лил; вдалеке гремел гром. Вскоре Леха, спустившись в подвал по выщербленным ступенькам, очутился в небольшой каморке, где Фигарь усадил его на деревянный ящик, выполняющий роль стула.

– Ты тут покантуйся, а я сейчас... – сказал Фигарь и, прихватив деревянные планки, направился к выходу.

Но выйти он не успел – на пороге появилась дородная тетка с румянцем на всю щеку и черными, как ночь, глазами.

– А это кто? – спросила она звучным голосом, подозрительно уставившись на Саюшкина.

– Мой кореш, – несколько стушевавшись, ответил Фигарь. – Пусть посидит под крышей, пока дождь закончится.

– Ходят тут всякие, ходят... – недовольно пробурчала тетка, с виду казачка. – А потом калоши пропадают.

– Ты чего бухтишь, Ксюша? – послышался мужской голос из-за ее спины. – Поторапливайся. Недосуг нам турысы на колесах разводить. Бери белила и дуй на балкон.

Там дверь недокрашена.

– Уже бегу... – Тетка снова посмотрела на Леху, – как рублем одарила – но промолчала; взяв необходимое, она вышла вслед за Фигарем.

Вор остался один; мужчина, который давал указания Ксюше, – наверное, бригадир – так и не зашел в каморку. Осмотревшись и заметив запыленное подвальное окно, Саюшкин подставил к нему складную алюминиевую лесенку, протер стекло ветошью и выглянул наружу.

Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Тучи уползли к горизонту, и над городом снова засветился чисто отмытый солнечный диск. Холодея, Леха заметил среди прохожих нескольких парней вполне конкретной наружности. Они никуда не торопились, а бродили туда-сюда, внимательно присматриваясь к мужчинам.

Это было плохо. Очень плохо. Похоже, Марлик не успокоится, пока его люди не осмотрят все самые темные углы и закоулки микрорайона и не перетрясут каждый дом – от подвала до чердака.

Нужно уходить! Немедленно! Иначе будет поздно. Еще час-другой, и сюда сбегутся не только все бандиты Вениамина, но и сотрудники милиции – Леха был почти уверен, что из-за смерти Верки на него уже объявлен розыск, и смуглый сукин сын подключит к облаве и тех ментов, что стоят у него на довольствии.

Решение пришло как озарение свыше. Мысли осветлились до полной прозрачности, сердце сильно трепыхнулось и забилось гулко и учащенно; Саюшкин как будто освободился от внутренних оков и поднялся над самим собой...

Рабочую одежду долго искать не пришлось – она висела в углу, на гвозде. Быстро натянув на

себя вымаранные в побелке хлопчатобумажные штаны и куртку, он схватил наполненный до половины мешок с алебастром и начал закапывать в белую муку пакеты с героином.

"Будь проклят тот день, когда я нашел эту пакость!" – злобно подумал Леха. Теперь из-за наркотиков вся его более-менее налаженная жизнь пошла кувырком.

Он понимал, что любой мужчина с рюкзаком или сумкой в руках немедленно привлечет внимание быков Вениамина. Поэтому выбор вариантов у Саюшкина был весьма ограниченный: или бросить товар и попытаться улизнуть налегке под видом работяги, или покорно ждать в этом подвале (а возможно на чердаке) неизбежного конца.

Вор выбрал первый вариант. Он тоже был не ахти, но ничего другого Леха придумать не мог.

Выгрузив героин, Саюшкин наполнил рюкзак всякой всячиной – что под руку попало.

Припорошив рюкзак пылью, он бросил его в угол, за пустые бочки. Даже если люди Марлика и доберутся до этой кладовки, пусть посушат себе мозги, чтобы сообразить, куда девалась наркота.

Теперь вора совсем не волновала дальнейшая судьба героина. Мысль через какое-то время вернуться и забрать пакеты все же мелькнула в голове, но тут же исчезла, – как падающая звезда в ночном небе – оставив после себя только горечь несбывшихся мечтаний. Тут уж не до жиру – лишь бы ноги унести.

Прихватив по дороге еще и мятую кепку, лежавшую на мешках с цементом, он направился к выходу, но тут перед ним вырос, словно из-под земли, Фигарь с сигаретой в зубах.

– Так, так... – сказал бывший мент с сарказмом. – Замаскировался, значит... – Он критическим взглядом окинул Леху с головы до ног. – Пришел незваный, навешал мне лапши на уши, а теперь линяешь? Думаешь, я совсем мозги пропил? Считаешь, что меня можно легко обмануть? Ну ты и фрукт... Колись, какая там у тебя проблема. Может, помогу.

– Дай закурить. Спасибо... А теперь отстань, – угрюмо сказал Саюшкин. – Иначе получишь пулю со мной за компанию. Все, я ухожу. Ты меня не видел. Бывай.

– Пока... – Ошарашенный Фигарь с глупым видом хлопал ресницами.

– Ты, чудо в перьях!

От зычного голоса Ксюши конь мог упасть на колени. Она вперила гневный взгляд в Фигаря, который, казалось, сделался меньше ростом. Ее черные глаза метали молнии.

– Мы зачем тебя взяли в бригаду!? Чтобы ты в подвале перекуры устраивал!? Ну-ка, бери на загривок мешок и тащи в квартиру. Все, шабаш, освобождаем кладовую. Работа закончена. Понял!?

– А как же. Мы... завсегда. Я сейчас...

Фигарь сноровисто положил на плечо как раз тот мешок с алебастром, в который Леха засунул пакеты с героином. Саюшкин лишь коротко вздохнул, глядя ему вслед. "Да, в миллионеры я точно не гожусь. Рылом, наверное, не вышел...", – подумал он совершенно спокойно. И криво ухмыльнулся.

– Чего лыбишься, соколик? Ну-ка, вали отсюда, пока трамваи ходят! – Ксюша угрожающе надвигалась на вора своим внушительным бюстом. – Жди своего кореша на улице. Там и покуришь. Тунеядцы, пьянчуги чертовы!

Леха покорно кивнул, и начал быстро подниматься по лестнице на первый этаж. Он боялся, что Ксюша заметит его маскировочные ухищрения и потребует вернуть робу, принадлежащую кому-то из членов бригады. Но ему повезло: гром-баба, бубня под нос всякие нехорошие слова, – преимущественно в адрес Фигаря – занялась уборкой каморки.

Саюшкин, натянув кепку на самые глаза, осторожно выглянул из подъезда. Не заметив поблизости ничего подозрительного, Леха прихватил банку с остатками засохшей краски, которая стояла возле урны (видимо, маляры намеревались выкинуть ее в мусорный бак), вышел на улицу – и едва не столкнулся с безногим инвалидом на коляске.

– Уже заканчиваете? – спросил инвалид, оказавшийся довольно молодым широкоплечим парнем с руками как лопаты.

На коленях инвалид держал вместительный пакет из толстого полиэтилена. В нем просматривались какие-то тюбики, баночки, коробочки, небольшие кисти, а также разные никелированные штучки: крючки для полотенец и одежды, детали сушилки и прочее.

Инвалид на коляске – это хозяин квартиры, где работают маляры, почему-то сразу решил Леха.

– Ну... – ответил Саюшкин и несколько натянуто улыбнулся.

Вор с вполне понятным благоразумием не стал убеждать инвалида в том, что он не имеет никакого отношения к бригаде шабашников, ремонтирующих его квартиру.

– Сейчас проверим, что вы там накуролесили, – вернул ему улыбку парень. – За вами нужен глаз да глаз. Подержи пакет, пока я поднимусь к подъезду.

Отказать инвалиду в его просьбе Леха не мог, хотя в этот момент стоял как на иголках. Но ожидание оказалось недолгим. У парня в руках была поистине титаническая сила – коляска буквально взлетела по наклонному пандусу к двери подъезда.

– Спасибо, что выручил, – поблагодарил Саюшкина инвалид, принимая из рук вора свой пакет, который на поверку оказался довольно тяжелым.

– Не за что... – засмутился Леха.

Только теперь он увидел, что за ними из глубины подъезда наблюдает Фигарь. Заметив взгляд Саюшкина, бывший мент поторопился к лестнице в подвал, откуда слышался зычный голос Ксюши. "Ну, легавый, ну, морда ментовская! – подумал вор. – До всего ему дело. Шныряет, там, где не нужно, высматривает... Дать бы этому прохиндею по роже".

Незаметно осмотревшись, Саюшкин, немного горбясь, деловито походкой пошел вдоль длинного многоквартирного дома, подковой охватывающего сквер...

КАМАЗ, кузов которого накрывал брезентовый тент, стоял у крайнего подъезда длинного дома. Несколько полусонных мужичков, от которых за версту разило перегаром, вяло таскали бывшую в употреблении, но еще вполне добротную, мебель и черепашьими темпами грузили ее на машину. Водитель, смуглый коренастый парень, места себе не находил, глядя на такую "работу".

– Вот паразиты... – бубнил он под нос. – Мне нужно быть на месте до темноты. А туда почти триста километров. Как я могу успеть по времени, когда эти заторможенный придурки еле ноги переставляют? – Он обратил свой горестный взор на Леху, который, заслышав его монолог, застыл на месте словно приклеенный. – Как, я вас спрашиваю!?

Виновато пожав плечами, вор поторопился скрыться за машиной. Водитель раздраженно

плюнул, выматерился и полез в кабину.

Триста километров! Если ему удастся залезть незамеченным в кузов КАМАЗа, то через пять-шесть часов он окажется так далеко от города, что никакие Вениамины ему будут не страшны. Триста километров...

Саюшкин запрыгнул в кузов перед тем, как грузчики притащили связок двадцать паркетных дощечек, которые они уложили сзади. Он спрятался за шкафами, среди многочисленных узлов с постельным бельем и одеждой – похоже, хозяева мебели перебирались на новое место жительства. Когда, наконец, погрузочные работы были закончены и КАМАЗ начал медленно вырывать на проезжую часть улицы, Леха приткнул глазом к прорехе в брезенте.

Машина как раз поравнялась с подъездом, где работал Фигарь. Саюшкин обмер: бывший мент стоял в окружении быков, и что-то оживленно рассказывал! Заложил, сволоочь, подумал Леха, наливаясь мстительной желчью. Мент поганый! Помог, друг сердечный...

Поплутав по городу, КАМАЗ в конце концов выехал на шоссе. Разлегшись на диване, собачий вор в отставке Лукьян Саюшкин постепенно погружался в дрему. Ему снилось что-то радужное и приятное.

Глава 35

При виде майора подружка Жереха и удивилась, и обеспокоилась. По сравнению с первой встречей, Марьяна выглядела неважно: прическа напоминала мочалку, под глазами темнели круги, а морщинки не мог скрыть даже толстый слой грима. Она казалась уставшей и какой-то поникшей, будто носила на плечах тяжелый груз. В руках Марьяна держала широкий стакан, в котором на доньшке плескалась янтарная жидкость.

– Что вам нужно? – спросила она неприветливо.

– Поговорить.

– Говорите.

Марьяна стояла, загораживая дверной проем, и даже не думала приглашать Артема в квартиру.

– История повторяется, – улыбнулся майор. – Больно вы неприветливы, Марьяна. Уделите мне пять минут. Больше не понадобится. Но мне бы хотелось поговорить с вами не здесь... как-то неудобно, неприлично, наконец.

– Все мужики одинаковы, – резко сказала девушка. – Мягко стелите, да жестко спать приходится. Я уже не говорю о ментах... Заходите, черт с вами. Только снимите обувь.

Мне мало радости каждый день уборку делать.

– У вас неприятности? – невинно поинтересовался Артем.

– Да. И одна из них – ваше появление.

– Извините, вы по гороскопу, случаем, не Водолей?

– Нет. А почему вас это интересует?

– Дело в том, что родившиеся под знаком Водолея обладают даром предвидения.

– Ну, вот, я так и знала... – Марьяна допила стакан и поморщилась. – Я так и знала, что изза вас у меня будет лишняя головная боль.

– Может, да, а возможно и нет.

Артем дрожал от возбуждения и едва сдерживал себя, чтобы не ринуться в гостиную, сметая все на своем пути. Лишь бы ЭТО лежало там, где он его видел. Лишь бы Марьяна не догадалась ЭТО убрать.

Облегчение хлынуло на майора как освежающий душ в жаркую погоду. В гостиной все осталось на своих местах. Есть! Гип-гип-ура! Стоп! Радоваться рано. Нужно еще проверить. И если он не ошибся... Нет, загадывать не стоит!

Марьяна достала из бара бутылку конька и наполнила свой стакан до половины.

– Выпить не предлагаю, потому как на службе, насколько мне известно, крепкие напитки вы не употребляете. А приготовление чая и разговор в пять минут не уложатся.

– Я не претендую на радушное гостеприимство. Но вот от чая не отказался бы. Нет-нет, я не настаиваю! Если вам недосуг...

– Вы знаете сказку про мужика, который ехал на санях, и волка?

– Увы, нет. Няню родители не нанимали, так как мы были бедными, бабушки и дедушки жили в другом городе, а мать с утра и до вечера работала. Поэтому рассказывать мне сказки было некому.

– Волк сначала попросил разрешение у мужика положить на сани кончик хвоста, затем весь хвост, потом лапу, другую, третью, а после и вовсе вышвырнул доверчивого простака на дорогу.

– Мораль басни понял, чай попью в другом месте. – Артем постарался улыбнуться, как можно добрей.

– Ну уж, нет. Чай я, все-таки, вам приготовлю. Мне бы не хотелось в лице офицера милиции нажать себе недоброжелателя. Ваши коллеги – очень злопамятный народ.

Артем не утерпел и помимо воли бросил взгляд на журнальный столик. Там, среди вороха газет, лежал мобильный телефон новейшей модели с автоматическим определителем номеров и памятью.

Насколько майору было известно, такой аппарат стоил очень дорого (как и вся мобильная связь), а потому возникал закономерный вопрос: откуда деньги у безработной Марьяны Кардаш? И зачем ей мобильник, если на тумбочке стоит вполне приличный импортный телефон проводной связи?

Майор все-таки поставил телефонную линию Марьяны на прослушивание. Для этого ему пришлось долго убеждать сначала Пеку, а затем прокурора. Но в результате акция так и не принесла желаемых результатов.

Марьяна общалась большей частью с подругами. Разговоры вертелись в основном вокруг кавалеров и их мужских достоинств, обсуждались рыночные цены на барахло и продукты, а также комментировались многочисленные сериалы, большей частью "мыльные оперы", буквально замусорившие голубой экран. И ни слова о главном.

Самое интересное – мужчины Марьяне практически не звонили. За исключением мастера по ремонту холодильников и слесаря жилищного управления. Старлей Сипягин проверил обоих, однако это были вполне законопослушные граждане.

Зная о бурном прошлом Марьяны, Артем просто не верил, что она стала образцом порядочности. А если да, то причиной ее целомудренной жизни мог быть только один человек, жестокий и страшный, способный удержать ветреную Марьяну в ежовых рукавицах – Вениамин Жерех.

И тогда Артем вспомнил о своем первом посещении квартиры Марьяны Кардаш. Во время разговора с девушкой мобильный телефон находился на этом же столике, но был почти полностью прикрыт каким-то женским журналом. Он отметил этот факт, но вскользь, и не придал ему значения.

По нынешним временам мобильная телефонная связь уже не была диковинкой, экзотикой.

Любой придурок, чтобы пустить пыль в глаза окружающим, мог приобрести себе аппарат и для понта болтать о всякой всячине посреди толпы или, например, в театре, во время спектакля, совершенно игнорируя окружающих.

Однако дело было в том, что мобильный телефон по адресу Марьяны Кардаш не числился. Это майор знал точно. Конечно, аппарат мог остаться с прежних времен, когда девушка вела свой, мягко говоря, "бизнес". Но тогда он не лежал бы на виду. Кроме того, такие модели мобильных телефонов появились в продаже совсем недавно, а Марьяна отошла от дел около четырех лет назад.

Значит, мобилку ей одолжили или подарили. Кто? Это был совсем не праздный вопрос...

Марьяна скрылась на кухне. Майор, неизвестно отчего воровато оглянувшись, схватил мобилник и включил память. На дисплее появились телефонные номера. Артем начал лихорадочно быстро переписывать их себе в блокнот.

Когда девушка появилась в гостиной с чашкой чая, майор уже скромно сидел в кресле, которое находилось довольно далеко от журнального столика, и с глубокомысленным видом созерцал оклеенный обоями потолок.

– Большое спасибо, – вежливо поблагодарил Артем.

– Вы мне зубы не заговаривайте, – не приняла его обходительность Марьяна. – Что там у вас?

– Да в общем, мелочи... – Майор испытующе посмотрел на девушку.

Она спокойно выдержала его взгляд, а затем уселась в кресло напротив. Ее короткий халат поднялся, обнажив красивые бедра, и Артем только волевым усилием заставил себя отвести глаза в сторону. Нет, что там ни говори, как не рассуждай, а Марьяна, несмотря на возраст, весьма соблазнительная штучка. Жереха понять можно...

– В жизни мелочей не бывает, – менторским тоном сказала Марьяна.

– И то правда, – легко согласился Артем.

– Я слушаю. – Девушка смотрела на майора строго и неприязненно.

Артем заколебался. Он понимал, что первоначальный план разговора с подружкой Бени Черного, разработанный майором в связи с появлением версии, в которой наличие мобильного телефона стояло во главе угла, теперь нужно менять. Артем просто обязан был

для начала проверить, кому принадлежат зарегистрированные памятью мобильного телефонные номера. И сейчас он стоял на распутье.

Майор вдруг подумал не без внутренней дрожи: а что если он ошибся, и Марьяна Кардаш вовсе не глупая девка, которую едва не насильно пользуется наглый бандит? Что если она работает в банде Жереха наводчицей? Дело для Марьяны знакомое, а ума, при всех ее бабьих бзиках, девушке не занимать; к сожалению, ума преступного, коварного и изощренного.

После первой встречи с майором Марьяна, если ее взяли в дело, просто обязана была сообщить Черному о подозрениях старшего опера уголовного розыска. И Жерех, по идее, уже принял соответствующие меры. Какие именно? Об этом можно было только гадать.

Но почему Беня Черный не увел из-под удара саму Марьяну? Или не зарыл ее на два метра вглубь, что вполне соответствовало повадкам такого кровожадного зверя, как Жерех? Не успел? А может выжидает чего?

Скорее всего, второе, решил Артем. Исчезновение девушки только подтвердит подозрения майора. Но, как бы там ни было, его откровенный разговор с Марьяной о "воскрешении" Жереха оказался непозволительным для профессионала промахом, проколом, ошибкой, которая могла сильно затруднить расследование.

Но что он теперь должен сказать Марьяне? А говорить что-то нужно, чтобы она не заподозрила неладного раньше времени. Притом говорить складно, нечто важное, а не просто разводить турусы на колесах. Да-а, влип ты, господин майор...

– Мне бы хотелось прояснить один вопрос... – начал Артем, лихорадочно изобретая в голове всякие мудреные обороты, чтобы грамотно навешать Марьяне лапши на уши.

Но закончить еще не вполне сформировавшуюся мысль он не успел – в прихожей неожиданно заиграл новомодный дверной звонок. Марьяна удивленно подняла брови.

– Ждете кого? – с невинным видом поинтересовался Артем.

– Наверное, соседи, – не очень уверенно ответила девушка. – Одну минуту...

Она встала и вышла в прихожую. Майор прислушался.

– Что вам нужно? – достаточно громко спросила Марьяна; как понял Артем, входную дверь она не открыла.

Ответ он не разобрал. Похоже, девушка ошиблась; видимо, на лестничной площадке стояли чужие.

– Обождите... – послышался голос Марьяны.

Послышались быстрые шаги – девушка прошла на кухню. Вскоре она вернулась в прихожую; как успел подсмотреть через неплотно прикрытую дверь майор, с бумажным пакетом в руках. Артем насторожился. Похоже, Марьяна отворила входную дверь, так как теперь слышались голоса нескольких человек. О чем шел разговор, майор не разобрал, но он показался ему вполне спокойным и мирным.

Неожиданно со стороны прихожей раздался звук падения чего-то тяжелого. А затем Артем услышал тихий вскрик и какую-то возню. Неужели?..

Выхватив пистолет из наплечной кобуры, майор ринулся в прихожую. Картина, которую он увидел, заставила его остолбенеть. На полу прихожей лежала Марьяна с кляпом во рту, а

трое подростков в худой одежке быстро и сноровисто вязали ей руки и ноги. Рядом с девушкой валялся и пакет, откуда высыпались конфеты, печенье, булка и металлическая банка с китайской тушенкой.

– Стоять!!! – рявкнул майор мгновенно охрипшим голосом. – Руки!..

Двое подростков, едва увидев направленный на них пистолет, выскочили на лестницу с такой скоростью, будто их вышвырнула туго сжатая пружина. Третий участник нападения на Марьяну неторопливо выпрямился и посмотрел прямо в глаза Артему.

Подросток оказался девочкой! Она была очень юной, но ее лицо имело странный сероватый оттенок. Неподвижные и совсем не испуганные глаза с крохотными зрачками смотрели на майора, не мигая.

Холодным, совершенно не детским взглядом девочка окинула его с головы до ног, а затем, с немыслимой для нормального человека быстротой и какой-то звериной грацией, она выскользнула через полуоткрытую дверь и была такова. Артем даже не услышал звук ее шагов – будто девочка не бежала, а плыла по воздуху.

Майор тупо посмотрел на бесполезный пистолет и вернул его обратно в кобуру.

Происшествие показалось ему быстротечным сном.

Артем понимал, что минуту назад перед ним стояли соучастники убийства Миши Завидонова, проникшие к нему в квартиру точно так, как в жилище Марьяны, – под видом попрошаек. По идее, он должен был принять все необходимые меры к их задержанию, вплоть до...

Вот именно – вплоть до применения оружия. Но майор даже не пытался догнать беспризорников. Вид детей, которые работали как опытные спецназовцы, его просто шокировал. Только теперь Артем до конца понял, какие чувства испытывали их жертвы.

Он просто не мог действовать против детей так, как против взрослых преступников. И уж тем более майор не был готов морально, чтобы со спокойной душой нажать на спусковой крючок пистолета.

Артем вынул кляп изо рта Марьяны и освободил ее от пут. Девушка все еще была без сознания. Майор только головой покачал, найдя у основания шеи след от удара, после которого Марьяна оказалась в нокауте. Да, бить эти маленькие мерзавцы умели мастерски... Добраться бы до того, кто их так хорошо обучил.

Девушка пришла в себя только после того, как Артем плеснул ей в лицо холодной водой.

Бессмысленно оглядываясь, она с помощью майора встала на ноги, а затем Артем проводил ее в гостиную, где удобно устроил на диване, подложив под спину несколько подушек.

– Что случилось? – спросила Марьяна, пытаясь собраться с мыслями. – И где дети? Дети... – Неожиданно ее бледное лицо исказила гримаса страха. – Они на меня напали!

– Радуйтесь, что остались живы, – буркнул майор, занятый своими мыслями. – Это вам прислал привет ваш любимый Вениамин. И это только цветочки. Вы приговорены. Где он скрывается? Мне нужен адрес.

– Я ничего не знаю... Не знаю, не знаю!!! Господи, что мне делать!? – Она закрыла лицо руками и заплакала.

– Слезами делу не поможешь, – грубо сказал Артем. – Вам жизнь свою нужно спасти. Где прячется Жерех? Говорите, черт вас дерит! Он убийца и садист. Он тянет вас за собой в

могилу. Вы понимаете это или нет!? Мы все равно его достанем, теперь уже из-под земли.

На этот раз ему не удастся обвести нас вокруг пальца. Еще раз спрашиваю – где находится Жерех. Адрес!

– Оставьте меня в покое... – Марьяна говорила с трудом. – Мне плохо... Вениамин... мертв.

Он погиб... давно.

– У вас был шанс оформить явку с повинной, но вы его упустили, – резко сказал Артем. – Все, хватит разводить тут базар-вокзал. – Он взял мобильный телефон и набрал нужный номер. – Алло! Дежурный? Майор Чистяков. Срочно вышлите оперативную группу по адресу... – Он продиктовал. – Записал? Это еще не все. Поднимай по тревоге ОМОН. Да, да, согласовано! Будет тебе и указание свыше. Поторопись, время не ждет. Омоновцы должны быть готовы через час-полтора.

Он здорово рисковал. Кто знает, окажется ли в памяти мобильного телефонный номер норы, где залег Бенья Черный? Но иного варианта просто не было. Артем уповал на удачу.

Должна же она хоть когда-нибудь явить ему свой блистательный лик!? Как нужна удача...

Оставив Марьяну на попечение врача и оперативников с наказом допросить ее по всем правилам, майор помчался в управление. Там он проверил телефонные номера, записанные в памяти мобильного телефона Марьяны Кардаш, и впервые за долгое время почувствовал воодушевление и сыщицкий азарт.

Чаще всего девушка звонила по двум номерам. Один из них числился за каким-то фермерским хозяйством, находившимся вне городской черты. А второй номер принадлежал некоему Дедюре Павлу Филимоновичу. Старшему оперу угрозыска не нужно было даже садиться за компьютер, чтобы использовать память машины для проверки установочных данных на этого человека.

Пашку Дедюру, бандита и рэкетира, бывшего сидельца зоны строгого режима, кликали Марликом. А был он ближайшим другом и сподвижником "безвременно усопшего" Бени Черного.

Картина нарисовалась во всех ракурсах. Теперь Артем даже не предполагал, а ЗНАЛ практически наверняка, где находится логово Жереха и его наемных убийц, немало наследивших в городе за последние два года.

Оставалось главное – опередить хитроумного мерзавца. Ведь подростки не зря заявили в квартиру Марьяны Кардаш. "Милый друг" вынес ей смертный приговор и послал исполнителей. И теперь милицейской группе захвата нужно успеть перекрыть все пути для бегства Бени Черного до того, как подростки сообщат ему о провале акции.

Сидя в микроавтобусе вместе с бойцами ОМОНа, Артем мысленно злорадствовал: и на старуху бывает проруха. И самый большой хитрец нередко попадает впросак.

Судя по наглым и безбоязненным действиям попрошаек, на этот раз их старшие "коллеги" не вели наблюдение за квартирой Марьяны. Иначе они обязательно засекли бы появление майора и предупредили бы юных отморожков.

Жерех был уверен, что именно в этот момент его подружка будет дома одна. Наверное, Черный предупредил ее, чтобы она кого-то ждала – телефонный номер фермерского хозяйства высветился на дисплее АОН первым. Потому-то Марьяна и не хотела впускать Артема в квартиру...

Майор лежал вместе с командиром ОМОНа на холме, откуда можно было рассмотреть часть двора фермерского хозяйства. Под ними был не твердый камень, а куча мягкой земли – их наблюдательный пункт находился в самом центре раскопок древнего славянского городища. Начальника экспедиции и его подчиненных – студентов-археологов, действующие скрытно омовцы предусмотрительно отвели подальше.

– Крепость... – проворчал командир ОМОНа, наблюдая в бинокль за усадьбой, огороженной высоким забором. – Шарахнуть бы по ним из минометов.

– Умерь свой пыл. Это тебе не "чехов"[11] дрючить, – ответил ему без особых церемоний Артем – с командиром омовцев ему пришлось протопать не меньше чем половину Чечни.

– Парней жалко. Сам видишь, сколько там этих козлов. И стволов у них вполне хватит на маленькую войну. Возможно, их уже предупредили, но все равно нужна внезапность.

Это Артем понимал. Похоже, застать врасплох Жереха не удалось. По двору сновали крепкие парни, большинство из них были вооружены. Большой спешки не наблюдалось, но какая-то целеустремленность присутствовала. Или Беня Черный все же думает менять место дислокации, решил Артем, или готовится на кого-то "наехать".

Омовцы медленно, но уверенно сжимали фермерскую усадьбу в тиски. Они окружили ее со всех сторон и теперь ползком приближались к забору.

– Не пора ли?.. – спросил Артем своего боевого приятеля, когда в мобильном переговорном устройстве раздались три щелчка.

Командир ОМОНа небезосновательно опасался, что его разговоры с подчиненными могут засечь те, кто скрывается за забором усадьбы. Потому пользоваться переговорными устройствами можно было только в крайнем случае. Пока омовцы ограничивались щелчками.

– Пора. Сворачиваемся – и вперед. Идем на абордаж.

Артем только ухмыльнулся в ответ, хотя на душе кошки скребли. Они решили протаранить ворота усадьбы самосвалом, который отвозил просеянную археологами землю в близлежащую балку. Самосвал уже примелькался бандитам, и командир ОМОНа надеялся, что подручные Жереха не обратят особого внимания на их маневры.

– Слазь, братишка, – сказал командир ОМОНа водителю самосвала. – Тебе рисковать незачем. Загрузился под завязку? Лады... Поехали, Артем Саныч. – Он сел за руль.

Казалось, мотор пятитонного потрепанного ЗИЛа от перегрузок развалится на куски.

Омовец выжимал из него все, что только можно было. Когда самосвал вышел на прямой отрезок дороги, в конце которой виднелись высокие ворота, то это была уже не машина, а торпеда. ЗИЛ специально загрузили землей – чтобы удар был мощней.

– Сигнал всем: время "икс"! – уже не используя условные сигналы, рявкнул командир ОМОНа в микрофон переговорного устройства.

Теперь уже можно было не таиться. Время "икс" – начало штурма.

Тяжело груженный самосвал врезался в ворота, когда дробно застучали первые автоматные очереди. Машина смела их с такой силой, что створки буквально вспорхнули в воздух – как будто они были не из металла, а картонные.

– Артем, стреляй! – заорал командир ОМОНа, выписывая по двору виражи. – Стреляй, мать

твою!..

Артем, который несколько замешкался (он ударился головой и на какое-то мгновение потерял ориентировку), удачно срезал автоматной очередью одного, затем второго бандита, не ожидавших такого лихого гусарского наскока, – они прятались за металлической бочкой и били весьма прицельно, а омоновцы никак не могли оттуда их выкурить. Вскоре двор от бандитов был освобожден, но подручные Бени Черного все еще огрызались, стреляя из окон дома.

– Давай "черемуху"! – скомандовал боевой приятель Артема, и в окна полетели гранаты со слезоточивым газом.

Постепенно стрельба сошла на нет. Бойцы ОМОНа сумели достаточно быстро забраться на второй этаж и ликвидировали пулеметчика, который уже готовился открыть огонь.

Узнав об этом, Артем с облегчением вздохнул – пронесло... С такого расстояния пулеметные очереди рвут тело человека как акулы челюсти – пополам.

Где-то позади здания гроыхнула боевая граната; осколки ударили по стенам, словно крупный град, а часть смертоносного железа с противным свистом ушла в небо.

– Первое отделение заходит внутрь! Остальные прикрывают! – Зычному голосу командира ОМОНа мог позавидовать фабричный гудок.

Артема не пустили в здание, пока не прекратились выстрелы и омоновцы не начали выводить во двор плененных бандитов.

– Стой, где стоишь. И посматривай по сторонам – на всякий случай. Тебе там пока делать нечего. Мои парни все сделают в лучшем виде. Не переживай. Никаких "но"! Здесь я главный! – отрезал командир ОМОНа, и майору пришлось задушить ретивое в зародыше.

Все верно, каждому свое. Ему еще предстоит работенка, будь здоров. Придется исписать десятки килограммов бумаги, пока дело дойдет до суда.

Жереха вывели одним из последних. Он был ранен в ногу, а потому его держали под микитки.

– Привет, покойничек! Давно не виделись... – Артем и не пытался скрыть свое торжество.

– Ага, давно... – ответил Бенья Черный и скрипнул зубами; то ли от ненависти, то ли от боли – майор так и не понял. – Наше вам, гражданин начальник.

– Где твои пацаны? – без обиняков спросил Артем.

– Там, – указал Жерех на окно полуподвального помещения; он не стал хитрить – видимо, понял, что майору уже все известно. – Тренируются...

В его источающем дикую злобу голосе было столько издевки, что Артем не стал больше разговаривать, и весь в плену дурных предчувствий ринулся в дом. Лестницу в полуподвал он нашел быстро, но металлическую дверь отворить не смог – она оказалась заперта изнутри.

Майор приник к узкому зарешеченному окошку, своего рода глазку. Действительно, за дверью находился неплохо оборудованный и ярко освещенный спортзал. Но действие, которое в нем происходило, мгновенно заледенило Артему кровь.

Восемь подростков, одетые в кимоно, сидели в ритуальных позах полукругом. Перед ними (тоже сидя) находилась уже знакомая майору девочка – та, что приходила к Марьяне как

попрошайка. Возле каждого из присутствующих в полуподвальном помещении сбоку лежал короткий японский меч. Только у девочки была еще и самая настоящая катана.[12] Она что-то говорила, но через толстое дверное полотно Артем ничего не слышал, лишь видел, как шевелятся ее губы. Возможно, девочка молилась какому-то своему кровожадному идолу.

Господи! – мысленно возопил майор. Они собираются сделать себе харакири!

– Эй! Откройте немедленно! – дико заорал он, сам пугаясь своего изменившегося голоса. – Вы что, с ума сошли!? Перестаньте!!!

Девочка, сидевшая к двери вполоборота, и не шелохнулась. Другие подростки тоже не проявили никакой реакции, даже когда Артем начал стучать в дверь прикладом автомата.

Тогда он дал очередь по окошку – с таким расчетом, чтобы не попасть в подростков. И снова ноль эмоций. У майора создалось такое впечатление, что подростки находятся под гипнотическим воздействием.

– Выходите! – снова прокричал Артем; но уже тише, чтобы не напугать пацанов, – ведь двойное стекло уже разбилось и они должны были слышать его достаточно отчетливо. – Не бойтесь! Откройте дверь!

Подростки так и остались сидеть неподвижно, глядя прямо перед собой. Тогда он попытался просунуть руку, чтобы отодвинуть засов, но ему помешала решетка. Артем снова начал уговаривать подростков не совершать непоправимое, но они словно оглохли.

Наконец девочка поклонилась всем и, получив ответный поклон, встала и властно посмотрела на самого крайнего пацана. Майор его узнал сразу. Он был среди ворвавшихся в квартиру Марьяны. Подросток, сделав зверскую мину (наверное, чтобы пересилить страх), – вогнал себе меч в живот и попытался, как положено по самурайским канонам, сделать поперечный разрез.

Но это у него не получилось. Тогда девочка сумрачно кивнула, будто соглашаясь с кем-то, молниеносно взмахнула катаной – и голова подростка покатила как футбольный мяч.

– Следующий!

Наконец Артем услышал и голос девочки. Он был каким-то неживым, глуховатым, будто доносился из глубокого подземелья.

За меч взялся второй мальчишка. И только сейчас майор наконец увидел, что подросток отчаянно трусит. Он весь дрожал, как осиновый лист. Девочка попыталась его успокоить, но он, совсем потеряв голову, вдруг вскочил на ноги. Тогда она отступила на шаг – и вторая отрубленная голова легла рядом с первой.

– С-с-сука!!! – зашипел, закричал Артем. – Стоять, бля!.. Стреляю!

Он будто прозрел. Перед ним была уже не девочка-подросток, невинное дитя, а матерая преступница, убийца, которая уже готова была зарубить третьего мальчишку, тоже не решавшегося сделать себе харакири.

Майор прицелился и нажал на спусковой крючок. Девочка посмотрела на него – как показалось ему, с удивлением – и, сломавшись, словно тростинка, медленно осела на застеленный циновками пол.

– В кого палишь!? – подбегая вместе с двумя подчиненными к Артему, встревожено спросил командир ОМОНа.

– Там... – едва шевеля языком, указал майор на дверь, и сел на ступеньку – ноги не держали.

Омоновцу хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию.

– Займитесь, – приказал он парням. – Только быстро и аккуратно. Там дети. Пойдем, Артем Саныч, на свежий воздух...

Они сидели на каких-то ящиках и курили, когда из полуподвала стали выводить подростков. Мальчишки будто очнулись от кошмарного сна, и теперь напоминали цыплят, потерявших наседку. Их движения были суетливы и бестолковы, а в глазах застыл немой крик.

– Может, шлепнем твоего Жереха – и точка? – склонившись к уху Артема, доверительно сказал командир ОМОНа. – Дадут ему пожизненное, и будет эта грязная тварь небо коптить до скончания века. Между прочим, за наш с тобой счет. А скольких он людей в гроб положил... Обидно, понимаешь ли. Как ты на это смотришь? Ребята у меня надежные, не проболтаются.

– Я бы его сам... лично... – Артем до хруста сжал кулаки. – Увы. Нельзя, братишка. Нужно, чтобы он "запел". Этот урод сколотил банду киллеров – и не только малолетних – и хорошо зарабатывал на заказных убийствах. Не считая наркоторговли, где он тоже начал пробовать свои силы. Нам нужно знать заказчиков. Поименно. Уже давно пора кое-кому из наших "новых" держать ответ по всей форме.

– К сожалению, ты прав. – Омоновец с отвращением сплюнул. – Но что он сделал с детьми... Только за это его нужно четвертовать.

– Да уж... Превратил в таких же тварей, как и сам, в наркоманов и убийц. – Майору вспомнились глаза девочки, и он невольно вздрогнул. – Он и нас... меня замарал. Мне пришлось застрелить ребенка. Понимаешь – ребенка!

Командир ОМОНа только сочувственно вздохнул и по-дружески похлопал Артема по плечу. Майор сумрачно глядел на небо, где золотились в лучах предзакатного солнца легкие пушистые тучки. Он чувствовал себя совершенно опустошенным, выжатым, как лимон.

Как странно поворачиваются жернова судьбы... Если бы не смерть Михаила, Бенья Черный со своей бандой наемных убийц еще долго гулял бы по земле. Получается, что Завидонов принял последний бой и победил – ценою жизни. А этот собачий вор – Саюшкин... Пешка в большой игре, которая подставила короля. Артему совсем не хотелось выяснять, зачем Саюшкин спрятал героин в мешок с алебастром. И он почему-то не чувствовал к нему ненависти, хотя вор и был одним из главных виновников смерти Михаила. Судьба... Куда от нее денешься?

Вдруг где-то неподалеку послышалась красивая музыка. Это было что-то живое, зажигательное. Артем повернул голову и понял, откуда доносятся звуки, ласкающие слух, – вернулись на свои рабочие места студенты-археологи. Они разожгли костер и веселились – то ли просто совершали хаотические прыжки, то ли танцевали, с такого расстояния точно определить было сложно.

А ведь жизнь, несмотря ни на что, продолжается, подумал Артем. Продолжается! Он встал и неторопливо пошел к разверстой пасти ворот, зажавшей в щербатых зубах оранжевый солнечный шар.

Примечания

1

Фигарь, фи́га – инспектор уголовного розыска (жарг.)

2

Ханка – самогон (жарг.)

3

A DIE – от сего дня (лат.)

4

Отмазка – возврат долга (жарг.)

5

Марлик – десятикопеечная монета (жарг.)

6

Играть по шансу – картежная игра с применением шулерских приемов (

жарг.)

7

Маза – поддержка, заступничество (

жарг.)

8

Чнырь – неряшливый, неопрятный (

жарг.)

9

Чалдон – карточный шулер (

жарг.)

10

Вольты – шулерский приемы (

жарг.)

11

Чехи – чеченцы (

арм. сленг)

12

Катана – длинный самурайский меч (

яп.)